ISSN 2409-5788

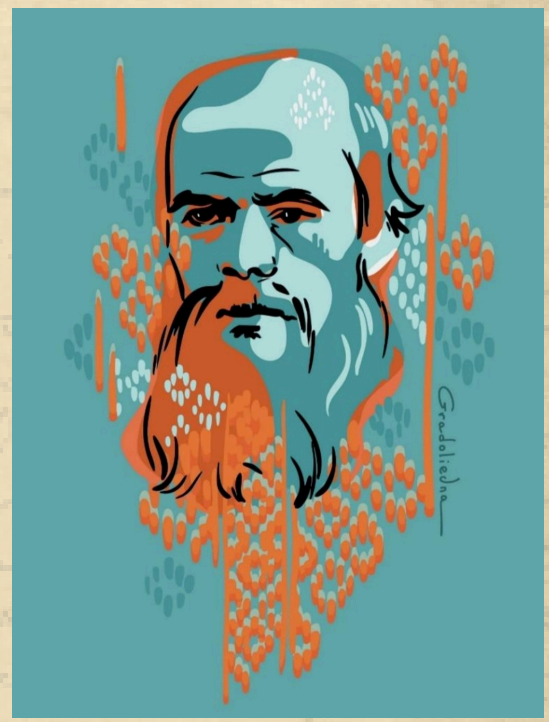
ISSN:2409-5788

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2026 Том 13 № 2

Концепты Достоевского: В чем разница в словах «общечеловек» и «всечеловек» на русском, английском и других европейских языках? Как слово «всечеловек» отозвалось после Пушкинской речи Достоевского? **Биография и творчество:** Что нового можно еще узнать о Марии Дмитриевне Достоевской? Как вели домашние дела Достоевские и их литературные герои? В чем мера их радости и веселья? Как реклама помогала издательскому делу Анны Григорьевны Достоевской? Когда труд — творчество, а отдых — вдохновение? **Превратности сцены:** Почему у одних постановка состоялась, других удача обошла стороной? **Интерсемиотический перевод:** Как текст перевести на фарси и язык кино? **Достоевский в Буэнос-Айресе:** Когда писатель был в Аргентине?

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ISSN 2409-5788

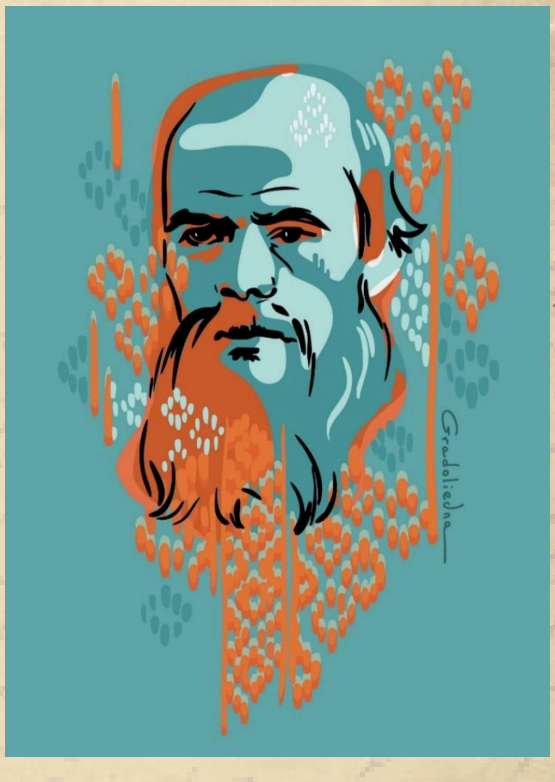
ISSN:2409-5788

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2026 Vol. 13 No. 2

Dostoevsky's Concepts: What is the difference between the words obshchechelovek ("universal man") and vsechelovek ("all-human man") in Russian, English, and other European languages? How did the word vsechelovek resonate after Dostoevsky's Pushkin Speech? **Biography and Creative Work:** What new things can still be learned about Maria Dmitrievna Dostoevskaya? How did the Dostoevskys and their literary characters manage household affairs? What was the measure of their joy and merriment? How did advertising help Anna Grigoryevna Dostoevskaya's publishing business? When is labor a form of creativity, and rest a source of inspiration? **The Vicissitudes of the Stage:** Why did some productions succeed while others were passed over by fortune? **Intersemiotic Translation:** How can a text be translated into Persian and into the language of cinema? **Dostoevsky in Buenos Aires:** When was the writer in Argentina?

PETROZAVODSK
STATE
UNIVERSITY

ISSN 2409-5788

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2026

Том 13 № 2

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.
Девятый год издания
Выходит ежеквартально
Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ
Индексируется в Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost
и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор
Владимир Николаевич Захаров —
доктор филологических наук, профессор

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2026

ISSN 2409-5788

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2026

Vol. 13 No. 2

The journal aims to open new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky. It publishes original biographical and textual research findings and unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013
The journal is published quarterly
Indexed in Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost and others
All the submitted articles are reviewed

Chief Editor
Vladimir N. Zakharov
Doctor of Philology, Professor

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY
2026

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Петрозаводск, Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Александр Васильевич Подосинов (Москва, Российская Федерация) — доктор исторических наук, профессор

Александр Васильевич Антощенко (Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлонио (Дарем, США) — PhD, профессор

Раффаэлла Вассена (Милан, Италия) — PhD, доцент

Владимир Александрович Викторович (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Алехандро Ариэль Гонсалес (Буэнос-Айрес, Аргентина) — президент Аргентинского общества Достоевского

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Alexander V. Podosinov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences, Professor

Alexander V. Antoshchenko (Petrozavodsk, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences, Professor

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Raffaella Vassena (Milan, Italy) — PhD, Associate Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Alejandro Ariel Gonzalez (Buenos Aires, Argentina) — President of the Argentine Dostoevsky Society

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Борисова

Главное слово Достоевского:
московская семантика и функции 5

Т. В. Ковалевская

Пушкинская речь Ф. М. Достоевского в англоязычной критике 22

В. В. Борисова

«Московские» аксиологемы Достоевского
в переводах на европейские языки:
критический анализ 58

И. В. Мирович, Т. В. Панюкова

Новые источники биографии
Марии Дмитриевны Достоевской (1824–1859) 68

О. А. Деханова, М. Е. Деханов

Приложения математики в произведениях Достоевского 115

В. Н. Степченкова

Газетные объявления в рекламе и издательской практике
Ф. М. и А. Г. Достоевских 145

С. В. Капустина

Ялтинские будни А. Г. Достоевской 181

Д. Н. Жаткин, В. В. Сердечная

Инсценировка без постановки:
пьеса М. Э. Козакова и А. Б. Мариенгофа «Настасья Филипповна» 200

З. Садеги Сахлабад, А. Салех

«Пир Песар»:
интерсемиотический перевод «Братьев Карамазовых»
в иранском кинематографе 227

И. С. Андрианова

Достоевский в Аргентине:
хроника XIX Симпозиума IDS 245

CONTENTS

V. V. Borisova

Dostoevsky's Main Word:
Moscow Semantics and Functions of the Concept 5

T. V. Kovalevskaya

Dostoevsky's Pushkin Speech in the Anglophone Scholarship 22

V. V. Borisova

Dostoevsky's Moscow Axiologems in Translations
into European Languages:
A Critical Analysis 58

I. V. Mirovich, T. V. Panyukova

New Sources of Biography of Maria Dmitrievna Dostoevskaya (1824–1859) 68

O. A. Dekhanova, M. E. Dekhanov

Applications of Mathematics in Dostoevsky's Works 115

V. N. Stepchenkova

Newspaper Advertisements in the Advertising and Publishing Practices
of Fyodor and Anna Dostoevsky 145

S. V. Kapustina

Anna Dostoevskaya's Yalta Days 181

D. N. Zhatkin, V. V. Serdechnaia

An Unstaged Dramatization:
The Play "Nastasya Filippovna" by Mikhail Kozakov
and Anatoly Marienhof 200

Z. Sadeghi Sahlabad, A. Saleh

"Pir Pesar" ("The Old Bachelor"):
Intersemiotic Translation of "The Brothers Karamazov"
in Iranian Cinema 227

I. S. Andrianova

Dostoevsky in Argentina:
A Chronicle of the 19th IDS Symposium 245

Научная статья
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8521
EDN: GOWDLR

Главное слово Достоевского: московская семантика и функции концепта

В. В. Борисова

Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Российская Федерация);
Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского») (г. Москва, Российская Федерация);
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Российская Федерация)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Аннотация. В статье проведен анализ функционирования в текстах Достоевского и в исследовательском дискурсе слова «всечеловек», имеющего московские корни; раскрыта история становления этого слова как аксиологемы, противоположной лексеме «общечеловек»; рассмотрен процесс их ценностной перверсии, в результате которой термин «общечеловек» приобрел резко отрицательное значение, зафиксированное в «Словаре языка Достоевского» и в «Терминологическом словаре-тезаурусе "евангельского текста" Ф. М. Достоевского», а «всечеловек» предстал как идеал развития русского человека. Отмечены истоки этой ключевой в языке писателя лексемы: от статей московского славянофила С. П. Шевырева, создавшего словоформу «всечеловеческий» — до книги Н. Я. Данилевского, первым употребившего слова «общечеловек» и «всечеловек» как антонимы. Эстафету от Достоевского приняли Вл. С. Соловьев, философы Серебряного века и евразийцы. Важным этапом развития антропологических идей Достоевского стали труды преподобного Иустина (Поповича) и Вальтера Шубарта. Существенный вклад в их осмысление внесли российские исследователи В. Н. Захаров, Н. Ф. Буданова, Т. А. Касаткина, Е. П. Литинская, Е. Ю. Сафронова и др. Также в статье критически рассмотрено отражение аксиологем Достоевского в философских и толковых словарях, в которых лексемы «всечеловек» и «общечеловек» преимущественно представлены как синонимы, с существенным семантическим и аксиологическим сдвигом. Делается вывод о том, что, решая сложную проблему адекватной рецепции и интерпретации лексем «общечеловек» и «всечеловек», исследователям необходимо учитывать как их историю в русском языке, так и лексико-семантические, стилистические, аксиологические особенности их функционирования в текстах Достоевского и в русской литературе и культуре в целом.

Ключевые слова: Достоевский, христианская антропология, аксиология, московский код, общечеловек, всечеловек, история, рецепция

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00190 «Москва Достоевского: новые источники и исследования», https://rscf.ru/project/26-18-00190/).

Для цитирования: Борисова В. В. Главное слово Достоевского: московская семантика и функции концепта // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 5–21. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8521. EDN: GOWDLR

© В. В. Борисова, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8521
EDN: GOWDLR

Dostoevsky's Main Word: Moscow Semantics and Functions of the Concept

Valentina V. Borisova

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russian Federation);
V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(Museum Center "Moscow House of Dostoevsky")
(Moscow, Russian Federation);
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
(Ufa, Russian Federation)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Abstract. The article analyzes the functioning of the word "all-man" in Dostoevsky's texts and in research discourse, which has Moscow roots; the history of the formation of this word as an axiologeme opposite to the lexeme "ordinary or typical human being" is revealed; the process of their value perversion is considered, as a result of which the term "ordinary or typical human being" acquired a sharply negative meaning, fixed in the Dostoevsky "Dictionary of Dostoevsky's Language" and in the "Terminological Dictionary-Thesaurus of F. M. Dostoevsky's "Gospel Text"," the "all-man" appeared as the ideal of the development of the Russian person. The origins of this key lexeme in the writer's language are noted: from the articles of the Moscow Slavophile S. P. Shevyrev, who created the word form "all-human," to the book by N. Y. Danilevsky, who was the first to use the words "ordinary or typical human being" and "all-man" as antonyms. The baton from Dostoevsky was taken by V. S. Solovyov, the philosophers of the Silver Age and the Eurasians. The works of St. Justin (Popovich) and Walter Schubart became an important stage in the development of Dostoevsky's anthropological ideas. A significant contribution to their understanding was made by Russian researchers V. N. Zakharov, N. F. Budanova, T. A. Kasatkina, E. P. Litinskaya, E. Yu. Safronova et al. The article also critically examines the reflection of Dostoevsky's axiologems in philosophical and explanatory dictionaries, in which the lexemes "all-man" and "ordinary or typical human being" are mainly presented as synonyms, with a significant semantic and axiological shift. It is concluded that solving the complex problem of adequate reception and interpretation of the lexemes "ordinary or typical human being" and "all-man," researchers need to take into account both their history in the Russian language and the lexico-semantic, stylistic, and axiological features of their functioning in Dostoevsky's texts and in Russian literature and culture in general.

Keywords: Dostoevsky, Christian anthropology, axiology, Moscow code, ordinary or typical human being, all-man, history, reception

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 26-18-00190 "Dostoevsky's Moscow: New Sources and Research", https://rscf.ru/project/26-18-00190/).

For citation: Borisova V. V. Dostoevsky's Main Word: Moscow Semantics and Functions of the Concept. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 5–21. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8521. EDN: GOWDLR (In Russ.)

Главное и ключевое слово Достоевского, с которым он вошел в русскую и мировую литературу, — это «всечеловек» (см.: [Захаров, 2013]). И хотя не только исследователи, но и сам автор объяснили его значение, в современном философском и литературоведческом дискурсе оно нередко отождествляется с окказионализмом писателя «общечеловек», семантика которого в ходе авторского словоупотребления принципиальным образом изменилась.

Сперва в публицистике Достоевского начала 1860-х гг. категория «общечеловечность» в аксиологическом плане носила положительный смысл, обозначая идеал и исход национального и личностного развития. Так, под «инстинктом общечеловечности» в русском народе писатель первоначально имел в виду способность к «синтетичности», «всечеловечности», по сути отождествляя оба понятия:

> «…в русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности. В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы» [Д30; т. 18: 55][1].

В уточненном положительном значении вариант лексемы «общечеловек» — «общий человек» — фигурирует в мартовском выпуске «Дневника Писателя» за 1877 г. в главке «Единичный случай» в характеристике доктора Гинденбурга: «Это был не общечеловек, а скорее общий человек» [Д30; т. 25: 90], т. е. общий для всех, по-христиански помогавший всем, объединивший представителей всех конфессий, собравшихся на его похоронах. По сути, «общий человек» здесь выступает уже как синоним «всечеловека», способного к «всемирной отзывчивости» в нравственном смысле[2].

Однако в разгар полемики с либеральными русскими западниками, на которых писатель смотрел как на космополитов, утративших кровные и духовные связи с национальной почвой и народной верой, произошла принципиальная перверсия понятия: термин «общечеловек» приобрел резко отрицательное значение. Оно зафиксировано в «Словаре языка Достоевского»: это «человек, исповедующий абстрактные общеевропейские и мировые ценности в ущерб или в противоположность национальным, либерал, отвлеченный, лишенный индивидуальности человек»[3]. Резко критически в это время Достоевский писал, например, о русских и европейцах: «…мы же никогда не могли растолковать *им*, что мы хотим быть не *русскими*, а *общечеловеками*»

---

[1] См. об этом: [Борисова].

[2] См. об этом: [Буданова].

[3] Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий. Н — По / авт.-сост.: Е. Л. Гинзбург и др.; гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2017. С. 455.

(курсив наш. — *В. Б.*) [Д30; т. 25: 22], имея в виду русских, готовых отказаться от всего национального в себе.

Показательны синонимы и перифразы этого окказионализма: «космополит», «европеец», «либерал», “gentilhomme russe”, «всемирный общечеловек, гомункул», «небывалый общечеловек», «отвлеченный общечеловек», «искусственный общечеловек», «мертворожденный общечеловек», «стертый пятиалтынный»[4].

Полемические контексты употребления Достоевским окказионализма «общечеловек» последовательно рассмотрела М. М. Коробова, выявив его текстовые ассоциативные связи и подчеркнув, что его нельзя считать единичным и случайным в лексиконе писателя [Коробова]. К нему Достоевский обращался в связи с такими важными темами, как «европейская цивилизация», «самобытность русского национального характера», «предназначение русского человека» и др. Итоговое значение данного понятия в лексиконе писателя закрепил В. Н. Захаров: «Быть "общечеловеком" — быть отвлеченным европейцем без корней и без почвы» [Захаров, 2013: 152–153].

В Пушкинской речи Достоевский связал «всечеловека» с идеалом Христа и русского человека. Так произошла аксиологическая перверсия понятий «общечеловек» и «всечеловек». Это антонимы в терминологическом тезаурусе Достоевского, в котором слово «всечеловек», вместе со своими производными «всечеловеческий», «всечеловечество», «всечеловечность», стало уникальным в языке писателя, обозначающим новый антропологический тип, идеал развития русского человека:

> «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите» [Д30; т. 26: 147].

Образы всечеловека в произведениях Достоевского — это Адам, Христос, Франциск Ассизский, Пушкин, доктор Гинденбург, князь Мышкин, старцы Макар Долгорукий и Зосима, Алеша Карамазов. Показательны соответствующие синонимы и перифразы: «всеобщий/общий человек», «русский всечеловек», «первочеловек», «совершенный христианин», «брат всем людям»[5].

Хотя слово «всечеловек» — это действительно новое и главное слово Достоевского, у него есть свои истоки в русском языке и русской культуре. Примечательно, что, имея московские корни, оно громко прозвучало в Пушкинской речи писателя в Москве как выражение национальной идеи, по словам Достоевского, связанной с «московской формулой», выдвинутой славянофилами [Д30; т. 5: 52].

---

[4] Терминологический словарь-тезаурус «евангельского текста» Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: https://thesaurus-dostoevsky.github.io/Thesaurus/alph (03.06.2026).

[5] Там же.

Благодаря богатому словообразовательному потенциалу лексемы: префексоид «все-» и корень «человек» (представитель рода человеческого, ед. ч. от слова «люди»; ср. с древнерусскими словами «челядь» и «нелюдь»), она обросла множеством производных слов, сохранив свое родовое значение в таких словосочетаниях, как «человечество», «каждый человек», «все мы люди, все человеки» и т. п.

В этом словотворческом процессе принял участие профессор Московского университета С. П. Шевырев, введя в русский язык лексему «всечеловеческий», в которой морфема «все», по указанию В. И. Даля, обозначает «то, что есть, что налицо, что было, без остатка, сколько есть, сполна, целое, целиком»[6].

Слово «всечеловеческий» у Шевырева вошло в синонимический ряд: «мыслию своею обращенный ко всем народам», «всемирный», «всеобъемлющий», «вселенский» и т. п. Так, говоря о всемирном, всечеловеческом значении творчества Пушкина, он воскликнул: «…мы нация всемирная, народ всенародный, язык многоязычный. Наша народность не обидна ничьей — и уживается со всеми…» [Шевырев: 245]. Примечательна здесь и диалектическая шевыревская формула о человечестве в русском народе как перифраза, предшествующая аксиологеме «русский всечеловек» [Шевырев: 245].

В этой связи В. А. Викторович справедливо отмечает, что «Шевырев, пожалуй, первый соединил две половинки русского мифа, унаследованного Достоевским: переимчивость как национальное качество и художественная переимчивость Пушкина ("это в Пушкине черта национальная")» [Викторович: 290–291] (см. также: [Луков, Захаров], [Фокин, Петрова]).

Аналогично высказалась Н. Цветкова. По ее мнению, Шевырев в своем восприятии и истолковании творчества великого русского поэта близок Достоевскому [Цветкова: 141], который мог и не знать статей старшего славянофила начала 1840-х гг., но рецензию Шевырева на «Петербургский сборник» (1846) с глубоким анализом своего романа «Бедные люди», конечно, прочел.

Шевырев во многом предвосхитил мысли Достоевского начала 1860-х гг., изложенные в статье «Г. -бов и вопрос об искусстве» (1861), — о свойственном русскому менталитету «всечеловеческом отклике», который «даже сильнее, чем во всех других народах, и составляет его высшую и лучшую характерность» [Д30; т. 18: 99].

Другим истоком понятия «всечеловек» для Достоевского, как известно, стала книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа»[7], которую писатель считал «будущей настольной книгой всех русских» [Д30; т. 29, кн. 1: 30]. В ней «общечеловек» однозначно связывается с бесцветностью, космополитизмом,

---

[6] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М.: Изд. Общ-ва любителей российской словесности, 1863. Ч. 1: А — З. С. 232.

[7] Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд. испр. и доп. СПб.: Т-во «Обществ. польза», 1871. 542 с.

отсутствием оригинальности, а Всечеловеком назван Христос. Именно такое различение общечеловеческого и всечеловеческого принял Достоевский от Данилевского, тем не менее раньше его подчеркнув:

> «Синтетическая натура Христа изумительна» [Д30; т. 20: 174].

Кроме того, вслед за В. Н. Захаровым следует подчеркнуть, что полной тождественности в их представлениях нет: у Данилевского Всечеловек=Христос, у Достоевского «всечеловек» — «совершенный христианин» [Захаров, 2013: 153–154].

Говоря об истоках понятия «всечеловек», о традиции, которую развил Достоевский, необходимо отметить его собственный, принципиально важный вклад в ее развитие. Он был замечен еще современниками писателя, хотя их реакция на Пушкинскую речь писателя с ярко выраженным пафосом всечеловечности в целом была довольно неоднозначной и даже диаметрально противоположной.

С одной стороны, в живом, устном исполнении речь Достоевского в Москве произвела на публику необыкновенно сильное впечатление: слушатели пережили состояние «действительно совершившегося единения» [Пушкинская речь: 113], судя по всему, благодаря самому Достоевскому, представшему «всечеловеком» в этот момент. По словам В. П. Буренина, публике тогда показалось, что «производившее столько волнений разделение русского общества на славянофилов и западников есть только одно недоразумение» [Пушкинская речь: 123], многие согласились с тем, что «русский может легче немца, француза или англичанина стать *всечеловеком*» [Пушкинская речь: 123].

Показательна восторженная реакция И. С. Аксакова на Пушкинском празднике, который вместе с братом Константином еще в конце 1850-х гг. принял тезис Гегеля о том, что на земле обитают “die Menschen und die Russen”, т. е. «люди и русские», имея в виду под русскими Übermenschen (сверхлюдей — в положительном смысле) [Смирнов: 56].

С другой стороны, И. С. Тургенев буквально через несколько дней в письме к М. М. Стасюлевичу писал: «И к чему этот *всечеловек*, которому так неистово хлопала публика? Да быть им вовсе и не желательно: лучше быть оригинальным русским человеком, чем этим безличным всечеловеком» [Пушкинская речь: 152], т. е., по сути, отождествил его с «общечеловеком». Не принял «всечеловека» за идеал и К. Леонтьев. В наше время такой же позиции придерживается, например, Г. М. Ребель [Ребель], обнаруживая в идее всечеловека вредное национальное самообольщение, утопическую мифологему.

Подобные упреки в адрес Достоевского отверг в свое время видный представитель русского зарубежья В. В. Вейдле, подчеркнувший, что «всечеловечность» с точки зрения писателя — это утверждение не уникальности

русского народа, а его национальной сверхзадачи [Вейдле: 240–241] (см. также: [Потапова]).

Существенный вклад в осмысление антропологических идей Достоевского внесли Вл. С. Соловьев, напрямую принявший эстафету от писателя, философы Серебряного века и евразийцы[8]. Среди них особенного внимания заслуживает суждение С. Н. Булгакова о том, что «единый и универсальный всечеловек, собранное и потому соборное человечество, объемлющее живых и мертвых, а также еще нерожденных, онтологически содержится в новом Адаме (т. е. Христе) <…>. Христос есть Личность всех личностей, Ипостась всех ипостасей» [Булгаков: 347–348].

Важный этап осмысления антропологических идей Достоевского связан с русским зарубежьем XX в., с деятельностью его выдающихся представителей. Под их сильным влиянием формировался преподобный Иустин (Попович) (1894–1979). Восхитившись пророчеством писателя о всечеловеке и всечеловечестве, он назвал самого Достоевского во всех его ипостасях (пророк, мученик, апостол, поэт, философ) «всечеловеком», подчеркнув, что русский писатель в своих воззрениях исходил sub specie Christi (лат. с точки зрения Христа) [Иустин (Попович)].

Книга Иустина «Достоевский о Европе и славянстве» [Иустин (Попович)] хорошо известна и часто цитируется: в ней «всечеловек» объемлет и примиряет собой все человеческое, а сверхчеловек возвышается над людьми и над человеком в себе (см. об этом: [Великосельский], [Шульц, 1998, 1999]).

Идею русской всечеловечности и всемирности подхватил от Достоевского и святитель Николай Сербский (Велимирович), канонизированный Православной церковью. Он также интерпретировал понятие «всечеловек» в христианском духе, исходя из того, что всечеловек — это Богочеловек и всечеловеческое начало в человеке или в народе — от Богочеловека (см.: [Николай (Велимирович)]).

Гораздо менее известен немецкий ученый Вальтер Шубарт, также подхвативший слово «всечеловек». В 1938 г. в швейцарском издательстве «Вита Нова» (“Vita Nova”, Люцерн) вышла его первая большая книга «Европа и душа Востока» (“Europa und die Seele des Ostens”) (перифраза названия книги Н. Я. Данилевского). Адресатом книги были европейские читатели, но в самой Германии ее запретили. Уже после войны книга Шубарта неоднократно переиздавалась на немецком языке, в переводах она выходила в Голландии, Англии, Франции, США, России[9].

---

[8] Убедительные свидетельства рецепции понятий «всечеловеческий» и «всечеловек» в русской философии рубежа веков приведены в фундаментальной коллективной монографии [Ф. М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в.], в том числе в статье К. В. Ворожихиной «Ф. М. Достоевский о всечеловеческом и всечеловеке: истоки и рецепция» [Ворожихина].

[9] На русском языке книга «Европа и душа Востока» трижды выходила в сокращенном переводе В. Д. Поремского в Германии (1943, 1945, 1947). В сокращении она была

Шубарт, вслед за Н. А. Бердяевым, назвал Достоевского величайшим русским философом [Шубарт: 102], активно используя понятие «всечеловек» в его резко оценочном противопоставлении европейскому антиподу: «Идеалом личности на Западе является сверхчеловек, на Востоке — всечеловек» [Шубарт: 141]. В пафосном изложении Шубарта стремление русской души к всечеловечности по сути отождествляется с присущим ей «братским чувством», «братским настроем».

Не менее значим этап историко-литературного осмысления категорий «общечеловеческий» и «всечеловеческий» в мировоззрении и творчестве Достоевского в отечественном достоевсковедении конца XX в. Н. Ф. Буданова, проанализировав эти понятия, одна из первых заключила, что они «несут большую смысловую нагрузку и имеют глубокое историософское содержание, претерпевшее на протяжении 1860-х — начала 1880-х гг. известную эволюцию, отражавшую мировоззренческую эволюцию самого Достоевского» [Буданова: 201].

По ее мнению, «"общечеловек" — это тип абстрактного европейца-космополита, лишенного национального лица. В представлении Достоевского подобными "общечеловеками" были русские либеральные западники — космополиты, утратившие вследствие поверхностного увлечения европеизмом кровные связи с национальной почвой и народной верой» [Буданова: 203].

«Всечеловек» же в интерпретации Н. Ф. Будановой — «это русский национальный тип (в идеале, в его будущем развитии), наделенный чертами "всемирной отзывчивости" и "всемирного боления" за всех, носитель идей "всечеловеческого единения" и мирного (православного) разрешения европейских противоречий» [Буданова: 206–207].

Перейдем к вопросу о функционировании слова «всечеловек» в современном литературоведческом дискурсе. Существенный вклад в его осмысление внес В. Н. Захаров, подчеркнув, что именно Достоевский ввел это слово в русскую литературу и философию: «Значение этого слова не понял К. Леонтьев, который представил "ужасного", по его отзыву, "всечеловека" общечеловеком, европейцем, либералом, космополитом <…>. Эта подмена (*общечеловек* вместо *всечеловека*) типична в русской литературной и философской критике XX в.» [Захаров, 2013: 154; 2021: 9].

Данное суждение справедливо. Так, Дм. Мережковский, несмотря на разведение понятий о богочеловечестве и человекобожестве, связанное

перепечатана в журналах «Аум» (Нью-Йорк. 1990. № 4) и «Общественные науки и современность» (Москва. 1992. № 6; 1993. № 1–4; с предисловием Г. Бёлля — в № 4, 1995). Глава «Безбожие западное и восточное» в переводе была опубликована в журнале «Даугава» (Рига. 1993. № 4) вместе со статьей Агиты Лусе о Шубарте, содержащей библиографические данные о некоторых его публикациях в западных изданиях. В 2000 г. в издательстве «Русская идея» был опубликован первый полный русский перевод этой книги, выполненный З. Г. Антипенко и М. В. Назаровым, с комментариями и послесловием М. В. Назарова, а также с приложением статьи И. А. Ильина и интервью с В. Д. Поремским о первом переводе книги (см.: [Шубарт]).

с «разрушением идеи Бога», выделил в этой антитезе богочеловека как абсолютную Божественную личность, но всечеловека назвал «безличным», по сути отождествив его с общечеловеком [Мережковский: 99].

Н. Бердяев в своей главной книге «О назначении человека» (1931), оперируя понятиями богочеловеческое и сверхчеловеческое/надчеловеческое и назвав Адама до его грехопадения всечеловеком, тем не менее, по мнению С. В. Андросенко, в своей интерпретации вышел за рамки христианской антропологии (см. об этом: [Андросенко]).

Вслед за В. Н. Захаровым к анализу слова «всечеловек» обратилась Е. П. Литинская, подчеркнув, что «всечеловек» и «всемирность» — ключевые понятия Пушкинской речи Достоевского: «Выделенное им курсивом слово "*всечеловек*" имеет концептуальное значение для всей "Речи" в целом и противостоит концептам "сверхчеловек" и "общечеловек" (гордому скитальцу, страннику, человеку европейской культуры). <…> По своему сложносоставному облику лексема могла быть калькой с греческого языка: все-человек — πᾶν-ἄνθρωπος <…> в значении *для всех людей (πάντων ἀνθρώπων), "принадлежащий всем людям, общий для всех людей, состоящий из всех людей"*…» [Литинская: 159].

Аналогичным образом высказалась Е. Ю. Сафронова: всечеловек — «подлинный христианин, избравший нравственной нормой служение людям, сознательное жертвование собой во имя других, любовью побеждающий ненависть, способный объединить народы всех вероисповеданий и национальностей и остаться бессмертным в памяти людей» [Сафронова: 100] (см. также: [Захарова]).

Очевидно, что в академическом дискурсе главное слово Достоевского закрепилось. Вошло ли оно в словари? Употребляется ли в заданном автором значении? В словаре Вл. Даля есть множество слов с префиксоидом «все»: «всетмущий», «всеумный», «всецарь», «всечестный», «всечудный» (всего около 200 слов), но нет слова «всечеловек» и производных от него слов «всечеловечный» и «всечеловеческий»[10].

В философских словарях и энциклопедиях, как старых, так и современных, антропологическое понятие «всечеловек» также практически отсутствует. «Всечеловечность» только дважды упоминается в «Философской энциклопедии», в статье С. С. Аверинцева «Философская антропология», но не толкуется как самостоятельное понятие: «Тип христианской антропологии, исходящей из идеи всечеловеческого соборного Я (заданного как единство "полноты души"), представлен у Григория Нисского и впоследствии характерен для православия» [Аверинцев: 355].

Слово «всечеловек» есть в Викисловаре, в котором, во-первых, зафиксировано его общекультурное значение: «…человек, который объемлет и совмещает в себе свойства многих индивидов (включая представителей разных

[10] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1: А — З. С. 232–233.

культур, психологических типов)»[11]. По сути, это определение «всечеловека» как «универсального человека». Аналогично раскрывается смысл определения «всечеловеческий» как «охватывающий все человечество, *общечеловеческий*» (курсив наш. — *В. Б.*), т. е. без учета принципиального аксиологического и семантического различия этих определений. Со ссылкой на ресурсы Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и «Грамматического словаря русского языка», составленного А. А. Зализняком [Зализняк: стлб. 833], лексемы «всечеловеческий» и «общечеловеческий» подаются в данном случае как синонимы, в то время как у Достоевского они преимущественно являются антонимами.

Во-вторых, в Викисловаре, также без ссылки на источник (это работы М. Эпштейна*), раскрывается второе, футурологическое значение слова «всечеловек»: это «целостное природно-искусственное существо, сочетающее в себе свойства человеческого индивида со свойствами универсального кибернетического организма»[12], другими словами, «человек, вобравший все свойства машины, или машина, вобравшая все свойства человека»[13]. Думается, это значение никак не коррелирует со словом Достоевского, в основе которого лежит христианский смысл.

М. Эпштейн*, раскрывая значения слова «всечеловек» в своем «Проективном словаре гуманитарных наук», перевел его как *panhuman* [Эпштейн: 28–29]. По мнению популярного культуролога, это «человек, который объемлет и совмещает в себе свойства многих индивидов (включая представителей разных культур, психологических типов)» [Эпштейн: 28]. Подчеркивая, что слово «всечеловек» введено Достоевским в речи о Пушкине в значении всеотзывчивого гения, способного воспринять и выразить дух других народов, критик далее отмечает, что «в романах самого Достоевского понятие "всечеловек" можно отнести к персонажам, которые как Дмитрий Карамазов сочетают в себе высокое и низкое, доброе и злое, святое и грешное, все полярности человеческого характера» [Эпштейн: 29].

Это ошибочная интерпретация слова Достоевского, в которой исчезла идеальная христианская составляющая, аксиологически важная для писателя. Налицо существенный семантический и аксиологический сдвиг, хотя, с другой стороны, М. Эпштейн* все же разводит понятия «всечеловек» и «общечеловек», представив их, вслед за Достоевским, как антитетическую пару.

В конечном счете, по мнению М. Эпштейна*, если «общечеловек» находится в середине «колокольной кривой», очерчивающей частоту распределения человеческих типов, то «всечеловек» охватывает весь диапазон, от одного

---

[11] Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/всечеловек (03.06.2026).

[12] Там же.

[13] Эпштейн М.* Дар слова. Выпуск 24. Проективный словарь русского языка // Книжные новости в Русском Журнале Круг чтения. Информационный канал Subscribe.ru [Электронный ресурс]. URL: https://subscribe.ru/archive/russ.book/200304/28233501.html (03.06.2026).

края до другого, в наибольшем напряжении совмещающихся пределов. Это образное, метафорическое истолкование, но, на наш взгляд, не адекватное слову Достоевского.

Напротив, Т. А. Касаткина, оспаривая расхожее мнение о том, что русская идея всемирной отзывчивости и всечеловечности, сформулированная Достоевским, является только национальной мифологией, подчеркивает: «На исключительную роль в человечестве, на роль объединителей человечества, по мысли Достоевского, претендовало множество народов. Но они видели себя завершением человечества, замковым камнем свода, куполом. Они ощущали свою национальную идею как *исключительную*, такую, для которой все остальные народы с их частными идеями должны были послужить лишь материалом (а порой и — *расходным* материалом). <…> …русский народ — не купол над народами (полагающий предел их росту), но *чаша* для народов, предоставляющая им бесконечный простор для самоосуществления» [Касаткина: 480–481].

Таким образом, в контексте традиции русской религиозной философии и прежде всего самого Достоевского аксиологема «всечеловек» принципиально отличается от антиаксиологем «сверхчеловек» и «общечеловек», которые активно разрабатывались в западноевропейской философии XX в. не без влияния русского писателя. Но идею «сверхчеловека» как «человекобога», как известно, он развенчал в образах Родиона Раскольникова, Алексея Кириллова и Ивана Карамазова.

«Общечеловеческое» же как антропологическая категория в понимании Достоевского — это то, что одинаково присуще всем людям как типичное проявление их сущности, лишенное личностной и национальной индивидуальности. «Общечеловеком» в этом смысле можно назвать среднего, безличного, массового человека, которого М. Хайдеггер именовал словом “man” (неопределенно-личное местоимение, «некто», «любой») [Хайдеггер].

Современное состояние функционирования слова «всечеловек» со всей очевидностью представлено в Национальном корпусе русского языка[14]. По данным НКРЯ (55 текстов, 92 примера), оно активно используется в философских работах, сохраняющих связь с традицией русской религиозной мысли (это труды митрополита Антония Сурожского, митрополита Питирима (для которых «Всечеловек» — это Христос), В. В. Бибихина, назвавшего всечеловека этическим эталоном, и др.). Фигурирует слово Достоевского как русская мифологема и в современной публицистике, нередко в ироническом контексте, зафиксированном в НКРЯ.

Таким образом, проведенный критический анализ репрезентативных примеров рецепции и интерпретации авторских концептов Достоевского показывает, что сложная проблема дифференцированного осмысления

[14] См.: Всечеловек // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/?ysclid=mpnvifz03b458568333 (03.06.2026).

лексем «общечеловек» и «всечеловек» сохраняет свою актуальность. Для ее решения необходимо учитывать лексико-семантические, стилистические, аксиологические, исторические особенности функционирования данных важнейших аксиологем не только в текстах великого русского классика, но и в русской литературе и культуре в целом.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Философская антропология // Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 354–359.
2. Андросенко С. В. Парадоксальная этика Николая Бердяева: к исследованию философско-антропологических открытий мыслителя // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7. № 4. С. 72–101 [Электронный ресурс]. URL: https://phillet.hse.ru/article/view/24251/20215 (03.06.2026). DOI: 10.17323/2658-5413-2024-7-4-72-101. EDN: MCZPWZ
3. Борисова В. В. Общечеловек // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997. С. 34. (Сер.: Достоевский и русская культура.)
4. Буданова Н. Ф. От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» (лексические заметки) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13. С. 200–212. EDN: ZSOZUH
5. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. [М.]: Путь, 1917. 425 с.
6. Вейдле В. В. Пушкин и Европа // А. С. Пушкин: pro et contra: личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб.: РХГИ, 2000. Т. 2. С. 234–245. (Сер.: Русский путь.)
7. Великосельский А. В. Два взгляда на Достоевского: Оскар фон Шульц и преподобный Иустин (Попович) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 149–159 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430308322.pdf (03.06.2026). EDN: RVPBXR
8. Викторович В. А. Четыре вопроса к Пушкинской речи // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 275–301. EDN: XQWOWH
9. Ворожихина К. В. Ф. М. Достоевский о всечеловеческом и всечеловеке: истоки и рецепция // Ф. М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в.: сб. ст. / Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук; ред.-сост.: Е. А. Андрущенко [и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 25–39. (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре.)
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
11. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение. Около 110 000 слов / 5-е изд., испр. М.: АСТ-Пресс, 2008. 794 с. (Сер.: Фундаментальные словари, Словари XXI века.) EDN: UCFKLB
12. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 150–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (03.06.2026). EDN: RTXNCP

13. Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (03.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321. EDN: HWOFQO
14. Захарова О. В. Христианский смысл «Пушкинской речи» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 324–336 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1654541371.pdf (03.06.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11082. EDN: XSCYEC
15. Иустин (Попович), архим. Достоевский о Европе и славянстве / пер. с серб. Л. Н. Даниленко. СПб.: Адмиралтейство, 1998. 271 с.
16. Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
17. Коробова М. М. Слово «общечеловек» у Достоевского // Языковая личность: аспекты изучения: сб. науч. ст. памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 147–170 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29892608_64236428.pdf (03.06.2026). EDN: ZEDROV
18. Литинская Е. П. Риторика и поэтика «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 141–175 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1621276648.pdf (03.06.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9583. EDN: LWEEDW
19. Луков В. А., Захаров Н. В. Пушкин и проблема русской всемирности // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2008. № 2. С. 60–63 [Электронный ресурс]. URL: http://www.heraldrsias.ru/download/articles/09___Article____Lukov.pdf (03.06.2026). EDN: OMTFHR
20. Мережковский Д. С. Сердце человеческое и сердце звериное // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: в 24 т. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914. Т. 15. С. 92–101. (Сер.: Библиотека Русскаго слова: двухнедельный журнал.)
21. Потапова Г. Е. От «протеизма» к «всемирной отзывчивости» (очерк из истории одной идеи) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. 16. С. 46–61. EDN: URIFKE
22. Пушкинская речь Ф. М. Достоевского как историческое событие / сост. В. А. Викторович. М.: Альма Матер, 2024. 922 с.
23. Ребель Г. М. Проблемы изучения Достоевского // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 427–458. EDN: TZUYBZ
24. Сафронова Е. Ю. Достоевский и Гинденбург: литературный текст в биографическом контексте // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 3. С. 78–115 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1667039072.pdf (03.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6161. EDN: HWFAWY
25. Смирнов В. Д. Аксаковы. Их жизнь и литературная деятельность. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1895. 87 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова.)
26. Ф. М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в.: сб. ст. / Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук; ред.-сост.: Е. А. Андрущенко [и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 386 с. (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре.)

27. Фокин П. Е., Петрова А. В. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // Неизвестный Достоевский. 2020. Т. 7. № 2. С. 162–195 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258841.pdf (03.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681. EDN: BRQQQV
28. Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени / пер. Е. В. Борисова; Центрально-европейский ун-т, программа "Translation project". Томск: Водолей, 1998. 384 с. EDN: VNRSUP
29. Цветкова Н. «Всечеловеческое» и «всечеловек»: от С. П. Шевырева к Ф. М. Достоевскому // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 2. С. 127–150 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/DOCT_2018-2a-разв-127-150.pdf (03.06.2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2018-2-127-150. EDN: VOMZDW
30. Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М.: Высшая школа, 2004. 304 с. (Сер.: Классика литературной науки.) EDN: QQTYMR
31. Шубарт В. Европа и душа Востока / пер. с нем. З. Г. Антипенко и М. В. Назарова. 2-е изд., испр. М.: Русская идея, 2000. 443 с. (Сер.: Русская идея.)
32. Шульц О. Русский Христос // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 31–41 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2473 (03.06.2026). EDN: RUYKBR
33. Шульц О. Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. 366 с.
34. Эпштейн М. Н.* Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 616 с. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/epstein_proektivny_slovar_gumanitarnykh_nauk_2017__izd.pdf (03.06.2026).
35. Николай (Велимирович), еп. Речи о Свечовеку. Београд: С. Б. Цвијановић, 1920. 338 с.

References

1. Averintsev S. S. Philosophical Anthropology. In: *Filosofskaya entsiklopediya*: *v 5 tomakh* [*Philosophical Encyclopedia*: *in 5 Vols*]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1970, vol. 5, pp. 354–359. (In Russ.)
2. Androsenko S. V. The Paradoxical Ethics of Nicholas Berdyaev: Towards an Understanding of the Philosopher's Anthropological Innovations. In: *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog* [*Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*], 2024, vol. 7, no. 4, pp. 72–101. Available at: https://phillet.hse.ru/article/view/24251/20215 (accessed on June 3, 2026). DOI: 10.17323/2658-5413-2024-7-4-72-101. EDN: MCZPWZ (In Russ.)
3. Borisova V. V. Ordinary or Typical Human Being. In: *Dostoevskiy*: *estetika i poetika*: *slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky*: *Aesthetics and Poetics*: *A Dictionary and Reference Guide*]. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997. P. 34. (Ser.: Dostoevsky and Russian Culture.) (In Russ.)
4. Budanova N. F. From "Ordinary or Typical Human Being" to "Russian Wanderer" and "All-Man" (Lexical Notes). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 200–212. EDN: ZSOZUH (In Russ.)
5. Bulgakov S. N. *Svet nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya* [*Non-Evening Light. Contemplation and Speculation*]. Moscow, Put' Publ., 1917. 425 p. (In Russ.)

* Данный материал (статья) создан и (или) распространен иностранным агентом (М. Н. Эпштейном) либо касается деятельности иностранного агента (18+).

6. Veydle V. V. Pushkin and Europe. In: *A. S. Pushkin*: *Pro et Contra*: *lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Pushkina v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley*: *antologiya* [*A. S. Pushkin*: *Pro et Contra*: *The Personality and Works of Alexander Pushkin in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers*: *An Anthology*]. St. Petersburg, The Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2000, vol. 2, pp. 234–245. (Ser.: The Russian Way.) (In Russ.)
7. Velikosel'skiy A. V. Two Views on F. Dostoevsky: Oscar von Schoultz and the Reverend Justin (Popovitch). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, issue 9, pp. 149–159. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430308322.pdf (accessed on June 3, 2026). EDN: RVPBXR (In Russ.)
8. Viktorovich V. A. Four Questions to Pushkin's Speech. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, vol. 17, pp. 275–301. EDN: XQWOWH (In Russ.)
9. Vorozhikhina K. V. F. M. Dostoevsky on the Universal and the All-Human: Origins and Reception. In: *F. M. Dostoevskiy v literaturnykh i arkhivnykh istochnikakh kontsa XIX — pervoy treti XX v.: sbornik statey* [*F. M. Dostoevsky in Literary and Archival Sources of the Late 19th — the First Third of the 20th Century: A Collection of Articles*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 25–39. (Ser.: Sources and Methods in the Study of the Heritage of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 30 tomakh* [*The Complete Works*: *in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
11. Zaliznyak A. A. *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka*: *slovoizmenenie. Okolo 110 000 slov* [*Grammatical Dictionary of the Russian Language*: *Word Inflection. Approximately 110,000 Words*]. 5nd ed., corrected and supplemented. Moscow, AST-Press Publ., 2008. 794 p. (Ser.: Fundamental Dictionaries, Dictionaries of the 21st Century.) EDN: UCFKLB (In Russ.)
12. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 150–164. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on June 3, 2026). EDN: RTXNCP (In Russ.)
13. Zakharov V. N. The Relevance of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 5–20. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (accessed on June 3, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321. EDN: HWOFQO (In Russ.)
14. Zakharova O. V. The Christian Meaning of Dostoevsky's Pushkin Speech. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 2, pp. 324–336. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1654541371.pdf (accessed on June 3, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11082. EDN: XSCYEC (In Russ.)
15. Iustin (Popovich), Archimandrite. *Dostoevskiy o Evrope i slavyanstve* [*Dostoevsky About Europe and Slavism*]. St. Petersburg, Admiralteystvo Publ., 1998. 271 p. (In Russ.)
16. Kasatkina T. A. *Svyashchennoe v povsednevnom*: *dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [*The Sacred in the Everyday*: *A Two-Part Image in the Works of F. M. Dostoevsky*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
17. Korobova M. M. The Word "Ordinary or Typical Human Being" in Dostoevsky. In: *Yazykovaya lichnost'*: *aspekty izucheniya*: *sbornik nauchnykh statey pamyati chlena-korrespondenta RAN Yuriya Nikolaevicha Karaulova* [*Linguistic Personality*: *Aspects of Study*: *A Collection of Scientific Articles in Memory of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences*

Yuri Nikolaevich Karaulov]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017, pp. 147–170. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29892608_64236428.pdf (accessed on June 3, 2026). EDN: ZEDROV (In Russ.)
18. Litinskaya E. P. Rhetoric and Poetics of Dostoevsky's Pushkin Speech. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 141–175. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1621276648.pdf (accessed on June 3, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9583. EDN: LWEEDW (In Russ.)
19. Lukov V. A., Zakharov N. V. Pushkin and the Problem of Russian Universality. In: *Vestnik Mezhdunarodnoy akademii nauk* (*Russkaya sektsiya*) [*Herald of the International Academy of Science. Russian Section*], 2008, no. 2, pp. 60–63. Available at: http://www.heraldrsias.ru/download/articles/09___Article____Lukov.pdf (accessed on June 3, 2026). EDN: OMTFHR (In Russ.)
20. Merezhkovskiy D. S. The Human Heart and the Animal Heart. In: *Merezhkovskiy D. S. Polnoe sobranie sochineniy*: *v 24 tomakh* [*Merezhkovsky D. S. The Complete Works*: *in 24 Vols*]. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina Publ., 1914, vol. 15, pp. 92–101. (Ser.: Library of the Russian Word: A Fortnightly Journal.) (In Russ.)
21. Potapova G. E. From "Proteism" to "Universal Responsiveness" (an Essay from the History of One Idea). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, vol. 16, pp. 46–61. EDN: URIFKE (In Russ.)
22. *Pushkinskaya rech' F. M. Dostoevskogo kak istoricheskoe sobytie* [*Pushkin's Speech by F. M. Dostoevsky as a Historical Event*]. Moscow, Al'ma Mater Publ., 2024. 922 p. (In Russ.)
23. Rebel' G. M. Problems of Studying Dostoevsky. In: *Voprosy literatury*, 2010, no. 3, pp. 427–458. EDN: TZUYBZ (In Russ.)
24. Safronova E. Yu. Dostoevsky and Hindenburg: A Literary Text in a Biographical Context. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2022, vol. 9, no. 3, pp. 78–115. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1667039072.pdf (accessed on June 3, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6161. EDN: HWFAWY (In Russ.)
25. Smirnov V. D. *Aksakovy. Ikh zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [*Aksakovs. Their Lives and Literary Work*]. St. Petersburg, Tovarishchestvo "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1895. 87 p. (Ser.: Lives of Remarkable People. Biographical Library of F. Pavlenkov.) (In Russ.)
26. *F. M. Dostoevskiy v literaturnykh i arkhivnykh istochnikakh kontsa XIX — pervoy treti XX v.*: *sbornik statey* [*F. M. Dostoevsky in Literary and Archival Sources of the Late 19th — the First Third of the 20th Century*: *A Collection of Articles*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 386 p. (Ser.: Sources and Methods in the Study of the Heritage of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) (In Russ.)
27. Fokin P. E., Petrova A. V. Pushkin Speech by Fyodor Dostoevsky as an Event (Based on the Materials of the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, vol. 7, no. 2, pp. 162–195. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258841.pdf (accessed on June 3, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681. EDN: BRQQQV (In Russ.)
28. Heidegger M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [*Prolegomena to the History of the Concept of Time*]. Tomsk, Vodoley Publ., 1998. 384 p. EDN: VNRSUP (In Russ.)
29. Tsvetkova N. "All-Human" and "All-Man": from S. Shevyrev to F. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2018, no. 2, pp. 127–150. Available at: https://dostmirkult.ru/images/DOCT_2018-2a-разв-127-150.pdf (accessed on June 3, 2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2018-2-127-150. EDN: VOMZDW (In Russ.)

30. Shevyrev S. P. *Ob otechestvennoy slovesnosti* [*About Russian Literature*]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 304 p. (Ser.: Classics of Literary Science.) EDN: QQTYMR (In Russ.)
31. Shubart V. *Evropa i dusha Vostoka* [*Europe and the Soul of the East*]. 2nd ed., corrected. Moscow, Russkaya ideya Publ., 2000. 443 p. (Ser.: Russian Idea.) (In Russ.)
32. Schoultz O. Russian Christ. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 31–41. Available at: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2473 (accessed on June 3, 2026). EDN: RUYKBR (In Russ.)
33. Schoultz O. *Svetlyy, zhizneradostnyy Dostoevskiy* [*Bright, Cheerful Dostoevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1999. 366 p. (In Russ.)
34. Epshteyn M. N. *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [*Projective Dictionary of the Humanities*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 616 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/epstein_proektivny_slovar_gumanitarnykh_nauk_2017__izd.pdf (accessed on June 3, 2026). (In Russ.)
35. Nikolay (Velimirovich), Bishop. *Rechi o Svechoveku* [*Words About the Universal Man*]. Belgrade, S. B. Tsviyanovich Publ., 1920. 338 p. (In Serbian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет (ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034); ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского») (ул. Достоевского, 2, г. Москва, Российская Федерация, 103030); профессор кафедры русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9011-0160; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Leading Researcher, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center "Moscow House of Dostoevsky") (ul. Dostoevskogo 2, Moscow, 103030, Russian Federation); Professor of the Department of Russian Literature, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabr'skoy Revolutsii 3a, Ufa, 450008, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9011-0160; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 10.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.06.2026
Принята к публикации / Accepted 10.07.2026
Дата публикации / Date of publication 31.07.2026

Научная статья
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8542
EDN: GWFEHY

Пушкинская речь Ф. М. Достоевского в англоязычной критике

Т. В. Ковалевская

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: tkowalewska@yandex.ru

Аннотация. В статье описаны и проанализированы англоязычные научные работы, посвященные Пушкинской речи Достоевского. В целом исследования Пушкинской речи велись в двух направлениях: Пушкинская речь как явление литературы/литературоведения и как источник представлений о русской литературе и Пушкинская речь как политический феномен. Пушкинскую речь как литературный феномен исследовали прежде всего британские писатели и ученые, тогда как американские, канадские и новозеландские исследователи рассматривали ее главным образом как явление политического порядка. На истолкование Пушкинской речи в частности и творчества Достоевского и русской литературы в целом значительное влияние оказывала и оказывает политическая ситуация и взаимоотношения России с Западом. В период потепления отношений Пушкинская речь оценивалась более положительно: исследователи были готовы видеть в ней не только политические, но и религиозные стороны (ср. концепцию «пятидесятничности» или «харизматичности» у М. Левитта). Наоборот, в периоды обострения отношений Пушкинская речь представала и предстает выражением крайне правой воинственной политики. Такое восприятие текста Достоевского коррелирует с характерным прежде всего для США (но, возможно, и всего Запада) восприятием России в целом, которое проходит цикличные стадии интереса и определенных надежд на соответствие России неким провозглашаемым Западом стандартам политической и социальной жизни и разочарования в России, наступающего в тот момент, когда она перестает считать для себя нужным соответствовать чужим стандартам. В настоящее время исследования Пушкинской речи соответствуют настроениям стадии политического конфликта России и Запада.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Пушкинская речь, М. Левитт, А. Смит, И. Зохраб, А. Поллард, С. Владив-Гловер, Д. Мартин, Н. Стюарт, Дж. Франк, Г. С. Морсон

Для цитирования: Ковалевская Т. В. Пушкинская речь Ф. М. Достоевского в англоязычной критике // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 22–57. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8542. EDN: GWFEHY

© Т. В. Ковалевская, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8542
EDN: GWFEHY

Dostoevsky's Pushkin Speech in the Anglophone Scholarship

Tatyana V. Kovalevskaya

Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: tkowalewska@yandex.ru

Abstract. The article describes and analyzes English-language research into Dostoevsky's Pushkin Speech. Generally, the Pushkin Speech has been investigated in two modes: as a phenomenon of literature and literary scholarship — a guide to conceptualizing Russian literature — and as a political phenomenon. The Pushkin Speech was primarily explored as a literary phenomenon by British writers and scholars, while American, Canadian, and New Zealand researchers focused on it as a political statement. Interpretations of the Pushkin Speech in particular, and of Dostoevsky's works and Russian literature in general have generally been significantly influenced by the politics du jour and by Russia's relationship with the West at any given time. During détentes, the Pushkin Speech received more positive treatment, and researchers were willing to see not only its political, but also its religious dimensions (see Marcus Levitt's concept of the "Pentecostal" spirit of the Pushkin Speech). Conversely, during periods of increased tensions and animosity, the Pushkin Speech was and is treated as a manifestation of far-right militant politics. Such perceptions of the Pushkin Speech correlate with a perception of Russia (typical primarily of the US, but probably not alien to the West as a whole) that swings cyclically between opposite poles: interest and hope that Russia will meet certain political and social standards proclaimed by the West, and disappointment that arrives once Russia no longer deems it necessary to meet someone else's standards. Currently, the research into the Pushkin Speech aligns with the sentiments of a political conflict between Russia and the West.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Pushkin Speech, Marcus Levitt, Alexandra Smith, Irene Zohrab, Alan Pollard, Slobodanka Vladiv-Glover, D. W. Martin, Neil Stewart, Joseph Frank, Gary Saul Morson

For citation: Kovalevskaya T. V. Dostoevsky's Pushkin Speech in the Anglophone Scholarship. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 22–57. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8542. EDN: GWFEHY (In Russ.)

Торжественное открытие памятника А. С. Пушкину в Москве в 1880 г., ставшее кульминацией многолетних усилий выпускников Царскосельского лицея, произвело фурор в российском обществе. Оно стало вехой в процессе культурно-политического самоосознания России прежде всего благодаря выступлению Ф. М. Достоевского, который фактически и, видимо, несколько неожиданно «захватил», по выражению М. Ч. Левитта [Levitt: 122][1], торжество.

Оргкомитет торжества также разослал приглашения иностранным знаменитостям — Уоллесу Макензи (так его называет М. Левитт; видимо, имеется в виду Дональд Макензи Уоллес, британский этнограф, историк

[1] Подробнее об этом слове см. прим. 20. Русский перевод: [Левитт].

и журналист, тесно связанный с Российской империей), 84-летнему британскому историку и писателю Томасу Карлейлю, в 1840 г. сравнившему Россию с бессловесным чудовищем из-за отсутствия в ней литературы[2], Виктору Гюго, Гюставу Флоберу, Артюру Рембо, немецкому романисту Бертольду Ауэрбаху, британскому поэту Альфреду Теннисону, автору стихотворения «Атака легкой кавалерии», воспевшего самоубийственную атаку британской кавалерийской бригады на русские пушки во время Крымской войны, и французскому слависту Луи Леже, единственному, кто приехал в Россию [Levitt: 69]. В «Венке на памятник Пушкину» сообщается, что члены Общества любителей российской словесности подняли тост за Виктора Гюго, о чем и оповестили писателя телеграммой[3], а поздравительные телеграммы на имя И. С. Тургенева прислали Ауэрбах, Гюго и Теннисон, из коих особливо было зачитано поздравление Ауэрбаха:

> «Прекрасно и поучительно, что из России входит в настоящее время в мир весть о чествовании гения и притом гения, бывшего и остающегося далеким от новомодной или, скорее, варварски-старомодной исключительности, по которой в царстве духа народы не должны более творить и действовать в соединяющем и примиряющем мир взаимоотношении свободного давания и свободного же получения. Благороден праздник ваш, в котором все не испорченные еще гуманностью души с живым участием могут чувствовать себя объединенными, так как воздвигается памятник Пушкину, поэту, который при сохранении национальной своей самобытности и своеобразности принадлежит к мировой литературе, имевшей Гете своим провозвестником»[4].

Учитывая трудность путешествий в XIX в., неудивительно, что только один приглашенный зарубежный гость принял приглашение. Малое же количество телеграмм, отправленных приглашенными, и тот факт, что они адресованы И. С. Тургеневу, широко известному за границей, прежде всего во Франции, можно истолковать как признак относительной малоизвестности Пушкина за пределами России (ср. высказывание Карлейля, сделанное

---

[2] Ср.: «Царь всея Руси силен; у него много штыков, казаков и пушек; и он совершает удивительное дело, удерживая политическое единство такого огромного куска земли; но он еще не может говорить. В нем есть нечто великое, но это бессловесное величие. У него нет гласа гения, который услышали бы все люди и все эпохи. Он должен научиться говорить. Пока что он есть огромное бессловесное чудовище. Его пушки и казаки заржавеют и превратятся в ничто, а голос Данте все еще будет звучать. Нация, у которой есть Данте, слита воедино так, как никогда не может быть слиянной воедино бессловесная Россия» (цит. по: [Stewart: 213–214]. Здесь и далее переводы цитат из источников на английском языке наши. — *Т. К.*).

[3] Венок на памятник Пушкину: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции; адреса, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину; отзывы печати о значении Пушкинского торжества; Пушкинская выставка в Москве; новые данные о Пушкине. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. С. 78.

[4] Там же. С. 44–45.

уже после смерти Пушкина). Следует отметить, впрочем, что и подлинное знакомство с творчеством самого Достоевского в Европе произошло только после смерти писателя [Фокин]. Как справедливо отмечалось, трудность восприятия Пушкина обусловливается прежде всего поэтической формой его произведений, гораздо хуже поддающейся переводу, нежели проза[5].

Интерес к Пушкинской речи Достоевского в англоязычной среде также значительно ниже, чем к художественному творчеству писателя. Что, впрочем, значительно облегчает задачу обзора посвященной Пушкинской речи литературы. Мы будем рассматривать те работы, где Пушкинская речь выделена как отдельный предмет исследования, потому что охватить все тексты, где она упоминается, часто вскользь, поскольку авторы ставят перед собой другие исследовательские задачи, не представляется возможным[6].

Первый перевод «Речи» на английский язык был опубликован в 1916 г. в Бостоне. Перевели ее в числе других четырех фрагментов «Дневника Писателя» Самуил Соломонович Котелянский, с 1911 г. живший в Лондоне, и Джон Марри (Мерри, Murry) [Королева: 203]. Как указывает С. Б. Королева, «первая англоязычная публикация "Пушкинской речи" Достоевского вошла в состав книги с некоторыми другими, подобранными в ключе "русскости" и "раннехристианской духовности", частями "Дневника писателя". <…> …"Сон смешного человека" (открывает книгу), и три "пушкинских" выступления: "Объяснительное слово" к "Пушкинской речи", сама "Пушкинская речь" и "Придирка к случаю", содержащая ответы А. Градовскому на его высказывания об этой речи. Причем последние три части объединены общим заголовком "Пушкин (Pushkin)"» [Королева: 202].

Исследование Пушкинской речи можно вести в двух ключах — в разрезе ее историко-политической значимости и в разрезе ее культурной значимости. При этом в отношении англоязычных исследователей к Пушкинской речи и Достоевскому наблюдается некоторая корреляция изменений трактовок как с изменением политической обстановки и положения Российской империи / СССР / постсоветской России в мире, так и с географией этих интерпретаций: наиболее взвешенные описания Пушкинской речи написаны исследователями из Великобритании, причем эта взвешенность наблюдается до и во время Первой мировой войны, а также, что особенно удивительно, в период Холодной войны.

Так, С. Б. Королева показывает, что именно Пушкинская речь стала для британских модернистов, например, Дж. Л. Стрэчи (член группы Блумсбери, куда входила также В. Вульф), романистов Э. М. Форстера и М. Бэринга, основой их понимания творчества А. С. Пушкина. Именно ориентация на

---

[5] О переводах Пушкина см.: [Дорофеева].

[6] Например, Пушкинская речь упоминается в работе Стефани Сэндлер о Пушкинских торжествах в XX в., но именно упоминается, без подробного исследования текста и его идейного содержания, если не считать расхожих слов об универсальности как национальном качестве Пушкина [Sandler].

Пушкинскую речь Достоевского задала «осмысление и личности писателя, и его творчества в парадигме русскости (чуждой западному менталитету) и, одновременно, различение в его "русских" чертах отзвуков "своей", родной культуры — такой, какой она была на заре ее становления» [Королева: 200]. В частности, говоря о работах Янко Лаврина (1887–1986), словенца, обучавшегося в Петербурге, служившего военкором при сербской армии во время Первой мировой войны, вернувшегося в 1917 г. в Петербург, но решившего перебраться в Великобританию, Королева указывает: «В русле своей центральной идеи Лаврин интерпретирует высказывания Достоевского о Пушкине в логике англоцентричного и одновременно специфического английского русофильского взгляда на русскую литературу: "Достоевский подразумевал, что творчество Пушкина в целом воплощает самый короткий путь к синтезу русской и европейской культур. И поскольку среди тех элементов западной культуры, которые способствовали формированию его творчества и его гения, английская литература сыграла наиболее главную роль, он [Пушкин], кроме всего прочего, является важной связующей нитью между Британией и Россией"» [Королева: 214].

И далее Королева характеризует контекст отношения к творчеству самого Достоевского в Англии эпохи модернизма «как к пророческому призыву, обращенному ко всему человечеству, и как к величайшему проявлению русскости, так же как контекст новых для английской культуры представлений о русском человеке» [Королева: 216]. Это отношение сохранилось и до 1970-х гг. [Королева: 208, 213]. При этом одним из первых, кто обратился к Пушкинской речи, был Морис Бэринг, поэт, романист, переводчик, хорошо знавший русский язык. Он пишет о ней еще в 1911 и 1914 гг. [Королева: 207], т. е. до ее появления на английском языке.

Традицию взвешенного подхода к Пушкинской речи можно увидеть и в работе Сары Хадспит «Достоевский и идея русскости» (2004)[7]. Как пишет Хадспит, «Пушкинская речь <…> всего на нескольких страницах концентрирует в себе все наиболее яркие пункты всего "Дневника писателя", отражающие <…> основные вопросы, волновавшие славянофилов» [Hudspith, 2004: 79]. В своей работе Хадспит прежде всего фокусируется на соотношении мысли славянофилов и Достоевского. Рассматривая Пушкинскую речь с точки зрения того, как Достоевский понимал сущность русскости, она несколько неожиданным образом видит в «Речи» «единственное проблематичное утверждение» [Hudspith, 2004: 82]: народ принял реформы Петра,

[7] В 2023 г. Хадспит опубликовала в интернете покаянный пост. Вот характерный фрагмент: «Прослеживая взаимодействие Достоевского с этими понятиями (соборность и цельность духа. — *Т. К.*), я не отметила их эссенциализм, а также культурный элитизм, подразумевающий позицию превосходства над теми, кому адресовано послание единства и братства. Когда христианские принципы упоминаются применительно к нациям, важно признать связь христианства с империализмом и идеологией превосходства белой расы» [Hudspith, 2023].

что идет вразрез с традиционным представлением о том, что именно ценой разорванного единства образованных классов и крестьянства Россия заплатила за петровские реформы. Рассматривая этот фрагмент в контексте всего «Дневника Писателя», Хадспит заключает, что решение этой проблемы Достоевский видит в том, чтобы утверждать, что народ принял эти реформы бессознательно, принял их дух, но не принял их форму.

Хадспит отмечает отзвуки Пушкинской речи в других произведениях Достоевского, причем не в публицистике, а в художественных текстах, например, в «Подростке»:

> «Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец» [Д30; т. 13: 377].

Однако Хадспит [Hudspith, 2004: 126] предостерегает читателя от того, чтобы верить Версилову — ключом к различию между Достоевским и его героем оказывается то, что Версилов начинает не с русскости, а с европейскости, и этот ключ содержится в ответе А. Д. Градовскому:

> «Это был хоть и русский, но уже и "европейский" русский, только начавший свой европеизм не с просвещения, а с разврата, как и многие, чрезвычайно многие начинали» [Д30; т. 26: 156].

Хадспит заканчивает основную часть своей книги отсылкой к Пушкинской речи, считая ее эстетическим воплощением основной мысли Достоевского о единстве и всеобщности, всечеловечности: «Можем ли мы заключить, что Достоевского можно назвать художником славянофильства? Это было бы неблагоразумно, потому что означало бы пренебречь тонкостями его художественного мира, его глубоко амбивалентным отношением к славянофилам, а также тем, что он намеренно дистанцировался от их идеологии, хотя и сочувствовал их убеждениям. Остается только повторить, что эстетика Достоевского основана на двойственной системе, у которой общие с двойственной эстетикой славянофильской философии качества — цельность, нравственное содержание и сила преображения, в противовес раздроблению, духовной мертворожденности и нравственному бессилию. Однако Достоевский превосходит славянофилов, потому что в своей новаторской художественной форме он создал эстетику, соответствующую его представлению о русскости, эстетику, которая, парадоксальным образом, целиком гармонирует с расколами (discord. — *Т. К.*) его эпохи и одновременно обладает универсальной значимостью. Памятуя о склонности славянофилов к ностальгии и о привычке западников слишком узко сосредотачиваться на Европе, на уровне эстетики Достоевский поднимается над полемикой о России и Западе (что ему не всегда удавалось в сфере социополитики) и достигает осуществления своих высказываний в Пушкинской речи» [Hudspith, 2004: 196–197].

Также в традиции англоязычного дискурса британская исследовательница (эмигрировавшая из СССР) А. Смит заявляет темой своей работы влияние Пушкинской речи даже не на британский, а на русский модернизм, но ее исследование производит странное впечатление. Собственно русские модернисты появляются лишь в самом начале (литературовед Альфред Бем) и в самом конце работы (Александр Блок и Марина Цветаева). В целом она рассматривает речь Достоевского, вооружившись методологическим аппаратом Г. Блума («страх влияния»), М. Фуко (понятие симультанности) [Smith: 123, 129] и Э. Левинаса (представление о долге личности перед Другим в отсутствие права требовать от Другого взаимных обязательств): «В понятии асимметрии у Левинаса открывается фундаментальное противоречие, где предполагается, что хотя я дан себе в опыте (experience. — *Т. К.*) как ответственный за другого, я не могу обязать другого быть данным себе в опыте как ответственным за меня. В Пушкинской речи Достоевского аналогичные религиозные коннотации приписываются акту чтения Пушкина, который Достоевский рисует как фундаментальное противоречие и асимметричный модус данности в опыте» (experience. — *Т. К.*) [Smith: 140].

Разумеется, Смит отмечает важность Достоевского для Левинаса, тем самым соблюдая хронологию: «Левинасовское прочтение Пушкинской речи Достоевского особенно уместно, если мы отметим, что Левинас был заворожен романами Достоевского» [Smith: 137]. Однако в других местах манера изложения Смит производит впечатление, будто бы Левинас не испытал влияние Достоевского, а сам повлиял и на Достоевского, и на русских модернистов: «Как мы покажем далее, русские модернисты обращались [к Пушкинской речи] в манере Левинаса» [Smith: 129]; «Пушкинская речь Достоевского представляет собой акт прочтения произведений Пушкина в манере Левинаса» [Smith: 140]. Такая словесная акробатика, по сути дела, приводит к тому, что в современном американском культурно-политическом дискурсе именуется апроприацией. В этом подход Смит схож с тем, который побудил или даже, точнее сказать, спровоцировал С. Е. Эрлиха*, директора петербургского издательства «Нестор-История», на весьма резкий выпад в адрес книги о декабристах Л. А. Тригос (Смит цитирует короткий текст Тригос о Тынянове, Пушкине и Достоевском, и мы далее также о нем поговорим): «На обложке книги Людмилы Тригос "Декабристский миф в русской культуре" указано, что ее работа является "первым междисциплинарным обращением к мифологическому образу декабристов". Это утверждение не соответствует историографической действительности. Декабристский миф целенаправленно изучается с середины девяностых годов прошлого века. Непосредственно этой теме посвящены, в частности, исследования В. М. Боковой, А. В. Аникина, Я. В. Леонтьева, А. Л. Зорина, М. М. Сафонова. Ни одна из работ этого далеко не полного списка исследований декабристского мифа не упоминается в рецензируемой монографии. Такой подход особенно удивителен на фоне корректных ссылок на труды американских и британских

исследователей русской и советской общественной мифологии. <…> *Неужели перед нами очередное проявление колониальной идеологии "ориентализма" (Э. Саид), когда русские исследователи воспринимаются исключительно в качестве поставщиков фактологического сырья? Между тем туземцы тоже думают над поворотами своей истории.* Кроме того, безосновательное заявление об очередном "открытии Америки" разрушает благородный миф Запада, включающий уважение к научному приоритету коллег, честную конкуренцию идей» (курсив наш. — *Т. К.*) [Эрлих: 159].

А. Смит приводит работу Л. А. Тригос[8] о незаконченном романе Ю. Н. Тынянова «Ганнибалы» в качестве политизированной трактовки Пушкинской речи, где Пушкин у Тынянова, в духе Достоевского, предстает «культурным колонизатором» [Smith: 130]. Тригос пишет: «"Так он искал и нашел свой род. И так же он искал и нашел, открыл родину"[9]. В этом широком жесте Тынянов воплощает поиск Пушкиным идентичности в его литературной деятельности. Приравнивая буквальные путешествия Пушкина по другим "российским" (российским, не русским) землям к поэтическому открытию этих самых земель, Тынянов возлагает на Пушкина ответственность за включение этих экзотических земель и населяющих их народов в русскую культуру: "В 1821 году был открыт стихом Кавказ, в 22-м — Крым, в 24-м — Бессарабия, в прозе открыты башкиры, готовилось завоевание камчадалов, юкагиров". *В своем представлении о Пушкине Тынянов вспоминает и расширяет риторику Пушкинской речи Достоевского 1880 г.* В образах Тынянова Пушкин становится "завоевателем" в сфере культуры, он открывает и засталбливает земли, которые он описывает в русской литературе. Мы видим способность Пушкина включать другие народы в свои произведения и тем самым преображать их; теперь они познаваемы, они — неотъемлемая часть русской культуры. Талант Пушкина оказывается отзвуком способности Ганнибала — покорителя замкнутого общества русской аристократии в петровскую эпоху: "арап Петра завоевывал гостиные и наносил ущерб дочкам старой знати". Художественные завоевания Пушкина и сексуальные завоевания Ганнибала в представлении Тынянова суть одно и то же. В обоих случаях в их поступках проявляются творческие элементы. В своем художественном воображении и апроприации Пушкин создает собственные версии изображаемых им земель и народов; создавая детей, Ганнибал создает новые версии себя, но они уже другие из-за примешивания новой крови. Тынянов распространяет эту метафору еще

[8] Какие-либо биографические данные о Л. А. Тригос обнаружить не удалось, однако, судя по ее вовлеченности в жизнь русскоязычной диаспоры Нью-Йорка, корни ее биографии тоже уходят в Советский Союз. См.: Мизури Н. Подвиг русского дворянства // Elegant New York. 2015. December 19 [Электронный ресурс]. URL: https://elegantnewyork.com/dvoryany190/ (10.03.2026).

[9] Цитаты из набросков Ю. Н. Тынянова даются по изданию: Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М.: Мол. гвардия, 1966. С. 204–211. (Сер.: Жизнь замечательных людей. Серия биографий; вып. 11 (426).)

дальше, путем экстраполяции делая знание о Пушкине в свою, тыняновскую эпоху частью этого завоевания и, таким образом, превращает поэта в культурного воина, сражающегося за свободу и возможность быть другим: "И его читают чужие внуки. Такова была до сих пор земная судьба всякого великого человека: думать, что он трудится под солнцем для себя и воюет для своего рода, — а он трудится и он воюет для чужих внуков". *Вслед за Достоевским* Тынянов завершает утверждением как универсальности пушкинского творчества, так и того, что Пушкин благотворен для нерусских народов» (курсив наш. — *Т. К.*) [Trigos: 373].

Этот фрагмент из книги «Под небом моей Африки. Пушкин и чернокожесть» нужно читать, имея в виду весь спектр культурных дебатов в современных США. Тригос оказывается здесь на перекрестке двух противоположных импульсов — необходимости рассуждать о культурной экспансии России и равно настойчивой необходимости утверждать маргинализированное положение Пушкина вследствие его расовой принадлежности. Англоязычный читатель легко опознает ключевые политизированные термины: «завоевание, апроприация, культурный воин». Примирить эти разнонаправленные импульсы в единой фигуре Пушкина Тригос не слишком удается. Например, она употребляет применительно к творчеству Пушкина термин «апроприация». Для англоязычного читателя слово “appropriation” — резко маркированное. Практически всегда это присвоение чужой маргинализированной культуры представителями культуры доминантной, т. е. присвоение представителями белых народов культуры небелых народов и неуважительное, потребительское отношение к ней и к ним, что делает использование этого слова применительно к Пушкину проблематичным. Вслед за Тыняновым (на которого его собственная эпоха также налагала определенные требования изображать Пушкина «передовым», т. е. отчужденным от аристократического мира человеком) Тригос рисует его расовую принадлежность источником его одиночества. (И наоборот, британский исследователь Уильям Лезербарроу, сравнивая общественное положение Пушкина и Достоевского, пишет, что если Достоевский жил в эпоху бурных перемен, то «Пушкин был порождением устоявшегося аристократического общества, культурные корни которого уходили куда глубже XVIII в., когда они в готовом виде были завезены из Франции. В общественном отношении он также был вполне уверен в себе благодаря своей шестисотлетней родословной. Именно это ощущение уверенности и стабильности характеризует значительную часть искусства Пушкина» [Leatherbarrow: 379].) Достоевский же становится частью нарратива о русской культурной экспансии. Тригос нужно не просто представить этот нарратив, но показать его укорененность в русской культуре в целом, и так Тынянов становится наследником Достоевского, а восприимчивость Пушкина, его способность проникаться духом других народов становится элементом культурной экспансии.

В американских исследованиях и в исследованиях ученых из стран Британского Содружества в значительной степени доминирует политический подход. И уже одна из первых работ, целиком посвященных Пушкинской речи, статья Алана Полларда «Пушкинская речь Достоевского и политика правых в условиях диктатуры сердца», была, как видно уже из самого названия, целиком посвящена анализу политических аспектов «Речи». Политические пристрастия самого автора при этом проявляются не только в расставляемых им акцентах, но и в том, как и какую фактологию он представляет своему читателю.

Вопреки прямым признаниям Достоевского и Аксакова в славянофильстве (подробнее см.: [Zohrab, 1982], [Июдин, 2024, 2026]), Поллард полагает, что они не были славянофилами, как не были славянофилами Катков и Победоносцев [Pollard: 238]. «Партия» Достоевского была в реальности рыхлой и безымянной антилиберальной коалицией, куда входили Катков, Победоносцев, Суворин, Юрьев и сам писатель. В отличие от либералов, которых связывали с западниками 1840-х гг. идеи и люди, русские правые, находившиеся в зачаточном состоянии, были явлением, возникшим после отмены крепостного права; правое крыло сформировалось в конце 1870-х гг. как реакция на Русско-турецкую войну и революционное движение. Если у этих так называемых «славянофилов» и была общая идеология, то она состояла в вере в то, что народ — источник положительных национальных ценностей, а интеллигенция — локус отрицательных, чужих ценностей. В этой картине мира между либерализмом и радикализмом практически ставился знак равенства, потому что оба росли из ошибочной веры в универсальный разум. Правые полагали, что светский, модернистский рационализм интеллигенции порождает атеизм, материализм и крамолу и что этот рационализм ставит непреодолимый барьер между образованным слоем общества и традиционалистски и монархически настроенным набожным народом. Они представляли себе простой православный русский народ единственной основой гармоничного национального сообщества, которое нужно было очистить от чуждых народов, классов и философий. Отрывая себя от остальной интеллигенции, правые утверждали свою нравственную солидарность с русским народом и обеспечивали себе место в его славном историческом предназначении. Хотя идеология Достоевского была сложнее, он причислял себя к этим людям. Они в свою очередь признавали в нем союзника, чьи красноречие и харизма могли обеспечить их взглядам более широкую общественную поддержку [Pollard: 238–239].

Статья начинается даже не с истории собственно Пушкинского праздника, а с описания политического кризиса в Российской империи; как пишет Поллард, М. Н. Катков призывал создать орган с практически «диктаторскими полномочиями» для подавления крамолы, что император в конечном итоге и был вынужден сделать, создав Верховную распорядительную комиссию под руководством М. Т. Лорис-Меликова, который стремился оторвать интеллигенцию от революционного движения [Pollard: 223]. Читатель

выносит из этой формулировки впечатление, что Лорис-Меликов был очередным цепным псом царского режима, жестоко подавлявшим любое стремление русской интеллигенции к более демократическому правлению; нигде в статье не упоминается проект, который в историографии иногда называется «конституцией Лорис-Меликова», а также другие его реформаторские планы [Мамонов: 52]. Пушкинский праздник, как пишет Поллард, мог бы стать точкой сборки для всех слоев русского общества: «И сам поэт, и его чествование стали символизировать жизненную силу и когерентность русской культуры и ее независимость от иностранного влияния и самодержавного[10] правления. Памятник и его открытие были подготовлены при минимальной вовлеченности центральных властей и с максимальной национальной гордостью» [Pollard: 224–225]. По мнению автора, удивительно, что Пушкинский праздник вообще состоялся: «…самодержавие редко позволяло любую публичную деятельность, где оно не было инициатором или которую полностью не контролировало, и особенно опасалось любых больших собраний» [Pollard: 226]. Видимо, пишет Поллард, Лорис-Меликов полагал, что этот праздник поможет достижению его цели — примирить интеллигенцию и монархию [Pollard: 228]. Вершиной праздника стала речь Достоевского, которая, парадоксальным образом, не вызвала аналогичного энтузиазма в печатном виде: «Репутация блестящего оратора, которую Достоевский заслужил своей Пушкинской речью, не поблекла и через сто лет, но роль лидера общественного мнения он потерял вскоре после Пушкинского праздника» [Pollard: 227]. Этот парадокс можно разрешить с помощью политического прочтения речи, которая, по мнению Полларда, и есть не столько литературный текст, сколько политический документ [Pollard: 228].

Достоевский был на пике популярности и славы; одновременно он открыто признавал свои правые позиции, отождествляя себя с «русской партией» и со «славянофилами» [Pollard: 228]. Он также был знаменит своим искусством художественного чтения [Pollard: 229]. А еще Достоевскому было крайне важно, чтобы его речь приняли лучше, чем речь Тургенева, с которым он давно враждовал [Pollard: 229–230]. Поллард также указывает, что в «Бесах» Достоевский представил карикатуру на Тургенева, изобразив его «буквально отцом революционного терроризма, из-за чего Тургенев уверился, что Достоевский безумен» [Pollard: 230]. (Здесь Поллард или перепутал Кармазинова с Верховенским-старшим, или решил, что оба персонажа представляют собой карикатуру на Тургенева.) Поллард подробно описывает историю вражды двух писателей, перечисляя, например, все литературные вечера, где они оба читали фрагменты различных произведений. Столь же подробно Поллард рассказывает про историю с «каймой» — распространенную П. В. Анненковым ложь о том, что Достоевский, возгордившись отзывом Белинского

[10] Здесь и далее словом «самодержавный» переводится слово “autocratic”, обозначающее сейчас не столько монархическую форму правления, сколько понятие «автократия».

о «Бедных людях», потребовал, чтобы роман в журнале выделили особой каймой. Эта история длилась и длилась (Поллард также приводит на русском языке и в своем стихотворном переводе фрагмент из стихотворения «Рыцарь горестной фигуры…») и привела к тому, что «Достоевский, разозленный копанием в старых обидах, сочинял Пушкинскую речь в уверенности, что против него составлен либеральный заговор с Тургеневым во главе, и цель этого заговора — дискредитировать как самого Достоевского, так и те политические взгляды, которые он защищает, и выступить единым фронтом (put on a show of strength. — *Т. К.*) в Москве[11]. Пушкинский праздник представлялся ему полем решающего сражения, и Достоевский полагал, что его миссия — вести в бой силы света против сил тьмы» [Pollard: 235]. Поллард приводит фрагменты письма Достоевского к Победоносцеву, где тот пишет об их общих идеях. Поллард называет это письмо «расчетливым»[12], но при этом призывает понять Достоевского, поскольку обер-прокурор Синода мог бы помочь ему попасть ко двору, а также облегчить его произведениям прохождение цензуры. Хотя, добавляет Поллард, нет оснований сомневаться в искренней преданности Достоевского их общему делу, поскольку те же чувства он описывает в письме к единственному человеку, которому он никогда не лгал — своей жене [Pollard: 235].

Столь же детально Поллард описывает дни перед праздником и то, что Достоевский обещал текст своей речи для печати сразу трем людям — Юрьеву, Каткову и Суворину. Достоевский в конечном итоге отдал «Речь» Каткову за 500 рублей [Pollard: 256].

Хотя Тургенев хотел конституцию, а Достоевский нет, оба желали Лорис-Меликову успеха и боялись того, что может произойти в России, если он потерпит поражение в своей миссии. Тургенев приветствовал увольнение Д. А. Толстого из правительства, а Достоевский приветствовал назначение Победоносцева на должность обер-прокурора Синода вместо Толстого. И Тургенева, и Достоевского одинаково приводили в ужас крайности[13] как правительства, так и его противников, а потому оба поддерживали по крайней мере два ключевых элемента политики Лорис-Меликова: смягчение цензуры и сокращение революционного насилия. У обоих романистов были схожие взгляды на целый ряд конкретных политических вопросов, но они бескомпромиссно расходились по более широким вопросам, например, о форме правления, подходящей для России, о роли религии в национальной жизни и об отношениях России и Европы. Но оба были склонны превращать политические проблемы в проблемы личных отношений, словно политика была еще одним элементом их отношений с друзьями и врагами [Pollard: 241].

---

[11] Опровержение этой сплетни см.: [Захаров], [Тихомиров].

[12] Притворным, лицемерными — disingenuous.

[13] Буквально: «экстремизм», extremism.

Поллард отмечает, что мнение Тургенева о Пушкине не удовлетворило его аудиторию. Достоевский же в своей речи исходил из очень личного отношения к Пушкину. Он умер почти в то же время, что и мать Достоевского, Достоевский считал Пушкина как бы своим приемным отцом, отцом всей русской литературы, и для него Пушкин мог быть только полным совершенством [Pollard: 243]. Если последующие исследователи «Речи» будут писать о том, что идеи Тургенева были сформулированы еще в 1860-е гг.[14], то Поллард указывает, что именно тогда же сформировались и идеи Достоевского. В статьях о русской литературе 1861–1862 гг. он защищает Пушкина от Каткова, утверждая, что если в России есть Пушкин, то есть и национальная литература, от Н. А. Добролюбова с его идеями утилитарности искусства и С. С. Дудышкина с его идеями искусства ради искусства: Пушкин писал не только для высших эстетствующих классов, но и для народа. Уже и ранее «Достоевский обожествлял русский народ как Христа — искупителя человечества, а Пушкин был его Иоанном Крестителем, предшественником Мессии. Нарисованный Достоевским образ набожного народного поэта не соответствовал никакому настоящему Пушкину, скорее, он соответствовал личной аллегории спасения у Достоевского» [Pollard: 247]. И Достоевский был готов проповедовать свою веру и свою аллегорию, что он уже и делал в 1878 г. в письме к студентам, написанном вскоре после того, как некие мясники и торговцы в Охотном ряду устроили «погром» [Pollard: 248], избив киевских студентов, которых этапировали в ссылку, и пришедших выразить свою солидарность московских студентов. Достоевский призывал студентов отказаться от своей интеллигентской гордости и от иностранных богов, отступить от края пропасти и повернуться к своей стране, ее народу и ее Богу. Он позиционировал себя миротворцем, умело льстил своей аудитории, а также ловко оборачивал их лозунги против них же (например, «идти в народ» он использовал совсем в другом значении). Поллард называет это письмо Пушкинской речью без Пушкина, т. е. Пушкинская речь была, по его мнению, итогом всей жизни писателя [Pollard: 249].

Таким образом, Достоевский не сказал ничего радикально нового, чего от него никто бы не мог ожидать, но при этом «речь была образцом эффективной устной коммуникации. Но ее тщательно проработанный стиль превратился в недостаток, когда она была напечатана в виде эссе, потому что ее намеренная расплывчатость давала каждому читателю возможность найти повод для критики и сама по себе стала объектом критики» [Pollard: 251]. Кроме того, *читатели* Достоевского более четко осознали, что именно им он предлагает смириться, и отреагировали на это враждебно [Pollard: 252]. Этой враждебности следовало ожидать от интеллигенции, которую Достоевский практически анафематствовал из русской нации (excommunicated from Russian nation. — *Т. К.*) [Pollard: 255]. Таким образом, Поллард предлагает интересное

[14] Об этом см. ниже.

объяснение невероятного эффекта, произведенного *устной речью*, и куда менее благосклонной реакции на ее *печатный текст*. Тем более любопытно, что последующие ученые предпочли не соглашаться с Поллардом и выдвигали свои объяснения, о чем будет подробно рассказано ниже.

В заключение Поллард обращается к ответу Градовскому, где Достоевский снова «агрессивно» (Поллард использует слово strident — «пронзительный, нахрапистый», слово с отрицательными коннотациями, возможно, ему подошел бы перевод «истерично») повторяет тезисы своей речи [Pollard: 253], но при этом теряет характерную для речи сдержанность; так, «аккуратные упоминания великой арийской расы сменяются неприкрыто антисемитской риторикой, а пророчество о катастрофе, которая вот-вот обрушится на Европу, было подпорчено тем, что Достоевский пишет об этой катастрофе с видимым удовольствием» [Pollard: 253]. В конечном итоге в дебаты снова вовлекаются представители обеих сторон.

Поллард, на протяжении всей статьи видимо симпатизировавший либеральному движению, заканчивает статью весьма взвешенно: «Благодаря Достоевскому новые русские правые смогли использовать Пушкинский праздник, чтобы продвигать свои идеи. Однако попытка убедить интеллигенцию покаяться была обречена. И трудно понять, какое отношение эти идеи имели к подлинным проблемам России. Либералы, впрочем, тоже особо не преуспели. Их идеям тоже было уже два десятка лет. Обе стороны проявили прискорбную склонность обращаться к личным или абстрактным проблемам, а не исследовать структурные и институциональные проблемы страны. Пушкинский праздник показал, что интеллигенция была способна организовать масштабное мероприятие, но он также показал, что Лорис-Меликов мог открыть для интеллигенции определенную сферу деятельности, не теряя при этом контроля над происходящим. Несмотря на то, что Лорис-Меликов получил свою власть от императора, а вовсе не был назначен на свою должность, чтобы изменить самодержавную систему, и либералы, и правые пылко приняли этот псевдопрогрессивизм и воспользовались ослаблением цензуры прежде всего затем, чтобы нападать друг на друга. Если Лорис-Меликова эти события порадовали, он обманывался. В тот день, когда И. О. Млодецкий стрелял в диктатора, даже Достоевский признавался, что страх критики удержал бы его от того, чтобы донести на террористов. Монархия была не способна убедить интеллигентов встать на ее сторону. Для этого сначала должен был умереть император» [Pollard: 227].

Статья Полларда, возможно, заложила основы прочтения Пушкинский речи Достоевского прежде всего как политического текста, и сам он, видимо, колеблется между интересом к Достоевскому как гениальному писателю и антипатией к его политическим убеждениям.

Политический и культурный подходы к осмыслению Пушкинской речи и всего корпуса высказываний Достоевского о Пушкине становятся предметом размышлений в статье И. Зохраб «Пушкин в разных конструктах на страницах

"Гражданина" и глобализация Достоевским "народного поэта" в контексте России как европейского Другого» (Зохраб в принципе в основном изучает работу Достоевского в «Гражданине»). Она отмечает, что «критики, исследовавшие "Речь" Достоевского и его заметки о Пушкине, меньше рассуждали о реальном (и в все же скрытом) Достоевском, нежели о том, как его "Речь" использовали в зависимости от конкретной политической повестки», что «реакцию Достоевского на Пушкина как явление следует понимать и аутентифицировать в контексте, который включает в себя политический, общественный и гражданский уровни, но выходит за их пределы. В идеале реакция Достоевского требует изучения в рамках психоанализа, антропологии и культурного производства» [Zohrab, 1999: 121].

Основной акцент Зохраб ставит на тех вопросах, которые воспринимаются не как культурные, а прежде всего как политические и социологические. Зохраб исходит из того, что Россия на Западе всегда выступала в роли Другого, а сама Европа была доминантным господствующим субъектом (такое понимание Другого дается со ссылкой на работы М. Фуко «Безумие и цивилизация» и «История сексуальности»). Понятие «Другой» также подразумевает инаковость и амбивалентность. «Другие», по Фуко, исключены из позиций власти и в либеральном гуманистическом представлении часто становятся жертвами [Zohrab, 1999: 122]. Образ России чаще всего входит в пары Восток/Запад, Азия/Европа, варварский/цивилизованный, кочевой/оседлый, порабощенный/свободный, авторитарный/либеральный, атакующий/защищающийся и т. д., и чаще всего осмысляется негативно, как чуждый, отсталый и варварский [Zohrab, 1999: 122]. Зохраб подчеркивает, что задача художника — улавливать еще не высказанные истины, а потому в Пушкинской речи, которая говорит о самом Достоевском столько же, если не больше, сколько о Пушкине, Достоевский стремится показать уловленные Пушкиным откровения бессмертных образов русской души, которые были бы понятны нашим европейским братьям [Zohrab, 1999: 134]. Пушкинская речь — одновременно декларация роли «писателя-пророка», изложение представлений самого Достоевского о роли художника в формировании культурного наследия его народа и проекция этих представлений на творчество Пушкина [Zohrab, 1999: 123].

Зохраб возводит корни представлений о «Другом» к гегелевской теории истории как взаимоотношений «господина и раба», которые, в интерпретации философов XX в., например, А. Кожева, должны разрешиться в состоянии всеобщего гомогенного государства, где люди живут в равенстве, достатке и взаимном признании, свободными от войны [Zohrab, 1999: 130][15]. Именно это, по ее мнению, пытался выразить Достоевский в своей Пушкинской речи, именно к этому он тяготел «интуитивно»; рассуждения о братском единении людей — его способ рассуждать о «вселенском гомогенном государстве»;

[15] См. также: [Кожев: 234].

глобализация блистательного наследия Пушкина была, на очень личном уровне, его вкладом в будущее развитие человечества [Zohrab, 1999: 131]. Таким образом, Пушкинская речь предстает своего рода провозвестником гомогенизированного постмодернистского человечества, понимаемого без всякой отсылки к метафизическому плану бытия. Провозглашая необходимость применения к Достоевскому подхода, выходящего за рамки политики и социологии в сферу культуры, Зохраб выбирает постмодернистский подход, где культуру, лишенную религиозно-метафизических оснований, можно назвать, перефразируя фон Клаузевица, продолжением политики иными средствами[16].

В такой ситуации более, если можно так выразиться, честными представляются часто встречающиеся работы, написанные в русле работы Полларда, где Пушкинская речь рассматривается прежде всего в ее социально-политическом измерении. Примером того, насколько этот аспект доминирует в мысли англоязычных исследователей, служат работы известного американского слависта и теоретика литературы Г. С. Морсона. Он написал капитальную монографию «Границы жанра: "Дневник писателя" Достоевского и традиции литературной утопии» [Morson, 1993]. Морсона, создателя концепции прозаики, противоположной поэтике[17], «Дневник Писателя» интересует прежде всего как целое, как колоссальный художественный эксперимент Достоевского, возможно, не самый удачный, потому что читатели не воспринимают его как целое, а сосредотачиваются на фрагментах, т. е. идеях, главах, отдельных художественных текстах, вычлененных из «Дневника», и т. д. Морсон видит в «Дневнике» утопию, которую сложным образом классифицирует как пороговый метажанр или даже пороговый метаметажанр. Собственно «Дневник» в этой монографии присутствует весьма спорадически, а Пушкинская речь как предмет сколько-нибудь серьезного анализа отсутствует вовсе.

В предисловии к переводу «Дневника Писателя» на английский язык, вышедшему в 1993 г., Морсон уделяет Пушкинской речи что-то около двух страниц, и его также в основном интересует художественное и эстетическое

---

[16] Ср.: «Война есть не что иное как продолжение государственной политики иными средствами» (Клаузевиц К. фон. О войне. М.: Логос: Наука, 1994. С. 27). Эту фразу также очень любил и неоднократно повторял В. И. Ленин (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 30. С. 7, 134, а также с. 82, 83, 85 и др., где война именуется просто продолжением политики).

[17] То есть искусства как потока незавершенных и потенциально незавершимых фрагментов, а не некоей вычлененной из потока, обработанной и завершенной его части. См., например, краткое описание этого принципа и его приложение к произведениям классической русской литературы XIX в. в книге [Morson, 1992]. По мнению Морсона, Бахтин превратил ее в «общую теорию языка, литературы и этики» [Morson, 1992: 203]. Этот принцип зародился у Герцена, наиболее полно воплощен, по мнению исследователя, у Толстого и Чехова, тогда как Достоевский и Тургенев экспериментировали с элементами «прозаики» и в конечном итоге отвергли ее [Morson, 1992: 203].

измерение текста: он называет «Речь» «еще одной формой апокалиптической политики» [Morson, 1993: 39], отмечает, что Достоевский надеется, что она сама по себе станет катализатором осуществления утопии, и указывает, что, публикуя «Речь» в «Дневнике Писателя» в числе трех частей, где последовательность событий описывается, исходя из презумпции, что последующие события еще неизвестны, Достоевский, по сути дела, «разыгрывает» историю произнесения и рецепции «Речи» [Morson, 1993: 40]. Для Морсона как теоретика литературы Пушкинская речь, таким образом, представляет лишь опосредованный интерес как часть большего литературного текста, а основной ее упор, заключает читатель, — социополитический.

В совсем ином ключе Пушкинская речь рассматривается в весьма увлекательной монографии Маркуса Левитта «Русская литературная политика и Пушкинский праздник 1880 г.» (1989)[18]. В пяти главах книги рассказывается вся история памятника: от замысла, возникшего в 1860 г., и до его воплощения в 1880 г. Две заключительные главы, «Последняя битва Тургенева»[19] и «Достоевский "захватывает" торжество», посвящены выступлениям двух писателей на Пушкинском празднике[20].

Глава, посвященная Тургеневу, неожиданно кажется списанной с провального для писателя Кармазинова праздника в «Бесах», словно перед нами не искусство подражает жизни, а жизнь подражает искусству. Левитт предпосылает подробному описанию участия Тургенева в празднике краткое описание ситуации: «Тургенева, участника, организатора, пропагандиста и знаменосца "возвращения к Пушкину", в первые дни провозгласили

---

[18] В русском переводе эта книга названа «Литература и политика», но это не совсем верно.

[19] В русском переводе — «последняя трибуна». “Last stand” — защита последнего рубежа обороны перед лицом превосходящих сил противника; в сочетании со словом “last” значение «трибуна» (трибуна стадиона, место дачи показаний в суде) придет англоязычным читателям в голову в последнюю очередь.

[20] “Hijack” — изначально захватить что-то, например, самолет, но затем это слово стали употреблять для обозначения любой ситуации, в которой на передний план выходит некто неожиданный. Этим словом Левитт переводит довольно часто употребляющийся у Салтыкова-Щедрина глагол «эскамотировать». Проблема в том, что “hijack” и «эскамотировать» обозначают разные вещи и употребляются у Левитта и Салтыкова-Щедрина по-разному. В словаре Д. Н. Ушакова дается следующее определение этого слова: «Эскамотировать» означает «незаметно, ловко скрыть (скрывать) что-н<ибудь> с целью обмануть кого-н<ибудь>» (Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во толковых и иностранных словарей, 1940. Т. 4. Стлб. 1432). При этом, по мнению Салтыкова-Щедрина, в эскамотировании равно повинны и Достоевский, и Тургенев. Он пишет Н. К. Михайловскому: «…и Дост<оевский> и Тург<енев> надувают публику и эскамотируют Пушкинский праздник в свою пользу» [Салтыков-Щедрин: 159]. То есть, по мнению Салтыкова-Щедрина, оба писателя создают ложный образ Пушкина, каждый в своих целях. Левитт опускает упоминание Тургенева и пишет со ссылкой на Салтыкова-Щедрина просто: «Достоевский "захватывает" праздник». Таким образом, совершенно верный перевод В. Д. Рака в данном случае скрывает ошибку интерпретации и изложения у Левитта.

полноправным "наследником Пушкина", но он не оправдал общих ожиданий, не объявил о важности Пушкина в своей речи и не привел либеральную фракцию на празднике к победе. <…> Роль Тургенева в организации праздника, тот факт, что он не смог убедить Толстого принять в нем участие, первоначальный восторженный прием, оказанный ему, и прохладная реакция на его речь, а также критические высказывания Михайловского о празднике как о проявлении незрелости общественного мнения в России представляют Пушкинский праздник проблематичной "манифестацией либерализма" и обнажают уязвимость либеральной и "просвещенной" позиции Тургенева» [Levitt: 91].

Левитт подробно исследует поездку Тургенева в Ясную Поляну и полагает, что провал его попыток кооптировать Толстого в число участников празднества и размышления о взглядах Толстого на Пушкина и народ (Толстой согласен с теми, кто полагает, что Пушкин — безнравственный человек и поэт, и крестьяне, почитающие святых и воинов, не поймут почитания поэта [Levitt: 100] в своей детской наивности [Levitt: 99][21]) повлияли и на речь самого Тургенева. Его речь превратилась в апологию искусства и эстетики (что еще больше усиливает параллели с Кармазиновым и Верховенским в «Бесах»); Тургенев фактически отказывает Пушкину в народности и утверждает, что сам он в своей речи обращается прежде всего к людям одного с ним класса, потому что народ даже не знает Пушкина[22], и отказывается признать Пушкина мировым гением. По мнению Левитта, именно это и стало причиной провала его выступления: в его речи «ясно ощущалось, что Тургенев высоко ценит Пушкина, в ней признали серьезное и тонкое критическое высказывание, но все же его речь не удовлетворила общее желание услышать, как Тургенев решительно заявит о значении Пушкина или сделает важное политическое заявление, а потому его речь так и не смогла стать кульминацией праздника» [Levitt: 110].

Но именно это, по мнению Левитта, гости праздника услышали в речи Достоевского. В противоположность «куда более умеренной речи Тургенева», Достоевский «провозгласил всемирный гений Пушкина и его мессианское послание <…>, призвал интеллигенцию не утверждать свои права, но смириться и самоуничижиться» [Levitt: 122]. Левитта (как и других исследователей) очень интересует вопрос, чем Достоевский смог так увлечь публику, особенно учитывая, что он «перевернул господствующее представление

---

[21] Образованному англоязычному читателю подобное отношение к крестьянам, возможно, напомнит положения расистской теории о том, что даже если не-белые люди и не являются в полной мере недолюдьми, по своему развитию они все равно пребывают на уровне детей, которые не могут прожить без поддержки и защиты взрослых. Ср. слова “half devil and half-child” (наполовину бесы, наполовину дети) в стихотворении Р. Киплинга «Бремя белого человека» (Kipling R. Selected Poems. London: Bloomsbury Poetry Classics, 1994. P. 72).

[22] В этом Тургенев ошибался, возможно, намеренно. Так, в книгу «Венок Пушкину» включено послание тверского крестьянина В. С. Желнобобова «Крестьянский Пушкин», присланное для публикации в газете «Голос» (Венок на памятник Пушкину. С. 158–162). Об этом см. ниже.

о важности праздника с ног на голову, и в результате его идеологические противники (а потом и историки) стали задаваться вопросом, что именно означала его речь и почему она произвела такой потрясающий эффект на тех, кто ее слышал» [Levitt: 122]. Ответ на этот вопрос попытаются дать другие исследователи «Речи», которых эта проблема тоже весьма занимала.

Практически все те, кто рассматривает прежде всего культурный, исторический и политический аспекты «Речи», указывают, что сам факт Пушкинского праздника, с одной стороны, поддержанного государством, а с другой — избавленного от предварительной цензуры [Frank: 498], стал торжеством русской интеллигенции и воплощением ее надежд на то, что ее роль в государстве увеличится. Таким образом, Пушкинский праздник должен был стать самоутверждением русской интеллигенции, тогда как Достоевский призывал ее к смирению.

Левитт пишет, что Достоевский провел своего рода сеанс «самоанализа» русской интеллигенции [Levitt: 129]; он обращается к своим предшественникам (Левитт перечисляет Шевырева, Белинского, Гоголя [Levitt: 132]), мнения которых о Пушкине, по словам Левитта, восходят к романтическим клише, но при этом Достоевский наполняет эти клише православным содержанием в собственной трактовке [Levitt: 132]. Религиозно-философская рамка мысли Достоевского — славянофильская, это Киреевский и Хомяков [Levitt: 133]. Левитт, разумеется, указывает, что Достоевский провозгласил великим даром Пушкина дар всемирной отзывчивости, воспринятый от русского народа. При этом с точки зрения Левитта (и это самый оригинальный и интересный элемент его исследования), концепция Достоевского исходит из его «пятидесятничного»[23] взгляда на природу искусства и, шире, реальности: «Достоевский понимал художественное творчество как сошествие Святого Духа на художника-апостола, и если мы признаем, что природа пушкинского творчества была пятидесятничной, то мы четко и ясно поймем, как именно Достоевский видел и роль Пушкина, и мессианский потенциал русской литературы. <…> Художники-пророки, например, Шекспир и Пушкин, — сосуды, избранные Богом для откровения красоты человеку. Святой Дух дает им возможность понять и раскрыть "тайны бытия". Посредством Святого Духа художник-пророк может "увидеть" высшую реальность (Святой Дух — это и то, что вдохновляет художника, и само его вдохновение). Такой художник-пророк может понять и выразить "будущее Слово", скрыто присутствующее в красоте мира, — другими словами, вообразить Второе Пришествие» [Levitt: 134–135].

Левитт также указывает на те проблематичные места, которые особенно критиковали современники Достоевского в его «Речи» — упоминание арийской расы, воспринимавшееся в то время как проявление антисемитизма (о Достоевском и евреях, см., в частности: [Викторович: 349–356]), странность, отмеченную Бердяевым, обращения с проповедью христианского мессианства

[23] Pentecostal. «Харизматический» в русском переводе.

к христианам, а не к неверующим, а также мессианство, провозглашающее всемирную, а не национальную истину [Levitt: 137], и одновременно отмечает, что, как бы то ни было, мессианство Достоевского соответствовало глубоко укоренившейся мессианской идее Москвы — Третьего Рима, а также представлениям о том, что «совокупную жизнь нации должен наполнять Святой Дух» [Levitt: 137][24].

Левитт описывает и всеобщий подъем после речи Достоевского, и почти мгновенный спад этого энтузиазма. Он подчеркивает утопический и апокалиптический характер речи Достоевского; слова «утопия» и «апокалипсис» и их производные в целом весьма часто встречаются в исследованиях Пушкинской речи. Однако у Левитта утопия — не литературный жанр с уникальными свойствами, как в книге Г. С. Морсона, но картина чаемого идеального мироустроения, а апокалипсис имеет не отрицательные коннотации конца нашего мира, но положительные миллениаристские ассоциации. Политическая же утопия Достоевского состоит в том, что «нравственно-психологическая революция, которую проповедует старец Зосима, спонтанным образом породит политическую сущность, основанную на фундаментально новых принципах» [Levitt: 144].

Глава о Достоевском заканчивается неожиданной отсылкой к современности: «После "гениальной" речи Достоевского Аксаков провозгласил, что раскол между славянофилами и западниками преодолен. Однако глубинная вражда между этими двумя точками зрения, как мы уже видели, возродилась практически немедленно. И Кавелин, и Михайловский, и другие уже тогда обвиняли и Достоевского, и Тургенева, и их последователей и критиков в том, что они просто повторяют старые аргументы, проигнорировав колоссальные изменения, которые происходили в русской жизни с 1860-х гг. Поллард отмечает, что "обе стороны проявили прискорбную склонность обращаться к личным или абстрактным проблемам, а не исследовать структурные и институциональные проблемы страны". Эти упреки не лишены справедливости, но в некоторых отношениях политическая ситуация в России недалеко ушла от того, что было двадцать лет назад. Точно так же и сегодня, в горбачевской России, способность анализировать проблемы страны и предлагать решения неотделима от вопроса предоставления российскому обществу политических прав (enfranchising Russian society. — *Т. К.*). Можно даже предположить, что вначале нужно создать свободный и открытый дискурс, и только потом решать остальные вопросы, а иначе весь процесс принятия решений становится проблематичным. Современное политико-интеллектуальное бурление в России снова натыкается на ту же вечную нерешенную дилемму. Гласность снова дает надежду на примирение, ярким символом которого стали Пушкинские торжества, и для многих гласность воплощает мечту о создании арены, интеллектуально-институционального "пространства"

[24] Со ссылкой на книгу Николаса Зернова «Восточный христианский мир» [Zernov].

для открытого дискурса — это своего рода представление о русской политической жизни как о "полном и постоянном Пушкинском празднике"» [Levitt: 146].

Как мы увидим далее, Пушкинская речь Достоевского действительно не теряет своей актуальности в контексте очередных событий русской истории.

Однако, прежде чем продолжить, стоит отметить несколько моментов относительно книги Левитта. Во-первых, важно указать некоторые особенности ее библиографии. Строго по теме Пушкинской речи Достоевского есть только одна статья — статья А. Полларда. В остальном это работы, посвященные либо национализму Достоевского [Belknap], либо общим культурным и политическим вопросам, относящимся к России того времени [Brooks], [Thaden], что подтверждает наш тезис о малой исследованности Пушкинской речи за рубежом, а также указывает на прежде всего политический контекст ее истолкования.

Во-вторых, Левитт предлагает, как уже говорилось, важную концепцию «пятидесятничности» искусства в целом и литературы в частности, которую он сопоставляет с жизнью нации в Святом Духе. Эта концепция естественным образом соединяется с представлениями Достоевского о предназначении человека к обожению:

> «Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в *я* Христа как в свой идеал. Достигнув этого, он ясно увидит, что и все, достигавшие на земле этой же цели, вошли в состав его окончательной натуры, то есть в Христа. (Синтетическая натура Христа изумительна. Ведь это натура Бога, значит, Христос есть отражение Бога на земле.) Как воскреснет тогда каждое *я* — в общем Синтезе — трудно представить. <…> Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в различных разрядах (в дому Отца Моего обители многи суть). Всё себя тогда почувствует и познает навечно. Но как это будет, и в какой форме, в какой природе, — человеку трудно и представить себе окончательно» [ДЗО; т. 20: 174–175].

Эта концепция явно тесно связана с представлениями о Мистическом Теле Христовом, о котором писал, например, блж. Августин в «Толковании на Послание Иоанна к Парфянам» (т. е. крайне важное для Достоевского Первое послание Иоанна):

> «…сыны Божии — это тело Единородного Сына Божия, и в то время как Он — Глава, а мы — члены, это — один Сын Божий. Стало быть, любящий сынов Божиих, любит Сына Божия, а любящий Сына Божия, любит Отца, никто не может любить Отца, не имея любви к Сыну, а любящий Сына, любит также сынов Божиих. Каких сынов Божиих? Членов [тела] Сына Божия.

> И посредством любви такой человек сам станет членом, вступит через любовь в единство тела Христова, и будет единый Христос, любящий Самого Себя»[25].

Таким образом, толкование Пушкинской речи у Левитта позволяет вписать эту речь и политические взгляды Достоевского в контекст его философско-религиозной антропологии, что выгодно выделяет работу Левитта на фоне остальных исследований «Речи».

Актуальность Пушкинской речи для текущих политических событий также очевидна в статье С. Владив-Гловер «Представления Достоевского о русский истории и использование гегелевской концепции "духа"» [Vladiv-Glover]. В статье, опубликованной 22 декабря 2022 г., Владив-Гловер обращается к исследованию историософии Достоевского как ключу к текущим событиям в русской истории. С точки зрения Владив-Гловер, «из всех русских и европейских романистов прошлого» именно Достоевский остается писателем, «рецепция которого еще не завершилась, <…> которому есть что предложить современному миру <…> в отношении и самых главных тем человечества — конечности человеческой жизни и патологии человеческого существа». Владив-Гловер постулирует существование двух Достоевских, «художника, который ввел Россию в новую (модернистскую) фазу, и журналиста, который пытается заработать на жизнь, анализируя русскую культурную и гражданскую жизнь в условиях репрессивного режима, которому он отдавал дань уважения, выражая националистические, проимпериалистические и правые взгляды» [Vladiv-Glover].

Отнесение Достоевского к модернизму с его признанием человеческой субъективности как единственного способа познания мира и существования в мире (что согласуется с релятивистски толкуемой теорией полифонии М. М. Бахтина[26], но не с религиозной антропологией и гносеологией писателя) представляется несколько сомнительным, как и шизофреническое утверждение существования двух Достоевских, однако это вполне согласуется с постмодернистской позицией Владив-Гловер, где, как мы увидим далее, неактуальны критерии последовательности, логичности и единства личности и философии.

Подобно Зохраб, Владив-Гловер формулирует проблему «Россия-Европа» в современных категориях «я — Другой», где Европа предстает идеальным Другим России, отсталой, как и все славяне, по мнению Гегеля. Вся Пушкинская речь оказывается не апокалиптической утопией, а «своего рода подведением итогов длившихся всю жизнь Достоевского попыток описать историческое предназначение России *не* в категориях пророческого будущего,

---

[25] Августин Гиппонский, блж. Толкование на Послание Иоанна к парфянам. Рассуждение 10 / пер. с лат. и примеч. М. В. Тюленев // Диакрисис. 2020. № 3 (7). С. 78 [Электронный ресурс]. URL: https://sda-journals.ru/diakrisis/article/view/diakrisis_7_03_Tyulenev/diakrisis_7_03_Tyulenev (10.03.2026). DOI: 10.54700/diakrisis.2020.3.7.003. EDN: QSGXOF

[26] О релятивизме Бахтина см.: [Бонецкая].

а в категориях "генеалогического" диагноза ее текущего состояния и одновременных попыток "прочитать" это текущее состояние через понятие некоего Абсолюта» [Vladiv-Glover]. Владив-Гловер полагает значительную часть существующих толкований «так называемых» взглядов Достоевского ошибочными. «Для Достоевского вхождение России в историю — вопрос языка», а это классический гегелевский постулат из «Лекций по философии истории». Пушкин ценен потому, что с ним русский дух вошел в стадию самосознания. Нет никакого проникновения в «национальный дух» других стран, потому что «в любой данный период мировая культура представляет собой амальгаму интертекстуальностей. Именно когда (с Пушкиным) русская культура стала интертекстуальной, она вошла в Дух мировой истории (Гегель не знал русского языка и не читал Пушкина, иначе он мог бы положительно оценить горстку интеллектуальной русской элиты)» [Vladiv-Glover]. Достоевский в Пушкинской речи транспонировал гегелевские концепции. Его «типы» нужно понимать не как социальные типы, но как «цивилизационные типы» Гегеля (welthistorischer Mensch). Учение Достоевского о «почве» — это «миф», а оторванных от «почвы» героев нужно воспринимать в свете Гегеля, как необходимую ступень в развитии цивилизации, ибо, по Гегелю, «исторический процесс требует определенного отчуждения — встречи с другим, чтобы народ мог войти в самосознание духа»: «Язык Достоевского значительно ниже уровня абстракций и феноменологического анализа гегелевского дискурса, что приводит к созданию мифем и мифологем, широко распространившихся в педагогическом процессе советского и постсоветского периодов» [Vladiv-Glover]. Поэтому Алеко и Онегин — это метафоры России на стадии «ценностного» перехода. Владив-Гловер сама себе противоречит (частое явление в постмодернизме и вовсе не требующее разрешения, учитывая общий настрой этого течения), вначале утверждая, что Достоевский никогда не называл себя славянофилом, а потом — что он назвал себя славянофилом-мечтателем. Любопытно, что под «противоречием» (contradiction) Владив-Гловер в своей статье понимает скорее критику, а не логическое противоречие. Так, она называет «противоречивым» восприятие Достоевским истории России в связи с Европой, потому что, хотя в 1860 г. в «Объявлении о подписке на журнал "Время"» он «прямо заявил, что "Россия — это Европа", он также критиковал европейскую цивилизацию, европейский капитализм (когда Россия также была капиталистической) и даже европейский социализм (хотя он в своей эстетике был и оставался социалистом)» [Vladiv-Glover]. Прежде всего необходимо отметить что Владив-Гловер странно переводит название текста, вместо «Объявление о подписке…» она называет его “Notice to *Vremya*”, т. е. буквально — «Уведомление, [направленное] "Времени"». Отметим далее, что текст переведен «как есть», хотя здесь вопиющая фактическая ошибка, в тексте «Объявления» Достоевский утверждает: «Мы не Европа» [ДЗО; т. 18: 36]. Также нельзя не удивляться утверждению, согласно которому любое явление можно

принимать лишь целиком и безоговорочно, а критика любого отдельного аспекта приравнивается к отрицанию явления в целом.

Прочтение Достоевского в русле Гегеля, т. е. противоположно тому, как его традиционно читают, позволяет Владив-Гловер заявить, что «миф о русской исключительности» был «выдумкой европейского воображения XX века», а Россия может быть обычной европейской страной, но, подобно двум Достоевским, она функционирует в двойном режиме: как империя, которая либо погружает русский народ в архаику мифологического постижения истории, которую Гегель именует «первоначальной историей», либо в «рефлективную историю», где у нации есть «догматическая "миссия" единоличного правителя» (например, Наполеона), не допускающая саморефлексии. А вторая Россия — это самосознающая Россия, жестоко подавляемая и стремящаяся воссоединиться с русским народом, пребывающим на «родоплеменном уровне» (о пребывании на этом уровне свидетельствуют обращения к такой категории, как «братство»). Именно Пушкин и Петр I ввели Россию в эту эпоху интеллектуальной современности, а «в эпоху политической современности она вступила с революцией 1917 г. и сталинизмом» [Vladiv-Glover].

Статья Владив-Гловер хаотична и не поддается логическому изложению, в ней присутствуют противоречивые и неверные утверждения, однако она интересна в том отношении, что, следуя практике соотношения Пушкинской речи с текущими событиями в русской истории, как это сделал в своей книге Левитт, она одновременно содержит прямо противоположную ему трактовку и «Речи», и Достоевского в целом, ибо сводит все искусство к бесконечному, палимпсестному[27] наслоению текстовых фрагментов, обладающих по сути произвольным значением, поскольку, начиная с софистов, продолжая средневековыми номиналистами и заканчивая современной лингвистикой, язык — это произвольное сочетание означаемого и означающего[28].

Между двумя полюсами политико-философских подходов к Пушкинской речи, представленных работами Левитта и Владив-Гловер, находятся остальные работы, посвященные «Речи», и в целом они ближе к работе Левитта.

Практически одновременно с книгой Левитта появляется статья «Пушкинские торжества 1880 г.: конфликт идеалов и идеологий». Пожалуй, из всех рассмотренных исследователей только ее автор Д. У. Мартин с удивлением отмечает в высшей степени политизированный характер торжеств в честь величайшего русского *художника* [Martin: 508]. Однако эта традиция продолжается и в самой статье. Вначале в ней традиционно описывается исторический контекст события. При этом особенность изложения празднеств состоит в том, что здесь отмечается важность чествования именно *писателя*. Современники видят в этом проявление созревшего гражданского духа России и торжество духа над плотью [Martin: 508].

---

[27] О палимпсесте см., например: [Genette: 451–452].

[28] Об эволюции субъективизма в европейской культуре, см., в частности: [Гайденко].

Из всех рассматриваемых нами авторов только Д. У. Мартин цитирует фрагменты, которые показывают, что, вопреки словам Тургенева о том, что крестьяне в России Пушкина не читают, подобно тому как крестьяне в Германии не читают Гете, а крестьяне в Англии — Шекспира, крестьяне в России Пушкина все-таки читают: Мартин упоминает «обращение» [Martin: 509] крестьянина В. С. Желнобобова в газету «Голос».

> «…творческий гений великого Пушкина обнимал собою и все наше огромнейшее крестьянство и тоже не зарывал своего таланта и для его житейских благ и удовольствий, но только не так просторно и не так желательно, как требуется самою силою гениального творчества, любящего и ищущего всюду свободный и высокий полет для себя: крепостное и чиновничье управление крестьянами его времени делали препоны парениям его творчеству и, истинно небесный, свободный и удалый полет оного, утыкали в неполноту этого и делали как бы какую изгородь нечеловечного в человечном»[29].

Таким образом, только Мартин из всех рассмотренных исследователей расширяет круг почитателей Пушкина за пределы интеллигенции. Традиционно Пушкин предстает в статье символом «современной, культурно и политически уважаемой России. <…> …Россия, провозглашающая свое равенство с нациями Западной Европы, ощущала потребность в человеке, который мог бы стать ощутимым символом ее нового достоинства. По возможности ей требовался "национальный поэт"» [Martin: 510]. Пушкин также был вестником творческой свободы России от иностранного влияния [Martin: 511].

В отличие от других исследователей, Мартин предлагает собственный взгляд на соотношение идей Тургенева и Достоевского и их предшественников. Не только Достоевский, но и Тургенев утверждал, что Пушкин создавал произведения искусства, передававшие жизнь других наций, и делал это потому, что стоял в центре русской жизни [Martin: 514], и в целом мысль эта восходит к Белинскому [Martin: 513]. Однако, как считает Мартин, Белинский полагал, что нации не могут по-настоящему меняться [Martin: 514], а Тургенев несколько презрительно называл подобную способность «ассимиляцией» [Martin: 515]. Достоевский же с энтузиазмом назвал эту способность «всемирностью» и «всечеловечностью», полемизируя и с Белинским, и, по сути, с Тургеневым [Martin: 516]. На вопрос Белинского о сути русской нации Достоевский отвечает, что это нация, призванная принести народам мира единение, гармонию и братство [Martin: 517]. Здесь Мартин отмечает близость идей Достоевского идеям Н. Я. Данилевского, высказанным в его труде «Россия и Европа» касательно бескорыстности русской нации и войн, которые русские вели за освобождение других народов, проливая кровь за угнетенных [Martin: 517]. (Мартин также отмечает влияние Гердера и Шлегеля [Martin: 520].)

[29] Венок на памятник Пушкину. С. 159–160.

Мартин полагает, что месмерическое воздействие речи Достоевского отчасти было обусловлено плохой акустикой и тем, что каждый слышал то, что хотел, а талант Достоевского-оратора оттеснил на задний план содержание речи [Martin: 518]. Мартин достаточно подробно разбирает отрицательные отклики на речь Достоевского народника Александра Горшкова (М. А. Протопопов) и К. Д. Кавелина[30], пересказывая Кавелина таким образом, что у читателя возникает впечатление, что историк в принципе отрицает нравственность как качество исторически активных народов. «Нравственная красота народа — это красота народа, пребывающего в младенчестве»; «Простые души всегда во всем уступают» [Martin: 522]. На самом деле Кавелин пишет немного иначе:

> «Вглядитесь пристальнее в типы простых русских людей, которые нас так подкупают и действительно прекрасны: ведь это нравственная красота младенчествующего народа!»[31].

Но в целом пересказ, который дает Мартин, не так далек от мысли Кавелина:

> «"Человек смирный", "простяк" — это человек всеми уважаемый за чистоту нравов, за глубокую честность, правдивость и благочестие, но который именно потому всегда держит себя в стороне и только занимается своим личным делом: в общественных делах или в общественную должность он никуда не годится, потому что всегда молчит и всем во всем уступает. Дельцами бывают потому одни люди бойкие, смышленые, оборотливые, почти всегда нравственности сомнительной или прямо нечестные. Таких людей, как Алеко, вы считаете разорвавшими связь с народом из гордости? Помилуйте! Да это те же восточные люди, которые из "великой печали сердца" от непорядков в общественной и частной жизни или из любви к европейскому общественному и домашнему строю бросали все и удалялись, кто за границу, кто на житье в деревню. Это те же пустынножители и обитатели скитов, те же "смирные люди" наших сел, только с другими идеалами. Будь европеец на их месте, он стал бы осуществлять, по мере возможности, свои идеалы в большом или малом круге действий, который отвела ему судьба, боролся бы, сколько хватает сил, с обстановкой, и скоро ли, долго ли, а в конце концов перестроил бы ее на свой лад; мы же, восточные люди, бежим от жизни и ее напастей, предпочитая остаться верными нравственному идеалу во всей его полноте и не имея потребности или не умея водворить его, хотя бы отчасти, в окружающей действительности, исподволь, продолжительным, выдержанным, упорным трудом»[32].

---

[30] Того самого Кавелина, от трудов которого отталкивался Белинский, утверждая безличность и аморфность России по сравнению с германскими народами. Подробнее об этом см.: [Jackson: 194–195].

[31] Кавелин К. Д. Письмо Ф. М. Достоевскому // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 474.

[32] Там же. С. 474–475.

Мартин, таким образом, подчеркивает, что либералы четко отличали личные качества от социальных концепций [Martin: 522] и упрекали Достоевского за то, что тот, по сути, проповедует общественное бездействие. А на противоположном конце политического спектра К. Леонтьев обвиняет Достоевского в mania democratica progressiva, в чрезмерном усердии в служении человеку, а не Богу. Мартин выражает удивление, что Леонтьев упрекает Достоевского за то, что он будто бы является сторонником теорий, которые он всю свою жизнь опровергал, социалистической этики и устремлений [Martin: 525].

В книге «Достоевский: мантия пророка», заключительной части монументальной биографии Достоевского Джозефа Франка, уже учитывается работа Левитта, равно как и работа Полларда. Пушкинский праздник также рассматривается прежде всего в политическом контексте, причем Франк добавляет к традиционным описаниям противоборства либералов и консерваторов некоторые красноречивые детали, например, попытку отстранить от празднования открытия монумента и самого Достоевского [Frank: 499]. Поскольку Франк пишет прежде всего биографию Достоевского, он скрупулезно приводит обстоятельства, окружающие Пушкинскую речь, которые высвечивают грани личности самого писателя: например, его болезненную чувствительность к обращению с ним и постоянные жалобы на то, что ему не оказывают должного уважения, или что Тургенева, читавшего хуже, вызывали чаще [Frank: 512]. Франк также уделяет больше внимания фактически нулевому иностранному присутствию на празднике и, в отличие от Левитта, упоминает «телеграммы» от Гюго, Ауэрбаха и Теннисона [Frank: 514]. Для Франка это значимый момент, потому что Тургенев, по мнению Франка, совершенно напрасно ссылается на высокое мнение о Пушкине Мериме и Гюго, «как будто на русскую аудиторию должно было произвести особое впечатление одобрение знаменитых иностранцев» [Frank: 516]. Описывая речь Тургенева, Франк также указывает, что он опирался на свои лекции о Пушкине, прочитанные в 1860-х гг., подтверждая приведенное выше мнение о том, что по крайней мере некоторые участники праздника действительно застыли в прошлом. Как и другие исследователи, Франк холодно описывает речь Тургенева, отмечая, что он «шел совершенно вразрез с господствовавшим настроением большинства своей аудитории» [Frank: 515].

Речь Достоевского, подчеркивает Франк, напротив, имела колоссальный успех, чему способствовал критический стиль Достоевского; Франк характеризует этот стиль ницшеанским словом «монументальный», т. е. литература рассматривается через призму монументальных идей и вопросов. В данном случае, по мнению Франка, Достоевский делает Пушкина символом собственных идей о русском мессианстве и собственной возвышенной концепции «народа» [Frank: 520]. Таким образом, в изложении Франка Пушкин — способ выразить собственные идеи Достоевского, которые он приписывает Пушкину. Франк особенно подчеркивает призыв к смирению, указывая, что ни один другой фрагмент речи не вызвал столь пылких откликов, как положительных, так и отрицательных [Frank: 522].

Реакцию зала на речь Достоевского Франк сравнивает с истериками на религиозных собраниях ревайвалистов[33], что, видимо, представляет для Франка наиболее близкую по тематике и накалу страсти аналогию [Frank: 527]. Франк отдает победу в необъявленном состязании ораторов Достоевскому, а не Тургеневу, однако заканчивает главу описанием ссоры Достоевского и Тургенева в присутствии Е. Опочинина и письмом Тургенева, где тот жалуется Стасюлевичу на ложные основания речи Достоевского.

В короткой главке «Пророк, пророк: Пушкинская речь Достоевского» в книге Уолтера Мосса «Россия в эпоху Александра II: Толстой и Достоевский» Пушкинская речь помещается в контекст знакомства Достоевского с Владимиром Соловьевым, что заставляет читателя задуматься о возможной связи идей Пушкинской речи с идеями Соловьева, хотя никаких исследований этой темы сам автор не предпринимает [Moss].

В 2014 г. Нил Стюарт пишет главу «Федор Достоевский описывает самообраз России» для коллективной монографии «Увековечивание памяти писателей в Европе XIX в.». Глава традиционно начинается с описания общего контекста открытия памятника Пушкину. Описания современниками речи Пушкина напоминают Стюарту репортажи с рок-концерта [Stewart: 206]. Он также подчеркивает, что все точно знали, чего ожидать от Достоевского, перечисляя его консерватизм, религиозность, мистические склонности и националистические убеждения. Вслед за Поллардом он отмечает парадокс успеха, который имела речь Достоевского в противовес своему печатному варианту, и тоже, как и Мартин, объясняет этот феномен плохой слышимостью: «Учитывая численность аудитории, относительно плохие акустические технологии в России конца XIX в. и гул, стоявший в зале, практически несомненно разные слушатели "услышали" разные варианты того, что говорил Достоевский, тем более что многие и без того были склонны слушать его "выборочно"» [Stewart: 207].

Таким образом, Достоевский снова предстает писателем, которого не услышали совершенно буквально. При этом Стюарт характеризует «патриотическое неистовство, охватившее этих людей на этом конкретном собрании», как нечто, типичное для «эпохи до Нового времени или для раннего Нового времени», поскольку, согласно современной теории, «современные нации

---

[33] Ревайвализм — «возобновленный, вновь пробужденный религиозный пыл отдельной христианской группы церкви или общины, но прежде всего движение в некоторых протестантских церквях, имеющее своей целью вновь пробудить духовное рвение своих членов и привлечь новых последователей. В свой современной форме ревайвализм, вероятно, происходит из подчеркнутого внимания анабаптистов, пуритан, немецких пиетистов и методистов XVI, XVII и XVIII вв. к личному религиозному опыту, священству всех верующих и святой жизни в виде протеста против официальной церковной системы, которая казалась чрезмерно сосредоточенной на таинствах, священстве и всем мирском. Однако важнее всего был акцент на личном обращении» (Revivalism // Britannica [Электронный ресурс]. URL: https://www.britannica.com/topic/revivalism-Christianity (05.03.20206)). Ревайвалистские проповедники ездили по США и Англии, устраивая многочисленные собрания, сопровождавшиеся массовой экзальтацией.

обычно считаются "воображаемыми сообществами", члены которых "никогда не познакомятся с большинством других членов этого сообщества…" <…>. К XIX в. связи в подобных обществах целиком зависят от средств массовой информации, поэтому все формы личного ощущения сообщности становятся ненужными» [Stewart: 208]. Крайне любопытно, что европейскому взгляду Россия предстает, собственно, средневековой страной именно потому, что в ней сохраняется непосредственное общение людей и ощущение их связанности, что наглядно подчеркивает справедливость взглядов Достоевского на характерные особенности и различия русской и европейской цивилизаций.

Сравнение Европы и России — один из практически неизбежных элементов любого исследования Пушкинской речи, но, как мы видели выше в описании патриотического подъема при чтении речи Достоевского, это сравнение, в котором Россия не может выиграть. Так, Стюарт указывает, что, в отличие от Германии, Италии, Восточной и Центральной Европы, перед Россией не стояла проблема утверждения своего суверенитета, но это потому, тут же продолжает он, что «вся политическая власть в стране была максимально централизована. <…> Пушкин был прежде всего иконой "интеллигенции", культурным героем группы, которая традиционно почти не имела политической власти в русском феодализме, поскольку пресловутая доктрина "официальной народности", отлившаяся в канон в 1830-х гг., диаметрально противостояла и намеренно отрицала все романтические концепции Kulturnation» [Stewart: 212]. Таким образом, Стюарт рисует довольно радикальный образ средневековой феодальной и авторитарной страны, отрицающей самый принцип культурной нации. Поэтому неудивительно, что, в отличие от других исследователей, он никак не упоминает государственную поддержку открытия памятника Пушкину.

Стюарт акцентирует образ писателя как человека, всегда противостоящего власти [Stewart: 213], подчеркивает, что каждый мог найти в Пушкине то, что именно ему хотелось там увидеть, и в целом Пушкин исполнил роль голоса нации, какового голоса у России, по мнению Карлейля, не было. Стюарт также рассматривает возмущение по поводу коммерциализации Пушкинского праздника как проявление снобизма культурной элиты, не желавшей делиться «своим» писателем с народом [Stewart: 214], отмечает отказ Тургенева навести мосты через пропасть, отделяющую интеллигенцию от народа, и, наоборот, примирительный и объединительный пафос речи Достоевского [Stewart: 215]. Излагая речь Достоевского, Стюарт отмечает, что он превращает недостаток оригинальности у Пушкина в его величайшее достоинство, выражение всемирной восприимчивости, воспринятой поэтом у народа. В целом Стюарт характеризует речь Достоевского как tour de force риторики, вернее, софистики — искусства, позволяющего с равной убедительностью доказывать противоположные утверждения.

Достоевский сумел предпринять атаку на своих противников, внешне стараясь их смягчить; он дал нерешительности Татьяны новую трактовку,

увидев в ней пример для подражания; он преобразил предполагаемую слабость Пушкина, его зависимость от иностранных авторов, в его сильную сторону; аналогичным образом экономическая, техническая и военная отсталость России[34] стала знаком ее первенства среди европейских наций. Он намеренно перевернул картину, нарисованную Тургеневым, призывая выйти за пределы вертикальных общественных границ и дать нации горизонтальное определение в категориях геокультурного пространства. С помощью искусно составленного парадокса Достоевский совершенно неожиданно воспользовался принципом универсализма, чтобы показать отличия России от всех остальных [Stewart: 218].

Далее Стюарт указывает на высказанную Левиттом теорию пятидесятничного духа речи Достоевского и делает вывод, что «Пушкинская речь Достоевского была насквозь мистической, но публике понадобилось несколько дней, чтобы осознать это и высказать свои возражения» [Stewart: 219]. Таким образом, в описании Стюарта Пушкинская речь предстает манипулятивной мистической концепцией, призванной закрепить средневековый модус существования Российской империи.

Пушкинская речь Достоевского в статьях современных англоязычных исследователей гораздо реже предстает явлением эстетического порядка, чем явлением порядка политического. В тех случаях, когда, как в культуре британского модернизма, Пушкинская речь воспринимается прежде всего как явление литературное, она оказывает положительное влияние на воспринимающую культуру. В тех же случаях, когда она трактуется прежде всего политически, она, в силу особенностей самого восприятия Пушкинских торжеств в России, часто дает материал для осмысления России как Другого, при сравнении с которым особые, чаще всего положительные, черты истории, политики и культуры англоязычных стран оказываются, по мнению авторов статей, особенно очевидными[35]. Это проявляется даже в тех случаях, когда предположительно исходные предпосылки интерпретации текста «Речи» являются культурологическими, однако в контексте постмодернистской культурологии они все равно превращаются в «продолжение политики иными средствами». Можно также высказать предположение, что общая оценка историко-политических и философско-религиозных высказываний Достоевского варьируется в зависимости от изменения политического климата в самой России и соответствующего изменения отношения к России как политическому субъекту на Западе. Такова особенность поэтического и политического восприятия Пушкинской речи после триумфа Достоевского.

---

[34] Стюарт описывает результаты Русско-турецкой войны: она дорого стоила России, а Берлинский трактат был воспринят как унижение России европейскими державами [Stewart: 209]. Победой России исход этой войны не называется.

[35] О России как «конституирующем Другом» США см., например: [Журавлева]. В целом восприятие Пушкинской речи коррелирует с циклами повышенных ожиданий и разочарования в России, которые В. И. Журавлева отмечает в российско-американских отношениях.

Список литературы

1. Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 560 с.
2. Викторович В. А. Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну: 15 лекций для проекта «Магистерия». М.: Rosebud Publishing, 2019. 451 с. EDN: XBTTOY
3. Гайденко П. П. Волюнтативная метафизика и новоевропейская культура // Три подхода к изучению культуры: сб. ст. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т мировой культуры; под ред. В. В. Иванова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 5–74.
4. Дорофеева Е. А. Пушкин в мировой литературе // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2019. Вып. 4. С. 110–117 [Электронный ресурс]. URL: https://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=1402 (10.03.2026). DOI: 10.15393/j103.art.2019.1402. EDN: NVBKZJ
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
6. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 1136 с. EDN: RBYFLB
7. Захаров В. Н. По поводу одного мифа о Достоевском // Север. 1985. № 11. С. 113–120.
8. Июдин Д. А. Почему Достоевский назвал Пушкина «главным Славянофилом России»? // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 4. С. 258–273 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1734437461.pdf (10.03.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7701. EDN: XPRPLJ
9. Июдин Д. А. Полемика о славянофилах в «Гражданине» Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 1. С. 53–62 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1780650557.pdf (10.03.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2026.8481. EDN: BXLSLO
10. Кожев А. В. Введение в чтение Гегеля: лекции по «Феноменологии духа», читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / подборка и публ. Реймонд Кено; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2003. 792 с. (Сер.: Слово о сущем; т. 44.) EDN: XVULBD
11. Королева С. Б. Пушкинская речь Достоевского как архетекст английской пушкинистики XX века // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 1 (29). С. 197–219 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2025-1/06_Koroleva_197-219.pdf (10.03.2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2025-1-197-219. EDN: UNIZKY
12. Левитт М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / пер. с англ. И. Н. Владимирова, В. Д. Рака. СПб.: Акад. проект, 1994. 265 с. (Сер.: Современная западная русистика.)
13. Мамонов А. В. Лорис-Меликов Михаил Тариелович // Большая российская энциклопедия: в 30 т. / РАН; науч.-ред. совет: пред. Ю. С. Осипов, С. Л. Кравец (отв. ред.) и др. М.: Большая российская энциклопедия, 2008. Т. 11. С. 51–52.
14. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); редкол.: С. А. Макашин (гл. ред.) и др. М.: Худож. лит., 1976. Т. 19. Кн. 1: Письма. 1876–1881 / подгот. текста и примеч. В. Э. Бограда. 239 с.
15. Тихомиров Б. Н. Стихотворное «Послание Белинского к Достоевскому»: итоги и проблемы изучения // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 62–85 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568011144.pdf (10.03.2026). DOI: 10.15393/j9. art.2019.6342. EDN: UHXMNA

16. Фокин П. Е. Европа знакомится с Достоевским: из истории переводов произведений русского писателя // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4. № 3. С. 64–78 [Электронный ресурс]. URL: https://phillet.hse.ru/article/view/13026/13047 (10.03.2026). DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-3-64-78. EDN: HHRKXL
17. Эрлих С. Е.*[36]Очередное открытие американской славистики // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 159–166.
18. Belknap R. I. Dostoevsky's Nationalist Ideology and Rhetoric // Russia: The Spirit of Nationalism / ed. Ch. A. Moser, A. Paolucci; introd. by A. Paolucci. New York: St. John's University, 1972. P. 89–100. (Ser.: Review of National Literatures; vol. 3, no. 1.)
19. Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics // Nation and Ideology: Essays in Honor of Wayne S. Vucinich / ed. I. Banac, J. G. Ackerman, R. Szporluk; forew. by ed. Boulder (CO): East European Monographs; New York: Columbia University Press, 1981. P. 315–333. (Ser.: East European Monographs; no. 95.)
20. Frank J. Dostoevsky. The Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2002. 784 p.
21. Genette G. Palimpsestes: la littérature au second degré. Paris: Éditions du Seuil, 1982. 476 p. (Ser.: Collection Poétique.)
22. Hudspith S. Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood. London; New York: Routledge, 2004. 240 p. (Ser.: BASEES / RoutledgeCurzon series on Russian and East European studies; 6.)
23. Hudspith S. Dostoevsky and the Idea of Russianness: The Case for a Decolonial Critique. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://networks.h-net.org/group/blog/20008672/dostoevsky-and-idea-russianness-case-decolonial-critique (10.03.2026).
24. Jackson R. L. Dialogues with Dostoevsky: The Overwhelming Questions. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1993. 346 p.
25. Leatherbarrow W. J. Pushkin and the Early Dostoevsky // The Modern Language Review. 1979. Vol. 74. No. 2. P. 366–385. DOI: 10.2307/3727790
26. Levitt M. C. Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880. Ithaca: Cornell University Press, 1989. 240 p.
27. Martin D. W. The Pushkin Celebrations of 1880: The Conflict of Ideals and Ideologies // The Slavonic and East European Review. 1988. Vol. 66. No. 4. P. 505–525.
28. Morson G. S. Gogol's Parables of Explanation: Nonsense and Prosaics // Essays on Gogol: Logos and the Russian Word / ed. by S. Fusso, P. Meyer. Evanston (Ill.): Northwestern University Press, 1992. P. 203–239. (Ser.: Studies in Russian Literature and Theory.)
29. Morson G. S. Introductory Study: Dostoevsky's Great Experiment // Dostoevsky F. A Writer's Diary: in 2 Vols / trans. by Kenneth Lantz. Evanston (Ill.): Northwestern University Press, 1993. Vol. 1. P. 1–117.
30. Moss W. G. "Prophet, Prophet": Dostoevsky's Pushkin Speech // Moss W. G. Russia in the Age of Alexander II, Tolstoy and Dostoevsky. London: Anthem Press, 2012. P. 214–223.
31. Pollard A. P. Dostoevsky's Pushkin Speech and the Politics of the Right Under the Dictatorship of the Heart // Canadian-American Slavic Studies. 1983. Vol. 17. No. 2. P. 222–256.
32. Sandler S. Commemorating Pushkin. Russia's Myth of a National Poet. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 2004. 432 p.

* Данный материал (статья) создан и (или) распространен иностранным агентом (С. Е. Эрлихом) либо касается деятельности иностранного агента (18+).

33. Smith A. Pushkin as a Cultural Myth: Dostoevskii's Pushkin Speech and Its Legacy in Russian Modernism // Dostoevskii's Overcoat: Influence, Comparison, and Transposition / ed. by J. Andrew and R. Reid. Amsterdam; New York: Rodopi, 2013. P. 123–147. (Ser.: Studies in Slavic Literature and Poetics; vol. 58.)
34. Stewart N. Pushkin 1880: Fyodor Dostoevsky Voices the Russian Self-Image // Commemorating Writers in Nineteenth-Century Europe. Nation-Building and Centenary Fever / eds. J. Leerssen, A. Rigney. London: Palgrave MacMillan, 2014. P. 203–223.
35. Thaden E. C. Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle: University of Washington Press, 1964. 271 p.
36. Trigos L. A. Creativity and Blackness — a Note on Yuri Tynyanov's "The Gannibals" // Under the Sky of My Africa. Alexander Pushkin and Blackness / eds. C. T. Nepomnyashchy, N. Svobodny, L. A. Trigos. Evanson (Ill.): Northwestern University Press, 2006. P. 369–376.
37. Vladiv-Glover S. M. Dostoevsky's View of Russian History and Assimilation of Hegel's Concept of "Spirit" // The Dostoevsky Journal. 2022. Vol. 23. No. 1. P. 75–89 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/366689893_Dostoevsky's_View_of_Russian_History_and_Assimilation_of_Hegel's_Concept_of_Spirit (10.03.2026). DOI: 10.1163/23752122-02301008
38. Zernov N. Eastern Christendom. A Study of the Origin and Development of the Eastern Orthodox Church. London: Readers Union Weidenfeld and Nicolson, 1963. 325 p.
39. Zohrab I. "The Slavophiles" by M. P. Pogodin. An Introduction and Translation // New Zealand Slavonic Journal. 1982. P. 29–87.
40. Zohrab I. Constructs of Pushkin on the Pages of "The Citizen" and Dostoevsky's Globalisation of the "People's Poet" in the Context of Russia as Europe's Other // New Zealand Slavonic Journal. 1999. P. 119–181.

References

1. Bonetskaya N. K. *Bakhtin glazami metafizika* [*Bakhtin Through the Eyes of a Metaphysician*]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. *Dostoevskiy. Pisatel', zaglyanuvshiy v bezdnu*: *15 lektsiy dlya proekta "Magisteriya"* [*Dostoevsky. The Writer Who Looked into the Abyss*: *15 Lectures for the "Magisterium" Project*]. Moscow, Rosebud Publishing Publ., 2019. 451 p. EDN: XBTTOY (In Russ.)
3. Gaydenko P. P. Voluntary Metaphysics and Modern European Culture. In: *Tri podkhoda k izucheniyu kul'tury*: *sbornik statey* [*Three Approaches to the Study of Culture*: *Collection of Articles*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1997, pp. 5–74. (In Russ.)
4. Dorofeeva E. A. Pushkin in World Literature. In: *Al'manakh severoevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy* [*Nordic and Baltic Studies Review*], 2019, issue 4, pp. 110–117. Available at: https://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=1402 (accessed on March 10, 2026). DOI: 10.15393/j103.art.2019.1402. EDN: NVBKZJ (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 30 tomakh* [*The Complete Works*: *in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Zhuravleva V. I. *Ponimanie Rossii v SSHA*: *obrazy i mify, 1881–1914* [*Understanding Russia in the United States*: *Images and Myths, 1881–1914*]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2012. 1136 p. EDN: RBYFLB (In Russ.)
7. Zakharov V. N. About One Myth Concerning Dostoevsky. In: *Sever*, 1985, no. 11, pp. 113–120 (In Russ.)
8. Iudin D. A. Why Did Dostoevsky Name Pushkin "the Main Slavophile of Russia"? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2024, vol. 11, no. 4, pp. 258–273. Available at: https://

unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1734437461.pdf (accessed on March 10, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7701. EDN: XPRPLJ (In Russ.)
9. Iudin D. A. Controversy over Slavophiles in Dostoevsky's "Grazhdanin". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 1, pp. 53–62. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1780650557.pdf (accessed on March 10, 2026). DOI: 10.15393/j10.art. 2026.8481. EDN: BXLSLO (In Russ.)
10. Kozhev A. V. *Vvedenie v chtenie Gegelya*: *lektsii po "Fenomenologii dukha", chitavshiesya s 1933 po 1939 g. v Vysshey prakticheskoy shkole* [*Introduction to Reading Hegel*: *Lectures on the "Phenomenology of Spirit", Given from 1933 to 1939 at the Higher Practical School*]. 2nd ed. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 792 p. (Ser.: A Word About Being; vol. 44.) EDN: XVULBD (In Russ.)
11. Koroleva S. B. Dostoevsky's "Pushkin Speech" as the Archetext of English Pushkin Studies of the 20th Century. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2025, no. 1 (29), pp. 197–219. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2025-1/06_Koroleva_197-219.pdf (accessed on March 10, 2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2025-1-197-219. EDN: UNIZKY (In Russ.)
12. Levitt M. Ch. *Literatura i politika*: *Pushkinskiy prazdnik 1880 goda* [*Literature and Politics*: *The Pushkin Celebration of 1880*]. St. Petersburg, Akademicheskiy proekt Publ., 1994. 265 p. (Ser.: Modern Western Russian Studies.) (In Russ.)
13. Mamonov A. V. Loris-Melikov Mikhail Tarielovich. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya*: *v 30 tomakh* [*The Great Russian Encyclopedia*: *in 30 Vols*]. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2008, vol. 11, pp. 51–52. (In Russ.)
14. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy*: *v 20 tomakh* [*The Collected Works*: *in 20 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976, vol. 19, book 1: Letters. 1876–1881. 239 p. (In Russ.)
15. Tikhomirov B. N. The Poems "The Missive of Belinsky to Dostoevsky": Results and Problems of the Study. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2019, vol. 17, no. 3, pp. 62–85. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568011144.pdf (accessed on March 10, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6342. EDN: UHXMNA (In Russ.)
16. Fokin P. E. Europe Meets Dostoevsky: From the History of Translations of Russian Writer Works. In: *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog* [*Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*], 2021, vol. 4, no. 3, pp. 64–78. Available at: https://phillet.hse.ru/article/view/13026/13047 (accessed on March 10, 2026). DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-3-64-78. EDN: HHRKXL (In Russ.)
17. Erlikh S. E. Another Discovery of American Slavistics. In: *Voprosy istorii*, 2011, no. 1, pp. 159–166. (In Russ.)
18. Belknap R. I. Dostoevsky's Nationalist Ideology and Rhetoric. In: *Russia*: *The Spirit of Nationalism*. New York, St. John's University Publ., 1972, pp. 89–100. (Ser.: Review of National Literatures; vol. 1, no. 1.) (In English)
19. Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics. In: *Nation and Ideology: Essays in Honor of Wayne S. Vucinich*. Boulder (Colorado), East European Monographs Publ., New York, Columbia University Press Publ., 1981, pp. 315–333. (Ser.: East European Monographs; no. 95.) (In English)
20. Frank J. *Dostoevsky. The Mantle of the Prophet, 1871–1881*. Princeton, Oxford, Princeton University Press Publ., 2002. 784 p. (In English)
21. Genette G. *Palimpsestes*: *la littérature au second degré* [*Palimpsests*: *Literature in the Second Degree*]. Paris, Éditions du Seuil Publ., 1982. 476 p. (Ser.: Collection Poétique.) (In French)

22. Hudspith S. *Dostoevsky and the Idea of Russianness*: *A New Perspective on Unity and Brotherhood*. London, New York, Routledge Publ., 2004. 240 p. (Ser.: BASEES / RoutledgeCurzon Series on Russian and East European Studies; 6.) (In English)
23. Hudspith S. *Dostoevsky and the Idea of Russianness: The Case for a Decolonial Critique*. 2023. Available at: https://networks.h-net.org/group/blog/20008672/dostoevsky-and-idea-russianness-case-decolonial-critique (accessed on March 10, 2026). (In English)
24. Jackson R. L. *Dialogues with Dostoevsky*: *The Overwhelming Questions*. Stanford (California), Stanford University Press Publ., 1993. 346 p. (In English)
25. Leatherbarrow W. J. Pushkin and the Early Dostoevsky. In: *The Modern Language Review*, 1979, vol. 74, no. 2, pp. 366–385. DOI: 10.2307/3727790 (In English)
26. Levitt M. C. *Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880*. Ithaca, Cornell University Press Publ., 1992. 240 p. (In English)
27. Martin D. W. The Pushkin Celebrations of 1880: The Conflict of Ideals and Ideologies. In: *The Slavonic and East European Review*, 1988, vol. 66, no. 4, pp. 505–525. (In English)
28. Morson G. S. Gogol's Parables of Explanation: Nonsense and Prosaics. In: *Essays on Gogol*: *Logos and the Russian Word*. Evanston (Illinois), Northwestern University Press Publ., 1992, pp. 203–239. (Ser.: Studies in Russian Literature and Theory.) (In English)
29. Morson G. S. Introductory Study: Dostoevsky's Great Experiment. In: *Dostoevsky F. A Writer's Diary*: *in 2 Vols*. Evanston (Illinois), Northwestern University Press Publ., 1993, vol. 1, pp. 1–117. (In English)
30. Moss W. G. "Prophet, Prophet": Dostoevsky's Pushkin Speech. In: *Moss W. G. Russia in the Age of Alexander II, Tolstoy and Dostoevsky*. London, Anthem Press Publ., 2012, pp. 214–223. (In English)
31. Pollard A. P. Dostoevsky's Pushkin Speech and the Politics of the Right Under the Dictatorship of the Heart. In: *Canadian-American Slavic Studies*, 1983, vol. 17, no. 2, pp. 222–256. (In English)
32. Sandler S. *Commemorating Pushkin. Russia's Myth of a National Poet*. Stanford (California), Stanford University Press Publ., 2004. 432 p. (In English)
33. Smith A. Pushkin as a Cultural Myth: Dostoevskii's Pushkin Speech and Its Legacy in Russian Modernism. In: *Dostoevskii's Overcoat*: *Influence, Comparison, and Transposition*. Amsterdam, New York, Rodopi Publ., 2013, pp. 123–147. (Ser.: Studies in Slavic Literature and Poetics; vol. 58.) (In English)
34. Stewart N. Pushkin 1880: Fyodor Dostoevsky Voices the Russian Self-Image. In: *Commemorating Writers in Nineteenth-Century Europe. Nation-Building and Centenary Fever*. London, Palgrave MacMillan Publ., 2014, pp. 203–223. (In English)
35. Thaden E. C. *Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia*. Seattle, University of Washington Press Publ., 1964. 271 p. (In English)
36. Trigos L. A. Creativity and Blackness — a Note on Yuri Tynyanov's "The Gannibals". In: *Under the Sky of My Africa. Alexander Pushkin and Blackness*. Evanson (Illinois), Northwestern University Press Publ., 2006, p. 369–376. (In English)
37. Vladiv-Glover S. M. Dostoevsky's View of Russian History and Assimilation of Hegel's Concept of "Spirit". In: *The Dostoevsky Journal*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 75–89. Available at: https://www.researchgate.net/publication/366689893_Dostoevsky's_View_of_Russian_History_and_Assimilation_of_Hegel's_Concept_of_Spirit (accessed on March 10, 2026). DOI: 10.1163/23752122-02301008 (In English)
38. Zernov N. *Eastern Christendom. A Study of the Origin and Development of the Eastern Orthodox Church*. London, Readers Union Weidenfeld and Nicolson Publ., 1963. 325 p. (In English)

39. Zohrab I. "The Slavophiles" by M. P. Pogodin. An Introduction and Translation. In: *New Zealand Slavonic Journal*, 1982, pp. 29–87. (In English)
40. Zohrab I. Constructs of Pushkin on the Pages of "The Citizen" and Dostoevsky's Globalisation of the "People's Poet" in the Context of Russia as Europe's Other. In: *New Zealand Slavonic Journal*, 1999, pp. 119–181. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ковалевская Татьяна Вячеславовна, доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой европейских языков Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл., 6, г. Москва, Российская Федерация, 125047); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0527-2289; e-mail: tkowalewska@yandex.ru.

Tatyana V. Kovalevskaya, PhD (Philosophy), PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of European Languages of the Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities (pl. Miuskaya 6, Moscow, 125047, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0527-2289; e-mail: tkowalewska@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.03.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.05.2026
Принята к публикации / Accepted 25.05.2026
Дата публикации / Date of publication 31.07.2026

Научная статья
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8543
EDN: HJZIQR

«Московские» аксиологемы Достоевского в переводах на европейские языки: критический анализ

В. В. Борисова

Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Российская Федерация);
Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского») (г. Москва, Российская Федерация);
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Российская Федерация)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Аннотация. В статье представлен критический анализ перевода на английский и французский языки ключевых в языке Достоевского слов «общечеловек» и «всечеловек», имеющих московские корни и связанных с «московской формулой», выражающей русскую идею. Они функционируют в текстах писателя как антиаксиологема и аксиологема; последняя представляет собой идеал развития русского человека. Обе лексемы зафиксированы в «Словаре языка Достоевского» и в «Терминологическом словаре-тезаурусе "евангельского текста" Ф. М. Достоевского». Однако интерпретация этих авторских концептов писателя до сих пор вызывает проблемы, которые особенно очевидны в переводческой практике. В проанализированных переводах данных лексем при всем стремлении к точности отмечены показательные примеры отсутствия как эквивалентности, так и адекватности в передаче их концептуального смысла. Выбранные европейскими переводчиками словарные значения не всегда соответствуют авторскому контексту и стилю в публицистике Достоевского, в «Записках из подполья» и романе «Бесы», приводя к существенным семантическим и аксиологическим сдвигам. Проведенный анализ показал, что сложная проблема дифференцированного перевода лексем «общечеловек» и «всечеловек» сохраняет свою актуальность. Сделан вывод о том, что при решении проблемы адекватной рецепции и интерпретации важных в языке писателя слов «общечеловек» и «всечеловек» исследователям необходимо учитывать лексико-семантические, стилистические, аксиологические особенности их функционирования в текстах Достоевского и в русской литературе и культуре в целом.

Ключевые слова: Достоевский, аксиология, общечеловек, всечеловек, рецепция, переводы

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00190 «Москва Достоевского: новые источники и исследования», https://rscf.ru/project/26-18-00190/).

Для цитирования: Борисова В. В. «Московские» аксиологемы Достоевского в переводах на европейские языки: критический анализ // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 58–67. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8543. EDN: HJZIQR

© В. В. Борисова, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8543
EDN: HJZIQR

Dostoevsky's Moscow Axiologems in Translations into European Languages: A Critical Analysis

Valentina V. Borisova

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russian Federation);
V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(Museum Center "Moscow House of Dostoevsky")
(Moscow, Russian Federation);
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
(Ufa, Russian Federation)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Abstract. The article presents a critical analysis of the translation of Dostoevsky's key words "ordinary or typical human being" and "all-man" into English and French. These terms function in the writer's texts as an antiaxiologeme and an axiologeme respectively, expressing the ideal of the Russian person's development. Both lexemes are recorded in "Dostoevsky's Dictionary of the Language" and in the "Terminological Dictionary-Thesaurus of Dostoevsky's "Gospel Text"." However, the interpretation of these authorial concepts still poses difficulties, which become especially evident in translation practice. In the analyzed translations of these lexemes, despite all efforts toward accuracy, there are clear instances of a lack of both equivalence and adequacy in the transmission of their conceptual meaning are noted. The dictionary meanings chosen by European translators do not always correspond to the author's context and style in Dostoevsky's journalism, in "Notes from Underground," and in the novel "Demons," leading to significant semantic and axiological shifts. The analysis shows that the complex problem of differentiated translation of the lexemes "ordinary or typical human being" and "all-man" remains relevant. The conclusion is drawn that, in solving the complex problem of adequate reception and interpretation of the words "ordinary or typical human being" and "all-man," which are important in the writer's language, it is necessary to take into account the lexico-semantic, stylistic, axiological features of their functioning in Dostoevsky's texts and in Russian literature and culture in general.

Keywords: Dostoevsky, axiology, ordinary or typical human being, all-man, reception, translations

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 26-18-00190 "Dostoevsky's Moscow: New Sources and Research", https://rscf.ru/project/26-18-00190/).

For citation: Borisova V. V. Dostoevsky's Moscow Axiologems in Translations into European Languages: A Critical Analysis. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 58–67. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8543. EDN: HJZIQR (In Russ.)

«Общечеловек» и «всечеловек» — ключевые в тезаурусе Достоевского понятия. И хотя не только исследователи, но и сам автор объяснили их значения, в современном философском и филологическом дискурсе они нередко отождествляются или неверно интерпретируются (подробнее об этом: [Борисова], [Захаров]).

Проблемы их понимания особенно очевидны в переводческой практике[1]. Они вызваны тем, что оба слова являются, по сути, окказионализмами и отличаются национальной спецификой в аксиологическом и семантическом плане, имея московские корни и выражая «московскую формулу» русской идеи, что трудно передать на другом языке.

В этой связи Т. А. Касаткина и А. Б. Кузнецова справедливо отмечают, что «наибольшие проблемы подстерегают переводчика, когда он имеет дело <…> с выраженными авторскими концептами» [Касаткина, Кузнецова: 132]. Без учета контекста и авторского смысла их перевод нередко приводит к существенному семантическому и аксиологическому сдвигу.

Хотя европейские критики и переводчики признают, что значимые слова Достоевского, и в особенности «всечеловек», являются особыми знаками русскости (см. об этом: [Королева: 198]), в имеющихся переводах нередко отсутствует как эквивалентность (максимально возможное лексико-семантическое соответствие оригинального и переводного текстов) [Комиссаров, 1990: 79; 2002], так и адекватность (соответствие оригинальной единицы перевода коммуникативной установке автора) [Ванников: 35] перевода лексем «общечеловек» и «всечеловек» вместе с их производными.

В арсенале переводчиков ключевые слова Достоевского представлены следующим образом: “universal man”, “universal human” (в обратном переводе — универсальный человек), “universal humanity man” (общечеловеческий человек), “all-man”, “all-person” (все-человек), “common man” (обычный человек), “ordinary or typical human being” (обычный или типичный человек), “everyman” (каждый человек, человек вообще), “generalised man” (обобщенный человек)[2].

Здесь налицо вариативность значимых «единиц перевода»[3]. Наиболее эквивалентный, на наш взгляд, вариант обусловлен семантико-структурным соответствием англоязычных лексем “all-man”, “all-person” и исходного русского слова «всечеловек». Достаточно адекватен и вариант для слова «общечеловек»: “ordinary or typical human being”.

Однако в реальной переводческой практике данные словарные значения не всегда соответствуют авторскому контексту и стилю. Так, Констанс Гарнетт перевела фразу из романа «Бесы» «Виргинский — общечеловек…» следующим образом: “Virginsky is a universal humanity man” [Dostoevsky,

---

[1] Выражаю благодарность переводчикам Елене Дмитриевне Гальцовой, доктору филологических наук, главному научному сотруднику ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; Татьяне Валериевне Коротченко, кандидату филологических наук, доценту отделения иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета; Татьяне Вячеславовне Ковалевской, доктору философских наук, зав. кафедрой европейских языков РГГУ за предоставленные материалы и помощь.

[2] См.: Cambridge English-Russian Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/ (03.06.2026).

[3] Термин введен В. Н. Комиссаровым [Комиссаров, 1973: 186].

1913: 207]. В этом переводе исчезла предельно ироническая окраска в сатирической характеристике героя в исходном тексте.

Аналогичен в этом плане и перевод Виктора Дерели на французский язык: “Virguinsky est un humanitaire” (буквально — гуманист, от прилагательного «человечный», «гуманитарный», «гуманный») [Dostoïevski, 1886: 274].

В переводе романа «Бесы», выполненном Ричардом Пивером совместно с Ларисой Волохонской, предложение «Виргинский — общечеловек» выглядит уже как “Virginsky — an omni-man”, что в современном культурном контексте воспринимается почти как «супермен» [Dostoevsky, 2000: 128].

В стилистическом и семантическом плане более корректны переводы «Записок из подполья», в которых адекватно реализуется отрицательное значение слова «общечеловек»:

> «Мы даже и человеками-то быть тяготимся, — человеками с настоящим, *собственным* телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывалыми *общечеловеками*» [Д30; т. 5: 179] / “We are oppressed at being men — men with a real individual body and blood, we are ashamed of it, we think it a disgrace and try to contrive to be some sort of impossible *generalised man*” (в обратном переводе: обобщенный человек) [Dostoevsky, 1961: 203].

Это наиболее частотный и стандартный вариант перевода, представленный в массовых электронных изданиях произведения Достоевского (см., например: [Dostoevsky, 2003: 122], [Dostoevsky, 2017]).

Близок к оригиналу следующий перевод:

> “We feel ashamed; we consider it a disgrace and we strive to become a type of impossible "nominal human beings"” (в обратном переводе: номинальный человек: условный, номинальный, существующий только в виде слова) [Dostoevsky, 2019: 147].

Наиболее адекватен, на наш взгляд, перевод Д. Кентиш:

> “strive to be some kind of imaginary general type” (стремиться быть каким-то воображаемым общим типом) [Dostoevsky, 2008: 123].

Другой переводчик Борис Яким значение лексемы «общечеловек» передал, используя множественное число («универсальные люди»): “some sort of nonexistent universal human beings”, что не соответствует исходному слову с негативной коннотацией [Dostoevsky, 2009: 116].

По-своему перевел лексему «общечеловек» в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Дэвид Паттерсон:

> «…вощичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, общечеловека всемирного, гомункула…» [Д30; т. 5: 59] / “a piece of wax from which the real man can be immediately molded, the *general, universal man, the*

> *homunculus…*" (в обратном переводе: кусок воска, из которого может быть немедленно сделан настоящий человек, общий, универсальный человек, гомункул…) [Dostoevsky, 1997: 38].

Здесь в словосочетании "*general man*", синонимичном слову «*гомункул*», сохраняется отрицательная коннотация, которая отсутствует в избыточном в данном случае выражении "*universal man*".

Особенно показательны переводы Пушкинской речи Достоевского, поскольку именно в ней в полной мере представлен весь спектр значений аксиологемы «всечеловек». В первом переводе «Речи» на французский язык русское слово «всечеловек» передано двумя словами "l'homme universel" (буквально: универсальный человек). Корреляты «всемирная отзывчивость» и «всеобщее братство» переведены как "la sympathie universelle" и "la fraternité universelle" [Dostoïevski, 1904: 603].

Фраза:

> «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите» [Д30; т. 26: 147]

переведена В. Бинштоком следующим образом:

> "Oui, la destinée du Russe est pan-européenne et universelle. Devenir un vrai Russe ne signifie peut-être que devenir le frère de tous les hommes, l'homme universel, si je puis m'exprimer ainsi" [Dostoïevski, 1904: 603].

Это достаточно вольный перевод: выражение «назначение русского человека» переведено как «*судьба России — общеевропейская/всеевропейская и универсальная/всемирная, всеобъемлющая*».

Ключевой концепт «русская душа» (в западноевропейском варианте «загадочная русская душа») в Пушкинской речи Достоевского дополнен важными определениями «всечеловечная» и «воссоединяющая»:

> «…будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске *в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей,* вместить в нее с братскою любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» (курсив наш. — *В. Б.*) [Д30; т. 26: 148].

Ср. с французским переводом:

> "Oui, tous les Russes de l'avenir se rendront compte que se montrer un vrai Russe c'est chercher un vrai terrain de conciliation pour toutes les contradictions européennes;

> et l'âme russe y pourvoira, *l'âme russe universellement unifiante* qui peut englober dans un même amour tous les peuples, nos frères, et prononcer enfin les mots d'où sortira l'union de tous les hommes, selon l'Évangile du Christ!" [Dostoïevski, 1904: 603].

Здесь «русская душа» в буквальном переводе представлена как «*общечеловечески/универсально объединяющая душа*».

Слова Достоевского о пушкинской способности к всемирной отзывчивости («мы уже можем указать на Пушкина, на *всемирность и всечеловечность* его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные» (курсив наш. — *В. Б.*) [Д30; т. 26: 148]) переведены как "Pouschkine a su admirablement incarner en lui l'âme de tous les peuples" [Dostoïevski, 1904: 602]. Буквально: «Пушкин прекрасно умел воплощать в себе душу всех народов». Нужных слов *всемирность и всечеловечность* в этом переводе нет.

В целом очевидно, что наиболее проблематичным остается перевод слова «всечеловек»: чаще всего оно, вместе с производными «всечеловечность», «всечеловеческий», синонимически отождествляется с лексемами «универсальный» и «общечеловеческий», что принципиальным образом не соответствует авторскому словоупотреблению.

Перейдем к английским переводам Пушкинской речи Достоевского. Анализируя ее, один из наиболее видных и авторитетных литературных критиков Джон Миддлтон Мерри подчеркнул: «Русская мысль, которая должна обновить человечество, нашла в ней свое наиболее совершенное выражение» [Murry, 1916b: XII].

Однако в переводе Мерри лексема «всечеловечный», утратив христианский пафос, передана как "universal", а «всечеловек» как "omni-human" [Murry, 1916a: 260]. Аналогично и Дж. Бейли перевел «всечеловечность» как "universality" [Bayley: 18].

Другой британский славист, писатель и переводчик М. Бэринг в переводе лексемы «всеобъемлющая человечность» / «всечеловечность» использовал выражение "this all-embracing humanity". Далее, выделяя сделанный Достоевским акцент на русскости пушкинского гения, М. Бэринг ввел греческое слово πανάνθρωπος:

> «Достоевский называет ее всечеловечностью — способностью к пониманию всего и всех» / "Dostoyevsky calls him πανάνθρωπος — this capacity for understanding everything and everybody" [Baring: 96].

При всем стремлении к точности перевода М. Бэринг в своей интерпретации «всечеловечности» по сути отождествил ее с «всемирной отзывчивостью», хотя у Достоевского эти понятия не синонимичны.

Более современный перевод русского эмигранта Б. Бразоля, выполненный в 1947 и опубликованный в 1985 г., при достаточной адекватности также отличается секулярной трансформацией ключевых слов Достоевского, что видно из следующих примеров:

> «Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих *ко всемирности и ко всечеловечности*?» (курсив наш. — *В. Б.*) [Д30; т. 26: 147] / "For what else is the strength of the Russian national spirit than the aspiration, in its ultimate goal, for *universality and all-embracing humanitarianism*?" [Dostoevsky, 1985: 979].

Буквально: универсальность и всеобъемлющий гуманизм. См. также:

> «Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному *воссоединению, к единению всечеловеческому*!» (курсив наш. — *В. Б.*) [Д30; т. 26: 147] / "Indeed, at once we began to strive impetuously for the most vital *universal all-humanitarian fellowship*" [Dostoevsky, 1985: 979].
>
> «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать *братом всех людей, всечеловеком,* если хотите» (курсив наш. — *В. Б.*) [Д30; т. 26: 147] / "To become a genuine and all-round Russian means, perhaps (and this you should remember), to become *brother of all men, a universal man*, if you please" [Dostoevsky, 1985: 979].

Большей эквивалентностью и адекватностью отмечен перевод названия главки «Похороны общечеловека»: "The Funeral of the "*Universal Man*"" [Dostoevsky, 1985: 653], однако в самом тексте Б. Бразолю не удалось решить проблему дифференцированного перевода непростого суждения Достоевского с авторским уточняющим комментарием, в котором принципиально важным является противопоставление «общечеловека» — «общему человеку» в значении «всечеловек»:

> «Кстати, почему я назвал старичка доктора "общечеловеком"? Это был не общечеловек, а скорее общий человек» [Д30; т. 25: 90] / "By the way, why did I call the little old doctor a "universal man"? He was rather a *common man,* and not a "*universal man*"" [Dostoevsky, 1985: 656].

Корректнее — наоборот:

> "By the way, why did I call the little old doctor a "*common man*"? He was rather a "*universal man*", and not a "*common man*"".

Таким образом, проведенный критический анализ репрезентативных примеров передачи авторских концептов Достоевского на английском и французском языках показывает, что сложная проблема дифференцированного перевода лексем «общечеловек» и «всечеловек» сохраняет свою актуальность.

Для ее решения необходим комплексный подход, в котором реализация той или иной переводческой стратегии дополняется адекватной рецепцией и интерпретацией с учетом лексико-семантических, стилистических, аксиологических особенностей функционирования важнейших аксиологем в текстах великого русского классика и в русской литературе и культуре в целом.

Список литературы

1. Борисова В. В. Общечеловек // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; науч. ред. Г. К. Щенников; ЧелГУ. Челябинск: Металл, 1997. С. 34. (Сер.: Достоевский и русская культура.)
2. Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода: типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод / В. Н. Комиссаров, Л. А. Черняховская, Л. К. Латышев и др.; отв. ред. А. Д. Швейцер; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. С. 34–37.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
4. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 150–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (03.06.2026). EDN: RTXNCP
5. Касаткина Т. А., Кузнецова А. Б. Проблемы перевода Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 117–133 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2020-4/04_Kasatkina_117-133.pdf (03.06.2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2020-4-117-133. EDN: HFLLVZ
6. Комиссаров В. Н. Слово о переводе: очерк лингвистического учения о переводе. М.: Междунар. отношения, 1973. 215 с.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
9. Королева С. Б. «Пушкинская речь» Достоевского как архетекст английской пушкинистики XX века // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 1 (29). С. 197–219 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2025-1/06_Koroleva_197-219.pdf (03.06.2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2025-1-197-219. EDN: UNIZKY
10. Baring M. An Outline of Russian Literature. London: Williams and Norgate, 1915. 270 p.
11. Bayley J. Pushkin: A Comparative Commentary. London, New York: Cambridge University Press, 1971. 378 p. (Ser.: Companion Studies.)
12. Dostoïevski F. Les Possédés. Paris: E. Plon, 1886. Vol. 1 / traduit du russe par Victor Derély. 905 p.
13. Dostoïevski F. M. Journal d'un écrivain / traduit du russe par J.-W. Bienstock et John-Antoine Nau. Paris: Charpentier, 1904. 818 p.
14. Dostoevsky F. The Possessed: A Novel in Three Parts / translated by Constance Garnett. New York: Macmillan, 1913. 668 p.
15. Dostoevsky F. Notes from Underground; White Nights; The Dream of a Ridiculous Man and Selections from the House of the Dead / a new translated with an afterword by Andrew R. MacAndrew. New York: New American Library, 1961. 240 p. (Ser.: A Signet classic; 90.)
16. Dostoevsky F. M. The Diary of a Writer / translated and annotated by B. Brasol. Salt Lake City: Peregrine Smith Books, 1985. 1098 p.
17. Dostoevsky F. Winter Notes on Summer Impressions / translated by David Patterson. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1997. 78 p.
18. Dostoevsky F. Demons / translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky, with an Introduction by Joseph Frank. London: Everyman's Library, 2000. 733 p.
19. Dostoevsky F. Notes from Underground, the Grand Inquisitor / from the Introduction by Ralph E. Matlow. New York: Penguin Publishing Group, 2003. 262 p.
20. Dostoevsky F. Notes from the Underground and The Gambler / translated by Jane Kentish; introduction by Malcolm Jones. Oxford University Press, 2008. 284 p.
21. Dostoevsky F. Notes from Underground / translated from the Russian by Boris Jakim. Grand Rapids, MI; Cambridge, UK: William B. Eerdmans Publishing, 2009. 118 p.

22. Dostoevsky F. Notes from Underground and The House of the Dead. New York: Musaicum Books, 2017. 543 p.
23. Dostoevsky F. Notes from Underground / translated by Constance Garnett. New York, 2019. 180 p.
24. Murry J. M. Fyodor Dostoevsky. A Critical Study. London: Martin Secker, 1916. 276 p. (a)
25. Murry J. M. Introduction // Dostoevsky F. Pages from the Journal of an Author / translated by S. S. Koteliansky and J. M. Murry. Boston: J. W. Luce and Co, 1916. P. VII–XIV. (b)

References

1. Borisova V. V. Ordinary or Typical Human Being. In: *Dostoevskiy*: *estetika i poetika*: *slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky*: *Aesthetics and Poetics*: *A Dictionary and Reference Guide*]. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, p. 34. (Ser.: Dostoevsky and Russian Culture.) (In Russ.)
2. Vannikov Yu. V. Problems of Translation Adequacy: Types of Adequacy, Types of Translation and Translation Activities. In: *Tekst i perevod* [*Text and Translation*]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 34–37. (In Russ.)
3. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 30 tomakh* [*The Complete Works*: *in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
4. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 150–164. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on June 3, 2026). EDN: RTXNCP (In Russ.)
5. Kasatkina T. A., Kuznetsova A. B. Dostoevsky: Translation Problems. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2020, no. 4 (12), pp. 117–133. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2020-4/04_Kasatkina_117-133.pdf (accessed on June 3, 2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2020-4-117-133. EDN: HFLLVZ (In Russ.)
6. Komissarov V. N. *Slovo o perevode*: *ocherk lingvisticheskogo ucheniya o perevode* [*A Word on Translation*: *An Essay on the Linguistic Theory of Translation*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1973. 215 p. (In Russ.)
7. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda* (*lingvisticheskie aspekty*) [*Translation Theory* (*Linguistic Aspects*)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russ.)
8. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [*Modern Translation Studies*]. Moscow, ETS Publ., 2002. 424 p. (In Russ.)
9. Koroleva S. B. Dostoevsky's "Pushkin Speech" as the Archetext of English Pushkin Studies of the 20th Century. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2025, no. 1 (29), pp. 197–219. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2025-1/06_Ksoroleva_197-219.pdf (accessed on June 3, 2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2025-1-197-219. EDN: UNIZKY (In Russ.)
10. Baring M. *An Outline of Russian Literature*. London, Williams and Norgate Publ., 1915. 270 p. (In English)
11. Bayley J. *Pushkin*: *A Comparative Commentary*. London, New York, Cambridge University Press Publ., 1971. 378 p. (Ser.: Companion Studies.) (In English)
12. Dostoïevski F. *Les Possédés* [*The Possessed*]. Paris, E. Plon Publ., 1886, vol. 1. 905 p. (In French)
13. Dostoïevski F. M. *Journal d'un écrivain* [*A Writer's Diary*]. Paris, Charpentier Publ., 1904. 818 p. (In French)
14. Dostoevsky F. *The Possessed*: *A Novel in Three Parts*. New York, Macmillan Publ., 1913. 668 p. (In English)

15. Dostoevsky F. *Notes from Underground*; *White Nights*; *The Dream of a Ridiculous Man and Selections from the House of the Dead*. New York, New American Library Publ., 1961. 240 p. (Ser.: A Signet Classic; 90.) (In English)
16. Dostoevsky F. M. *The Diary of a Writer*. Salt Lake City, Peregrine Smith Books Publ., 1985. 1098 p. (In English)
17. Dostoevsky F. *Winter Notes on Summer Impressions*. Evanston, Northwestern University Press Publ., 1997. 78 p. (In English)
18. Dostoevsky F. *Demon*s. London, Everyman's Library Publ., 2000. 733 p. (In English)
19. Dostoevsky F. *Notes from Underground, the Grand Inquisitor*. New York, Penguin Publishing Group Publ., 2003. 262 p. (In English)
20. Dostoevsky F. *Notes from the Underground and The Gambler*. Oxford University Press Publ., 2008. 284 p. (In English)
21. Dostoevsky F. *Notes from Underground* . Grand Rapids, MI, Cambridge, UK, William B. Eerdmans Publ., 2009. 118 p. (In English)
22. Dostoevsky F. *Notes from Underground and The House of the Dead*. New York, Musaicum Books Publ., 2017. 543 p. (In English)
23. Dostoevsky F. *Notes from Underground*. New York, 2019. 180 p. (In English)
24. Murry J. M. *Fyodor Dostoevsky. A Critical Study*. London, Martin Secker Publ., 1916. 276 p. (In English) (a)
25. Murry J. M. Introduction. In: *Dostoevsky F. Pages from the Journal of an Author*. Boston, J. W. Luce and Co Publ., 1916, pp. VII–XIV. (In English) (b)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет (ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034); ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского») (ул. Достоевского, 2, г. Москва, Российская Федерация, 103030); профессор кафедры русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9011-0160; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Leading Researcher, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center "Moscow House of Dostoevsky") (ul. Dostoevskogo 2, Moscow, 103030, Russian Federation); Professor of the Department of Russian Literature, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabr'skoy Revolutsii 3a, Ufa, 450008, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9011-0160; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 10.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.06.2026
Принята к публикации / Accepted 10.07.2026
Дата публикации / Date of publication 31.07.2026

Научная статья
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8541
EDN: GUALZJ

Новые источники биографии Марии Дмитриевны Достоевской (1824–1859)

И. В. Мирович✉

Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (г. Новокузнецк, Российская Федерация)

e-mail: mirovich.irina@mail.ru✉

Т. В. Панюкова

Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: aurinko75@mail.ru

Аннотация. В статье представлены новые факты биографии первой жены Ф. М. Достоевского Марии Дмитриевны (урожд. Констант, в 1-м браке Исаевой; 1824–1864). Публикуемые архивные изыскания охватывают два периода ее жизни. Первый период (1824–1850) — время детства и юности Марии Дмитриевны — связан с городами на юге Российской империи. Второй период (1851–1859) — это Западная Сибирь, где произошло ее знакомство и венчание с Ф. М. Достоевским. В научный оборот вводятся документальные источники: метрические книги, исповедные ведомости, формулярные списки, документы о рекрутской повинности. Они позволяют установить точную дату венчания Марии Дмитриевны с А. И. Исаевым, факт рождения и смерти их второго ребенка — дочери Ольги, а также факт кратковременного приезда семьи Исаевых из Сибири в Астрахань весной 1853 г. Впервые указаны точное имя матери М. Д. Достоевской — Варвары Ивановны Констант и некоторые биографические сведения о ней. Также впервые опубликована информация о ближайших родственниках Марии Дмитриевны со стороны первого мужа А. И. Исаева: его отчиме полковнике П. П. Уварове, его матери — Ольге Николаевне Олиной, сестрах Вере и Евгении, старшем брате Николае. Уточнены сведения о сибирском окружении М. Д. Исаевой-Достоевской: группе таможенных чиновников — сослуживцев А. И. Исаева, в число которых входил П. З. Сапожников — поручитель со стороны жениха на венчании Ф. М. Достоевского и кум Марии Дмитриевны. Установлено полное имя семипалатинского почтальона, Андрея Павловича Лепухина, в квартире которого Достоевские жили в 1857–1859 гг. Сравнительный анализ сохранившихся картографических материалов, справочников, архивных источников, мемуарных свидетельств и публикаций периодической печати XIX в. позволил уточнить адреса некоторых домов,

© И. В. Мирович, Т. В. Панюкова, 2026

в которых Мария Дмитриевна жила в 1824–1859 гг., и храмов, прихожанкой которых она являлась. Собранные факты могут дополнить новыми сведениями биографию Марии Дмитриевны Достоевской, а также уточнить информацию об окружении писателя.

Ключевые слова: Мария Дмитриевна Достоевская, Константы, Исаевы, Уваровы, Олины, Таганрог, Астрахань, Петропавловск, Семипалатинск, Кузнецк, архивный поиск, биография

Для цитирования: Мирович И. В., Панюкова Т. В. Новые источники биографии Марии Дмитриевны Достоевской (1824–1859) // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 68–114. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8541. EDN: GUALZJ

Original article
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8541
EDN: GUALZJ

New Sources of Biography of Maria Dmitrievna Dostoevskaya (1824–1859)

Irina V. Mirovich[1]✉, Tatiana V. Panyukova[2]

[1] *Literary and Memorial Museum of F. M. Dostoevsky (Novokuznetsk, Russian Federation)*

[2] *Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: mirovich.irina@mail.ru[1]✉, aurinko75@mail.ru[2]

Abstract. The article presents new facts about the biography of Maria Dmitrievna Dostoevskaya (1824–1864). The published archival research covers two periods of her life. The first period (1824–1850) is associated with cities in the south of the Russian Empire, where Maria Dmitrievna spent her childhood and youth. The second period (1851–1859) took place in Western Siberia, where she met and married Fyodor Dostoevsky. Documentary sources, such as marriage registers, confession books, form lists, and documents on conscription, are introduced into scientific circulation. These sources allow us to establish the exact date of Maria Dmitrievna's marriage to A. I. Isaev, the birth and death of their second child, Olga, as well as the brief visit of the Isaev family from Siberia to Astrakhan in the spring of 1853. For the first time, the exact name of Maria Dmitrievna's mother, Varvara Ivanovna Konstant, and some biographical information about her are provided. This is also the first time that information about Maria Dmitrievna's closest relatives on her first husband's side has been published: A. I. Isaev's stepfather, Colonel P. P. Uvarov, A. I. Isaev's mother, Olga Nikolaevna Olina, her sisters, Vera and Evgenia, and his older brother Nikolai. The article also provides additional information about Maria Dmitrievna's Siberian surroundings and the customs officials who served alongside A. I. Isaev, including P. Z. Sapozhnikov, who was the groom's father-in-law at Fyodor Dostoevsky's wedding and Maria Dmitrievna's godfather. The full name of the postman, Andrey Pavlovich Lepukhin, whose apartment the Dostoevskys lived in from 1857 to 1859, is established. A comparative analysis of surviving cartographic materials, reference books, archival sources, memoirs, and publications from the 19th century allowed us to clarify the addresses of the houses where M. D. Dostoevskaya lived from 1824 to 1859, as well as the churches where she was a parishioner. The collected facts can add new information to the biography of Maria Dmitrievna Dostoevskaya, as well as clarify information about the writer's surroundings.

Keywords: Maria Dmitrievna Dostoevskaya, Constants, Isaevs, Uvarovs, Olins, Taganrog, Astrakhan, Petropavlovsk, Semipalatinsk, Kuznetsk, archive search, biography

For citation: Mirovich I. V., Panyukova T. V. New Sources of Biography of Maria Dmitrievna Dostoevskaya (1824–1859). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 68–114. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8541. EDN: GUALZJ (In Russ.)

В 2024 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Марии Дмитриевны Достоевской, урожденной Констант, по 1-му мужу Исаевой. Ей суждено было стать первой женой писателя и разделить с ним один из самых сложных, переломных периодов его жизни:

> «Она явилась мне в самую грустную пору моей судьбы и воскресила мою душу, — писал Ф. М. Достоевский своему другу А. Е. Врангелю. — Она воскресила во мне всё существование, потому что я встретил ее» [Д30; т. 28, кн. 1: 243].

Десять лет, с 1854 по 1864 г., на которые судьба связала Ф. М. Достоевского и Марию Дмитриевну, были для писателя временем возвращения после «мертвого дома» к жизни и литературе. И в этом возвращении роль его первой жены неоценима.

Биографические сведения о Марии Дмитриевне Достоевской крайне скудны. Черты ее личности и некоторые события жизни сохранились в письмах Ф. М. Достоевского, его родных и знакомых, в воспоминаниях А. Е. Врангеля и других современников. Дошедшие до нас личные документы и изображения Марии Дмитриевны включают два фотографических портрета[1] (см. *Илл. 1–2*) и два автографа: письмо М. Д. Достоевской к своей

[1] В Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации в нескольких вариантах представлены портреты М. Д. Достоевской сер. 1850-х — нач. 1860-х гг., хранящиеся в Государственном музее истории российской литературы им. В. И. Даля (ОР ГЛМ. КП 35714/108; номер в Госкаталоге 26058718; «сидя, поколенно, анфас, подперев голову левой рукой. Фотография на бланке визитного формата, наклеенном на картонное паспарту», с пояснительной надписью рукой А. Г. Достоевской); Литературном музее ИРЛИ РАН (ПД И-19992; номер в Госкаталоге 38316589; то же); портрет начала 1860-х гг. (1862 или 1863, в полный рост, профиль) в собрании Государственного исторического музея (ГИМ 95171; номер в Госкаталоге 7600906), в Госкаталоге представлен без фото и описания. См.: Госкаталог [Электронный ресурс]. URL: https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=mqkskgmff1888938092#/collections?id=26211777; https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=mqkskgmff1888938092#/collections?id=38538156; https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=mqkskgmff1888938092#/collections?id=7722330 (23.02.2026). Последний портрет хранится также в Государственном музее истории Санкт-Петербурга (ранее: Государственный музей истории Ленинграда; оригинал) и в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Петербурге (копия; с 12.06.1970). В справочном издании «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома» указаны три фотографии М. Д. Достоевской, хранящиеся в Литературном музее: помимо вышеописанной «копии с оригинала — фотографии визитного размера» (№ 19991), поступившей в Музей в 1926 г. от А. А. Достоевского, это еще два снятых в один день снимка: «в рост, почти ½ вправо, в темном шелковом платье с кринолином» и надписью на обороте, чернилами, в старой орфографии: «Марья Дмитриевна Достоевская, первая жена Ф. М. Достоевского», в «деревянной ореховой рамке с округленными углами, под стеклом» (№ 3499), а также переснимок с фотографии, поступивший в Музей одновременно с первым снимком, в 1926 г., от Г. В. Прохорова: «Ниже пояса, прямолично. Сидит, подперев голову левой рукой. В темном шелковом платье с кринолином»,

сестре В. Д. Констант — приписка на обороте послания Ф. М. Достоевского к своему тестю Д. С. Константу от 20 апреля 1857 г.[2] (см.: [Д30; т. 28, кн. 1: 484 (№ 125)], [Рукописное наследие: 343 (№ 1)]), и подпись на брачном обыске от 6 февраля 1857 г.[3] (см.: [Тихомиров, 2020], [Рукописное наследие: 454 (№ 1)]). Невосполнимой утратой стала потеря любовной и семейной переписки ее с Федором Михайловичем Достоевским (см.: [Захаров: 242–243], [Трухан, 2021b]), из которой сохранилось только одно письмо — от 4 июня 1855 г.[4] (см.: [Д30; т. 28, кн. 1: 186–189 (№ 97)], [Трухан, 2021b: 26–42], [Рукописное наследие: 321–322]).

Илл. 1–2. Фотопортреты М. Д. Достоевской (сер. 1850-х, нач. 1860-х гг.)[1]

Fig. 1–2. Photographic portraits of M. D. Dostoevskaya (mid-1850s and early 1860s)

с надписью на обороте чернилами:«Мария Дмитриевна Исаева, первая жена Ф. М. Достоевского» (№ 19992) [Описание рукописей: 198 (№ 810–812)]. См. также: [Кушникова].

[2] РО ИРЛИ. Ф. 93 (П. Я. Дашков). Оп. 2. № 81. Л. 15 об.

[3] См.: Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (ЛМФД. ГИК-14130. Ф-1376, 1377; негативы; номера в Госкаталоге 4464196, 4464109); Новокузнецкий краеведческий музей (НВМ). 74091/1–3; фотокопии); РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 290 (негативы, фотокопии). Подлинник утрачен в 1919 г. [Тихомиров, 2020: 132].

[4] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 2. № 81. Л. 12–13 об.

Архивные источники, на основе которых составилось современное представление о биографии М. Д. Достоевской, включают документы нескольких видов:

1. **Служебные документы** (формулярные списки, ведомственная переписка и др.) Д. С. Константа, А. И. Исаева, Н. Б. Вергунова и других лиц из окружения М. Д. Достоевской. Значительная часть этих источников была введена в научный оборот Л. И. Ивановой, Н. И. Левченко, А. С. Шадриной, М. М. Кушниковой и В. В. Тогулевым, Е. Д. Трухан. В этих исследованиях получили документальное подтверждение многие события и факты, касающиеся происхождения Марии Дмитриевны, ее семьи, детских и юношеских лет, первого брака с А. И. Исаевым, а также обстоятельств ее жизни в Сибири.

2. **Церковные документы.** В числе этих документов особое значение имеют брачный обыск, составленный в Богородице-Одигитриевской церкви города Кузнецка к венчанию Ф. М. Достоевского с М. Д. Исаевой, и метрические книги этого храма 1855 и 1857 гг. с записями о смерти А. И. Исаева и о бракосочетании Марии Дмитриевны и Достоевского. История публикации этих документов составляет почти сто лет. В 1916 г. Б. Г. Герасимовым была опубликована копия брачного обыска, снятая с оригинала последним священником Богородице-Одигитриевской церкви Николаем Рудичевым (*Герасимов*). В 2020 г. Б. Н. Тихомиров ввел в научный оборот аутентичный текст этого документа, сохранившийся в фотокопии с утраченного подлинника, которая была сделана в 1909 г. и ныне находится в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в С.-Петербурге [Тихомиров, 2020].

Значительная часть метрических книг Богородице-Одигитриевской церкви города Кузнецка хранится в фонде Государственного архива Новосибирской области, сформированном в марте 1941 г. В начале 2000-х гг. сотрудниками архива была проведена работа по созданию научно-справочного аппарата фонда, в результате которой обнаружились записи, касающиеся Ф. М. Достоевского и его окружения [Усков: 174]. Они были введены в научный оборот в 2008 г. И. Ю. Усковым и О. С. Голуб [Голуб, 2008a, b, 2009].

3. **Источники краеведческого характера**, связанные с топографией городов, в которых жила Мария Дмитриевна Достоевская, а также уточняющие маршруты ее передвижений. Представление об архитектурном облике Кузнецка середины XIX в. дают архивные материалы, собранные искусствоведом А. С. Шадриной [Шадрина, 1994] в период ее работы в Сибирском филиале Проектного института «Спецпроектреставрация», а также документы, обнаруженные и опубликованные М. М. Кушниковой и В. В. Тогулевым [Кушникова, Тогулев]. Маршруты между сибирскими городами, выверенные по картам, почтовым дорожникам и другим документам, представлены в публикациях Е. Ю. Сафроновой [Сафронова, 2020a, b].

Для Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Новокузнецке исследование истории сибирского периода жизни писателя и событий, связанных с Кузнецком, является одним из основных направлений его деятельности. Музей собирает, изучает и представляет на выставках и в постоянной экспозиции документальный материал к биографии М. Д. Достоевской. Уточняются подробности ее жизни: близкие люди [Трухан, 2021a, b] и знакомые, события и связанная с ними топография (жилой дом, храм, улица и др.) [Мирович]; открываются новые имена [Трухан, 2018].

Коллекция музея, в которую вошли архивные документы, публикации и виды городов, где жила Мария Дмитриевна, позволяет наглядно увидеть впечатляющую географию ее жизненного пути. Таганрог, Астрахань, Петропавловск, Семипалатинск, Кузнецк, Тверь, Петербург, Владимир и Москва — девять городов, условно разделяющие неполные сорок лет жизни М. Д. Достоевской на три периода. Первый период — самый продолжительный, составивший 27 лет, связан с югом России (Таганрог, Астрахань): здесь прошли ее детство, юность и первые годы брака с А. И. Исаевым. Второй период — восемь лет, проведенные в Западной Сибири. Третий — это города центральной части Российской империи: Тверь, Петербург[5], Владимир и Москва, где Мария Дмитриевна жила в браке с Ф. М. Достоевским последние пять лет своей жизни.

Материалы, представленные в данной статье, посвящены двум первым периодам биографии М. Д. Достоевской. Бóльшую часть новых источников составляют документы Государственного архива Астраханской области (ГААО) и Исторического архива Омской области (ИАОО), а также публикации в периодических изданиях XIX в. из фондов Российской национальной библиотеки.

Собранные факты могут послужить дополнением к биографии Марии Дмитриевны Достоевской, а также уточнить информацию о людях из окружения писателя.

ЮГ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Таганрог
1824–1839

В Таганроге прошли годы детства Марии Дмитриевны Достоевской. Она родилась в семье Дмитрия Степановича Константа. Из документов Государственного архива Астраханской области известно, что он был сыном французского эмигранта, родился в Екатеринославе (в настоящее время Днепр), где окончил гимназию и поступил на службу. С 1821 по ноябрь 1837 г. жизнь Дмитрия Степановича связана с Таганрогом. Он служит в Строительном комитете города, а затем в портовой таможне [Левченко: 241–242]. В Таганроге Д. С. Констант женился и приобрел дом. В этом городе родились

[5] О петербургских адресах Достоевского, где он проживал с Марией Дмитриевной, см.: [Тихомиров, 2015: 65–68].

его дети: Степан, Мария, София, Варвара, Георгий, Дмитрий, Виктор (умер в раннем возрасте) и Лидия[6].

О матери Марии Дмитриевны известно очень мало. В существующих публикациях указывается только, что она была «из состоятельной дворянской семьи», и ошибочно называется ее имя — Софья Александровна [Левченко: 241]. Дворянство жены Константа подтверждается информацией в формулярном списке Дмитрия Степановича в графе о родовом имении супруги, где сообщается, что она была владелицей крепостных «*крестьянъ мужеска пола пять душъ*»[7].

Обнаруженный в Государственном архиве Астраханской области документ, а также ряд публикаций в периодическом издании Правительствующего Сената «Объявления к Санкт-Петербургским Ведомостям»[8] позволяют уточнить имя матери Марии Дмитриевны и некоторые факты ее биографии. Ее звали Варвара Ивановна Констант (урожд. Яковлева).

«Квитанція

По указу

Его Императорскаго Величества

Дана сія Квитанція 1849 года — Августа 16го дня, изъ Астраханскаго Губернскаго Рекрутскаго Присутствія наслѣдникамъ умершей Коллежской Ассесорши Варвары Ивановой Константъ, дѣтямъ ея сыновьямъ: Степану, Георгію и Дмитрію, дочерямъ: Марьи, Софьи, Варварѣ и Лидіи Дмитріевымъ Константъ въ томъ, что представленный отъ нихъ въ рекруты, на основаніи Рекрутскаго Устава ст. 375, доставшійся имъ по духовному завѣщанію матери ихъ Екатеринославской губерніи, Ростовскаго уѣзда города Таганрога крестьянинъ Карпъ Петровъ Терещенко по свидѣтельству Рекрутскаго Присутствія оказался по лѣтамъ, росту и здоровью къ военной службѣ годнымъ и потому 3 Марта сего 1849 года въ рекруты принятъ и отосланъ къ Командиру Астраханскаго внутренняго Гарнизоннаго Баталіона. Слѣдующія за сего рекрута деньги въ казну, какъ-то: на одежду 10 руб. 20 коп.<,> на провіантъ 7 руб. 70 коп. и на жалованіе 90 коп., всего восемнадцать рублей восемьдесятъ копѣекъ серебромъ, отдатчикомъ внесены»[9].

---

[6] ГААО. Ф. 460 (Астраханское карантинное правление). Оп. 1. Д. 398 (Формулярный список о службе помощника капитана Карантинного порта Константа. 6 марта 1838 г.). Л. 1–1 об., 4. См. также: [Иванова].

[7] ГААО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 398. Л. 3 об. Здесь и далее тексты документов приведены с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

[8] См. на сервисе «Яндекс Поиск по архивам» «Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам», а также «Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на имения» (например: 1860. № 86. 26 октября. С. 5020. № 22,514 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/33b643fc-6a5b-4650-8063-a1de304aef95/1 (23.02.2026)).

[9] См.: Дело о приеме в рекруты. Расписание о количестве рекрутов по 9-му очередному набору. Рекрутский учет мещанских семейств Астраханской губернии на 1851 г. // ГААО. Ф. 454 (Астраханское губернское рекрутское присутствие). Оп. 1. Д. 511. Л. 142–142 об.

В «Объявлениях к Санкт-Петербургским Ведомостям» сообщается, что Варвара Ивановна была владелицей не только пяти душ крепостных мужеского пола. Ей принадлежал дом в Таганроге, который был продан в 1826 г.

> «Екатеринославской Губерніи въ Таганрогскомъ Коммерческомъ Судѣ 826 года совершены купчія, на проданные:
> <…> 5я, Женою Коллежскаго Секретаря Дмитрія Константа, Варварою Ивановою, Таганрогскому мѣщанину Саввѣ Фомину Лучигу, деревянный домъ города Таганрога Александровской части 9 квартала подъ № 45, ассигн<аціями> за 4000 руб. купчая писана на гербовой бумагѣ 10 рублевой цѣны; пошлинъ взыскано ассигн<аціями> 160 руб. и отъ записки 10 рублей»[10].

Варвара Ивановна Констант умерла в 1838 г., когда Марии Дмитриевне было 14 лет. Из формулярных списков Д. С. Константа 1838–1839 гг. известно, что это случилось не ранее 6 марта 1838 г. и не позднее 22 июля 1839 г.[11] Сузить дату смерти позволяет ее завещание, опубликованное в «Санкт-Петербургских сенатских объявлениях» 29 сентября 1838 г. за № 14874:

> «1838 года Сентября 29. Коллежскимъ Ассессоромъ *Милютиновичемъ* и Поручикомъ *Яковлевымъ*, явлено духовное завѣщаніе, учиненное умершею Титулярною Совѣтницею Варварою *Константъ*, по которому она благопріобрѣтенное имѣніе, заключающееся въ кирпичномъ домѣ съ прочимъ строеніемъ и дворовою землею, состоящемъ города Таганрога Петровской части во 2-мъ кварталѣ подъ № 11-мъ, а также и дворовыхъ людей, завѣщала мужу своему Титулярному Совѣтнику Дмитрію *Константъ* и роднымъ дѣтямъ сыновьямъ: Степану, Дмитрію, Георгію и дочерямъ: Марьѣ, Варварѣ, Софьѣ и Лидіи, съ объявленіемъ всему оному имѣнію цѣны 20,000 р. ассигн<аціями>. Духовное завѣщаніе писано на простой бумагѣ; пошлинъ невзято въ разсужденіи что имѣніе завѣщательки переходитъ въ указной части къ мужу ея, а прочее все по прямой линіи наслѣдства роднымъ дѣтямъ,

[Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/fd7c71f1-1e50-442c-b9a7-dec92f402d09 (23.02.2026).

[10] К № 90 Санкт-Петербургских сенатских объявлений. О совершенных и явленных разных крепостях и актах // Объявления к Санкт-Петербургским Ведомостям. 1826. № 90. С. XVII–XVIII [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/b65651ac-1d2e-457b-9024-c70870de961d/50 (23.02.2026).

[11] К формулярному списку Д. С. Константа от 6 марта 1838 г. приложен рапорт, в котором он сообщает, что дети находятся при матери в Таганроге; в графе о семейном положении указаны жена и дети (ГААО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 398. Л. 1–1 об., 4). В формулярном списке 1839 г. в графе о семейном положении указано: «*вдовъ*» (ГААО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 632. Л. 31). Точная дата составления формулярного списка Д. С. Константа 1839 г.: 22 июля — приведена в описи (ГААО. Ф. 460. Оп. 1. С. 69) [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/776b8615-4cec-4b4c-87b3-f366a6e19fff/72 (23.02.2026).

а взыскано съ акта 10 р. и за негербовую бумагу на которой слѣдовало писать духовное завѣщаніе 40 р. ассигн<аціями>, тогожъ числа»[12].

Этот дом в Петровской части Таганрога, где прошло детство Марии Дмитриевны, сохранился. Его современный адрес — улица Шмидта, 12. Построенный в начале XIX в. по типовым проектам Александра I дом и в настоящее время является жилым. Это единственное благоприобретенное имущество Дмитрия Степановича Константа.

Илл. 3–4. Дом В. И. Констант в Таганроге (фото 1929, совр. вид)[13]

Fig. 3–4. The house of Varvara I. Constant in Taganrog (photograph of 1929 and present-day view)

[12] Санкт-Петербургские сенатские объявления. Публикация первая. Разряд XVIII. 1839. № 57. С. 38 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/54814cec-fadc-471e-8a7a-1d8b02b92174/38 (23.02.2026).

Кроме формулярного списка, наиболее ранним источником, подтверждающим факт принадлежности дома отцу Марии Дмитриевны, является рукописная «Окладная книга для записи раскладного квартирного отбора по утвержденной раскладке на 1862 год, учрежденной по замечанию чиновников Государственного контроля»[13]. Согласно документу, в 1862 г. рассматриваемое домовладение: «дом кирпичный в 1½ этажа» принадлежало надворному советнику Константу.

Именно об этом доме упоминает в 1856 г. Достоевский в письме к сестре Варваре Михайловне Карепиной из Семипалатинска:

> «…фамилии она (Мария Дмитриевна. — *И. М.*, *Т. П.*) превосходной, хотя и небогатой (она не имеет почти ничего. Впрочем, после матери у нее есть недвижимое имение, дом в Таганроге, но он в ожидании совершеннолетия младшей сестры, только что вышедшей из института, еще не продан и не разделен)» [Д30; т. 28, кн. 1: 262].

Вопрос о продаже дома и разделе наследства, как видно, стоял в семье Констант еще в 1850-е гг., но по документам известно, что дом был продан только после 1880 г.[14]

Астрахань
начало 1840-х гг. — февраль 1851

На Бирючьей Косе. Село Карантинное

30 ноября 1837 г. господином министром внутренних дел Дмитрий Степанович Констант был определен в должность помощника капитана астраханского Карантинного порта и переехал в Астрахань[15]. В большом портовом городе его продвижение по службе пошло очень успешно, и уже к 20 октября 1838 г. он становится директором астраханского Карантинного дома[16].

---

[13] Окладная книга для записи раскладного квартирного отбора по утвержденной раскладке на 1862 год, учрежденной по замечанию чиновников Государственного контроля // ГАРО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 15. Авторы статьи выражают искреннюю признательность заведующей отделом ТГЛИАМЗ Музей «Градостроительство и быт г. Таганрога» М. Е. Григорян за предоставленные материалы (в том числе для *Илл. 3–4*).

[14] Из справки о доме из музея «Градостроительство и быт г. Таганрога»: согласно выходившему в дореволюционный период ежегодному сборнику «Опись и оценка недвижимых имуществ города Таганрога», в 1880 г. рассматриваемый дом принадлежал уже «наследникам титулярного советника Констант» и оценивался в 1500 руб. В «Описи и оценке недвижимых имуществ города Таганрога» за 1890 г. владельцем домовладения значится «италианско-подданный Ив. Раффо», что свидетельствует о том, что в период 1881–1889 гг. дом был продан. Последним владельцем рассматриваемого домовладения был «бельгийский подданный Викт. Вильг. Керен», указанный в «Описи и оценке недвижимых имуществ города Таганрога» за 1915–1916 гг. [Мирович: 43].

[15] ГААО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 398. Л. 6.

[16] ГААО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 632. Л. 31 об. — 32 об.

Его семья оставалась в Таганроге. После смерти Варвары Ивановны Констант заботу о детях взяли на себя таганрогские родственники[17]. В 1840–1843 гг.[18] все дети переехали к отцу, кроме старшего сына Степана, который учился в петербургском Институте Корпуса инженеров путей сообщения, а затем поступил на службу в лейб-гвардии Казачий Его Величества полк[19].

Д. С. Констант жил с семьей по месту службы — под Астраханью, в селе Карантинное (сейчас Бирючья Коса), где с 1830 г. разместились карантинная служба, таможенная застава и брандвахта. В сохранившихся метрических книгах местного храма святителя Василия Великого (построен в 1832 г.) их имена встречаются достаточно часто[20]. Несколько раз упоминается в этих книгах и будущий муж Марии Дмитриевны — Александр Иванович Исаев[21]. Знакомые и сослуживцы приглашали его в восприемники или поручители.

Первый брак. Александр Иванович Исаев

24 января 1847 г. в храме святителя Василия Великого состоялось венчание Александра Ивановича Исаева и Марии Дмитриевны Констант. Запись об этом событии обнаружена в «части второй, о бракосочетавшихся» метрической книги за 1847 г.:

> «**Счетъ браковъ:** *4.* **Мѣсяцъ и день:** *Генваря 24.* **Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе жениха, и которымъ бракомъ:** *Служащій въ Астраханскомъ Коммитетѣ учрежденномъ по перевозкѣ Казеннаго Провіанта чиновникъ особыхъ порученій Коллежскій регистраторъ Александръ Ивановъ Исаевъ, вѣроисповѣданія православнаго, первымъ бракомъ.* **Лѣта жениха:** *Дватцати четырехъ лѣтъ.* **Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе невѣсты, и которымъ бракомъ:** *Коллежскаго Асесора Димитрія Степанова Константа дочь девица Марія Димитріева вѣроисповѣданія православнаго первымъ бракомъ.* **Лѣта невѣсты:** *Дватцати трехъ лѣтъ.* **Кто совершалъ таинство:** *Священникъ*

[17] ГААО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 632. Л. 31. См. также приложение к статье [Мирович], где приведены фотокопии рапорта Д. С. Константа от 6 марта 1838 г. и фрагмент его формулярного списка от 1839 г.

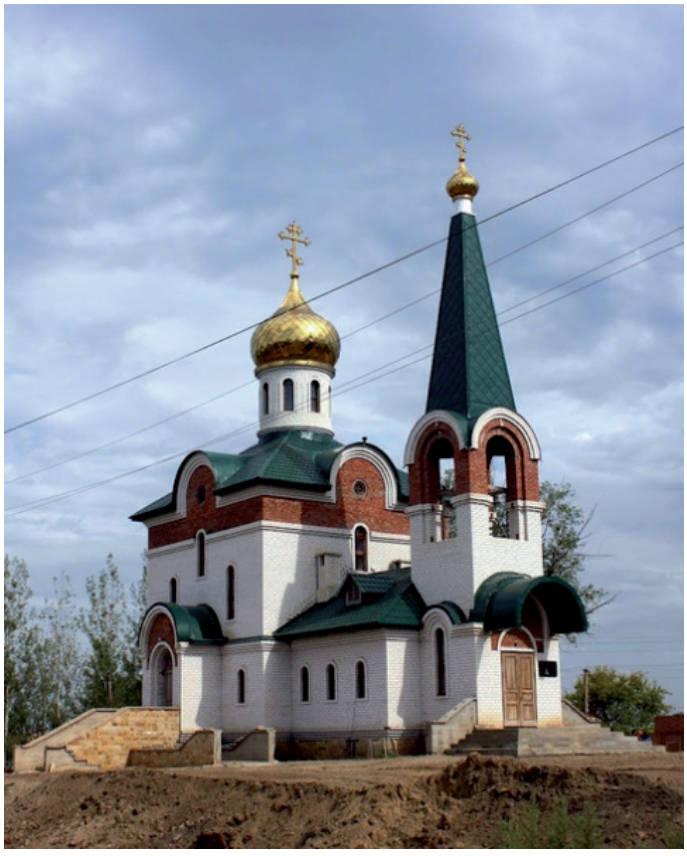
[18] Формулярный список служащих Карантинного ведомства за 1843 г. // ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 678. Л. 54–55 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/24894862-88f6-42ed-97b4-311c098f8d18/58 (23.02.2026).

[19] София и Варвара Констант в 1840–1841 гг. учились в недавно открытом (1836) Астраханском институте благородных девиц. Об их выпуске в 1841 г. сообщалось в Прибавлении к газете «Астраханские Губернские Ведомости» (№ 29. 19 июля. С. 143–145) [Левченко: 242], [Мирович: 45–46]. Остальные дети могли переехать в Астрахань позже. Самое раннее документальное подтверждение, что все дети, кроме Степана, живут с отцом, — формулярный список Д. С. Константа 1843 г. (см. пред. сноску).

[20] Например, записи о рождении/крещении незаконнорожденных детей младшей сестры Марии Дмитриевны — Софии Констант: Гавриила (06.07.1853) и Параскевы (28.07.1854) (см.: ГААО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 280 об. — 281, 308 об. — 309).

[21] ГААО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 37 (А. И. Исаев — «поручитель по женихе», 1844 г.); Там же. Л. 28 об. (А. И. Исаев — восприемник, 1844 г.).

Ѳеодоръ Черняевъ съ Діакономъ Львомъ Незнаевымъ. **Кто были поручители:** *По Женихѣ: Вотчимъ его Полковникъ Уваровъ. Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Ѳеодоръ Акимовъ Яковлевъ*[22]. *По Невестѣ: Отецъ ея родный Коллежскій Асесоръ Димитрій Степановъ Константъ. Титулярный совѣтникъ Михаилъ Серпуховитеновъ*»[23].

Илл. 5. Храм Василия Великого (Астрахань), где венчались М. Д. Достоевская и А. И. Исаев[24]

Fig. 5. The Church St. Basil the Great in Astrakhan, where M. D. Dostoevskaya and A. I. Isaev were married

[22] Указатель мест и лиц разных частей управления Астраханской губернии. Астрахань: Губ. тип., 1858. С. 15 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_bibl_321917?page=20&rotate=0&theme=white (23.02.2026). Инспектор астраханского Карантинного правления, статский советник, 35 лет службы.

[23] Метрическая книга, данная изъ *Астраханской Духовной Консисторіи Астраханскаго уѣзда въ Карантинную Васильевскую церковь* для записки родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, на 1847 годъ, *№ 401* // ГААО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 100, 113 об. — 114.

[24] Источник снимка: Храмы Астраханской епархии [Электронный ресурс]. URL: https://hramy-astrakhan-eparchy.ru/Файл:Бир._коса.jpg#file (23.02.2026).

В актовой записи сообщаются имена всех участников таинства. Имена поручителей по жениху представляют особый интерес. Имя второго, Федора Акимовича Яковлева, небезызвестно достоеведам — это тот самый «генерал» (штатский, а не военный, т. е. чиновник гражданского ведомства в генеральском чине I–V класса), гражданский муж одной из младших сестер Марии Дмитриевны Констант, Софии, позже, после выхода в отставку, проживавший в своем имении под Псковом, в гости к которому, навестить родную тетку, неоднократно ездил Павел Исаев и которого упоминают Ф. М. Достоевский — в переписке, А. Г. Достоевская — в заграничном дневнике (см.: [Д30; т. 28, кн. 2: 124–125], [Достоевская], [Белов; т. 2: 456]).

Сведения о нем обнаружились в одном из формулярных списков служащих Астраханского карантинного правления[25] — коллежский советник (VI кл.) Федор Яковлев, инспектор Карантинного правления, был одним из сослуживцев отца Марии Дмитриевны, надворного советника (VII кл.) и директора Карантинного дома Дмитрия Константа, и почти его ровесником: на момент составления формулярного списка Дмитрию Степановичу было 55 лет, а Федору Акимовичу — 57 (т. е. в феврале 1868 г., когда Павел Исаев устроил переполох, поехав во Псков к тетке, в надежде добыть у нее денег, а родные предположили, что он едет занимать их в Москву у М. Н. Каткова [Д30; т. 28, кн. 2: 270–277], Ф. А. Яковлеву было уже около 76 лет).

Выходец из обер-офицерских детей, выслуживший себе к 30 сентября 1844 г. дворянское достоинство, он был уроженцем Псковской губернии, где в Порховском уезде владел деревушкой с 42 душами крепостных крестьян. К 1849 г. он был женат вторым браком (имя его жены, Марии Алексеевны, несколько раз встречается в метрических записях астраханских церквей) и имел детей от первого брака: сыновей Александра, 21 года, служившего в 57-м Модлинском пехотном полку, Алексея, 16 лет, заканчивавшего 3-ю петербургскую гимназию, и замужнюю дочь Софию, 19 лет. Сам он, начав гражданскую службу в 1809 г. канцеляристом Псковской казенной палаты в чине коллежского регистратора (XIV кл.), к 1849 г. был коллежским советником (VI кл.), кавалером орденов Св. Станислава 2 ст., Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 3 ст., имел бронзовую медаль 1812 г., серебряную медаль за Турецкую кампанию и знак отличия за 25-летие беспорочной службы. Служил в комиссии Псковского комиссариатского депо (1815), помощником столоначальника комиссариатского департамента (1818), помощником правителя канцелярии генерал кригс-комиссара (1824), участвовал в Русско-турецкой войне 1829 г. в составе Отдельного Кавказского корпуса, с 1830 г. служил в медицинском департаменте МВД (в 1832 г. участвовал в мерах по борьбе с холерой), а 12 августа 1837 г. был определен инспектором Астраханского центрального карантина.

[25] ГААО. Ф. 2 (Канцелярия Астраханского военного губернатора). Оп. 1. Д. 1551. Л. 5–15. 15–26 августа 1849 г.

Имя второго поручителя — ранее не известное имя отчима А. И. Исаева. Это полковник (с 1840) Павел Петрович Уваров, дежурный штаб-офицер Штаба астраханского военного губернатора[26], указанный как поручитель со стороны жениха. Информацию о нем удалось найти в исповедных ведомостях еще одной астраханской церкви — храма Смоленской иконы Божией Матери. Несколько записей, сделанных с 1838 по 1842 г.[27], открывают новые сведения о семье А. И. Исаева, в которую после замужества вошла Мария Дмитриевна.

Павел Петрович Уваров был женат на матери Исаева, Ольге Николаевне. В исповедных ведомостях упоминаются и дети от первого брака жены: Александр и его сестры Евгения и Вера (последняя — только в ведомости 1839 г.).

Семья мужа. Исаевы, Уваровы, Олины, Армстронги

О родственниках Марии Дмитриевны со стороны мужа Достоевский писал в январе 1856 г. брату Михаилу:

> «Наконец, осталась родня мужа, родня дальняя; один из братьев мужа служит в Гвард<ейском> финск<ом> стрел<ковом> батальоне капитаном. Я знаю, что и фамилья мужа была очень порядочная» [Д30; т. 28, кн. 1: 202].

На момент публикации письма прокомментировать данную фразу Ф. М. Достоевского не представлялось возможным: «…о брате А. И. Исаева сведений не сохранилось» [Д30; т. 28, кн. 1: 465]. Не удалось обнаружить информацию о родственниках Александра Ивановича Исаева и в астраханских архивах (кроме нескольких приведенных выше примеров). При обращении же к архивам Петрозаводска, где служил его отец, и Петербурга удалось выявить базовые документы о нескольких членах семьи Исаевых и Уваровых (о рождениях, бракосочетаниях и смертях), которые позволяют восполнить эту до сих пор существовавшую лакуну и ввести в научный оборот первичные биографические сведениях о них.

Первые достоверные данные о пребывании в Петрозаводске родного отца Александра Исаева, командира недавно образованного Петрозаводского внутреннего гарнизонного батальона, майора (VIII класс по Табели о рангах, первый штаб-офицерский чин) ***Ивана Николаевича Исаева 1-го*** относятся к 1817 г.: в записях метрических книг кафедрального Петропавловского собора (первого храма города, выстроенного еще при Петре I) за

---

[26] Список полковникам по старшинству (по 17 марта 1844 г.). СПб.: Воен. тип., 1844. С. 214.

[27] ГААО. Ф. 741. Оп. 1/1. Д. 67. Л. 58 об., 65 об., 72 об., 80 об., 88 об. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/27128a56-fbb6-43e9-8cbb-fe377ae6b78d (23.02.2026). Записи в исповедных ведомостях храма Смоленской иконы Божией Матери г. Астрахани. Указанные листы соответствуют 1838, 1839, 1840, 1841, 1842 гг. В 1841 г. Евгения ошибочно записана как «Евдокия», в 1842 г. дети Ольги Николаевны от первого брака с майором Исаевым ошибочно указаны как «от первой жены» П. П. Уварова.

этот год он упоминается несколько раз — то среди восприемников при крещении, то в качестве поручителя на венчании[28]. В сентябре следующего 1818 г. он вступает в первый брак с дочерью статского советника Ольгой Николаевной Олиной — запись об этом событии содержится в метрических книгах того же собора:

> «***№ 16. Кто имянно вѣнчаны:*** *Внутреннаго баталіона камандиръ Иванъ Николаевъ Исаевъ повѣнчанъ Стацкаго Совѣтника Николая Олина съ дочерью дѣвицею Ольгой Николаевой<,> обое первымъ бракомъ<,> вѣнчалъ протоіерей Іоаннъ.* ***Число вѣнчанія:*** *Сентябрь мѣсяцъ, 22.* ***Кто были поручатели или попъжанъ:*** *Попъжанъ Со стороны жениха<:> Надворный Совѣтникъ Василій Спиридоновъ Соколовъ, и коллегскій Совѣтникъ Матфей Никитинъ Горожанскій, а Со стороны невѣсты<:> Жандармской команды подпорутчика Ивана Венюкова жена Акилина Матфѣева, и Надворнаго Совѣтника Соколова жена Евдокія Семѣнова»*[29].

Через год один за другим рождаются четверо детей-погодков: Николай (17 (22[30]) февраля 1820), Вера (22 (25) мая 1821), Александр (5 июля[31] (6 августа) 1822) и самая младшая, Евгения (19 (27) ноября 1823)[32]. А уже в апреле 1824 г. 53-летний Иван Николаевич Исаев умирает:

> *«Месяцъ Апрель, 19.* ***Кто имянно померли:*** *Петрозаводскаго Внутренняго баталіона камандиръ Іванъ Николаевъ Исаевъ 1й, отпѣтъ соборнѣ, 53 <лѣтъ>»*[33].

---

[28] НА РК. Ф. 25 (Олонецкая духовная консистория). Оп. 22. Д. 4 (приходской экз.). Л. 609 об., 618 об., 620 об.

[29] Там же. Л. 640.

[30] Здесь и далее вторая дата в скобках обозначает день крещения ребенка или день погребения умершего.

[31] Уточним попутно сведения о рождении отца Павла Исаева, приведенные нами ранее по *консисторскому* экземпляру метрической книги Петропавловского собора [Панюкова: 163]. В ходе дополнительного обследования фондов Национального архива Республики Карелия были выявлены и просмотрены актовые записи как во вторичных, *консисторских*, экземплярах метрических книг, так и в первичных, *приходских*, также сохранившихся. Для 1822 г. существует неустранимое пока противоречие в дате рождения Александра: изначальное 5 июля исправлено в консисторском экземпляре на 1 августа. Поскольку там же целенаправленно выправлены и даты рождения еще у нескольких младенцев, принимаем за более достоверную дату приходского экземпляра, заполнявшегося непосредственно после события.

[32] НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 4. Л. 674; Ф. 25. Оп. 22. Д. 51. Л. 5 об., 36 об., 65.

[33] НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 51. Л. 93. Причина смерти не указана.

Похоронен он был на петрозаводском городском кладбище [Мошина, 2009: 35[34]]. Молодая вдова осталась в чужом городе одна, с четырьмя малолетними детьми на руках: старшему сыну Николаю только что исполнилось 4 года, Вере еще не было трех, Александру был год и 9 месяцев, Евгении — всего 5 месяцев.

Краткая характеристика Ф. М. Достоевским семьи Исаевых: «фамилья <…> была очень порядочная» обретает более четкие очертания, если присмотреться к окружению, в котором вращался в Петрозаводске командир внутреннего гарнизонного батальона, а позже в Петербурге — его вдова. Среди восприемников их четверых детей: непосредственный начальник И. Н. Исаева окружной генерал 5-го округа Отдельного корпуса внутренней стражи ***граф Иосиф Мендозе де Бутелло*** (у обоих сыновей; см. подробнее о нем: [Панюкова: 164 (сноска 10)]); два гражданских губернатора Олонецкой губернии — действительный статский советник ***Виллим Фердинандович*** (Василий Федорович) ***Мертенс*** (29.04.1804 — 07.08.1821) и действительный статский советник ***Андрей Иванович Рыхлевский*** (08.1821 — 09.09.1825) (у дочерей); жены вице-губернаторов — ***Варвара Ивановна Нейгардт*** (урожд. фон Шлейн), жена коллежского советника ***Александра*** (Вильгельма) ***Ивановича Нейдгардта*** (01.07.1822 — 29.04.1827), и… (тут нам дважды, при крестинах Николая и Евгении, встретится уже знакомая фамилия) — ***Евдокия Федоровна Уварова*** (урожд. Кршижановская), жена предшественника Нейгардта, коллежского советника ***Петра Алексеевича Уварова*** (13.01.1812 — 10.03.1822) [Мошина, 2007: 13–15], [Кораблев, Мошина: 33–37].

По воспоминаниям Е. А. Энгельгардта, А. В. Никитенко, Н. Ф. Бутенева, П. П. Свиньина, Ф. Н. Глинки, оставленным ими о Петрозаводске 1820–1830-х гг., можно детально представить себе жизнь госслужащих в этом глухом губернском городе империи, где «уединение, можно сказать, пустынное», «удаленность от торговых сообщений и от большой почтовой (Архангельской) дороги», «малолюдность и худая обустроенность», почти полное отсутствие «общества и развлечений», дороговизна при недостаточности жалования, а также тяжелый климат приводили в то время к желанию как чиновников, так и купечества при малейшей возможности оставлять Олонецкую губернию и перебираться в края «с лучшим климатом и более выгодные для жизни» [Пашков; т. 2: 75, 77–78]. Центром общественной жизни местных чиновников, как гражданского, так и военного ведомства, а также горных инженеров, именитого купечества и духовенства была Круглая площадь, с перестроенными там первым правителем Олонецкого наместничества Г. Р. Державиным и сохранившимися до сих пор двумя казенными зданиями: присутственных мест и лежащего напротив дома, где

[34] Укажем попутно на некоторые неточности, вкравшиеся в этот справочник в сведения о смерти И. Н. Исаева: «Исаев **Михаил** Николаевич, командир Петроз. бат. 19.**02**.1824. **58** л. Гк» [Мошина, 2009: 35].

размещались квартиры губернатора и вице-губернатора. По соседству с ними находился и Дом горного начальника Александровских заводов. Именно здесь протекала вся светская жизнь Петрозаводска, давались балы по подписке, проводились торжественные обеды (например, в честь приезда в августе 1819 г. в город Александра I[35] или коронации в сентябре 1826 г. Николая I) [Пашков; т. 2: 84, 134, 139]; здесь у семьи начальника гарнизонного батальона Исаева завязались те родственные и деловые связи (в т. ч. с Уваровыми и Армстронгами), которые потом помогут его сыну, Александру, успешно начать служебную карьеру (см. об этом ниже).

Пока неизвестно, каким образом дочь военного офицера Николая Михайловича Олина (род. 1785) [Бабарыкин, Пережогин], родом из штаб-офицерских детей, выслужившего к 1801 г. потомственное дворянство[36], статского советника (V класс по Табели о рангах), в 1799–1803 гг. тобольского вице-губернатора[37], оказалась так далеко на Севере, в небольшом провинциальном[38], хотя и губернском городе Петрозаводске. Ее биография пока что восстановлена частично: в 1805–1808 гг. имена статского советника Николая Михайловича Олина, проживавшего по найму в домах то «господина Петра Александровича Юрьева», то «московского купца Ивана Васильева сына Феофилова», то «отставного капитана Дмитрия Иванова Кареева», то «майора Дмитрия Иванова Хотяинцева», а также трех его детей (сына Валериана, дочерей Ольги и Александры) — несколько раз встречаются на страницах метрических книг Замоскворецкого и Сретенского со́роков Москвы[39]. По некоторым сведениям, возможно, он же в 1813–1814 гг. был управляющим оренбургскими деревнями Г. Р. Державина[40].

Брат Ольги Николаевны, Валериан Николаевич Олин, — забытый ныне петербургский поэт, писатель, журналист, переводчик, издатель. С 1809 г. издавался, изначально принадлежа к кругу «Беседы любителей русского слова»; с 1813 г. переводил античных поэтов и европейских романтиков;

---

[35] Не в память ли этого события было дано имя будущему отцу Павла Исаева?

[36] Изображение герба хранится: РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 75. № 56. Прошение подано 1 августа 1799 г. императору Павлу I, утвержден диплом («жалованная грамота») 18 апреля 1801 г., уже императором Александром I. См. также: Дело Герольдмейстерской конторы о даче на дворянское достоинство диплома и герба коллежскому советнику Николаю Олину, 1800 г. // РГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Оп. 2 (Книги дел о гражданской и военной службе дворян). Кн. 74. Д. 57. С. 256.

[37] Можно только отметить, что примерно в это же время, в 1795–1803 гг., в штате тобольского гражданского губернатора состоял и будущий гражданский губернатор Олонецкой губернии Андрей Иванович Рыхлевский [Кораблев, Мошина: 36], крестный отец Евгении Исаевой.

[38] По данным на 1825 г. в городе проживало всего 5189 жителей [Пашков; т. 2: 144].

[39] ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 150. Л. 435, 355 об. — 356; Д. 150а. Л. 127 об.; Д. 151. Л. 251 об.; Д. 161. Л. 473; Д. 166. Л. 725 об. — 726; Ф. 2121. Оп. 1. Д. 174. Л. 105 об.; Д. 28. Л. 120, 124 об. — 125; Д. 862. Л. 25.

[40] См.: РО ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 11. № 67.

сотрудничал с «Сыном Отечества»; издавал «Журнал древней и новой словесности» (1818–1819), литературно-критические газеты «Рецензент» (1821) и «Колокольчик» (1831), альманах «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности» (1829–1832). В литературных кругах Петербурга в 1810–1840-х гг. плодовитый, но малоудачливый поэт часто служил предметом иронии и насмешек со стороны В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, В. К. Кюхельбекера. Проживал он в Петербурге — здесь 30 января 1820 г. он женился на дочери умершего могилевского дворянина Мариамне Стефановне Вигантовой[41]. Последовавшая вскоре смерть молодой жены и ребенка вызвали к жизни наиболее удачные из его элегий: «Упование», «Весна» и «Стансы». Умер он также в Петербурге, 12 марта 1841 г., в 46 лет, от нервной горячки; похоронен на недавно образованном Тентелевском (позже Митрофаньевском) кладбище[42]. Через семь лет была отпета в той же церкви и похоронена на том же кладбище умершая 20 января 1848 г. вдова статского советника Глафира Олина, 71 года — видимо, мать Ольги и Валериана Николаевичей[43].

Возможно, именно к брату после смерти в 1824 г. мужа перебралась из Петрозаводска вдова майора Исаева. Однако в Петербурге продолжилось и начавшееся в Петрозаводске знакомство с семьей бывшего олонецкого вице-губернатора Уварова, в семье которого было трое детей: дочери Елизавета и Александра, а также сын, ***Павел Петрович Уваров*** [Мошина, 2007: 14]. Глава семьи, коллежский советник Петр Алексеевич Уваров, оставив пост олонецкого вице-губернатора, с 10 марта 1822 г. по 19 декабря 1825 г. был в отставке, а затем до 21 февраля 1828 г. опять служил — в Петербурге, чиновником для особых поручений при министре внутренних дел, «с сохранением получаемого им пенсиона и с назначением сверх того жалования по тысяче рублей в год из суммы, на сих чиновников положенной». Умер он в 57 лет от апоплексического удара 28 марта 1828 г., отпет в Морском соборе и похоронен на православном Смоленском кладбище Петербурга[44]. Его жена, Евдокия Федоровна Уварова, крестная Николая и Евгении Ивановичей Исаевых, умерла через 8 лет после мужа, 10 октября 1836 г., в возрасте 69 лет, от воспаления, и погребена уже на «холерном» кладбище свт. Митрофания[45].

---

[41] Метрическая книга Богоявленского морского собора, на 1820 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 195. Л. 34 об.

[42] Метрическая книга собора Пресвятой Троицы лейб-гвардии Измайловского полка, на 1841 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 775. Л. 683 об. — 684.

[43] То же, на 1848 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1451. Л. 484 об. — 485.

[44] Метрическая книга Богоявленского морского собора, на 1828 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 226. Л. 40 об.

[45] Метрическая книга придворной госпитальной церкви Захария и Елисаветы, на 1836 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 280. Л. 517 об.

Однако до этого она успела увидеть венчание своего единственного сына: 15 февраля 1829 г. в Екатерининской церкви на Васильевском острове был заключен брак вдовы майора Ольги Николаевой Исаевой и чиновника 9-го класса (т. е. титулярного советника) Павла Петровича Уварова, вступавшего в первый брак. Со стороны жениха одним из поручителей выступал брат невесты, также титулярный советник, Валериан Николаевич Олин[46]. Пока сложно сказать, когда точно семья Уваровых перебралась из столицы в Астрахань, но уже в марте 1835 г. в астраханских метрических книгах появляется имя «Ольги Николаевой, жены дежурного штаб-офицера Штаба астраханского военного губернатора, гвардии капитана Павла Петрова Уварова». Для четверых детей Ольги Николаевны (Николаю 9 лет, Вере — почти 8, Александру — 6,7, Евгении — чуть больше пяти) именно этот человек, П. П. Уваров, станет вторым отцом (как и в следующем поколении для рано осиротевшего Паши Исаева вторым отцом на многие годы станет Ф. М. Достоевский).

С Петербургом будет связана и взрослая жизнь как минимум двух из четверых детей Ольги Николаевны. В один день с братом Александром, женившемся 24 января 1847 г. в Астрахани на Марии Дмитриевне Констант, вышла замуж, только в Петербурге, и его младшая сестра Евгения:

> «**Счетъ браковъ:** *10.* **Мѣсяцъ и день:** *Генварь, 24.* **Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе жениха и которымъ бракомъ:** *Служащій въ больницѣ Чернорабочихъ Штабъ Лѣкарь Титулярный Совѣтникъ Андрей Ивановъ сынъ Фелицинъ, Православнаго Исповѣданія, первымъ бракомъ.* **Лѣта жениха:** *32.* **Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе невѣсты и которымъ бракомъ:** *Умершаго Командира Петрозаводскаго внутренняго Гарнизоннаго баталіона, маіора Ивана Николаева сына Исаева дочь дѣвица Евгенія, Православнаго Исповѣданія, первымъ бракомъ.* **Лѣта невѣсты:** *23.* **Кто совершалъ таинство:** *Священникъ Іоаннъ Яхонтовъ съ діакономъ Петромъ Свіязевымъ и исправляющимъ должность дьячка Петромъ Львовымъ.* **Кто были поручители:** *По женихѣ*: *Корпуса Инженеровъ путей сообщенія Капитанъ Михаилъ Аксентьевъ сынъ Исаковъ и Лейбъ Гв<ардіи> Драгунскаго полка находящійся въ безсрочномъ отпуску Капитанъ Григорій Семеновъ Ивановъ. По невѣстѣ*: *Чиновникъ особыхъ порученій при Генералѣ Губернаторѣ Коллежскій Ассесоръ Павелъ Клементьевъ Шавердовъ и начальникъ С. Петербургскаго монетнаго двора Генералъ Маіоръ Романъ Адамовъ сынъ Армстронгъ*»[47].

Как видим, родственные связи семейств Уваровых и Армстронгов, даже спустя 30 лет после смерти Александры Петровны Уваровой-Армстронг

---

[46] Метрическая книга Екатерининской, что на Васильевском острове, церкви, на 1829 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 234. Л. 108 об.

[47] Метрическая книга екатерингофской Екатерининской церкви, на 1847 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 699. Л. 453 об. — 454.

(см. об этом ниже), продолжались: если в Астрахани поручителем Александра Исаева выступил его отчим П. П. Уваров, то в то же время в Петербурге при бракосочетании младшей сестры Александра, Евгении, поручителем стал зять ее отчима, Р. А. Армстронг.

Про мужа Евгении известно, что он родился в 1815 г., в 1838 г. окончил медицинский факультет Императорского московского университета (лекарь 1 отд.), с 1841 г. работал ординатором Обуховской больницы для чернорабочих в Петербурге, от Санкт-Петербургской медико-хирургической академии получил звание штаб-лекаря; коллежский асессор, писатель — автор статей в «Военно-медицинском журнале» и «Друге здравия». Скончался 22 апреля 1860 г. (см.: *Крылов-Толстикович*; *Змеев*: 137). Через год после свадьбы 10 января 1848 г.[48] у пары родился первый ребенок, кузен и почти ровесник Павла Александровича Исаева — Леонид Андреевич Фелицин, в 1870-е гг. — студент петербургского Императорского лесного института[49]. Леонида крестили 6 марта 1848 г. в той же екатерингофской церкви св. влкм. Екатерины, а крестной матерью стала родная бабушка, «вдова полковника Павла Уварова Ольга Николаева Уварова» (видимо, после смерти мужа перебравшаяся к детям в Петербург).

Еще через год, тоже в январе уже 1849 г., почти в 29 лет, женился и самый старший в семье, брат Николай. Вспомним еще раз слова Ф. М. Достоевского из письма к М. М. Достоевскому, написанного ровно через 7 лет после этого события:

> «…**один из братьев мужа** (Исаева А. И. — *И. М., Т. П.*) служит **в Гвард<ейском> финск<ом> стрел<ковом> батальоне капитаном**» [Д30; т. 28, кн. 1: 202].

Как показал сплошной просмотр метрических книг петрозаводского Петропавловского собора за 1818–1824 гг. (начиная со времени брака майора Исаева и до его смерти), брат у Александра Ивановича Исаева был только один. На момент венчания он служил не в лейб-гвардии 3-м стрелковом Финском батальоне, а в Уланском Его Императорского Высочества Эрцгерцога Австрийского Альберта полку, штаб-ротмистром (чин X класса по Табели о рангах, предшествующий чину капитана):

> «**Счетъ браковъ:** *21.* **Мѣсяцъ и день:** *Генварь, 23.* **Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе жениха и которымъ бракомъ:** *Уланскаго Его Императорскаго Высочества Эрцъ Герцога Австрійскаго Алберта полка Штабсъ-Ротмистръ Николай Ивановъ Исаевъ<,> православный<,> первымъ бракомъ.* **Лѣта жениха:** *28.* **Званіе, имя, отчество, фамилія**

[48] Через десять дней после этого умрет его прабабушка, Глафира Олина.

[49] Метрическая книга екатерингофской Екатерининской церкви, на 1848 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 333-3. Л. 244 об. — 245. Копия свидетельства выдана 29 мая 1867 г. См. также: ЦГИА СПб. Ф. 994 (Имп. лесной ин-т). Оп. 2. Д. 573.

и вѣроисповѣданіе невѣсты и которымъ бракомъ: *Дочь умершаго Колежскаго Совѣтника Александра Кобылина<,> дѣвица Елисавета Александрова Кобылина<,> православнаго исповѣданія.* **Лѣта невѣсты:** *18.* **Кто совершалъ таинство:** *Протоіерей Алексій Маловъ съ Діакономъ Петромъ Казанскимъ и Дьячкомъ Григоріемъ Ивановымъ.* **Кто были поручители:** *по женихѣ: Служащій въ С<анк>тъ Петербургскомъ Почтамтѣ Титулярный Совѣтникъ Александръ Ждановъ и Сумскаго Гусарскаго полка Ротмистръ Семенъ Свимарскій, а по невѣстѣ: Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣдника Принца Винтенберскаго Полка Поручикъ Александръ Резановъ и Статскій Совѣтникъ Петръ Николаевъ Бемъ»*[50].

Через 10 месяцев, 8 ноября (4 декабря) 1849 г., и у этой пары родился первый ребенок — еще одна кузина Павла Исаева, София Николаевна Исаева[51]. Дальнейшая судьба этой ветви семьи Исаевых и Фелициных: дяди и тетки Павла Исаева по отцу, его двоюродных братьев и сестер, а также еще одной сестры его отца, Веры Ивановны (возможно, выданной замуж после 1839 г., когда ее имя исчезает из исповедных росписей Астрахани) — пока не известна. Неясно также, сохранились ли у Марии Дмитриевны Исаевой-Достоевской (а также у ее сына Павла) связи с родней ее первого мужа.

Прежде, чем вернуться в Астрахань, остановимся еще на одной семье, знакомство с которой Исаевых восходило еще к 1810–1820-м гг. (Петрозаводску) и продолжилось, через родственные связи с Уваровыми, в 1830–1840-е гг. уже в Петербурге. Много лет спустя один из ее представителей пересечется по службе, уже в Сибири, в Семипалатинске, как с Александром Ивановичем Исаевым (см. об этом ниже), так и с Ф. М. Достоевским и его другом бароном Александром Егоровичем Врангелем, оставившем о нем весьма нелицеприятный отзыв.

В 1815 г. две известных петрозаводских семьи: обер-берггауптмана 4-го класса, начальника Олонецких горных заводов Адама Васильевича Армстронга (1762–1818) и вице-губернатора Петра Алексеевича Уварова породнились. Старшая сестра будущего отчима А. С. Исаева, Павла Петровича Уварова — Александра (род. 17.08.1796[52]) была выдана замуж за старшего

---

[50] Метрическая книга Исаакиевского собора, на 1849 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 713. Л. 125 об. — 126. Копия свидетельства выдана 7 октября 1850 г.

[51] Метрическая книга Владимирского в придворных слободах собора, на 1849 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 712. Л. 228 об. — 229. Копия свидетельства выдана: 1 февраля 1860 г.

[52] В исповедной ведомости Петропавловского собора за 1814 г. вице-губернатору Петру Уварову 51 г., его жене Евдокии Федоровой 49 лет, их детям: Александре — 21, Павлу — 16, Елисавете — 15, Ольге — 8, живущей с ними племяннице, ровеснице их старшей дочери, Александре Демьяновой — 21 (НА РК. Ф. 25. Оп. 21. Д. 86. Л. 4 об.). Елизавета († 18.02.1838) с 9 ноября 1828 г. (за три месяца до венчания брата Павла) станет первой женой Николая Петровича Шигаева (1806–1864) — переводчика, государственного деятеля, товарища

сына А. В. Армстронга, Романа (Роберта) Адамовича Армстронга (1790–1865) — горного инженера, продолжателя дела отца, в будущем — также начальника Олонецких горных заводов (с 1824) и позже — Петербургского монетного двора (с 1843), генерал-лейтенанта (1858). Венчание произошло 31 октября 1815 г. в Петропавловском соборе; через год, 9 сентября 1816 г., у пары родился ребенок, Адам Романович Армстронг; однако сама молодая мать через три дня, 12 сентября 1816 г., умрет от родовой горячки[53] и будет погребена на Зарецком кладбище Петрозаводска [Мошина, 2009: 10]. Тем не менее в Петербурге родственные и деловые связи семейств Армстронгов и Уваровых продолжались[54], что отразилось и на семье уехавшего на службу в Астрахань Павла Петровича Уварова.

Младший же брат Романа Адамовича, Иван Адамович Армстронг (07.07.1807, Петрозаводск — после 1866, Дрезден), выпускник философского и юридического факультетов Императорского Санкт-Петербургского университета, где он был соучеником А. В. Никитенко, оставившего о нем в своем дневнике благосклонный отзыв, с 12 марта 1828 г. по 11 октября 1866 г. находился на гражданской службе — сначала при Министерстве финансов, потом — начальником нескольких округов империи: Ревельского (с 26 апреля 1851), Сибирского (с 14 мая 1854), Калишского (с 15 мая 1859) (см.: [Latawiec, Górak, Krajka: 136–138]). Именно на этой службе в Сибири произошли его встречи с А. И. Исаевым (см. ниже, сноску 70), А. Е. Врангелем и Ф. М. Достоевским (см. об этом: [Белов; т. 1: 59]).

Дети. Павел и Ольга

В исповедной ведомости храма Смоленской иконы Божией Матери сообщалось, что семья Уварова жила в доме московского почетного гражданина Петра Кондратьевича Шапошникова и регулярно, с 1838 по 1842 г., бывала у исповеди и причастия в Смоленской церкви.

министра финансов и сенатора Российской империи, тайного советника (см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 226. Л. 36 об.; одним из поручителей был Валериан Иванович Кошелев — с 1834 г. астраханский вице-губернатор).

[53] НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 42. Л. 10 об.; Ф. 25. Оп. 22. Д. 4. Л. 599, 606.

[54] Так, 13 февраля 1859 г. Адам Романович Армстронг, тогда уже подпоручик пехотного Его Величества Короля Неаполитанского полка, выступал поручителем при повторном браке бывшего мужа своей тетки, Елизаветы Петровны Уваровой-Шигаевой, в петербургской церкви свв. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что на Моховой.

Илл. 6. Храм Смоленской иконы Божией Матери (Астрахань)[55]
Fig. 6. The Church of the Smolensk Icon of the Mother of God (Astrakhan)

В этот период (в ноябре 1841 г.) А. И. Исаев поступил на службу в отдельную роту Астраханского карантина, а в марте 1842 г. получил должность ротного адъютанта[56]. Молодой офицер Исаев не служил под началом Д. С. Константа. Его рота относилась к военному ведомству, а возглавляемый Дмитрием Степановичем Карантинный дом принадлежал к ведомству гражданскому[57]. Но по делам службы они, вероятнее всего, были знакомы. Видимо, благодаря помощи влиятельного отчима, карьера Исаева продвигалась успешно: он служил на должностях, которые, как правило, занимали

[55] Источник снимка: СОБОРЫ.РУ: народный каталог православной архитектуры [Электронный ресурс]. URL: https://sobory.ru/photo/298763 (23.02.2026).

[56] ГААО. Ф. 679 (Начальник Астраханского таможенного округа). Оп. 1. Д. 441 (Формулярные списки чиновников и канцелярских служителей астраханского таможенного округа). Л. 146 об. — 147.

[57] Указатель мест и лиц разных частей управления Астраханской губернии. Астрахань: Губ. тип., 1858. С. 16, 75.

военные или чиновники более высокого класса. В марте 1846 г. Исаев поступил на службу в Провиантский комитет и получил чин коллежского регистратора, а через 4 месяца после женитьбы, в мае 1847 г., за выслугу лет его производят в губернские секретари[58].

Во второй половине 1847 г. в жизни Исаева произошли два значительных события: 2 сентября во время эпидемии холеры умер его отчим Павел Петрович Уваров[59], а 10 ноября родился сын-первенец Павел, названный, вероятно, в честь только что умершего деда. Дата рождения Павла Исаева указана в формулярном списке Александра Ивановича[60]. На сегодня можно привести также первоисточник — метрическую запись о рождении будущего пасынка Ф. М. Достоевского:

> «**Счетъ родившихся (мужеска пола):** *27.* **Мѣсяцъ и день. Рожденіе:** *Ноябрь, 10.* **Крещеніе:** *22.* **Имена родившихся:** *Павелъ.* **Званіе, имя, отчество и фамилія родителей, и какого вѣроисповѣданія:** *Чиновникъ особыхъ порученій Провіантскаго Комитета Губернскій Секретарь Александръ Ивановъ Исаевъ и жена его Марія Димитріева. Оба Православнаго вѣроисповѣд<анія>.* **Званіе, имя, отчество и фамилія воспріемниковъ:** *Астраханскій Вице-Губернаторъ Адріанъ Больманъ и Надворная Совѣтница Екатерина Никифорова Козаченкова.* **Кто совершалъ таинство крещенія:** *Іерей Іоаннъ Розановъ, съ Діакономъ Петромъ Каспіевымъ, и Дьячкомъ Иваномъ Доктусовымъ*»[61].

Как видим, традиция приглашать в крестные отцы вице-губернаторов сохранилась и во втором поколении семьи Исаевых. Это, конечно, был знакомый по службе покойного Павла Петровича Уварова.

---

[58] ГААО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 441. Л. 147 об. — 148.

[59] Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Знаменской церкви г. Астрахани. 1847 г. Ч. III: О умерших // ГААО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 4. Л. 410 об. — 411 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/4e996e72-ab57-490a-a98a-ebfbd8b55ee7/382 (23.02.2026).

[60] ГААО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 441. Л. 146.

[61] Метрическая книга, данная изъ *Астраханской Духовной Консисторіи Астраханской Ильинской* (Троицкой) *Церкви* для записки родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ на 18*47* годъ // ГААО. Ф. 730. Оп. 3-доп. Д. 3. Л. 177 об. — 178 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/e6409699-8e09-48b5-9b4f-094b37a3d3a5/197?snippet=Родившийся%3A+%07%5BПавел%07%5D+%07%5BАлександров%07%5D+%07%5BИсаев%07%5D.+Родившийся%3A+Филикиста+Льва+Михайлова.+Родившийся%3A+Варвара+Михаилова.&text=Павел+александров+Исаев&pos=0&fromSideblock=1 (23.02.2026). На полях справа около метрической записи карандашная помета о выдаче 7 июля 1849 г. копии свидетельства о рождении.

Исаевы поселились в оживленном, торговом районе Астрахани недалеко от зданий портовой таможни, в приходе храма Иоанна Златоуста[62]. Записи о них обнаруживаются в исповедных ведомостях храма за 1850–1853 гг.[63], а также в метрических книгах 1849 и 1850 гг.

20 июня 1849 г. в семье родился второй ребенок — дочь Ольга:

> «**№:** *36.* ***Мѣсяцъ, день. Рожденіе:*** *Іюнь, 20.* ***Крещеніе:*** *Іюнь, 30.* ***Имена родившихся:*** *Ольга*[64]. ***Званіе, имя, отчество и фамилія, и какого вѣроисповѣданія:*** *Служащій въ Астраханскомъ Провіантскомъ Комитетѣ Губернскій Секретарь Александръ Ивановъ Исаевъ, и законная жена его Марія Димитріева, оба православнаго исповѣданія.* ***Званіе, имя, отчество и фамилія воспріемниковъ:*** *Надворнаго Совѣтника Димитрія* [*Иванова*] *Стефанова Константинова дочь дѣвица Варвара Димитріева.* ***Кто совершалъ таинство крещенія:*** *Іерей Іоаннъ Розановъ, съ Діакономъ Петромъ Каспіевымъ, и Дьячкомъ Иваномъ Доктусовымъ*»[65].

Восприемницей ребенка при крещении стала младшая сестра Марии Дмитриевны Варвара. Ребенок прожил всего год. В метрической книге 1850 г., в части 3 «о умерших» 28 июня сделана запись о смерти девочки:

> «**Счетъ умершихъ (женска):** *43.* **Мѣсяцъ и день:** *Іюнь, 27* (смерти), *28* (погребения). **Званіе, имя, отчество и фамилія умершаго:** *Губернскаго Секретаря Александра Иванова Исаева дочь Ольга*. **Лѣта умершаго:** *1 года.* **Отъ чего умеръ:** *отъ колотья*. **Кто исповѣдывалъ и пріобщалъ:** —. **Кто совершалъ погребеніе, и гдѣ погребены:** *Іерей Василій Благодаровъ съ Діакономъ Петромъ Каспіевымъ*»[66].

---

[62] См.: План города Астрахани 1838 г. Масштаб — 100 сажен в дюйме. Восстановил в 1873–1874 гг. Гибшман. В кн.: Таблица домов и улиц города Астрахани: с показанием полицейских участков и околотков и участков: мировых судей, судебных следователей и санитарно-статистических: с приложением плана города Астрахани. Астрахань, 1884. 153 с. [Электронный ресурс]. URL: https://retromap.ru/1418389_46.347134,48.026454 (23.02.2026).

[63] ГААО. Ф. 727 (Церковь Иоанна Златоуста г. Астрахани). Оп. 1-доп. (Исповедные ведомости 1850–1856 гг.). Д. 62. Л. 39 об., 106 об., 138, 178 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/4b328ce0-55de-42df-9f5e-50e802e4380f/29 (23.02.2026).

[64] Видимо, имя девочки было выбрано в честь матери Александра Ивановича — Ольги Николаевны.

[65] *Метрическая книга дана изъ Астраханской Духовной Консисторіи Астраханской Іоанно-Златоустовской церкви для записи родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ въ 1849 году* // ГААО. Ф. 727. Оп. 2-доп. Д. 7. Л. 17 об. — 18 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/4b328ce0-55de-42df-9f5e-50e802e4380 (23.02.2026). На полях справа около метрической записи карандашная помета о выдаче 7 июля 1849 г. копии свидетельства о рождении.

[66] Там же. На 1850 г. Л. 205 об. — 206. Лист с заглавной надписью метрической книги 1850 г., где указано название храма, в деле отсутствует.

Илл. 7. Церковь Иоанна Златоуста (Астрахань)[67]
Fig. 7. The Church of St. John Chrysostom (Astrakhan)

В конце 1849 г. Исаев оставил службу в Провиантском комитете и 18 декабря перешел в гражданское ведомство чиновником особых поручений при начальнике Астраханского таможенного округа. Можно сказать, что это назначение стало вершиной его карьеры. 13 февраля 1851 г. «с разрешения г<осподина> министра финансов» он будет перемещен на ту же должность в Сибирь[68]. Вместе с ним в Петропавловск, а затем в Семипалатинск отправятся Мария Дмитриевна и трехлетний Павел.

СИБИРЬ

Сибирский период жизни Марии Дмитриевны Достоевской охватывает около 8 лет и 4 месяцев: с февраля 1851 по июль 1859 г. В эти годы произошли события, решительно изменившие ее судьбу: смерть первого мужа, А. И. Исаева, и брак с Ф. М. Достоевским. Эти события, как имеющие отношение к биографии писателя, оказались в фокусе внимания исследователей и получили достаточно подробное освещение.

---

[67] Источник снимка: СОБОРЫ.РУ: народный каталог православной архитектуры [Электронный ресурс]. URL: https://sobory.ru/photo/298763 (23.02.2026).

[68] ГААО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 441. Л. 148 об. — 150.

Новые источники позволили уточнить сведения о некоторых людях, входящих в окружение Марии Дмитриевны и Достоевского, а также представить неизвестный ранее факт биографии А. И. Исаева и его семьи.

Петропавловск
февраль 1851 — начало 1852

Сибирские города, в которых жила Мария Дмитриевна, были для нее абсолютно чужими. Все родственники остались на юге европейской части России, а круг новых знакомых оказался очень узким. В основном в него входили люди, связанные по службе с Александром Ивановичем Исаевым. По данным адрес-календарей 1852–1853 гг.[69] служба А. И. Исаева в Сибири проходила под началом Павла Егоровича Ганенфельда, который возглавлял Сибирский таможенный округ почти до самой отставки Александра Ивановича в июле 1853 г.[70] Штат чиновников, находящихся в непосредственном подчинении у начальника таможенного округа, состоял из трех должностей: секретаря и двух чиновников особых поручений. Сменяемость кадров была достаточно высокой — редкий чиновник задерживался на одном месте более двух лет, за исключением коренных сибиряков, связанных между собой не только службой, но и родственными или духовно-родственными отношениями. С теми же, кого называли «наезжие из России», происходило, по большей части, то, о чем писал Ф. М. Достоевский в «Записках из Мертвого Дома»:

> «С нетерпением отбывают они свой законный термин службы, три года, и по истечении его тотчас же хлопочут о своем переводе и возвращаются восвояси, браня Сибирь и подсмеиваясь над нею» [Д30; т. 4: 5].

Так развивалась карьера Аристарха Дмитриевича Расова — предшественника А. И. Исаева на месте чиновника особых поручений при начальнике таможенного округа и в Астрахани, и в Сибири. О нем упоминает Н. И. Левченко в связи с неожиданным направлением Исаева в Петропавловск: «…из документов видно, — пишет исследовательница, — что в Сибирь должен был ехать коллежский асессор Расов. Но это был человек преклонных лет, к тому же накануне отъезда он неожиданно тяжело заболел»

---

[69] Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1852: в 2 ч. СПб., 1852. Ч. 1. С. 228; То же, 1853: в 2 ч. СПб., 1853. Ч. 1. С. 230. В Адрес-календаре 1851 г. А. И. Исаев еще числится чиновником Астраханского таможенного округа (То же, 1851: в 2 ч. СПб., 1851. Ч. 1. С. 231). Он поступил на службу в Сибирь в начале 1851 г., когда адрес-календарь был уже издан, т. к. печатался по спискам чиновников, составленным в конце предшествующего, 1850 г.

[70] В отставку А. И. Исаев будет отправлен преемником П. Е. Ганенфельда И. А. Армстронгом. Его подпись стоит в аттестате коллежского секретаря А. И. Исаева. Семипалатинск, 27 сентября 1853 г. // ГАТО (Томск). Ф. 3 (Томское губернское правление). Оп. 2. Д. 646. Л. 22–22 об. Полный текст аттестата опубликован Е. Д. Трухан [Трухан, 2021а: 52].

[Левченко: 239]. Однако, по данным адрес-календарей[71], А. Д. Расов уже служил в Сибири в 1849–1850 гг. Его перевели туда в 1848 г., а на вакантное место в Астрахани в декабре 1849 г. поступил А. И. Исаев. Коллежскому асессору и личному дворянину А. Д. Расову в 1851 г. было 46–47 лет, у него была большая семья и действительно слабое здоровье. Болезнь стала причиной его досрочного возвращения из Сибири (вместо трех лет он прослужил два) и выхода в отставку. Расов умер в Астрахани 27 января 1854 г. в возрасте 50 лет. В метрической книге Тихвинской церкви Астрахани записана причина его смерти — чахотка[72]. В марте 1850 г. в астраханской Христорождественской церкви «чиновник для особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа»[73] А. Д. Расов крестил своего новорожденного сына Владимира[74] — вероятно, в это время им и было подано прошение о переводе из Сибири. На его место в Петропавловск был отправлен А. И. Исаев.

Начальник Сибирского таможенного округа П. Е. Ганенфельд, сменивший в 1849 г. на этой должности А. М. Спиридонова, набрал собственный штат чиновников. Кроме А. Д. Расова и назначенного вместо него в 1851 г. А. И. Исаева под началом Ганенфельда секретарем служил титулярный советник Александр Федорович Андреев, а вторым чиновником особых поручений — молодой губернский секретарь Иассон Петрович Пе́триков. Обнаруженные документы позволяют проследить связи и взаимоотношения сибирских таможенных чиновников, с кругом которых через А. И. Исаева и Марию Дмитриевну соприкоснется и Ф. М. Достоевский.

Оба сослуживца Исаева — сибиряки. В ноябре 1851 г. Петриков уже произведен в коллежские секретари, ему 27 лет, и он женится на дочери петропавловского купца. Поручителем со стороны жениха приглашен секретарь начальника таможенного округа А. Ф. Андреев[75]. Через три года, в 1854 г., Петриков вслед за Ганенфельдом будет переведен в Одессу, Исаев получит отставку по болезни и через год уедет с семьей в Кузнецк, а Андреев будет приглашен поручителем на свадьбу другого таможенного чиновника — Петра Захаровича Сапожникова. Запись о его венчании 17 мая 1854 г. найдена

---

[71] В Адрес-календаре 1848 г. А. Д. Расов числится еще в Астраханском таможенном округе — календарь печатался по спискам, составленным в ноябре 1847 г. (об этом указано в сноске на с. 237) // Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1848 год: в 2 ч. СПб., 1848. Ч. 1. С. 238; То же на 1849 год: в 2 ч. СПб., 1849. Ч. 1. С. 225; То же на 1850 год: в 2 ч. СПб., 1850. Ч. 1. С. 195.

[72] ГААО. Ф. 691. Оп. 2. Д. 12. Л. 291 об. — 292, 273 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/39438dcc-5dc5-4198-8737-c80c1ca8bfb3 (23.02.2026).

[73] Дословная формулировка из метрической книги.

[74] ГААО. Ф. 731. Оп. 1а. Д. 5. Л. 144 об. — 145, 141 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/73b3b8ab-f8f1-402a-a875-2c6c36a29437/141 (23.02.2026).

[75] Метрическая книга крепостной Петропавловской церкви, на 1851 г. // ИАОО. Ф. 16 (Омская духовная консистория). Оп. 2. Д. 157. Л. 101, 135 об. — 136 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/e769ac16-e51f-4ea3-a4b5-23d153d55e42/124 (23.02.2026).

в метрической книге Успенской церкви станицы Становой Петропавловского духовного правления:

> «**Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе жениха, и которымъ бракомъ:** *Пресногор<ь>ковской таможенной Заставы Новорыбинскаго Отряда Помощникъ Надзирателя Петръ Захаровъ Сапожниковъ православный<,> первымъ бракомъ.* **Лѣта жениха:** *24.* **Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе невѣсты и которымъ бракомъ:** *Станицы Становой дѣвица Степанида Герасимова, дочь вдовы казачей жены Евдокіи Васильевой Елбашевой, православная<,> первымъ бракомъ.* **Лѣта невѣсты:** *18.* <…> **Кто были поручители:** *По женихѣ: Служащій въ Петропавловской Таможни Титулярный Совѣтникъ Александръ Ѳедоровъ Андрѣевъ и Помощникъ Надзирателя Становскаго Отряда Иванъ Ильинъ Артемьевъ…*»[76].

Возможно, благодаря секретарю Ганенфельда А. Ф. Андрееву между Сапожниковым и Исаевыми завязались дружеские отношения, которые продолжатся позже в Кузнецке.

В документах Богородице-Одигитриевской церкви Кузнецка чиновник таможенного ведомства Петр Захарович Сапожников значится поручителем со стороны жениха при венчании Марии Дмитриевны и Ф. М. Достоевского [Голуб, 2009: 185]. Имя супруги П. З. Сапожникова удалось узнать из другого архивного источника, введенного в научный оборот в 2017 г. новокузнецкой исследовательницей А. С. Шадриной [Шадрина, 2017: 15; 2016: 173]. Это запись в метрической книге Спасо-Преображенского собора города Кузнецка о рождении/крещении 23/28 апреля 1857 г. младенца Георгия — сына «*служащаго по таможенному вѣдомству Чиновника XII класса Петра Захарова Сапожникова и законной жены его Стефаниды Герасимовой*». В числе восприемников значится «*Города Симпалатинска 12 полубаталіона Прапорщика Ѳедора Михаилова Достоевскаго жена Марія Димитріева*»[77]. Сопоставление двух метрических записей (о венчании Сапожникова и о крещении его сына) дает возможность предположить, что знакомство Сапожникова и Исаевых началось еще в Петропавловске. На момент пребывания Исаевых в этом городе молодому служащему Петропавловской таможни[78] Петру Сапожникову было около 20 лет. Неизвестно, по какой причине он с семьей оказался в Кузнецке, но факт приглашения Сапожниковым Марии Дмитриевны в восприемницы сына, а также его

[76] ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 172. Л. 352, 371 об. — 372 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/e769ac16-e51f-4ea3-a4b5-23d153d55e42/124 (23.02.2026).

[77] ГАНО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 5064. Л. 14 об. — 15.

[78] См. подробнее: [Авимский: 99].

участие в качестве поручителя со стороны жениха в венчании Достоевских говорит о прочности и доверительности их отношений[79].

В 1852 г. квартира начальника Сибирского таможенного округа была переведена в Семипалатинск[80]. П. Е. Ганенфельд и его подчиненные вынуждены были оставить Петропавловск и переехать на новое место. Но связи Исаевых с петропавловскими знакомыми сохранились. О них упоминает Достоевский в письме А. Е. Врангелю от 14 августа 1855 г.:

> «Он (Исаев. — *И. М., Т. П.*) Вас вспомнил при смерти. Кажется, так было, что он (его слова) "*не смеет и думать предложить Вам взамен долга*", — но просит передать Вам книгу "*в память о себе*" ("Сподвижников Александра", помните это богатое издание; **он получил ее из Петропавловска,** где оставил). Вам книгу пришлют» [Д30; т. 28, кн. 1: 191, 462].

Семипалатинск (совр.: Семей. Казахстан) начало 1852 — май 1855

С Семипалатинском связан самый продолжительный период жизни Марии Дмитриевны в Сибири. В общей сложности она прожила в этом городе шесть лет: три с половиной года до отъезда в Кузнецк и два с половиной года после возвращения.

В начале 50-х гг. XIX в. Семипалатинск — это небольшой, по сравнению с Астраханью, город. Бывший форпост Иртышской линии, превращенный в казачью станицу. Расположение на Восточном торговом пути способствовало его развитию, к оторое стало более интенсивным после 1854 г., когда Семипалатинск приобрел статус областного центра. Территория города

---

[79] На дальнейшую судьбу Петра Сапожникова и его семьи косвенно указывает еще один обнаруженный документ. В метрической книге омской Войсковой Николаевской церкви (ныне: Свято-Никольский казачий собор) сообщается о венчании 15 мая 1867 г. вторым браком *вдовы* коллежской регистраторши Стефаниды Герасимовой Сапожниковой (30 лет) с сотником 5-го полкового округа Никифором Козьминым Даблинским<¿> (ИАОО. Ф. 16. Оп. 5. Д. 2. Л. 356, 428 об. — 429 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/e8019563-4dc7-4bd0-b3a7-a2cc909f8329/430 (23.02.2026)).

[80] Квартира начальника Сибирского таможенного округа была переведена в Семипалатинск не ранее начала 1852 г. В статье о Киргизской степи титулярного советника Идарова 1851 г. еще включен в сравнительную статистку таможенных сборов в Петропавловске и Семипалатинске, объясняющую причины перевода квартиры начальника Сибирского таможенного округа. Статья Идарова «Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область. (Составлено в Хозяйственном департаменте титулярном советником Идаровым)» опубликована в «Журнале Министерства внутренних дел» (1854. Кн. 8. Отд. 2. С. 1–36). Позже перепечатывалась во множестве российских изданий, в том числе в издававшейся в Петербурге «Коммерческой газете» (№ 126 за 28 октября и № 127 за 30 октября 1854 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://e-history.kz/ru/news/show/33128 (23.02.2026); Коммерческая газета. СПб., 1854. № 127. 30 октября. С. 506 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012576796?page=519&rotate=0&theme=white (23.02.2026).

состояла из трех частей[81]: северной — Казачий форштадт, или станица Семипалатинская, южной — Татарская слободка, мечети которой придавали облику города восточный колорит, и центральной части, находившейся между этими двумя поселениями — в ней располагался военный гарнизон [Сарсембаева: 79].

По сведениям, собранным А. В. Скандиным, Исаевы поселились на квартире в доме дьячка Знаменского собора Петра Васильевича Хлынова (*Скандин, 1993*: 107, 110)[82], который находился недалеко от казарм и храма. Именно эту квартиру посещал Достоевский в 1854–1855 гг. Сюда заходил он во время своих одиноких прогулок по Семипалатинску после отъезда Исаевых в Кузнецк. В трогательных подробностях писал он о своем посещении этого дома Марии Дмитриевне в единственном сохранившемся письме:

> «Заходил на вашу квартиру, взял плющ (он теперь со мной), видел осиротелую Сурьку, бросившуюся ко мне со всех ног, но не отходящую от дому» [Д30; т. 28, кн. 1: 189].

В статье «Достоевский в Семипалатинске» А. В. Скандин отмечает, что в более позднее время это здание было известно горожанам как дом семипалатинского лекаря надворного советника Георгия Ивановича Гизлера (*Скандин, 1993*: 107)[83]. Его имя дважды встречается в оцифрованной подборке томской газеты «Сибирская жизнь»[84]. В одной из публикаций указан адрес дома Гизлера: г. Семипалатинск, улица Александровская, 7[85]. Эта

---

[81] Гарнизон (крепость) иногда выделяют как четвертый район Семипалатинска XIX в.

[82] В метрических книгах Знаменского собора имя П. В. Хлынова в 30–50-е гг. XIX в. встречается достаточно часто. См., например, запись в метрической книге Знаменской церкви (часть первая «о родившихся») за 1836 г., где указывается имя и отчество дьячка Хлынова, а также его супруги Анны Абрамовны, на воспоминания которой ссылается Скандин (ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 85. Л. 234, 237 об. — 238 [Электронный ресурс]. URL: https://e-history.kz/ru/news/show/33128 (23.02.2026)).

[83] Скандин упоминает только должность и фамилию Гизлера. Имя, отчество и чин семипалатинского доктора были восстановлены по следующим периодическим изданиям и справочникам: Сенатские Ведомости. СПб., 1895. № 34. 28 апреля. С. 148; Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1883 год. СПб., 1883. С. 84; Список гражданским чинам военного ведомства первых шести классов по старшинству / сост. по 1-е июля 1909 г. СПб.: Военная тип., 1909. С. 194.

[84] В газете «Сибирская жизнь» опубликована заметка о литературно-музыкальном вечере, посвященном памяти В. А. Жуковского, в котором принимал участие Г. И. Гизлер: «Вечеръ прошелъ очень оживленно, чтенія изъ произведеній Жуковскаго разнообразились вокальными номерами — хоровыми и сольными подъ аккомпаниментъ на фисгармоніи. Игра Г. И. Гизлера доставила намъ высокое наслажденіе; солисты были въ ударѣ и ансамбль получился полный» (Сибирская жизнь. Томск, 1902. № 107. 18 мая. С. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/3ca2d138-d344-48bd-a1df-58a415421b91/2?center=1827+914 (23.02.2026)).

[85] Объявление о желании взять напрокат фисгармонию // Сибирская жизнь. Томск, 1910. № 245. 4 ноября. С. 4 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/bec0022f-54dd-4c18-a217-5fd870833743/4?center=1002+1065 (23.02.2026).

улица была одной из старейших в центральной части города. Она действительно проходила мимо окруженной казармами площади Знаменского собора и спускалась к реке. Первоначальное название улицы — Новобазарная, более поздние — Александровская и Ленина, современное — Мангелик Ел.

Илл. 8. Знаменский собор (Семипалатинск, 1896)[86]

Fig. 8. The Cathedral of Our Lady of the Sign, Semipalatinsk (photograph of 1896)

Точная дата прибытия Исаевых из Петропавловска в Семипалатинск неизвестна. Первые найденные документальные свидетельства, связанные с семипалатинским периодом их жизни, относятся к 1853 г. Неожиданным образом они обнаруживаются в Государственном архиве Астраханской области и открывают неизвестный ранее факт: в первой половине 1853 г. Александр Иванович с семьей предпринял длительное путешествие из Сибири в Астрахань и обратно. В исповедных ведомостях астраханского храма Иоанна Златоуста за 1853 г. значится, что в Святую Четыредесятницу, то есть с 1 марта по 10 апреля (ст. ст.), у исповеди и причастия были:

> *«Губернскій Секретарь Александръ Ивановъ Исаевъ, 30 <лѣтъ>, жена Марія Дмитріева, 28 <лѣтъ>, сынъ ихъ Павелъ 6 <лѣтъ>»*[87].

[86] Источник снимка: Гос. архив области Абай (Казахстан).

[87] ГААО. Ф. 727. Оп. 1-доп. Д. 62. Л. 178.

Причины и цель этой поездки еще предстоит установить[88].

Так же, как и его предшественник, А. Д. Расов, Исаев вынужден был досрочно оставить службу по состоянию здоровья. Не отслужив свой трехлетний «законный термин службы», он в период с 1 января по 1 мая 1853 г. подал в отставку [Рожнов: 19], и «*Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ по Гражданскому вѣдомству въ 28-й день Іюля 1853 г., уволенъ отъ службы по болѣзни*». Через два месяца, 27 сентября, Исаев получил аттестат службы [Трухан, 2021а: 51–53]. Этот документ выдавался чиновнику при переходе на другую должность или при увольнении, в нем содержались сведения о прохождении службы и причина отставки [Рожнов: 19–20]. Из документа также известно, что Исаев в награду за беспорочную службу был произведен со старшинством в чин коллежского секретаря. Это было его последнее служебное повышение.

Ф. М. Достоевский, познакомившийся с семейством Исаевых в апреле-мае 1854 г., писал об их обстоятельствах брату Михаилу:

> «Он имел здесь место, очень недурное, но не ужился на нем и по неприятностям вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и всё хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованием, состояния не имел, и потому, лишась места, мало-помалу, они впали в ужасную бедность» [Д30; т. 28, кн. 1: 201].

Исаевы остались в Семипалатинске почти без средств к существованию, не имея поддержки местного общества и лишенные помощи родных, с которыми, по свидетельству Достоевского, Мария Дмитриевна «была несколько в ссоре, через мужа» [Д30; т. 28, кн. 1: 202]. Хлопоты Александра Ивановича о новом назначении затянулись почти на два года. Виной этому отчасти была ошибка канцелярии, о которой свидетельствуют документы Томского государственного архива, введенные в научный оборот Е. Д. Трухан [Трухан, 2021а: 54–57].

В этот период Достоевский часто бывал в доме Исаевых. О том впечатлении, которое произвела на него Мария Дмитриевна, о ее умении в тяжелых обстоятельствах сохранять твердость характера Достоевский писал брату Михаилу:

> «Участь эту она перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беспечным мужем <…> и за маленьким сыном. Она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна. Характер ее, впрочем, был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливые вечера проводил я в ее обществе! Я редко встречал такую женщину» [Д30; т. 28, кн. 1: 201].

---

[88] В аттестате Исаева 1853 г., где внесены сведения из его формулярных списков, не сообщается о получении чиновником отпуска или отставки, см.: Аттестат коллежского секретаря А. И. Исаева. Семипалатинск, 27 сентября 1853 г. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 646. Л. 22–22 об. Полный текст аттестата опубликован Е. Д. Трухан [Трухан, 2021а: 52].

Еще точнее свое впечатление Достоевский выразит позже в письме к Врангелю, сообщая о жизни Марии Дмитриевны в Кузнецке:

> «…живет <…> тихо, скромно, кротко, заставив уважать себя весь городишко. Это твердый, сильный характер» [Д30; т. 28, кн. 1: 243].

Не имея возможности «поддерживать знакомства», Исаевы живут в Семипалатинске достаточно замкнуто. Одно из немногих мест, которое, без сомнения, посещает семья — это Знаменский собор[89], единственный на тот момент православный храм города. В метрических книгах этого храма удалось обнаружить запись, которая может дополнить представление о семипалатинском окружении Исаевых и Достоевского. Это запись о крещении 8 февраля 1855 г. младенца Александра — сына отставного казака Романа Яковлевича Шадского. Восприемниками были:

> «*Семиполатинской таможни уволенный отъ службы коллежскій секретарь Александръ Ивановъ Исаевъ и Липлянской губерніи города Риги лесничьяго дочь дѣвица Елена Иванова Радзина*»[90].

Возможно, в записи указано имя одной из общих знакомых Исаевых и Достоевского. О ней Достоевский упоминал после отъезда из Сибири в 1859 г. в письме к семипалатинскому знакомому П. А. Давыдову [Д30; т. 28, кн. 1: 354], а также в письме 1855 г. к М. Д. Исаевой:

> «А помните, как один раз нам-таки удалось побывать в Казаковом саду, Вы, Алек<сандр> Иван<ович>, я, Елена. Как свежо я всё припомнил, придя теперь в сад. Там ничего не изменилось и скамейка, на которой мы сидели, та же… <…> Не утерпел и сходил к Елене: одна, бедная» [Д30; т. 28, кн. 1: 188–189].

В Полном собрании сочинений писателя в примечаниях к письму указано:

> «Елена — неустановленное лицо. Возможно, приятельница М. Д. Исаевой» [Д30; т. 28, кн. 1: 462].

Недостаточность сведений о Елене, а также отсутствие контекста письма (других писем к М. Д. Исаевой и ее ответных посланий) значительно усложняет точное установление лица, упоминаемого Достоевским. Обнаруженная метрическая запись содержит информацию, которая дает возможность приблизиться к решению этого вопроса.

---

[89] Религиозность Марии Дмитриевны отмечена Ф. М. Достоевским в письме к сестре, Варваре Михайловне Карепиной [Д30; т. 28, кн. 1: 261].

[90] ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 178. Л. 143, 151 об. — 152 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/bec0022f-54dd-4c18-a217-5fd870833743/4?center=1002+1065 (23.02.2026).

Кузнецк
май 1855 — начало февраля 1857

В мае 1855 г. Исаевы оставляют Семипалатинск и переезжают в Кузнецк, куда Александр Иванович был назначен заседателем по корчемной части. В письме к брату Михаилу Достоевский замечает:

> «…переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унизителен. Но что было делать! Почти не было куска хлеба…» [Д30; т. 28, кн. 1: 201–202].

По прибытии в Кузнецк 28 мая 1855 г. [Трухан, 2021а: 56] они сняли маленькую комнату в доме портного Михаила Дмитриевича Дмитриева на Большой улице (современное название — улица Достоевского). Сейчас это мемориальное здание музея Ф. М. Достоевского (см.: [Шадрина, 2016: 87–90, 20, 103–107]; ср.: [Шадрина, 1995]).

Илл. 9. Дом М. Д. Дмитриева (Кузнецк)[91]

Fig. 9. The house of M. D. Dmitriev in Kuznetsk

Сравнивая его с предыдущими адресами Исаевых в других городах (насколько позволяют имеющиеся данные), можно сказать, что это было самое бедное их жилище. К тому времени Александр Иванович уже был тяжело болен чахоткой [Трухан, 2021а: 51–53]. Он умер через два месяца после

[91] Источник снимка: Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк).

приезда в Кузнецк 4 августа 1855 г.[92] в возрасте 33 лет [Панюкова: 163][93]. А. И. Исаев был похоронен на кузнецком городском кладбище[94]. В конце 30-х гг. XX в. на этом месте был устроен парк культуры и отдыха. Могила не сохранилась.

Мария Дмитриевна с сыном жила в Кузнецке до начала 1857 г. 6 февраля в Богородице-Одигитриевской церкви [Шадрина, 2016: 108–119], к приходу которой относилась улица Большая, совершилось ее венчание с Ф. М. Достоевским. Через несколько дней после свадьбы они вернулись в Семипалатинск.

Илл. 10. Богородице-Одигитриевская церковь (Кузнецк), где венчались М. Д. Исаева и Ф. М. Достоевский[95]

Fig. 10. The Church of Our Lady of Odigitria (Kuznetsk), where M. D. Isaeva and F. M. Dostoevsky were married

[92] Запись № 22 от 5 августа 1855 г. о смерти корчемного заседателя коллежского секретаря Александра Ивановича Исаева, см.: Метрическая книга о рождении, браке, смерти из Кузнецкого духовного правления градо-кузнецкой Одигитриевской церкви (совр. Кемеровская обл.). 1855 г. Часть третья: «О умерших» // ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 5056. Л. 146 об. — 147. Возраст, указанный при погребении: 31 год.

[93] А. И. Исаев родился летом 1822 г. [Панюкова: 163].

[94] Булгаков Ф. Ф. М. Достоевский в Кузнецке // Сибирская жизнь. Томск, 1904. Иллюстрированное приложение XXIII к № 221. 10 октября. С. 1 [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/3e6c7102-3541-462a-8564-dcf23f2da2ed/2 (23.02.2026).

[95] Источник снимка: Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). Постоянная экспозиция «Кузнецкая Путеводительница».

Семипалатинск (совр.: Семей. Казахстан)
20 февраля 1857 — 2 июля 1859

В Семипалатинске прапорщик Федор Михайлович Достоевский с семьей поселился на Крепостной улице (сейчас улица Достоевского) в двухэтажном деревянном доме почтальона Андрея Павловича Лепухина. В современном городе это единственное сохранившееся здание, которое было непосредственно связано с памятью о Марии Дмитриевне Достоевской. Другие памятники — дом П. В. Хлынова (позже Г. И. Гизлера) и Знаменский собор — в настоящее время утрачены. По свидетельству А. В. Скандина, в 1857 г. дом был совсем новый, «только что отстроенный» (*Скандин, 1903*: 220). Хозяин с женой Анной Евсеевной и восьмилетней дочерью Елизаветой[96] занимал первый этаж здания, а в комнатах второго этажа до июля 1859 г. квартировали Достоевские.

Илл. 11. Дом А. П. Лепухина (Семипалатинск)[97]
Fig. 11. The house of A. P. Lepukhin in Semipalatinsk

С большой любовью подбирал Федор Михайлович обстановку квартиры, куда должна была войти хозяйкой Мария Дмитриевна. Об этом свидетельствуют его письма к родным, памятный листок с перечнем вещей, необходимых к свадьбе [Д30; т. 28, кн. 1: 481], и детские воспоминания дочери А. И. Гейбовича (*Сытина*: 125–126) — ротного командира и друга Достоевского.

[96] ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 144. Л. 185 об. — 186 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/d110b7ec-d5b4-4ea7-92c8-636d3aad94d4/189 (23.02.2026).

[97] Источник снимка: Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (г. Семей, Казахстан).

Сейчас дом почтальона А. П. Лепухина принадлежит Литературно-мемориальному музею Ф. М. Достоевского (г. Семей), и сохранившиеся свидетельства о том, как выглядела квартира писателя, способствовали воссозданию его интерьера[98].

С почтальоном А. П. Лепухиным у Достоевского сложились добрые дружеские отношения. Летом 1857 г. Андрей Павлович сопровождал маленького Пашу Исаева в Омск на учебу в Сибирском кадетском корпусе. В своих письмах Достоевский неизменно отзывается об А. П. Лепухине как о «*преданнейшем и порядочном*» человеке. 31 августа 1857 г. он писал Варваре Дмитриевне Констант, младшей сестре М. Д. Достоевской:

> «Отправили мы его (Пашу Исаева. — *И. М., Т. П.*) с добрым и честным человеком, хозяином дома, в котором мы квартируем и которого Паша очень любил. Он смотрел за Пашей как нянька и доставил его превосходно» [Д30; т. 28, кн. 1: 284].

После отъезда Паши все заботы Марии Дмитриевны были посвящены мужу, который в них очень нуждался. О характере их отношений сообщает в семейной переписке Достоевских брат писателя Николай Михайлович:

> «Жена его Марья Дмитриевна, по умершему первому мужу Исаева, по показанию приезжающих оттуда, наипрелестнейшая и умнейшая женщина. <…> …брат женился на ней и живет очень счастливо. Не забудь, что брат одержим теперь падучею болезнью и вообще расстроенного здоровья; она ходит за ним с непоколебимою ревностью, и вообще, как слышно, они живут душа в душу. Дай-то Бог!» [Достоевский в неизданной переписке…: 375].

Падучая болезнь стала официальной причиной отставки Достоевского, прошение о которой было подано им в начале марта 1858 г. Высочайший приказ об увольнении Достоевского в отставку по болезни с награждением следующим чином (подпоручика) был издан только через год, 18 марта 1859 г. Жительство ему было разрешено в Твери, без права въезда в Санкт-Петербургскую и Московскую губернии, с установлением за ним секретного надзора [Д30; т. 28, кн. 1: 518]. Из Сибири в Россию Достоевские отправились 2 июля 1859 г.: «…опишу Вам всё наше странствие с самого 2-го июля», — так начинает Достоевский письмо своему ротному командиру и другу А. И. Гейбовичу [Д30; т. 28, кн. 1: 360–368].

В этом письме и в сохранившемся ответном послании А. И. Гейбовича от 25 марта 1860 г.[99], а также в письме от 14 октября 1859 г. к другому

---

[98] Официальный сайт Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (г. Семей, Казахстан) [Электронный ресурс]. URL: https://dostoevsky.kz/memorialnaya-kvartira/ (23.02.2026).

[99] См.: Гейбович А. И. Письмо к Ф. М. Достоевскому. От 25 марта 1860 г. // ОР РГБ. Ф.93.II.2.72. 6 л. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01011116173?page=1&rotate=0&theme=white (23.02.2026).

семипалатинскому знакомому писателя П. А. Давыдову [Д30; т. 28, кн. 1: 354–355] приведены подробности последних лет жизни Марии Дмитриевны и Федора Михайловича в Сибири и их впечатления от возвращения в Россию.

Дорожные наблюдения Ф. М. Достоевского, его хлопоты об устройстве семьи на новом месте в Твери, о судьбе Паши Исаева и разрешении жить в Петербурге, переговоры о служебных возможностях для сибирских знакомых писателя — все это обладает бесспорной ценностью, в том числе и для реконструкции биографии Марии Дмитриевны. Интересны с этой точки зрения сведения о вещах, подаренных Достоевскими семье А. И. Гейбовича, и показательно то уважение, которое Артемий Иванович невольно выказывает, бережно сохраняя каждый подарок.

Но нам представляется важным отметить глубокое содержание, которое приобретают эти письма благодаря большому количеству упоминаемых в них имен:

> «…вот Вам дружеская инструкция, — писал Достоевский Гейбовичу, — в первом же письме Вашем уведомить нас, во-первых, *об Аягузе*, о Ваших знакомых и вообще о житье *подробнее*: какие люди, какие лица» [Д30; т. 28, кн. 1: 367].

В письмах упоминается около 60 лиц, среди которых больше половины — это общие знакомые Достоевских, Гейбовичей и Давыдовых. Именно такие упоминания делают переписку богатейшим источником для исследования не только биографии Марии Дмитриевны и Достоевского, но и влияния некоторых событий, знакомств и впечатлений на процесс создания литературного произведения (см.: [Тарасова: 164, 167–168]). Далеко не все, о ком пишут Достоевский и Гейбович, отмечены в примечаниях Полного собрания сочинений писателя или имеют биографические статьи в энциклопедическом словаре о Достоевском и его окружении (см.: [Белов]). А между тем здесь представлена целая галерея лиц: военные, купцы, чиновники (в числе которых — служащие почты, директриса воспитательного дома), вдовы, воспитанницы, дети.

Работа с архивными источниками, выявление судеб и взаимоотношений людей, входивших в круг знакомых Федора Михайловича и Марии Дмитриевны, может способствовать более точному пониманию авторского замысла того или иного произведения.

Последние годы жизни Марии Дмитриевны и Достоевского в Сибири стали коротким периодом их семейного счастья. В нем были хлопоты и волнения, но была и надежда на будущее. Болезнь еще не истощила силы Марии Дмитриевны, а пережитые страдания закалили характер. Благородство и великодушие ее натуры, природная доброта и отзывчивость Достоевского располагали людей, оставляя глубокий след в их памяти.

Дочь Гейбовича З. А. Сытина, исполняя последнюю просьбу своей матери, Прасковьи Максимовны, писала в 1875 г. Достоевскому:

> «…маменька умерла в 1871 г<оду>[100]. Перед смертью просила меня разыскать Ваш адрес и передать Вам ее последнее прости и пожелать Вам счастья и всё то, что может пожелать самый искренний и добрый друг.
>
> Часто, очень часто мы вспоминали о Вас. Маменька рассказывала нам про все хорошие минуты, проведенные с Вами. И теперь, когда всё семейство наше рассеялось: отец и мать умерли, мы все три замужем. Но я уверена, что в каждом из трех семейств навсегда сохранится воспоминание о Вас» [Неизданные письма к Достоевскому: 300].

Приведенные в этих письмах имена и факты, а также подробности путешествия Марии Дмитриевны и Федора Михайловича из Сибири в Россию дают богатейший материал для новых архивных изысканий.

Список сокращений

Архивные источники:

ГААО — Государственный архив Астраханской области (Астрахань)
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области (Новосибирск)
ГАРО — Государственный архив Ростовской области. Таганрогский филиал (Таганрог)
ГАТО — Государственный архив Томской области (Томск)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ИАОО — Исторический архив Омской области (Омск)
ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (СПб.)
ЛМФД — Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (СПб.)
НА РК — Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)
НВМ — Новокузнецкий краеведческий музей (Новокузнецк)
ОР ГЛМ — Отдел рукописей Государственного литературного музея (Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля) (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (СПб.)
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (СПб.)
ЦГА Москвы — Центральный государственный архив г. Москвы (Москва)
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (СПб.)

Печатные и электронные источники:

Герасимов — Герасимов Б. Г., свящ. Материалы к пребыванию Ф. М. Достоевского в Семипалатинске // Сибирская летопись. 1916. № 11/12. С. 567–569.Госкаталог — Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=mrt53ju56n395816120#/ (23.02.2026).

[100] См.: Метрическая книга Градо-Омской Соборо-Воскресенской церкви, на 1871 г. Ч. 3 // ИАОО. Ф. 16 (Тобольская духовная консистория). Оп. 5. Д. 19. Л. 132 об. — 133 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/e4b2c178-61f9-4f0e-afbe-3c58d90fabec/110 (23.02.2026).

Змеев — Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. СПб.: Тип. В. Демакова, 1886. Вып. 1: до 1863 г. Тетрадь 2. 183 с. [Электронный ресурс]. URL: http://books.e-heritage.ru/book/10078733 (23.02.2026).

Крылов-Толстикович — Крылов-Толстикович А. Н. Русские врачи начала XIX — XX в.: краткий медицинский биогр. словарь (нов. ред.). [М.], 2016. [Т. 2]: П — Я [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2017/06/21/1095?ysclid=mr86sfobyx138753516 (23.02.2026).

Скандин, 1903 — Скандин А. В. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске // Исторический Вестник. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. Т. XCI. С. 200–225 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB15000496?page=229&rotate=0&theme=white (23.02.2026).

Скандин, 1993 — Скандин А. В. Достоевский в Семипалатинске // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 96–113. (Сер.: Ист.-литер. мемуары.)

Сытина — Сытина З. А. Из воспоминаний о Достоевском // Исторический Вестник. 1885. Т. XIX. Январь. С. 123–137 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_013271205?page=1&rotate=0&theme=white (23.02.2026).

Госкаталог — Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/ (23.02.2026).

Справочник метрических записей архивов СПб. Новая редакция [Электронный ресурс]. URL: https://forum.vgd.ru/post/3866/145769/0.htm (23.02.2026).

Яндекс Поиск по архивам [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/archive/search (23.02.2026).

Список литературы

1. Авимский В. А. Из истории таможенной службы в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Постсоветский материк. 2021. № 2 (30). С. 97–103 [Электронный ресурс]. URL: https://www.pstmaterik.ru/jour/article/view/121/122 (23.02.2026). DOI: 10.48137/2311-6412_2021_2_97. EDN: PLQREV
2. Бабарыкин Б. В., Пережогин А. А. Справочник личного состава чиновничества Алтая (1747–1917) / науч. ред. П. А. Афанасьев. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 270 с. // Алтайское родословие [Электронный ресурс]. URL: https://altay-rod.ru/bazy-dannykh/chinovnichestvo-altaya/item/51-spisok-1747-1871 (23.02.2026).
3. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001.
4. Голуб О. С. Новые документы о венчании Ф. М. Достоевского в Кузнецке // Огни Кузбасса. 2008. № 4. Июль — август. С. 165–168. (a)
5. Голуб О. С. Ф. М. Достоевский в Кузнецке: новые документы // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецк. крепость, 2008. Вып. 10. С. 176–177 [Электронный ресурс]. URL: https://kuzn-krepost.ru/images/books/kuznecka-starina-vipusk-10.pdf (23.02.2026). (b)
6. Голуб О. С. Метрическая запись о венчании Достоевского в Кузнецке // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2009. № 26. С. 181–185 [Электронный ресурс]. URL: https://dostoevsky.rhga.ru/upload/iblock/f6c/Голуб%20О.%20С.%20(Новокузнецк)%20МЕТРИЧЕСКАЯ%20ЗАПИСЬ%20О%20ВЕНЧАНИИ%20ДОСТОЕВСКОГО.pdf (23.02.2026).
7. Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1993. 456 с. (Сер.: Лит. памятники.)

8. Достоевский в неизданной переписке современников / ст., публ. и коммент. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 349–564. (Сер.: Лит. наследство; т. 86.)
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
10. Захаров В. Н. Сколько эпистолярных романов написал Достоевский? // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 3. С. 235–251 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1729438461.pdf (23.02.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7541. EDN: PCBSYR
11. Иванова Л. И. Новые сведения о первой жене Ф. М. Достоевского // Советские архивы. 1991. № 6. С. 89–90 [Электронный ресурс]. URL: https://dostoevsky.libnvkz.ru/wp-content/uploads/2011/10/50.pdf (23.02.2026).
12. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: биогр. справочник. Петрозаводск: Паритет, 2006. 104 с. EDN: WAGODJ
13. Кушникова М. М. Черный человек сочинителя Достоевского: загадки и толкования / послесл. Г. Коган. Новокузнецк: Кузнецк. крепость, 1992. 142 с.
14. Кушникова М. М., Тогулев В. В. Загадки провинции: «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов. Новокузнецк: Кузнецк. крепость, 1996. 472 с.
15. Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 235–246. EDN: XWQLQT
16. Мирович И. В. Годы детства и юности Марии Констант (по материалам выставки, посвященной 195-летию первой жены Ф. М. Достоевского) // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. науч. ст. Новокузнецк: КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. Вып. XII. С. 40–49. EDN: AYNPQN
17. Мошина Т. А. Олонецкие вице-губернаторы: краткий биогр. справочник. Петрозаводск, 2007. 44 с.
18. [Мошина Т. А.] Петрозаводский некрополь: справочник / сост. Т. А. Мошина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 92 с.
19. Неизданные письма к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 297–322.
20. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 5: И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский. 289 с.
21. Панюкова Т. В. Фактические источники при исследовании биографии Ф. М. Достоевского: от документа — к факту и интерпретации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 158–196 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2020-4/06_Panyukova_158-196.pdf (23.02.2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2020-4-158-196. EDN: UOIIPB
22. Пашков А. М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи: в 2 т. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001.
23. Рожнов А. А. Правовые основы гражданской службы в Российской империи в царствование императора Николая I // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 1. С. 14–22 [Электронный ресурс]. URL: https://journals.eco-vector.com/2541-8025/article/view/678385/193663 (23.02.2026). DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-1-14-22. EDN: LGVXCU

24. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского / отв. ред. И. С. Андрианова; редкол. Л. В. Алексеева, Е. Н. Вяль, М. В. Заваркина, Т. В. Панюкова, О. А. Сосновская, Б. Н. Тихомиров. СПб.: РХГА, 2021. 560 с. (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в рус. и мировой культуре.) EDN: COGYQP
25. Сарсембаева Г. А. Трансформации визуального пространства гг. Семипалатинск и Усть-Каменогорск в XIX — начале XXI в. // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3. № 1. С. 77–95 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-vizualnogo-prostranstva-gg-semipalatinsk-i-ust-kamenogorsk-v-xix-nachale-xxi-vv/viewer (23.02.2026). EDN: YJHIVZ
26. Сафронова Е. Ю. Сибирские маршруты Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2020. Т. 7. № 1. С. 13–41 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587817401.pdf (23.02.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4541. EDN: EOJVRH (a)
27. Сафронова Е. Ю. Сибирский текст Ф. М. Достоевского. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. 446 с. (b)
28. Тарасова Н. А. Текстологический анализ и новые факты истории текста (на материале рукописей Ф. М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 2 (10). С. 153–169 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2020-22/DOST_2020-210-intern-pagine-155-171_.pdf (23.02.2026). DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-153-169. EDN: IOSFTN
29. Тихомиров Б. Н. Адреса Достоевского в Петербурге: критический анализ источников и экспертиза краеведческих публикаций // Неизвестный Достоевский. 2015. Т. 2. № 1. С. 38–103 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438253169.pdf (23.02.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2015.1. EDN: UGBBXD
30. Тихомиров Б. Н. Обыск брачный № 17: текст и судьба (документ о венчании Достоевского в Кузнецке 6 февраля 1857 г.) // Неизвестный Достоевский. 2020. Т. 7. № 4. С. 132–157 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607586874.pdf (23.02.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5041. EDN: VPVVXT
31. Трухан Е. Д. Кузнецкий почтмейстер, которого Достоевский выбранил «формалистом» // Неизвестный Достоевский. 2018. Т. 5. № 2. С. 29–44 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532092094.pdf (23.02.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3581. EDN: XYBXQL
32. Трухан Е. Д. В защиту Александра Ивановича Исаева (по документам Государственного архива Томской области) // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 2. С. 48–67 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1625838771.pdf (23.02.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5341. EDN: XKAAXR (a)
33. Трухан Е. Д. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов. Новокузнецк: КГПИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2021. 220 с. EDN: NEXSVT (b)
34. Усков И. Ю. Метрическая запись о первом браке Ф. М. Достоевского // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецк. крепость, 2008. Вып. 10. С. 174–175 [Электронный ресурс]. URL: https://kuzn-krepost.ru/images/books/kuznecka-starina-vipusk-10.pdf (13.07.2026).
35. Шадрина А. С. Градостроительная структура Кузнецка XVIII–XX вв. и его памятники // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнец. крепость, 1994. Вып. 2. С. 15–27 [Электронный ресурс]. URL: https://kuzn-krepost.ru/images/books/KuzStarina_2.pdf (23.02.2026).

36. Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского (г. Кузнецк, 1856–1857 гг.). Новокузнецк: Кузнец. крепость, 1995. 155 с.
37. Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Достоевского (город Кузнецк, 1856–1857). Новокузнецк, 2016. 232 с.
38. Шадрина А. С. Новый архивный документ по теме «Достоевский в Кузнецке» // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк; Красноярск: Sitall, 2017. Вып. 11. С. 15–18.
39. Latawiec K., Górak A., Krajka Ja. Customs District Chiefs and Customs District Auditors in the Kingdom of Poland, 1851–1914 (1918). Lublin: Wydawnictwo Towarzystwa Nauki i Kultury "Libra", 2023. 325 p. DOI: 10.36121/LGK_CUSTOM.PL.01.2024.01

References

1. Avimskiy V. A. From the History of the Customs Service in Siberia at the Turn of the 19th — 20th Centuries. In: *Postsovetskiy materik* [*Post-Soviet Continent*], 2021, no. 2 (30), pp. 97–103. Available at: https://www.pstmaterik.ru/jour/article/view/121/122 (accessed on February 23, 2026). DOI: 10.48137/2311-6412_2021_2_97. EDN: PLQREV (In Russ.)
2. Babarykin B. V., Perezhogin A. A. Handbook of the Personnel of the Altai Bureaucracy (1747–1917). Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2017. 270 p. In: *Altayskoe rodoslovie* [*Altai Family Tree*]. Available at: https://altay-rod.ru/bazy-dannykh/chinovnichestvo-altaya/item/51-spisok-1747-1871 (accessed on February 23, 2026). (In Russ.)
3. Belov S. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' "F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie": v 2 tomakh* [*Encyclopedic Dictionary "F. M. Dostoevsky and His Ambience": in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. (In Russ.)
4. Golub O. S. New Documents About the Wedding of F. M. Dostoevsky in Kuznetsk. In: *Ogni Kuzbassa*, 2008, no. 4, July — August, pp. 165–168. (In Russ.) (a)
5. Golub O. S. F. M. Dostoevsky in Kuznetsk: New Documents. In: *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 2008, issue 10, pp. 176–177. Available at: https://kuzn-krepost.ru/images/books/kuznecka-starina-vipusk-10.pdf (accessed on February 23, 2026). (In Russ.) (b)
6. Golub O. S. Metric Note of Dostoevsky's Wedding. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: An Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2009, no. 26, pp. 181–185. Available at: https://dostoevsky.rhga.ru/upload/iblock/f6c/Голуб%20О.%20С.%20(Новокузнецк)%20МЕТРИЧЕСКАЯ%203АПИСЬ%20О%20ВЕНЧАНИИ%20ДОСТОЕВСКОГО.pdf (accessed on February 23, 2026). (In Russ.)
7. Dostoevskaya A. G. *Dnevnik 1867 goda* [*The Diary of 1867*]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 456 p. (Ser.: Literary Monuments.) (In Russ.)
8. Dostoevsky in Unpublished Correspondence of Contemporaries. In: *F. M. Dostoevskiy: novye materialy i issledovaniya* [*F. M. Dostoevsky: New Materials and Researches*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 349–564. (Ser.: Literary Heritage; vol. 86). (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. How Many Epistolary Novels Did Dostoevsky Write? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2024, vol. 11, no. 3, pp. 235–251. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1729438461.pdf (accessed on February 23, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7541. EDN: PCBSYR (In Russ.)

11. Ivanova L. I. New Information About F. M. Dostoevsky's First Wife. In: *Sovetskie arkhivy* [*Soviet Archives*], 1991, no. 6, pp. 89–90. Available at: https://dostoevsky.libnvkz.ru/wp-content/uploads/2011/10/50.pdf (accessed on February 23, 2026). (In Russ.)
12. Korablyov N. A., Moshina T. A. *Olonetskie gubernatory i general-gubernatory*: *biograficheskiy spravochnik* [*Olonets Governors and Governors-General*: *A Biographical Reference*]. Petrozavodsk, Paritet Publ., 2006. 104 p. EDN: WAGODJ (In Russ.)
13. Kushnikova M. M. *Chyornyy chelovek sochinitelya Dostoevskogo*: *zagadki i tolkovaniya* [*The Black Man of the Writer Dostoevsky*: *Riddles and Interpretations*]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1992. 142 p. (In Russ.)
14. Kushnikova M. M., Togulev V. V. *Zagadki provintsii*: *"Kuznetskaya orbita" Fyodora Dostoevskogo v dokumentakh sibirskikh arkhivov* [*Mysteries of the Provinces*: *"Kuznetsk Orbit" of Fyodor Dostoevsky in the Documents of the Siberian Archives*]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1996. 472 p. (In Russ.)
15. Levchenko N. I. The Circle of Acquaintances of F. M. Dostoevsky During the Semipalatinsk Period of His Life. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, vol. 11, pp. 235–246. EDN: XWQLQT (In Russ.)
16. Mirovich I. V. The Years of Childhood and Youth of Maria Constant (Based on the Exhibition Dedicated to the 195th Anniversary of the First Wife of F. M. Dostoevsky). In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo*: *problemy, zhanry, interpretatsii*: *sbornik nauchnykh statey* [*The Works of F. M. Dostoevsky*: *Problems, Genres, Interpretations*: *A Collection of Scientific Articles*]. Novokuznetsk, Kemerovo State University Publ., Krasnoyarsk, Sitall Publ., 2020, issue 12, pp. 40–49. EDN: AYNPQN (In Russ.)
17. Moshina T. A. *Olonetskie vitse-gubernatory: kratkiy biograficheskiy spravochnik* [*Olonets Vice-Governors: Brief Biographical Reference*]. Petrozavodsk, 2007. 44 p. (In Russ.)
18. Moshina T. A. *Petrozavodskiy nekropol'*: *spravochnik* [*Petrozavodsk Necropolis*: *A Reference Book*]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center of the Academy of Sciences Publ., 2009. 92 p. (In Russ.)
19. Unpublished Letters to Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, issue 2, pp. 297–322. (In Russ.)
20. *Opisanie rukopisey i izobrazitel'nykh materialov Pushkinskogo Doma* [*Description of the Manuscripts and Visual Materials of the Pushkin House*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, issue 5: I. A. Goncharov, F. M. Dostoevsky. 289 p. (In Russ.)
21. Panyukova T. V. Factual Sources in Research on the Biography of Fyodor Dostoevsky: From Documents to Facts and Interpretation. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2020, no. 4 (12), pp. 158–196. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2020-4/06_Panyukova_158-196.pdf (accessed on February 23, 2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2020-4-158-196. EDN: UOIIPB (In Russ.)
22. Pashkov A. M. *Kareliya i Solovki glazami literatorov pushkinskoy epokhi*: *v 2 tomakh* [*Karelia and Solovki Through the Eyes of Writers of the Pushkin Era*: *in 2 Vols*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001. (In Russ.)
23. Rozhnov A. A. The Legal Foundations of Civil Service in the Russian Empire During the Reign of Emperor Nicholas I. In: *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* [*Economic Problems and Legal Practice*], 2025, vol. 21, no. 1, pp. 14–22. Available at: https://journals.eco-vector.com/2541-8025/article/view/678385/193663 (accessed on February 23, 2026). DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-1-14-22. EDN: LGVXCU (In Russ.)
24. *Rukopisnoe nasledie F. M. Dostoevskogo* [*Manuscript Heritage of F. M. Dostoevsky*]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 560 p. (Ser.: Sources and

Methods in the Study of the Heritage of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) EDN: COGYQP (In Russ.)
25. Sarsembaeva G. A. Transformation of Visual Space of the Cities Semipalatinsk and Ust-Kamenogorsk in the 19th — Early 21st Centuries. In: *Mir Bol'shogo Altaya* [*World of Great Altay*], 2017, vol. 3, no. 1, pp. 77–95. Available at: https://fe5a6466-64bf-4dec-93f9-5be54acb475c.filesusr.com/ugd/63faae_9ae447ddde314bd8a20985204b36ee3e.pdf (accessed on February 23, 2026). EDN: YJHIVZ (In Russ.)
26. Safronova E. Yu. Dostoevsky's Siberian Routes. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, vol. 7, no. 1, pp. 13–41. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587817401.pdf (accessed on February 23, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4541. EDN: EOJVRH (In Russ.) (a)
27. Safronova E. Yu. *Sibirskiy tekst F. M. Dostoevskogo* [*Siberian Text by F. M. Dostoevsky*]. Barnaul, Altai State University Publ., 2020. 446 p. (In Russ.) (b)
28. Tarasova N. A. Textual Analysis and New Facts for a History of the Text (on the Material of F. M. Dostoevsky's Manuscripts). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2020, no. 2 (10), pp. 153–169. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2020-22/DOST_2020-210-intern-pagine-155-171_.pdf (accessed on February 23, 2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2020-2-153-169. EDN: IOSFTN (In Russ.)
29. Tikhomirov B. N. Dostoevsky's Addresses in St. Petersburg: Critical Analysis of Sources and Examination of Regional Publications. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, vol. 2, no. 1, pp. 38–103. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438253169.pdf (accessed on February 23, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2015.1. EDN: UGBBXD (In Russ.)
30. Tikhomirov B. N. The Marriage Allegation No. 17: Text and Fate (Dostoevsky's Wedding in Kuznetsk on February 6, 1857). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, vol. 7, no. 4, pp. 132–157. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607586874.pdf (accessed on February 23, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5041. EDN: VPVVXT (In Russ.)
31. Trukhan E. D. Kuznetsky Postmaster Called "Formalist" by F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, vol. 5, no. 2, pp. 29–44. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532092094.pdf (accessed on February 23, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3581. EDN: XYBXQL (In Russ.)
32. Trukhan E. D. In Defense of Alexander Ivanovich Isaev (Using Materials of the State Archive of the Tomsk Region). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2021, vol. 8, no. 2, pp. 48–67. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1625838771.pdf (accessed on February 23, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5341. EDN: XKAAXR (In Russ.) (a)
33. Trukhan E. D. *Epistolyarnoe nasledie F. M. Dostoevskogo 1855–1857 godov* [*The Epistolary Heritage of F. M. Dostoevsky from 1855 to 1857*]. Novokuznetsk, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University Publ., Krasnoyarsk, Sitall Publ., 2021. 220 p. EDN: NEXSVT (In Russ.) (b)
34. Uskov I. Yu. Metric Record of F. M. Dostoevsky's First Marriage. In: *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 2008, issue 10, pp. 174–175. Available at: https://kuzn-krepost.ru/images/books/kuznecka-starina-vipusk-10.pdf (accessed on February 23, 2026). (In Russ.)
35. Shadrina A. S. The Urban Structure of Kuznetsk in the 18th — 20th Centuries and Its Monuments. In: *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1994, issue 2,

pp. 15–27. Available at: https://kuzn-krepost.ru/images/books/KuzStarina_2.pdf (accessed on February 23, 2026). (In Russ.)
36. Shadrina A. S. *Dvadtsat' dva dnya iz zhizni F. M. Dostoevskogo (g. Kuznetsk, 1856–1857 gg.)* [*Twenty-Two Days from the Life of F. M. Dostoevsky (Kuznetsk, 1856–1857)*]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1995. 155 p. (In Russ.)
37. Shadrina A. S. *Dvadtsat' dva dnya iz zhizni Dostoevskogo (gorod Kuznetsk, 1856–1857)* [*Twenty-Two Days from the Life of Dostoevsky (Town Kuznetsk, 1856–1857)*]. Novokuznetsk, 2016. 232 p. (In Russ.)
38. Shadrina A. S. New Archival Document on the Topic "Dostoevsky in Kuznetsk". In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo*: *problemy, zhanry, interpretatsii* [*The Works of F. M. Dostoevsky*: *Problems, Genres, Interpretations*]. Novokuznetsk, Krasnoyarsk, Sitall Publ., 2017, issue 11, pp. 15–18. (In Russ.)

Latawiec K., Górak A., Krajka Ja. *Customs District Chiefs and Customs District Auditors in the Kingdom of Poland, 1851–1914 (1918)*. Lublin, Wydawnictwo Towarzystwa Nauki i Kultury "Libra" Publ., 2023. 325 p. DOI: 10.36121/LGK_CUSTOM.PL.01.2024.01 (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мирович Ирина Владимировна, старший научный сотрудник, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (ул. Достоевского, 29, г. Новокузнецк, Кемеровская обл., Российская Федерация, 654015); ORCID: https://orcid.org/0009-0007-6601-4447; e-mail: mirovich.irina@mail.ru.

Irina V. Mirovich, Senior Researcher, Literary and Memorial Museum of F. M. Dostoevsky (ul. Dostoevskogo 29, Novokuznetsk, Kemerovo Region, 654015, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0009-0007-6601-4447; e-mail: mirovich.irina@mail.ru.

Панюкова Татьяна Викторовна, член Генеалогического общества Карелии, ведущий редактор Международного центра изучения Достоевского Института филологии, старший научный сотрудник Управления научных исследований, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4494-4332; e-mail: aurinko75@mail.ru.

Tatiana V. Panyukova, Member of the Genealogical Society of Karelia, Leading Editor of the International Center for the Study of Dostoevsky of the Institute of Philology, Senior Researcher of the Department of Scientific Research, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4494-4332; e-mail: aurinko75@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 30.04.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.06.2026
Принята к публикации / Accepted 06.06.2026
Дата публикации / Date of publication 31.07.2026

Научная статья
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8622
EDN: NFPUFQ

Приложения математики в произведениях Достоевского

О. А. Деханова[1]✉, М. Е. Деханов[2]

независимые исследователи
(г. Москва, Российская Федерация)
e-mail: Dh369@yandex.ru[1]✉, dekhanov@yandex.ru[2]

Аннотация. В статье рассмотрены комментарии к повседневному быту в произведениях Ф. М. Достоевского. Одна из наиболее насущных областей повседневности — стоимость жизни, то есть расходы и доходы, деньги и их материальные эквиваленты, цены на еду, одежду, жилье и прочее. Любая деталь, любой предмет повседневного быта — это элемент культуры. Образ вещи как культурного феномена связан в нашем сознании с определенным смыслом, сформированным как особенностями конкретной исторической эпохи, так и повседневным опытом. Использование такого образа в качестве художественной детали в литературных произведениях всегда нацелено на эмоциональный отклик, ожидаемый автором со стороны читателей. Именно поэтому описания бытовых деталей должны быть предельно достоверными и узнаваемыми. Однако культурные особенности XIX в. в их предметном выражении во многом утратили свое значение для современных читателей и исследователей, и восстановление художественного смысла композиций Достоевского иногда представляет значительную сложность. В исследовании выявлены некоторые особенности обращения Достоевского к финансовой арифметике повседневного быта его персонажей, а также определены некоторые стилистические различия в использовании арифметических элементов в романах «Бедные люди», «Преступление и Наказание» и «Идиот». Помимо финансовой области арифметики, нами были рассмотрены художественные смыслы одного необычного наблюдения Достоевского — «как пьют женщины» с указанием количества глотков (в романах «Преступление и Наказание» и «Бесы»). Комментарии к эпизоду странствий Степана Трофимовича в романе «Бесы» потребовали не только расширенного обращения к произведениям самого Достоевского и его современников, но и к питейному законодательству Российской империи XIX в.

Ключевые слова: Достоевский, история России, повседневность, питейное законодательство XIX в., художественная деталь, арифметика в литературе

Для цитирования: Деханова О. А., Деханов М. Е. Приложения математики в произведениях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 115–144. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8622. EDN: NFPUFQ

© О. А. Деханова, М. Е. Деханов, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8622
EDN: NFPUFQ

Applications of Mathematics in Dostoevsky's Works

Olga A. Dekhanova[1]✉, Mikhail E. Dekhanov[2]

Independent Researchers
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: Dh369@yandex.ru[1]✉, dekhanov@yandex.ru[2]

Abstract. This article examines annotations (commentaries) pertaining to everyday life in the works of F. M. Dostoevsky. One of the most pressing domains of everyday existence is the cost of living — that is, expenditures and income, money and its material equivalents, and prices for food, clothing, housing, and the like. Any detail, any object of everyday life, constitutes an element of culture. The image of a thing as a cultural phenomenon is connected in our perception with a specific meaning shaped both by the characteristics of a given historical epoch and by everyday experience. The use of such an image as an artistic detail in literary works is always aimed at eliciting the emotional response that the author anticipates from the reader. It is for this reason that descriptions of everyday details must be exceedingly accurate and readily recognizable. However, the cultural specificities of the nineteenth century, in their material expression, have largely lost their significance for modern readers and scholars, and reconstructing the artistic meaning of Dostoevsky's compositions can sometimes present considerable difficulty. This study identifies certain features of Dostoevsky's treatment of the financial arithmetic of his characters' everyday lives, as well as certain stylistic differences in the use of arithmetic elements in the novels "Poor Folk," "Crime and Punishment," and "The Idiot." Beyond the financial dimension of arithmetic, we have also examined the artistic implications of one of Dostoevsky's unusual observations — "how women drink" — with specific reference to the number of sips (in the novels "Crime and Punishment" and "Demons"). Commentaries on the episode of Stepan Trofimovich's wanderings in "Demons" required not only extensive recourse to Dostoevsky's own works and those of his contemporaries, but also to the drinking legislation of the Russian Empire in the nineteenth century.

Keywords: Dostoevsky, Russian history, everyday life, 19th-century drinking legislation, artistic detail, arithmetic in literature

For citation: Dekhanova O. A., Dekhanov M. E. Applications of Mathematics in Dostoevsky's Works. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 115–144. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8622. EDN: NFPUFQ (In Russ.)

В известном письме к брату Михаилу от 5–10 мая 1839 г. Достоевский пишет о своей нелюбви к математике:

> «…я страстный охотник до наук военных, хотя не терплю математики. Что за странная наука! и что за глупость заниматься ею[1]. С меня довольно столько, сколько требуется инженеру или еще и побольше. <…> Математика без приложенья чистый 0, и пользы в ней столько же, как в мыльном пузыре» [Д30; т. 28, кн. 1: 59–60].

Это «приложенье» самым многогранным образом отразилось в его творчестве.

Прежде всего, оно прослеживается в онтологическом смысле споров героев Достоевского, связанном с проблемой математических противоречий эвклидовой и неэвклидовой геометрии и философского смысла парадокса Достоевского («дважды два — четыре?»). Обращаясь к брату, Достоевский размышлял о сближении математики и философии:

> «Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное — природа… <…> Странно, что ты мыслишь в духе нынешней философии. Сколько бестолковых систем ее родилось в умных пламенных головах; чтобы вывести верный результат из этой разнообразной кучи, надобно подвесть его под математическую формулу. Вот правила нынешней философии…» [Д30; т. 28, кн. 1: 54].

К этой теме в разные годы обращались многие исследователи (см.: [Кийко], [Захаров], [Сытина, 2019, 2020], [Шаулов]). Раскрывая смысл «неочевидности очевидного в поэтике Достоевского», В. Н. Захаров писал: «Обращаясь к читателю, он [Достоевский] созидал мир, в котором нелепость и абсурд нередко выражают сущее, бесспорное спорно, явное сокровенно, простое "мудрёно" и сложно, в противоречиях живет истина. В этом мире аксиома может стать парадоксом, а парадокс — истиной. В сравнении "как дважды два" результат оказывается и четыре, и "не четыре", зачастую "пять". Как писатель, Достоевский отчетливо сознавал границы эвклидова мира, предчувствовал начала геометрии Лобачевского и теорию относительности Эйнштейна, ограниченность законов физики в сфере метафизики» [Захаров: 113].

---

[1] В этом утверждении, безусловно, есть некоторая доля юношеского максимализма, так как в дальнейшем отношение Достоевского к математике и ее возможностям изменилось самым коренным образом. Вот, например, интересное замечание Тимофеевой-Починковской: «— Всё начиняете себя чужими мыслями! — ядовито восклицал он опять, заглядывая в книгу, которую я читала. — Ну, что тут хорошего — жевать эту жвачку, хотя бы разлиберальную?! Возьмитесь-ка лучше за математику, да и прите годика три! Думать по-своему станете, — уверяю вас» (*Достоевский в воспоминаниях*: 151).

Однако «приложенье» математики в произведениях Достоевского не только повод для философско-религиозных размышлений и споров его персонажей. Практически все его многочисленные герои — это мелкие чиновники, литераторы, отставные военные, бывшие студенты, все те несчастные городские обитатели, живущие случайным заработком или ничтожным жалованьем, привыкшие постоянно экономить или смирившиеся с нищенским существованием, которые постоянно занимаются арифметическими вычислениями своих доходов и расходов, обсуждают стоимость продуктов, одежды, жилья и пр.

Арифметика как составная и неотъемлемая часть математики составляла предмет начального школьного образования, давая представление о числах и действиях с ними. В «Записках из Мертвого Дома» Достоевский упоминает такой учебник. Вдова Настасья Ивановна дарила заключенным самодельные сигарочницы:

> «Эти сигарочницы она склеила для нас сама из картона (уж Бог знает, как они были склеены), оклеила их цветочной бумажкой, точно такою же, в какую переплетаются краткие арифметики для детских школ…» [Д30; т. 4: 68].

Господин Голядкин включает арифметику в необходимое минимальное женское образование:

> «Конечно, разным талантам, бесспорно, нужно уметь, как-то: на фортепьянах иногда поиграть, по-французски говорить, истории, географии, Закону Божию и арифметике, — вот оно как! — а больше не нужно. К тому же и кухня; непременно в область ве́дения всякой благонравной девицы должна входить кухня!» [Д30; т. 1: 221].

В романе «Подросток» Достоевский разделяет понятия «арифметика» и «математика» именно по принципу начального и высшего образования:

> «…[Версилов] вырезал из газеты одно объявление, вот оно (он вынул клочок из жилетного кармана), — это из числа тех бесконечных "студентов", знающих классические языки и математику и готовых в отъезд, на чердак и всюду. Вот слушайте: "Учительница подготовляет во все учебные заведения (слышите, во все) и дает уроки арифметики" <…>. Трогательна тут именно эта неумелость: очевидно, никогда себя не готовила в учительницы, да вряд ли чему и в состоянии учить» [Д30; т. 13: 87].

Но и для людей, по разным причинам не получивших даже начального образования, знание арифметики было важнейшим прикладным навыком. Например, как «необходимое пособие при взыскании недоимок» [Салтыков-Щедрин; т. 8: 428]. У С. Т. Аксакова при описании деда его героя, Степана Михайловича Багрова, читаем:

> «…при общем невежестве тогдашних помещиков и он не получил никакого образования, русскую грамоту знал плохо; но служа в полку, еще до офицерского чина выучился он первым правилам арифметики и выкладке на счетах, о чем любил говорить даже в старости» (*Аксаков*: 13).

Если мы обратимся к толковому словарю В. И. Даля, то найдем там определение прикладной математики (той самой «математики с приложеньем», о которой писал Достоевский): «Математика — наука о величинах и количествах; все, что можно выразить цифрою, принадлежит математике. <Математика> *чистая*, занимается величинами отвлеченно; <математика> *прикладная*, прилагает первую к делу, к предметам» (*Даль*; т. 2: 305). Там же есть и такое определение арифметики: «Арифметика — учение о счете, наука о счислении; основа всей математики (науки о величинах, о измеримом). <…> *Общая арифметика*, алгебра, счисление буквами и другими знаками, со вставкою цифр в окончательный вывод; *прикладная арифм<етика>*, именованные числа, приложение счета к делу, когда сочетаются не отвлеченные (безымянные) цифры, а деньги, мера, вес и пр.» (*Даль*; т. 1: 22).

И хотя понятия «прикладная математика» и «прикладная арифметика» близки по смыслу, так как описывают область, исчисляемую цифрами и прилагаемую «к делу, к предметам», мы будем придерживаться определения «прикладная арифметика», так как объектами нашего исследования будут «не отвлеченные (безымянные) цифры, а деньги, мера, вес и пр.», то есть все те детали повседневного быта персонажей Достоевского, которые обладают важной характерологической функцией и из которых выстраивается бесконечная галерея его художественных образов.

Смысловой диапазон прикладной арифметики Достоевского простирается от философских рассуждений Парадоксалиста: «Господи боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся?»; «Эх, господа, какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и до арифметики, когда будет одно только дважды два четыре в ходу? Дважды два и без моей воли четыре будет» [Д30; т. 5: 105, 117] до иносказательного намека Ипполита князю Мышкину по поводу встречи Аглаи и Настасьи Филипповны: «…сегодня, в этот двусмысленный дом, и направится Аглая Ивановна для приятельского разговора с Настасьей Филипповной и для разрешения разных задач. Арифметикой заниматься хотят» [Д30; т. 8: 465–466].

Говоря о художественной образности бытовых деталей в произведениях Достоевского, следует вспомнить рассказ Тимофеевой-Починковской о том, как Достоевский возмущался введением звуковой методы в сельские народные школы:

> «Это не человеческая метода, а попугайная. <…> У людей должно быть человеческое название каждой букве. У нас есть свои исторические предания. <…> *Аз, буки, веди, глаголь, живете, земля*! — с наслаждением выговаривал он. — Сейчас чувствуешь что-то живое, осмысленное, как будто физиономия есть своя у каждой отдельной буквы» (*Достоевский в воспоминаниях*: 142).

«Своя физиономия» для Достоевского есть не только у каждой буквы, но и у всех деталей повседневности — в том числе и у тех, что имеют цифровое выражение. Это касается, прежде всего, обычных повседневных расходов на жилье, одежду, продукты питания и прочее, — все то, что составляет одну из самых насущных проблем его многочисленных персонажей. Ее денежное выражение буквально пронизывает все его произведения: деньги теряют и находят, дают и тратят, считают копейки и швыряют тысячи; деньги шуршат бумажными ассигнациями и «звенят, подпрыгивая», медными монетами. Этот многоголосый поток составляет неизменный фон любой сюжетной коллизии.

В романе «Бедные люди» деньги — это главным образом социально-бытовая характеристика персонажей. Макар Девушкин детально поясняет финансовые преимущества своего нового жилища, позволившие ему даже не экономить на чае с сахаром:

> «У нас здесь самая последняя комната, со столом, тридцать пять рублей ассигнациями стоит. Не по карману! А моя квартира стоит мне семь рублей ассигнациями, да стол пять целковых: вот двадцать четыре с полтиною, а прежде ровно тридцать платил, зато во многом себе отказывал; чай пивал не всегда…» [Д30; т. 1: 16–17].

Еще более захватывающая по своей динамике — история покупки Варенькой «полного собрания сочинений Пушкина, в последнем издании» [Д30; т. 1: 40]. Цель была столь значима для нее, что в этом целеустремленном торге было почти отчаяние: «…я довела купца до того, что он сбавил цену и ограничил свои требования только десятью рублями серебром. Как мне весело было торговаться!..». Но «двух с половиною рублей недоставало! Я готова была заплакать с досады» [Д30; т. 1: 40]. Все спасают последние медяки старика Покровского, «завернутые в засаленную газетную бумажку, <…> полтинничек, двугривенничек, меди копеек двадцать» [Д30; т. 1: 41].

А вот в романе «Преступление и Наказание» деньги, если можно так сказать, проживают свою историю. Некая сумма, возникая единожды, прорастает в сюжетном пространстве, становясь деталью портрета персонажа или вектором развития событий.

Пульхерия Александровна, хотя и упоминает в письме их с Дуней более чем стесненные обстоятельства, присылает Раскольникову «тридцать пять рублев» [Д30; т. 6: 93]. Дальнейшая судьба этих денег излагается самым подробным образом.

Разумихин, справедливо гордясь своей житейской практичностью, представляет Раскольникову подробнейший отчет по расходу десяти рублей на приобретение ему одежды — с уточнениями, что, где, у кого, за сколько, с какой выгодой было куплено, и подводит итог:

> «…ровно девять рублей пятьдесят пять копеек. Сорок пять копеек сдачи, медными пятаками, вот-с, извольте принять…» [Д30; т. 6: 102].

Отправляясь в «Хрустальный дворец», Раскольников забирает оставшиеся деньги:

> «Денег было двадцать пять рублей. Взял тоже и все медные пятаки, сдачу с десяти рублей, истраченных Разумихиным на платье» [Д30; т. 6: 120].

В трактире он эпатирует Заметова своим неожиданным «признанием», протянув ему «свою дрожащую руку с кредитками, — красненькие, синенькие, двадцать пять рублей» [Д30; т. 6: 129]. Позже все эти деньги он отдает Катерине Ивановне:

> «Последние деньги на похороны вдове отдал! Ну, захотел помочь — дай пятнадцать, дай двадцать, ну да хоть три целковых себе оставь, а то все двадцать пять так и отвалил!» [Д30; т. 6: 195] —

возмущается практичный Разумихин. Об этом, на его взгляд, возмутительном по своей расточительности поступке сообщает и Лужин:

> «…девице отъявленного поведения, выдал вчера до двадцати пяти рублей, под предлогом похорон…» [Д30; т. 6: 168].

И наконец, итог расхода «тридцати пяти рублев» подводит Достоевский:

> «…на них ухлопаны были чуть ли не десять рублей из двадцати с лишком, полученных от Раскольникова собственно на похороны…» [Д30; т. 6: 290].

Точно так же развивается история с деньгами, полученными от старухи-процентщицы. Детальное описание унизительных для Раскольникова мелочных подсчетов старухой процентов по стоимости заклада, стремительно уменьшающих ожидаемые за часы деньги до рубля и пятнадцати копеек, завершается репликой, меняющей смысл происходящего: он «одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел» [Д30; т. 6: 9].

Это неопределенное «другое», связанное с полученными от старухи деньгами, следует за Раскольниковым сначала в распивочную, потом сопровождает во время сумеречных блужданий по городу, в итоге ведя к страшному сну о лошади. Не доходя до «одного съестного заведения, вроде харчевни», он зачем-то вдруг пересчитывает оставшиеся деньги:

«оказалось около тридцати копеек. "Двадцать городовому, три Настасье за письмо, — значит, Мармеладовым дал вчера копеек сорок семь али пятьдесят"…» [Д30; т. 6: 45]. (Если прибавить сюда потраченное на пиво, то получаются как раз те «рубль пятнадцать копеек», взятые у старухи). Но главное в этих мелочных расчетах — *тридцать копеек*. И не только потому, что цифра «тридцать» — сквозная и значимая деталь романа, но и потому, что ее вполне достаточно, чтобы Раскольников не только «выпил рюмку водки», которая «мигом подействовала», но «и съел с какою-то начинкой пирог» [Д30; т. 6: 45]. Это многозначное для «Преступления и Наказания» число «тридцать» сопровождает Раскольникова на протяжении всего романа — начиная с количества сосчитанных шагов от его дома до дома старухи: «ровно семьсот тридцать» [Д30; т. 6: 7] и заканчивая финалом: «…чрез восемь лет ему будет только тридцать два года и можно снова начать еще жить!» [Д30; т. 6: 417].

Все насущные и случайные траты «бедных людей» Достоевского — это одна из статей их скромного бюджета. Другая статья бюджета — заработок, случайный или постоянный, жалованье и прочий доход. Именно это соотношение, определяющее образ жизни, переводит личную проблему «маленького человека» в общую проблему государственного устройства.

П. А. Зайончковский, исследуя особенности правительственного аппарата самодержавной России в XIX в., отмечал, насколько тяжелы были условия материальной жизни основной массы чиновничества, за исключением, конечно, высшей его группы. Жалованье мелких канцелярских чиновников (писарей, копиистов и пр.) составляло в среднем от 3 до 8 рублей в месяц. Прожить на эти деньги было практически невозможно, но это была еще не крайняя степень нищенского существования. Так, например, годовое жалованье писарей в штате Оренбургской саперной роты составляло от 32 руб. 79 коп. до 20 руб. 55 коп. (*ПСЗ 2*; т. 40 (2), Штаты и табели: 485), а писарь в штате мастерской петербургского Арсенала имел годовое жалованье 16 руб. 35 коп., то есть 1 руб. 36 коп. в месяц (*ПСЗ 2*; т. 40 (2), Штаты и табели: 496). И неудивительно тогда, что «холостяки почти и жили в канцелярской комнате, ложились спать на тех же столах, на которых они скрипели перьями днем, переписывая нескончаемые бумаги» [Зайончковский: 72–73].

Среднее годовое жалованье младших чиновников составляло от 25 до 70 рублей. «Низкие оклады были у учителей <…>. Старшие учителя гимназии получали в основном 393 руб. жалованья в год, т. е. 32 р. 50 к. в месяц» [Зайончковский: 78]. И в то же время воспитателям московского Императорского воспитательного дома полагалось 500 рублей жалованья и казенная квартира (*ПСЗ 2*; т. 50 (3), Штаты и табели: 287).

Такой разброс в цифрах объясняется тем, что штатное расписание конкретного ведомства утверждалось личным императорским указом и размер жалованья его сотрудников зависел от ведомственной принадлежности, от

территориальности, от личного расположения начальника и от предполагаемого объема работ. В последнем случае устанавливалась общая сумма расходов на штатную единицу. Это позволяло руководителю ведомства увеличивать жалованье за счет уменьшения числа сотрудников.

Такое положение дел в государственном аппарате России XIX в. неизбежно приводило к тому, что бóльшей части служащих приходилось «питаться злоупотреблениями», а «взяточничество и казнокрадство с точки зрения чиновной морали было обычным явлением» [Зайончковский: 86, 143]. Особенно это касалось семейных. Достоевский в романе «Подросток» самым неожиданным образом упоминает эту, злободневную для России, проблему. Аркадий, рассказывая о дамах в платьях со шлейфами в полтора аршина, поднимающими пыль, возмущается:

> «К тому же это шелк, она его треплет по камню три версты, из одной только моды, а муж пятьсот рублей в сенате в год получает: вот где взятки-то сидят!» [Д30; т. 13: 25].

Достоевский достаточно часто использует указание на размер жалованья своих персонажей как составляющую, а иногда и исчерпывающую их характеристику. Материальные возможности — это и социальное положение, и образ жизни, и внешний вид, и даже характер или эмоциональное состояние. В «Записках из Мертвого Дома» он дает лаконичное определение этой стороне повседневного быта: «Деньги есть чеканенная свобода…» [Д30; т. 4: 17].

Знакомя читателей с героем рассказа «Скверный анекдот», писатель всего лишь сообщает, что Пселдонимов «был маленький чиновник, рублях на десяти в месяц жалованья» [Д30; т. 5: 12]. Размер недолгого ежемесячного жалованья Мармеладова — «двадцать три рубля сорок копеек» — выглядит несколько преувеличенным для человека, потерявшего место по своей «легкомысленной слабости» [Д30; т. 6: 19]. Но Достоевский тут же поясняет, что получил тот его исключительно благодаря участию его превосходительства Ивана Афанасьевича, у которого ранее служил:

> «Ну, говорит, Мармеладов, раз уже ты обманул мои ожидания… Беру тебя еще раз на личную свою ответственность…» [Д30; т. 6: 18].

В том же романе «Преступление и Наказание» обсуждается, «много ли может <…> бедная, но честная девица честным трудом заработать?.. Пятнадцать копеек в день <…> не заработает, если честна и не имеет особых талантов, да и то рук не покладая работавши!» [Д30; т. 6: 17]. Эта проекция актуального в 1860-х гг. общественного интереса к женскому труду, обсуждаемая в самых разных печатных изданиях, достаточна точна в своем денежном выражении. А. И. Федоров, исследуя причины, побуждающие женщин к проституции, писал: «Все известные женские занятия, связанные

большею частию с усиленным физическим трудом, оплачиваются не щедро» и приводил «сведения о заработной плате женщин разных промыслов в Петербурге» — прислуга на хозяйских харчах зарабатывала от 5 до 12 рублей в месяц, вязальщицы чулок, папиросницы, белошвейки, портнихи, цветочницы могли заработать в среднем от 10 до 20 рублей в месяц. Самый тяжелый, но низкооплачиваемый труд был у прачек: «…по 60 коп. в день при случайной работе, а в месяц — 6 р. на хозяйских харчах и 15 рублей на своих» (*Федоров*: 18–19).

В романе «Идиот» размер жалованья Гани Иволгина становится главным начальным звеном последовательных авторских реплик, проясняющих читателю и характер этого персонажа, и побудительные причины его дальнейших поступков:

> «Ганечкина квартира <…> состояла из шести или семи комнат и комнаток, самых, впрочем, обыкновенных, но во всяком случае не совсем по карману семейному чиновнику, получающему даже и две тысячи рублей жалованья» [Д30; т. 8: 76].

Две тысячи рублей выглядят вполне солидным жалованьем для секретаря, даже и пользующегося личным расположением хозяина. В середине XIX в. такую оплату получали, например, помощник директора канцелярии Опекунских советов Москвы или помощник управляющего Казенной палатой (*ПСЗ 2*; т. 44 (3), Штаты и табели: 96, 323). Однако такая, казалось бы, значительная сумма тает на глазах, если учесть, что она приходится на семейство из пяти человек. Квартира, в связи с которой Достоевский и упоминает размер жалованья, «предназначалась для содержания жильцов со столом и прислугой». А именно это и было невыносимо для амбициозного Гаврилы Ардалионовича:

> «…ему стало как будто стыдно после этого в обществе, где он привык являться как молодой человек с некоторым блеском и будущностью» [Д30; т. 8: 76].

По этой причине он «стал раздражаться всякою мелочью безмерно и непропорционально», но «им решено было всё это изменить и переделать в самом непродолжительном времени» [Д30; т. 8: 76].

Но прикладная арифметика в произведениях Достоевского может участвовать и в построении более сложных художественных образов.

Каждое произведение Достоевского имеет свой индивидуальный внутренний ритм и стиль повествования. И если в романе «Преступление и Наказание» некая, единожды возникшая сумма динамична — она проживает вместе с главным героем все значимые для него события, постепенно истрачиваясь, то в романе «Идиот» она остается неизменной и многократно повторяемой, навязчиво присутствуя в сознании князя Мышкина.

Уже в самом начале романа генерал Епанчин предлагает ему в качестве аванса на необходимые карманные расходы двадцать пять рублей:

> «…так как теперь у вас кошелек совсем пуст, то, для первоначалу, позвольте вам предложить вот эти двадцать пять рублей» [Д30; т. 8: 30].

Генерал тут же сообщает об этом Елизавете Прокофьевне:

> «Я ему двадцать пять рублей подарил…» [Д30; т. 8: 44].

В этот же день в ответ на несдержанные обвинения Гани Иволгина князь деликатно отказывается от квартиры:

> «У меня есть двадцать пять рублей, и я наверно найду какой-нибудь отель-гарни» [Д30; т. 8: 75].

Этой суммой интересуется Фердыщенко:

> «— У вас деньги есть? <…> Сколько именно? — Двадцать пять рублей. <…> Князь вынул двадцатипятирублевый билет из жилетного кармана и подал Фердыщенке. Тот развернул, поглядел, потом перевернул на другую сторону, затем взял на свет»,

размышляя об особенностях «двадцатипятирублевых» менять цвет [Д30; т. 8: 79]. И только в конце этого насыщенного событиями дня неразменный двадцатипятирублевый билет, наконец, прекращает свое существование. Князь оплачивает трактирный долг генерала Иволгина:

> «— Десяти рублей у меня нет, — перебил князь, — а вот двадцать пять, разменяйте и сдайте мне пятнадцать, потому что я остаюсь сам без гроша» [Д30; т. 8: 106].

Но самое значимое для романа использование Достоевским такого художественного приема — это история садового ножика. Именно здесь многократный рефрен не только отражает особое психическое состояние князя Мышкина, но проецируется на дальнейшее развитие трагических событий.

История ножика начинается в доме Рогожина с его подробного описания:

> «…ножик, с оленьим черенком, нескладной, с лезвием вершка в три с половиной…» [Д30; т. 8: 180].

Садовый нож, которым разрезают листы книги:

> «— Это ведь садовый нож? — Да, садовый. Разве садовым нельзя разрезать листы?» [Д30; т. 8: 180–181].

История ножика продолжается на улицах Петербурга — покинув дом Рогожина, князь Мышкин находится в болезненном, «предприпадочном» состоянии, и ножик теряет для него свое имя, становясь на время «товаром», «вещью» и «предметом», стоимостью в шестьдесят копеек:

> «…в числе вещей, разложенных напоказ в окне лавки, была одна вещь, на которую он смотрел и которую даже оценил в шестьдесят копеек серебром, он помнил это, несмотря на всю свою рассеянность и тревогу»; «вот эта лавка, он нашел ее наконец! <…> Вот и этот предмет в шестьдесят копеек; "конечно, в шестьдесят копеек, не стоит больше!"…» [Д30; т. 8: 187].

Он вдруг вспоминает, как «садился в вагон, чтобы ехать к Аглае, <…> но <…> выбежал из воксала и очнулся только пред лавкой ножовщика в ту минуту, как стоял и оценивал в шестьдесят копеек один предмет, с оленьим черенком» [Д30; т. 8: 193]. Этот предмет торга обретает и свое изначальное имя и даже свой указанный размер только в конце романа, когда окончательно меняет свое предназначение:

> «…чем ты ее? Ножом? Тем самым? — Тем самым. <…> …нож как бы на полтора… али даже на два вершка прошел…» [Д30; т. 8: 505].

Это обезличивание обсуждаемого предмета прослеживается и в отношении некой безымянной пока картины. Она была «довольно странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту. Она изображала Спасителя, только что снятого со креста» [Д30; т. 8: 181]. Еще то того, как князь называет ее: «это копия с Ганса Гольбейна», Рогожин рассказывает историю ее торгов:

> «— Вот эти все здесь картины, <…> всё за рубль да за два на аукционах куплены батюшкой покойным <…>, а вот эта — вот картина, над дверью, тоже за два целковых купленная, — говорит, не дрянь. Еще родителю за нее один выискался, что триста пятьдесят рублей давал, а Савельев, Иван Дмитрич, из купцов, охотник большой, так тот до четырехсот доходил, а на прошлой неделе брату Семену Семенычу уж и пятьсот предложил. Я за собой оставил» [Д30; т. 8: 181].

Помимо прямого указания на стоимость какой-либо бытовой детали, Достоевский использует ее узнаваемый эквивалент. Это может быть, например, цвет ассигнации, заменяющий указание ее номинала.

Так, в повести «Записки из подполья» главный герой после позорной встречи с Лизой говорит:

> «…прямо перед собой, на столе, я увидал… одним словом, я увидал смятую синюю пятирублевую бумажку, ту самую, которую минуту назад зажал в ее руке» [Д30; т. 5: 177].

Эта деталь была адресована, скорее, мужской части читателей Достоевского. Как и описание комнаты мадам Бубновой («Униженные и Оскорбленные»): «…мы очутились в небольшой комнате, в два окна, с геранями, плетеными стульями и с сквернейшими фортепианами», сопровожденное репликой — «всё как следовало» [Д30; т. 3: 274]; или, например, упоминания дам немецкого происхождения, владеющих *известными заведениями*, а также (рассказ «Крокодил») «резиновых изделий, которые распространены у нас в Гороховой, в Морской и, если не ошибаюсь, на Вознесенском проспекте» [Д30; т. 5: 196][2].

«Синяя бумажка» достоинством в пять рублей — это характеристика разрядности заведения, куда вслед за своими приятелями отправляется и главный герой, подпольный парадоксалист:

> «…один из тех тогдашних "модных магазинов", которые давно уже теперь истреблены полицией. Днем и в самом деле это был магазин; а по вечерам имеющим рекомендацию можно было приезжать в гости» [Д30; т. 5: 151].

Парадоксалист прекрасно «знал, куда они поехали», знал, что «здесь надо было предуведомлять», ему был знаком и зал, где его встречает «хозяйка, отчасти [его] знавшая» [Д30; т. 5: 149, 151]. Знал, конечно, и стоимость услуг этого заведения, взяв у Симонова шесть рублей [Д30; т. 5: 148] (с учетом извозчика) и заплатив Лизе ее обычную плату — обычную для дорогого заведения. М. Кузнецов в книге «Проституция и сифилис в России» отмечал, что «в самых лучших домах терпимости в Петербурге плата за совокупление с женщиной не превышает никогда <…> 5 рублей» (*Кузнецов*: 122). А. И. Федоров в «Очерке врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге» писал: «По плате посетителей домов терпимости, эти последние разделяются на три главные разряда: с платою по пяти рублей, <…> по два и по три руб<ля>, <…> по 1 р. и по 50 коп.» (*Федоров*: 45).

Синюю ассигнацию выдает служанке Мавре Трусоцкий на покупку бутылки шампанского (рассказ «Вечный муж»):

> «…за вином опять посылали, за тем самым, синюю бумажку выдали» [Д30; т. 9: 53].

Во второй половине XIX в. на эти деньги (пять рублей) можно было приобрести хорошее французское шампанское уровня Клико или Редерер. И хотя Трусоцкий уже давно привык пить его неряшливо, теплым, вопреки правилам своей прежней жизни, но наливая «себе четвертый, последний стакан из бутылки», он сохранял в своем сознании некое убеждение, что пока он пьет только шампанское, то «до водки еще черед не дошел-с» [Д30;

[2] Подробнее об отражении Достоевским темы проституции в романе «Преступление и Наказание» см.: [Деханова, 2025].

т. 9: 53, 44]. (И, кстати, указанное количество стаканов точно соответствовало объему бутылки шампанского).

В романе «Идиот» Фердыщенко вспоминает как украл три рубля — «зеленую бумажку» [Д30; т. 8: 124] и истратил их на бутылку лафита. Стоимость бутылки лафита зависела от многих факторов. Во-первых, даже и в том самом знаменитом поместье Шато-Лафит вина разделялись по категориям: первое вино, второе вино и вина ординарные. Кроме того, помимо поместья Шато-Лафит, приобретенного Джеймсом Ротшильдом, во Франции существовали и другие винные хозяйства, носившие названия Лафит и производившие вина под этим же названием. Во второй половине XIX в. красные вина под названием лафит стали изготавливать также в южных российских губерниях. Поэтому в прейскурантах различных торговых домов можно было найти лафит и за 1 рубль, и за 6–8 рублей. Так, например, в торговом доме «Братьев Елисеевых» лафит категории «лучший» предлагался за 2 рубля 10 копеек, а категории «высокий» — за 2 рубля 85 копеек и за 4 рубля. Именно такой лафит позволил себе Фердыщенко:

> «…три целковых я в тот же вечер пропил в ресторане. Вошел и спросил бутылку лафиту; никогда до того я не спрашивал так одну бутылку, без ничего…» [Д30; т. 8: 124].

В рассказе «Скверный анекдот» Достоевский конфликтно связывает стоимость вина с размером жалованья мелкого чиновника. Цена двух бутылок французского шампанского, купленных исключительно для Пралинского, практически составляет месячное жалованье Пселдонимова (см. подробнее об этом: [Деханова, Деханов]).

Однако не только деньгами исчисляются бытовые реалии в произведениях Достоевского. В определении прикладной арифметики по словарю В. Даля, приведенном ранее, «именованные числа» могут обозначать не только деньги, но и «меру, вес и пр.». И таким «именованным числом» может быть и количество глотков. Достоевский дважды (в романах «Преступление и Наказание» и «Бесы») использует одно необычное наблюдение: «она пила, как пьют женщины», с указанием количества глотков — 20 глотков стакан шампанского, 3 глотка рюмка водки. Это замечание — прежде всего социальная характеристика пьющей женщины, женщины из простонародья. Прочие женщины в произведениях Достоевского пьют лишь в состоянии экзальтации (как, например, Настасья Филипповна или Грушенька).

Пристальное внимание к тому, как пьют женщины низших сословий, проявлял не только Достоевский. Например, попадья в повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» «наливала четверть стакана водки, нерешительно добавляла еще и выпивала до дна, маленькими непрерывными глотками, как пьют женщины» [Андреев: 502]. Или у Куприна в романе «Юнкера»:

> «…красавица сначала пожеманилась <…>. Но <…> уговорить ее пригубить рассейской водочки было уж не так трудно и мешкотно. Она пила ее, как пьют все русские крестьянки: мелкими глотками, гримасничая, как будто после принятия отвратительной горечи» [Куприн: 356].

В романе «Преступление и Наказание» в трактире, где встретились Свидригайлов и Раскольников, «на столике пред Свидригайловым стояла початая бутылка шампанского и стакан, до половины полный вина» [Д30; т. 6: 355]. Выпроваживая Катю, Свидригайлов «налил ей целый стакан вина и выложил желтенький билетик. Катя выпила стакан разом, как пьют вино женщины, то есть не отрываясь, в двадцать глотков» [Д30; т. 6: 356].

И это уже не только социальная характеристика. Рисуя эту, казалось бы, простую бытовую сценку, Достоевский акцентирует внимание читателей на том, как пьет шарманщица Катя, а именно — «не отрываясь, в двадцать глотков». Любой читатель, употребляющий хоть иногда шампанское, понимает, что это невозможно. Стакан шампанского — это, действительно, глотков двадцать. Однако «не отрываясь», «разом» можно выпить глотков десять. Но если речь идет о тех, для кого стакан этого вина — редкое даровое угощение, то содержимое его и проглатывается не отрываясь, давясь, с жадностью, да еще с огромной благодарностью:

> «Катя <…> взяла билетик, поцеловала у Свидригайлова руку, которую тот весьма серьезно допустил поцеловать, и вышла из комнаты…» [Д30; т. 6: 356].

Об этой вечной проблеме «русского слуги» писал Герцен в автобиографическом романе «Былое и думы»:

> «Вино оглушает человека, дает возможность забыться, искусственно веселит, раздражает; это оглушение и раздражение тем больше нравятся, чем меньше человек развит и чем больше сведен на узкую, пустую жизнь. Как же не пить слуге, осужденному на вечную переднюю, на всегдашнюю бедность, на рабство, на продажу? Он пьет через край — когда может, потому что не может пить всякий день…» [Герцен; т. 8: 38].

Но гораздо более интересна сцена, связанная с тремя глотками водки, в романе «Бесы». Степан Трофимович, воодушевленный возвышенной идеей большой дороги, оказывается в совершенно неведомых ему обстоятельствах «действительной жизни»: «…странным и ужасно чем-то чуждым показался ему деревенский вид» [Д30; т. 10: 484]. Но вот он, замерзший и уставший, оказывается в крестьянской избе. Достоевский использует здесь все возможности самых ярких эмоциональных переживаний: обонятельные — «сладостный запах горячих блинов», визуальные — сочетание синего узора тарелки и коричневато-бежевого цвета стопки блинов, осязательные — благодатное тепло печки, вкусовые — «облитые горячим свежим маслом, вкуснейшие блины» [Д30; т. 10: 485].

И в этой располагающей обстановке так естественно желание Степана Трофимовича — «немножко», «un tout petit rien» (фр. “чуточку водки”) к блинам [Д30; т. 10: 485]. Хозяйка тут же, интуитивно, переводит с иностранного языка эту неопределенное «чуточку» и «немножко» в ценовое выражение: «На пять копеек, значит?» [Д30; т. 10: 485]. И «через три-четыре минуты (кабак был в двух шагах) очутилась пред Степаном Трофимовичем на столе косушка и большая зеленоватая рюмка» [Д30; т. 10: 485]. «По какому-то вдохновению» он наливает рюмку водки и угощает бабенку-попутчицу:

> «Бабенка законфузилась и стала было отнекиваться, но, высказав всё предписанное приличием, под конец встала, выпила учтиво, в три хлебка, как пьют женщины, и, изобразив чрезвычайное страдание в лице, отдала рюмку и поклонилась Степану Трофимовичу»; «"Я в совершенстве, в совершенстве умею обращаться с народом, и я это им всегда говорил", — самодовольно подумал он, наливая себе оставшееся вино из косушки; хотя вышло менее рюмки, но вино живительно согрело его…» [Д30; т. 10: 486].

Любая детализация в произведениях Достоевского — это чрезвычайно важное смысловое обращение к читателю. И потому эта, так подробно описанная сцена, невольно привлекает внимание.

Упомянутые «чуточка водочки» на 5 копеек, мера водки «косушка», неравное разделение ее объема на две большие рюмки и количество глотков с уточнением «как пьют женщины» — все имеет здесь свой смысл, но чтобы увидеть его, нужно разобраться с общепринятой в XIX в. терминологией питейных мер.

Это оказалось непросто, если учесть, что в современном информационном поле сложилось противоречивое представление о названиях и объемах питейных мер. Поэтому мы обратились к самому достоверному источнику — законодательной базе Российской империи XIX в. (см. *Приложение 1*).

Одна из особенностей винной торговли в России состояла в том, что правила для питейных заведений всегда отличались от правил для трактирных заведений[3]. В данном эпизоде упоминается водка из кабака, т. е. питейного заведения. Водка там отпускалась либо клейменными мерами, либо в запечатанных стеклянных бутылках установленного объема, что стоило дороже, так как в ее стоимость входили так называемые укупорочные деньги.

Клейменые меры («крючки») представляли собой металлические ковшики с указанием их объема на казенном штемпеле. У них были длинные изогнутые на конце ручки, чтобы вешать на край бочки: в кабаке «на стойке бочонок с краном, на нем висят "крючки", медные казенные мерки для вина. Это — род кастрюлек с длинными ручками, мерой в штоф, полуштоф,

[3] Об особенностях государственной политики в отношении трактирных и питейных заведений см.: [Деханова, 2023].

косушку и шкалик» — описывает Гиляровский один из рыбинских кабаков в начале 1870-х гг. [Гиляровский: 106].

Это была обычная примета любого кабака. Вот, например, описание вре́менных питейных заведений, устраиваемых в Марьиной роще на народных гуляниях:

> «В некоторых местах стояли широкие белые шатры, называемые колоколами, <…> они содержали под своими завесами огромные деревянные чаны с вином, их называли *дубовые штофы*; на стенках их, на *крючках*, висели мерные кружки, отчего и кабаки именовались *кружалами*; поэтому в старину и говорили: "выпить крючок винца"; "Пьяница, утащенный из кружала дьяволом" был одним из популярных нравственно-поучительных сюжетов лубочных картин XVIII в.» (*Любецкий*: 53, 56).

Попытка стандартизировать питейные меры началась еще до того, как в 1835 г. был законодательно определен точный объем казенного (эталонного) ведра: «30 фунтов перегнанной воды или в 750,57 куб. дюймов», что составляло привычный нам сегодня объем — около 12,3 литра (*ПСЗ 2*; т. 10 (2), № 8459: 1010).

Однако практически до конца 40-х гг. XIX в. в российском законодательстве (и повседневной практике) существовали как старые, восьмеричные меры разделения объема ведра, так и новые — десятеричные[4] (см. *Приложение 1*). Введение десятеричного разделения в 1819 г. было вызвано постоянно менявшейся продажной ценой казенного вина:

> «…находя мелкие меры как прежде существовавшие, так и примененные к нынешней продажной цене вину по 7 рублей каждое ведро, вовсе к употреблению на будущее время неудобными по причине могущих быть перемен в продажной на вино цене, г. министр финансов решился содержание мелких мер применить к десятичному раздроблению монет» (*ПСЗ 1*; т. 35, № 27517: 551).

Законодательно устанавливался не только объем питейной меры относительно ведра, но и ее название: штоф или кружка (1/10 ведра), полуштоф, полукружка и бутылка (1/20 ведра), полубутылка (четверть штофа, 1/40 ведра), восьмушка штофа (1/80 ведра) и, наконец, чарка (1/100 ведра) и получарка (1/200 ведра). И только в 1899 г. название «получарка» было официально заменено названием «шкалик». Это и стало причиной появления в современных информационных источниках указания объема шкалика — 61,5 мл. Однако до 1899 г. разговорное название «шкалик» относилось к питейной мере иного объема.

---

[4] Написание в нормативных актах XIX в.: «восьм***и***ричные» и «десят***и***ричные».

Аналогичная картина складывалась и в отношении «косушки». Определения этих разговорных терминов в различных энциклопедических словарях XIX в. были противоречивы, а иногда и ошибочны. Мы проследили эту закономерность по словарям Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, В. И. Даля, Ф. Толля, Н. П. Макарова, И. С. Вавилова (см. *Приложение 2*).

Исключением стал «Справочный коммерческий словарь» 1856 г., составленный первостатейным купцом Иваном Вавиловым[5], где были указаны точные коммерческие значения этих питейных мер: «Косушка — мера хлебного вина, четвертая часть штофа», а «шкалик — мера хлебного вина, ⅛ штофа» (*Вавилов*: 143, 357), что составляет 307 и 153 мл соответственно. Это определение соответствовало объемам косушки и шкалика, упоминаемым в различных литературных источниках, как художественных, так и мемуарных. Кроме того, ценовой диапазон этих мер по литературным источникам соответствовал вычисленным значениям по законодательной базе Российской империи и магазинным и ресторанным прейскурантам второй половины XIX в.

Теперь обратимся к приведенному ранее описанию событий в крестьянской избе в романе «Бесы» и к очевидным несоответствиям представленных там деталей.

Первое несоответствие — это соотношение объема косушки и тех «трех хлебков», которыми опустошила рюмку чернобровая бабенка.

Косушка, как мы уже говорили, — это 307 мл. При указанном неравном разделении этого объема чернобровая бабенка выпивает «в три хлебка» практически полный граненый стакан водки, без закуски, не крякнув, а лишь «изобразив чрезвычайное страдание в лице». По-мужицки, а не «как пьют женщины».

Это позволяет предположить наличие скрытого указания на некрасовский тип русской женщины: «красивой и мощной славянки» [Некрасов; т. 4: 79][6]. На вечере Литературного фонда в феврале 1864 г. Некрасов так и определял свою новую поэму «Мороз, Красный нос» — «картинки русской сельской жизни» [Некрасов; т. 4: 557].

Вокруг косушки завязываются все дальнейшие события другой известной поэмы Некрасова:

---

[5] Иван Саввич Вавилов, автор ряда книг по «практическим коммерческим знаниям» для русского купечества, выступал с публичными лекциями. В журнале «Отечественные Записки» была помещена благожелательная рецензия В. Н. Майкова на книгу И. Вавилова «Беседы русского купца о торговле»: несмотря на «неправильность и неточность языка» и «калейдоскопический характер» изложения, это «книга не совсем лишенная интереса» и «заключает в себе много фактов, интересных для каждого образованного человека, и много практических сведений, необходимых собственно для русского купечества» (Отечественные Записки. 1846. Т. 46. № 6. Отд. VI. С. 24; Т. 47. № 8. Отд. VI. С. 111).

[6] Тема литературных и духовных сближений Достоевского и Некрасова всесторонне исследована такими исследователями, как, например, В. А. Викторович, М. М. Гин, Н. А. Кладова, В. А. Туниманов (см.: [Викторович], [Гин], [Кладова], [Туниманов]).

«Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?» [Некрасов; т. 5: 7–8].

Кроме того, в своей рецензии 1844 г. на «первый пяток» книжки «Воскресные посиделки» Бурнашева, Некрасов так отмечает одну из нелепостей автора в описании народного быта:

> «Обратите внимание на фразу, напечатанную в нашей выписке курсивом. Спросите у знающих людей, что значит "*косушка*", и они вам скажут, что косушка — четвертая доля штофа, обыкновенная порция русского человека, от которой он не бывает не только пьян, но даже и навеселе» [Некрасов; т. 11, кн. 1: 168].

Второе несоответствие деталей — указанная стоимость водки (5 копеек) к объему косушки.

В «Записках из Мертвого Дома» Достоевский упоминает точную и вполне реальную в тех обстоятельствах цену косушки:

> «…такой-то и режет человека за четвертак, чтоб за этот четвертак выпить косушку…» [Д30; т. 4: 86].

Аналогичную стоимость косушки упоминает и Некрасов в одном из своих ранних незавершенных романов 1840-х гг. «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»:

> «Я побежала в кабак, купила "косушку" на последние тридцать копеек, которые берегла на завтра на хлеб, и принесла батюшке» [Некрасов; т. 8: 168].

Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» также подробно описывает стоимость косушки:

> «…видел я давеча, что Лазарь пятиалтынный[7] на столе в зале оставил. Поди и унеси его, а унесши, сбегай к Финагеичу и купи косушку пенного» [Салтыков-Щедрин; т. 15, кн. 1: 256].

Средняя цена водки объема косушки по прейскурантам ресторанов 80-х гг. XIX в. составляла от 10 до 40 копеек, в зависимости от ее качества. Указанная в романе «Бесы» цена косушки: 5 копеек — это только размер акцизного сбора за эту меру водки, не считая ее продажной цены, стоимости патентов на род деятельности, транспортных расходов и коммерческого интереса продавца. Так сколько же водки принесла хозяйка Степану Трофимовичу на 5 копеек?

---

[7] Пятиалтынный — 15 копеек.

Как мы уже говорили, одной из самых мелких законодательно определенных казенных мер в XIX в. была чарка, 1/100 часть ведра, 123 мл. Мы не рассматриваем меру в 1/200 часть ведра (получарку), так как в контексте эпизода выпить половину получарки «в три хлебка» в принципе невозможно.

К середине XIX в. слово «чарка» практически ушло из бытовой разговорной речи. Достоевский использует его только в двух своих ранних произведениях. Так, в «Хозяйке»:

> «Катерина <…> вынула <…> весь серебряный поставец, поставила его на середину стола и отделила от него три серебряные чарки»; «Все стукнули чарками и выпили»; «Вино ж было крепкое, так что с одной выпитой чарки всё более и более мутились глаза Ордынова» [Д30; т. 1: 305, 306, 308].

В «Неточке Незвановой» помещик дает отеческое наставление Ефимову:

> «…учись и чарки не знай, а хлебнешь раз с горя <…>, всё к бесу пойдет…» [Д30; т. 2: 148].

Слово «чарка» в бытовой разговорной речи постепенно сменилось словом «шкалик». Помимо питейной меры оно обозначало самый широкий круг предметов повседневного быта. Так назывались элементы иллюминации: «Шкалик — стаканчик со светильнею, налитый салом, для праздничного освещенья» (*Даль*; т. 4: 637); «Шкалик — *т<е>хн<ическое> н<а>зв<ание>*. 1) Небольшой стеклянный стакан, наполненный салом, употр<ебляется> для иллюминации» (*Вавилов*: 357); «Шкалик — le lampion» (*Макаров*; ч. 2: 446). В девятом «письме о провинции» Салтыкова-Щедрина о городе Глупове сказано:

> «В прошлом году он [город] устроил такую иллюминацию (не пожар, а настоящую иллюминацию из смоляных бочек, плошек и шкаликов), от которой было небу жарко…» [Салтыков-Щедрин; т. 7: 292].

Л. Н. Толстой в статье «О голоде» употреблял слово «шкалик» как меру колотых дров:

> «Цена колотых дров осиновых за шкалик, т. е. 1/16 куб<ической> саж<ени>, 90 копеек, так что дров на зиму понадобится рублей на 20, если топить всё покупными» [Толстой; т. 29: 89].

Применительно к питейным мерам шкалик, как мы уже говорили, обозначал «восьмушку штофа», половину косушки или 153 мл. Цена шкалика, вычисленная по прейскурантам трактирных заведений, действительно, составляла около 5 копеек. Эта же цена упоминается и в ряде литературных произведений. Например, Гиляровский вспоминает свою скитальческую жизнь в окрестностях Ярославля в начале 1870-х гг.:

> «Я подошел, вынул пятак и хлопнул им молча о стойку. Целовальник молча снял шкаличный крючок, нацедил водки из крана вровень с краями, ловко перелил в зеленый стакан с толстым дном и подвинул его ко мне» [Гиляровский: 106].

Затем он описывает некоего постоянного обитателя кабака:

> «…вынул две копейки, кинул их на стол. — Мотри, только один семик… добавь трой-чак на шкалик… охмелюсь и пойду! — обратился он ко мне. <…> Я спросил косушку. Подали ее, четырехугольную, и принесли стаканчик из зеленого стекла, шкаличного размера. Из косушки их выходило два. Деньги, гривенник, <…> уплатил <…> вперед. Здесь такой обычай» [Гиляровский: 113].

П. И. Якушкин в «Путевых письмах» из Астраханской губернии в конце 1860-х гг. столь же подробно указывает на соотношение цены косушки и шкалика. Обсуждается, за сколько был продан шинкарю украденный котелок:

> «"Да я косушку дал: десять копеек". — "Как говорю, десять? Нестеровна мне говорила, всего за шкалик, за пять копеек"» (*Якушкин*: 9).

Шкалик, как и косушка — это лексикон обитателей Мертвого Дома Достоевского. И точно так же, как и косушка, шкалик выступает там нравственной мерой:

> «…если б ему очень захотелось выпить шкалик вина и если б шкалик можно было получить не иначе, как зарезав кого-нибудь, то он бы непременно зарезал…» [Д30; т. 4: 221].

Со стоимостью шкалика связана у Достоевского и тема продажи креста. В романе «Преступление и Наказание» Миколка на постоялом дворе «снял с себя крест, серебряный, и попросил за крест шкалик» [Д30; т. 6: 107]. Как бы «серебряный», «но только настоящий оловянный» крест по цене косушки продает солдат князю Мышкину: «Купи, барин, крест серебряный, всего за двугривенный отдаю; серебряный!» — и Достоевский тут же замечает читателю, что «по лицу его [солдата] видно было, как он доволен, что надул глупого барина» [Д30; т. 8: 183].

Теперь, возвращаясь к роману «Бесы», попробуем прокомментировать обсуждаемую сцену в избе. Если мы заменим фантастическую в данном контексте косушку на шкаличную меру, отвечающую как указанной цене (5 копеек), так и возможности выпить «в три хлебка, как пьют женщины», всего лишь «изобразив чрезвычайное страдание в лице» [Д30; т. 10: 486], то все прочие обстоятельства описанных событий сложатся в картинку сельской

идиллии, которая так умилила Степана Трофимовича. Эта выдуманная им картинка примиряла его с подробностями «действительной жизни», деревенским видом, показавшимся ему «странным и ужасно чем-то чуждым» [Д30; т. 10: 484].

Что же касается появления в этом эпизоде столь популярного в разговорной народной речи названия «косушка», то в произведениях Достоевского фантастическое бывает иногда настолько органично вписано в текст, что становится реальностью. Например, в романе «Преступление и Наказание», вопреки действовавшему на момент описываемых событий категорическому законодательному запрету иметь в качестве закуски в питейных заведениях что-либо кроме черного хлеба, Достоевский намеренно дополняет удушающую, пропитанную винным запахом атмосферу распивочной еще и нестерпимо дурным запахом:

> «Стояли крошеные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба; всё это очень дурно пахло» [Д30; т. 6: 12].

И эта вонь распивочных наравне с запахами пыли, известки и городской духоты становится доведенной до своей высшей точки потребностью в свежем воздухе, составляя один из лейтмотивов романа[8].

Исследуя художественный мир Достоевского, А. П. Чудаков отмечал, что «основу всякой изображенной действительности составляет мир воплощенных в слове художественных предметов, расселенных в созданном писателем пространстве. <…> Вещи Достоевского разнородны, разнокалиберны и разнокачественны; объединены они одним — субъективным мироощущением рассказчика, им придаются свойства его сиюминутного восприятия» (*Чудаков*: 94–96). Каждая вещь в произведениях Достоевского, все многочисленные реалии повседневности, все самые разнообразные «приложения» математики, — все имеет «свою физиономию» и свой смысл.

[8] О функциях запаха в распивочной см. подробнее: [Деханова, 2023: 117–124].

Приложение 1

Законодательно установленные объемы мелких питейных мер XIX в.

Legally established volumes of small drinking measures of the 19th century

Восьмеричное разделение мер*			**Десятеричное разделение мер**		
Мера относительно ведра	**Объем** ** **в литрах**	**Название**	**Мера относительно ведра**	**Объем** * **в литрах**	**Название**
1/8	1,54	Штоф восьмеричный			
			1/10	1,23	Штоф десятеричный Кружка
13⅓ бутылок в ведре	0,923	Бутылка			
1/16	0,77	Винная бутылка****			
			1/20	0,615	Полуштоф Полукружка Бутылка
26⅔ полубутылки в ведре	0,461	Полубутылка			
1/40	0,307	Косушка***		0,307	Полубутылка Четверть штофа Косушка***
			1/50	0,246	
1/80	0,153	Шкалик***		0,153	Осьмушка штофа Шкалик***
			1/100	0,123	Чарка
			1/200	0,061	Получарка Шкалик****

◆ Примечания:

* Одновременное применение десятеричной и восьмеричной системы[9] деления мер ведра было упразднено с 1843 г. (*ПСЗ 2*; 1842, т. 17 (1), № 15750).

[9] «Восьм***и***ричной» и «десят***и***ричной» — по написанию в нормативных актах XIX в.

** Объем вычислен относительно законодательно установленного объема ведра (12,3 литра) (*ПСЗ 2*; 1835, т. 10 (2), № 8459).
*** См.: *Вавилов*.
**** Термин введен в 1899 г. (*ПСЗ 3*; 1899, т. 19 (1), № 17056).

◆ Информационные источники:
О введении мелких питейных мер в употребление по казенной питейной продаже (*ПСЗ 1*; 1818, т. 35, № 27517).
О системе российских мер и весов (*ПСЗ 2*; 1835, т. 10 (2), № 8459).
Положение о мерах и весах (*ПСЗ 3*; 1899, т. 19 (1), № 17056).

◆ Условия для содержания питейных сборов на:
1823–1827 гг. (*ПСЗ 1*; 1822, т. 38, № 29076).
1827–1831 гг. (*ПСЗ 2*; 1827, т. 2, № 987).
1831–1835 гг. (*ПСЗ 2*; 1830, т. 5 (1), № 3664).
1835–1839 гг. (*ПСЗ 2*; 1834, т. 9 (1), № 7206).
1839–1843 гг. (*ПСЗ 2*; 1838, т. 13 (1), № 11313).
1843–1847 гг. (*ПСЗ 2*; 1842, т. 17 (1), № 15750).

◆ Положение об акцизно-откупном комиссионерстве на:
1848–1851 гг. (*ПСЗ 2*; 1846, т. 21 (1), № 19614).
1851–1855 гг. (*ПСЗ 2*; 1850, т. 25 (1), № 24058).

◆ Об устройстве питейных сборов на:
1855–1859 гг. (*ПСЗ 2*; 1853, т. 28 (1), № 27045).

◆ Устав о питейном сборе:
ПСЗ 2; 1861, т. 36 (2), № 37197.
ПСЗ 2; 1868, т. 43 (1), № 46003.

◆ Полный Устав о питейном сборе. М., 1870.

Приложение 2

Определения слов «косушка» и «шкалик» по энциклопедическим словарям
Definitions of the words “kosushka” and “shkalik” in encyclopedic dictionaries

Источник	Шкалик	Косушка	Примечания
Даль В. И. Толковый словарь (*Даль*)	Шкалик, кабачная мера вина, осьмушка, косушка (т. 4, с. 637)	Мера жидкостей, шкалик, четверть штофа или полбутылки (т. 2, с. 174)	Неточность. «Осьмушка — осьмая доля штофа или стакан, две чарки» (т. 1, с. 247). Однако, «осьмая доля штофа» — это 153 мл, а объем чарки — 123 мл, т. е. «две чарки» — 246 мл
Вавилов И. С. Справочный коммерческий словарь (*Вавилов*)	Шкалик — мера хлебного вина ⅛ штофа (с. 357)	Косушка — мера хлебного вина, четвертая часть штофа (с. 143)	
Макаров Н. П. Полный русско-французский словарь (*Макаров*)	Шкалик — 40-ème partie d’un védro (1/40 ведра; ч. 2, с. 446)	Косушка — 20e partie d’un védro (1/20 ведра; ч. 1, с. 277)	Неточность. 1/20 ведра — это объем полуштофа
Толль Ф. Справочный энциклопедический лексикон (*Толль*)	Шкалик — то же, что косушка (т. III, с. 1053)	Косушка — мера жидкостей, шкалик, четверть штофа или полбутылки (т. II, с. 566)	
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь (*Брокгауз, Ефрон*)		Косушка — мера жидкости, преимущественно водки, шкалик, четверть штофа или полбутылки (т. XVI, с. 425)	

Список источников

Аксаков — Аксаков С. Т. Семейная хроника и воспоминания, М.: Тип. Л. Степановой, 1856. 565 с.

Брокгауз, Ефрон — [Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.] Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1895. Т. 16: Конкорд — Коялович. 480 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003924229?page=1&rotate=0&theme=white (10.12.2025).

Вавилов — [Вавилов И. С.] Справочный коммерческий словарь / собр. и издан. Ив. Вавиловым. СПб.: Морская тип., 1856. 367 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003563420?page=2&rotate=0&theme=white (10.12.2025).

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000.

Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. К. И. Тюнькина. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 623 с. (Сер. литер. мемуаров.)

Кузнецов — Кузнецов М. Г. Проституция и сифилис в России: историко-стат. исследования. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1871. 268, 76 с.

Любецкий — [Любецкий С. М.] Московские окрестности, ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде, для выбора дач и гулянья. Здесь также описывается характеристика и быт московских жителей дедовских и наших времен: гулянья, празднества, увеселения и другие замечательные события: очерк истории земледелия и садов с древнейших времен. М.: Тип. Индриха, 1877. 322 с.

Макаров — [Макаров Н. П.] Полный русско-французский словарь: в 2 ч. / сост. Н. П. Макаровым. 5-е изд., с многоч. доп. номенклатуры (до 1500 заголовочных русских и более 3000 переводных фр. слов) и фразеологии (до 5000 примеров с 1000 пословицами), печатано со стереотипа. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1889 [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/item/358698?ysclid=mrpa9fz3px806031034 (10.12.2025).

ПСЗ 1 — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Собр. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

ПСЗ 2 — Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1916.

ПЗС 3 — Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб.: Гос. тип., 1885–1916.

Толль — [Толль Ф.] Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: справоч. энцикл. лексикон: в 12 вып. или 3 т. / сост. под ред. В. Зотова; изд. Ф. Толля. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1863–1866 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003834115?page=571&rotate=0&theme=white; https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003834113?page=3&rotate=0&theme=white (10.12.2025).

Федоров — [Федоров А. И.] Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге / доктора медицины А. И. Федорова. СПб.: Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 64 с.

Чудаков — Чудаков А. П. Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. М.: Совр. писатель, 1992. 320 с.

Якушкин — Якушкин П. И. Путевые письма // Отечественные Записки: журнал литературный, политический и ученый. СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1870. Т. 188. Год 32. № 1 (Январь). [Отд. 2]. С. 1–17.

Список литературы

1. Андреев Л. Н. Собр. соч.: в 6 т. / редкол.: И. Г. Андреева [и др.]; сост. и подгот. текста В. А. Александрова, В. Н. Чувакова; вступ. ст. А. В. Богданова, коммент. В. Н. Чувакова. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1: Рассказы, 1898–1903. 639 с.
2. Викторович В. А. Некрасов, прочитанный Достоевским // Карабиха: ист.-литер. сб. Ярославль, 1993. Вып. 2. С. 115–138. EDN: SWKHPP
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. / [ред. кол.: В. П. Волгин (гл. ред.) и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966.
4. Гиляровский В. А. Соч.: в 4 т. / сост. и примеч. Б. И. Есина. М.: Правда, 1989. Т. 4: Москва и москвичи; Стихотворения, экспромты. 446 с.
5. Гин М. М. Достоевский и Некрасов: два мировосприятия / под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Карелия, 1985. 184 с.
6. Деханова О. А. Питейные заведения в романе «Преступление и наказание». Художественная деталь в правовом поле питейной реформы 1861 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 106–127 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2023-2/04_Dekhanova_106-127.pdf (10.12.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2023-2-106-127. EDN: KPZIOP
7. Деханова О. А. Достоевский. На дне. «Так и пахнул на меня этот город с первых часов знакомым запахом» // Достоевский и современность: материалы XXXIX Междунар. Старорусских чтений 2024 года. В. Новгород, 2025. С. 26–37.
8. Деханова О. А., Деханов М. Е. Скверный анекдот с шампанским // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 144–165 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2025-4/04_Dekhanova-Dekhanov_144-165.pdf (10.12.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2025-4-144-165. EDN: TWCMLL
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
10. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
11. Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–114 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16215420_61149270.pdf (10.12.2025). EDN: NQVXBZ
12. Кийко Е. И. Восприятие Достоевским неэвклидовой геометрии // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1985. Т. 6. С. 120–128.
13. Кладова Н. А. Ф. М. Достоевский и Н. А. Некрасов: творческий диалог: дис. … канд. филол. наук. Кострома, 2009. 202 с.
14. Куприн А. И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 6: Произведения, 1899–1937 / подгот. текста П. Вячеславова и И. Мыльцыной, примеч. О. Михайлова и др. 831 с.
15. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука, 1981–2000.

16. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); редкол.: С. А. Макашин (гл. ред.) и др. М.: Худож. лит., 1965–1977.
17. Сытина Ю. Н. О некоторых особенностях «арифметики Достоевского» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 2. С. 287–299 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39166065_55191934.pdf (10.12.2025). DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.027. EDN: TRTKGH
18. Сытина Ю. Н. «Математическая» проблема в «Подростке» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 144–170 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593895891.pdf (10.12.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7742. EDN: NVXDKL
19. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбилейное издание (1828–1928) / под общ. ред. В. Г. Черткова; при уч. ред. комитета в сост.: А. Е. Грузинского, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева [и др.]. М.: Худож. лит., 1928–1958.
20. Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время: сб. ст. Л.: Наука, 1971. С. 33–66.
21. Шаулов С. С. Идиома «дважды два четыре» в русской литературе XX века // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 266–289 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593940771.pdf (10.12.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8182. EDN: GLLEIV

References

1. Andreev L. N. *Sobranie sochineniy*: *v 6 tomakh* [*The Collected Works*: *in 6 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1: Short Stories, 1898–1903. 639 p. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. Nekrasov, Read by Dostoevsky. In: *Karabikha*: *istoriko-literaturnyy sbornik* [*Karabikha*: *Historical and Literary Collection*]. Yaroslavl, 1993, issue 2, pp. 115–138. EDN: SWKHPP (In Russ.)
3. Gertsen A. I. *Sobranie sochineniy*: *v 30 tomakh* [*The Collected Works*: *in 30 Vols*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954–1966. (In Russ.)
4. Gilyarovskiy V. A. *Sochineniya*: *v 4 tomakh* [*Works*: *in 4 Vols*]. Moscow, Pravda Publ., 1989, vol. 4: Moscow and Muscovites; Poems, Impromptu. 446 p. (In Russ.)
5. Gin M. M. *Dostoevskiy i Nekrasov*: *dva mirovospriyatiya* [*Dostoevsky and Nekrasov*: *Two Worldviews*]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1985. 184 p. (In Russ.)
6. Dekhanova O. A. Drinking Establishments in the Novel "Crime and Punishment". An Artistic Detail in the Legal Field of the Drinking Reform of 1861. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2023, no. 2 (22), pp. 106–127. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2023-2/04_Dekhanova_106-127.pdf (accessed on December 10, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2023-2-106-127. EDN: KPZIOP (In Russ.)
7. Dekhanova O. A. Dostoevsky. "At the Bottom". "This City Smelled on Me from the First Hours with a Familiar Scent". In: *Dostoevskiy i sovremennost'*: *materialy XXXIX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2024 goda* [*Dostoevsky and Modernity*: *Proceedings of the 39th International Old Russian Readings 2024*]. Veliky Novgorod, 2025, pp. 26–37. (In Russ.)
8. Dekhanova O. A., Dekhanov M. E. A Nasty Story with Champagne. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2025,

no. 4 (32), pp. 144–165. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2025-4/04_Dekhanova-Dekhanov_144-165.pdf (accessed on December 10, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2025-4-144-165. EDN: TWCMLL (In Russ.)

9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 30 tomakh* [*The Complete Works*: *in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. Zayonchkovskiy P. A. *Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v.* [*The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century*]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 288 p. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. How Many Is Twice Two or The Non-Obvious Obvious in Poetics of Dostoevsky. In: *Voprosy filosofii* [*Russian Studies in Philosophy*], 2011, no. 4, pp. 109–114. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16215420_61149270.pdf (accessed on December 10, 2025). EDN: NQVXBZ (In Russ.)
12. Kiyko E. I. Dostoevsky's Perception of Non-Euclidean Geometry. In: *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 6, pp. 120–128. (In Russ.)
13. Kladova N. A. *F. M. Dostoevskiy i N. A. Nekrasov*: *tvorcheskiy dialog*: *dis. … kand. filol. nauk* [*F. M. Dostoevsky and N. A. Nekrasov*: *A Creative Dialogue. PhD. philol. sci. diss.*]. Kostroma, 2009. 202 p. (In Russ.)
14. Kuprin A. I. *Sobranie sochineniy*: *v 6 tomakh* [*The Collected Works*: *in 6 Vols*]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958, vol. 6: Works, 1899–1937. 831 p. (In Russ.)
15. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: *v 15 tomakh* [*The Complete Works and Letters*: *in 15 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)
16. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy*: *v 20 tomakh* [*The Collected Works*: *in 20 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965–1977. (In Russ.)
17. Sytina Yu. N. On Some Features of Dostoevsky's "Arithmetic". In: *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [*Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*], 2019, vol. 20, issue 2, pp. 287–299. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_39166065_55191934.pdf (accessed on December 10, 2025). DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.027. EDN: TRTKGH (In Russ.)
18. Sytina Yu. N. A "Mathematical" Problem in Dostoevsky's "The Raw Youth". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 144–170. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593895891.pdf (accessed on December 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7742. EDN: NVXDKL (In Russ.)
19. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 90 tomakh. Yubileynoe izdanie (1828–1928)* [*The Complete Works: in 90 Vols. Anniversary Edition (1828–1928)*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (In Russ.)
20. Tunimanov V. A. Dostoevsky and Nekrasov. In: *Dostoevskiy i ego vremya*: *sbornik statey* [*Dostoevsky and His Time*: *Collection of Articles*]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 33–66. (In Russ.)
21. Shaulov S. S. The Idiom "Twice Two is Four" in Russian Literature of the 20th Century. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 266–289. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593940771.pdf (accessed on December 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8182. EDN: GLLEIV (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

***Деханова Ольга Алексеевна*,** кандидат фармацевтических наук (г. Москва, Российская Федерация); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2216-2548; e-mail: Dh369@yandex.ru.

***Деханов Михаил Евгеньевич*,** нутрициолог-фармацевт (г. Москва, Российская Федерация); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6245-3783; e-mail: dekhanov@yandex.ru.

***Olga A. Dekhanova*,** PhD (Pharmaceutical Sciences) (Moscow, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2216-2548; e-mail: Dh369@yandex.ru.

***Mikhail E. Dekhanov*,** Nutritionist-Pharmacist (Moscow, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6245-3783; e-mail: dekhanov@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 30.05.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.07.2026
Принята к публикации / Accepted 10.07.2026
Дата публикации / Date of publication 31.07.2026

Научная статья
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8621
EDN: MVQJFO

Газетные объявления в рекламе и издательской практике Ф. М. и А. Г. Достоевских

В. Н. Степченкова

Государственный университет просвещения
(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: st_valentina007@mail.ru

Аннотация. Газетные объявления были одним из ключевых каналов распространения книг семьи Достоевских еще при жизни писателя. После его смерти Анна Григорьевна продолжила использовать этот инструмент, приступив к изданию Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского. Она тщательно выстраивала рекламную стратегию: лично составляла тексты и варьировала их формат в зависимости от цели. Среди опубликованных ею сообщений выделяются несколько типов: краткие объявления с базовой информацией (объем, содержание томов, цена, условия пересылки, контакты); новостные заметки, чаще всего посвященные срокам выхода очередных томов; развернутые библиографические справки с характеристикой творчества писателя. Наиболее объемной формой становилась статья, включавшая подробное описание издания, биографические сведения и элементы литературоведческого анализа — такой жанр выполнял не только рекламную, но и просветительскую функцию. Помимо публикаций в прессе, Достоевская размещала информационные вставки о сборнике на первых или последних страницах различных книг, а также рассылала циркуляры — официальные извещения, направлявшиеся адресатам по почте, минуя открытую печать. Эта содержательная дифференциация позволяла ей охватить широкую читательскую аудиторию. На фоне агрессивной рекламной практики своего времени — с броскими заголовками, иллюстрациями, обещаниями скидок и предупреждениями о подделках — объявления Достоевской выделялись нарочитой сдержанностью. Она не использовала портреты автора, не прибегала к акциям и не призывала остерегаться фальшивок, сознательно избегая всех типичных уловок коммерческой рекламы. Вместо этого она крупно выделяла фамилию Ф. М. Достоевского, полагая, что одно это имя служит достаточным привлечением для читающей публики. Умеренность и строгость стиля становились для нее способом выразить уважение к мужу и подчеркнуть его высокий литературный статус. Такой подход свидетельствовал о приоритете Анны Григорьевны — не преумножение прибыли, а достойное представление творчества супруга, распространение его идей и сохранение доброй памяти о нем.

Ключевые слова: А. Г. Достоевская, газеты, реклама, объявление, циркуляр, Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, шрифт, библиографическая заметка, книжный рынок

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00186 «Новые архивные и печатные источники научной биографии А. Г. Достоевской», https://rscf.ru/project/26-18-00186/).

Для цитирования: Степченкова В. Н. Газетные объявления в рекламе и издательской практике Ф. М. и А. Г. Достоевских // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 145–180. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8621. EDN: MVQJFO

© В. Н. Степченкова, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8621
EDN: MVQJFO

Newspaper Advertisements in the Advertising and Publishing Practices of Fyodor and Anna Dostoevsky

Valentina N. Stepchenkova

Federal State University of Education
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: st_valentina007@mail.ru

Abstract. Newspaper advertisements were one of the key channels for distributing books published by the Dostoevsky family even during the writer's lifetime. After his death, Anna Grigorievna continued to use this tool when she undertook the publication of the Complete Works of F. M. Dostoevsky. She carefully crafted her advertising strategy: she personally composed the texts and varied their format depending on the purpose. Among the messages she published, several types can be distinguished: brief advertisements with basic information (volume, contents of the volumes, price, shipping terms, contact details); news notes, most often concerning the release dates of upcoming volumes; and extensive bibliographic notes with a characterization of the writer's oeuvre. The most expansive form was an article that included a detailed description of the edition, biographical information, and elements of literary analysis — a genre that served not only an advertising but also an educational function. In addition to press publications, Dostoevskaya placed informational inserts about the collection on the first or last pages of various books, and also sent out circulars — official notices dispatched by mail directly to recipients, bypassing public press. This content differentiation allowed her to reach a broad readership. Against the backdrop of the aggressive advertising practices of her time — with flashy headlines, illustrations, promises of discounts, and warnings about forgeries — Dostoevskaya's advertisements stood out for their deliberate restraint. She did not use portraits of the author, did not resort to promotions, and did not urge readers to beware of counterfeits, consciously avoiding all the typical tricks of commercial advertising. Instead, she prominently highlighted the surname of F. M. Dostoevsky, believing that the name alone was sufficient to attract the reading public. Moderation and severity of style became for her a way of expressing respect for her husband and emphasizing his high literary status. This approach testified to Anna Grigorievna's priority: not the pursuit of profit, but the worthy presentation of her husband's oeuvre to readers, the dissemination of his ideas, and the preservation of his good memory.

Keywords: A. G. Dostoevskaya, newspapers, advertising, advertisement, circular, The Complete Works of F. M. Dostoevsky, typeface, bibliographic note, book market

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 26-18-00186 "New Archival and Printed Sources for the Scientific Biography of Anna Dostoevskaya", https://rscf.ru/project/26-18-00186/).

For citation: Stepchenkova V. N. Newspaper Advertisements in the Advertising and Publishing Practices of Fyodor and Anna Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 145–180. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8621. EDN: MVQJFO (In Russ.)

Введение

На протяжении почти сорока лет, посвященных изданию Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (далее — *ПСС*), Анна Григорьевна Достоевская выступала не только как издательница, редактор, корректор и бухгалтер, но и — что особенно важно для продвижения книг — как составительница рекламных объявлений (см.: [Андрианова, Тихомиров, 2015a: 28]). Отдельные аспекты ее издательской деятельности уже привлекали внимание исследователей (И. С. Андриановой, М. В. Заваркиной, Т. В. Панюковой, М. В. Михновец и Н. Г. Михновец, В. Н. Степченковой[1] и др.), однако целенаправленный анализ именно газетных объявлений жены писателя до сих пор остается на периферии научного интереса. Цель настоящей статьи — рассмотреть тактику размещения объявлений Достоевской как способ организации информационной коммуникации с читателями.

Анна Григорьевна по праву считается «первой в России женщиной, организовавшей индивидуальное издательское дело» [Андрианова, 2013: 6]. Ее объявления не ограничивались сугубо информационной функцией: вдова писателя умело и с достоинством презентовала творчество супруга, избегая шаблонных приемов, характерных для рекламы конца XIX в., и вырабатывала собственные этические стандарты продвижения.

Рекламные объявления Достоевских в контексте издательской стратегии

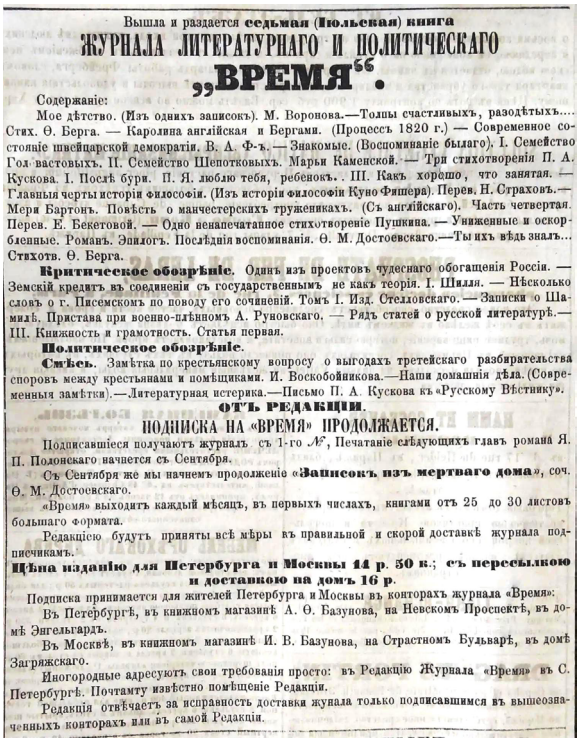
В середине XIX в. периодические издания приобрели особую общественную значимость. Газеты выступали «основным средством массовой коммуникации» [Игнатенко, 2014: 5]: из них читатели узнавали о главных событиях в стране и в мире, знакомились со статистическими сводками, описаниями судебных процессов, некрологами и библиографическими новинками. Важное место занимали и рекламные объявления: они приносили издателям немалый доход, а рекламодателям открывали возможности для продвижения товаров и услуг[2].

В 1860-е гг. к газетной рекламе обращался и Достоевский — при издании журналов «Время» и «Эпоха» (*Илл. 1*). Братья Достоевские относились к составлению таких сообщений со всей серьезностью: их целью было

---

[1] См.: [Андрианова, 2012, 2013], [Заваркина, 2023a, 2023b, 2024], [Панюкова], [Михновец М. В., Михновец Н. Г.], [Степченкова, 2024a, 2024b, 2025].

[2] Подробнее см.: [Березовая: 386], [Соскин: 23–26]. Расценки на рекламу росли весь XIX в., увеличившись за столетие в 10 раз. В конце XIX в. строчка объявления петитом стоила 30–40 коп. Таким образом, интерес к рекламе был не только у продавцов, но и у издателей газет. Публикация объявлений была чрезвычайно выгодна: она приносила в год до 35–40 тыс. руб. дохода (см.: [Березовая: 386]).

Вышла и раздается **седьмая (Іюльская) книга**

ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО

„ВРЕМЯ“.

Содержаніе:

Мое дѣтство. (Изъ однихъ записокъ). М. Воронова.—Толпы счастливыхъ, разодѣтыхъ.... Стих. Ѳ. Берга. — Каролина англійская и Бергами. (Процессъ 1820 г.) — Современное состояніе швейцарской демократіи. В. А. Ф-ъ. — Знакомые. (Воспоминаніе былаго). І. Семейство Голавстовыхъ. П. Семейство Шепотковыхъ. Марьи Каменской. — Три стихотворенія П. А. Кускова. І. Послѣ бури. П. Я люблю тебя, ребенокъ. . III. Какъ хорошо, что занятая. — Главныя черты исторіи философіи. (Изъ исторіи философіи Куно Фишера). Перев. Н. Страховъ.— Мери Бартонъ. Повѣсть о манчестерскихъ труженикахъ. (Съ англійскаго). Часть четвертая. Перев. Е. Бекетовой. — Одно ненапечатанное стихотвореніе Пушкина. — Униженные и оскорбленные. Романъ. Эпилогъ. Послѣдніе воспоминанія. Ѳ. М. Достоевскаго.—Ты ихъ вѣдь зналъ... Стихотв. Ѳ. Берга.

Критическое обозрѣніе. Одинъ изъ проектовъ чуднаго обогащенія Россіи. — Земскій кредитъ въ соединеніи съ государственнымъ не какъ теорія. І. Шилля. — Нѣсколько словъ о г. Писемскомъ по поводу его сочиненій. Томъ І. Изд. Стелловскаго. — Записки о Шамилѣ. Пристава при военно-плѣнномъ А. Руновскаго. — Рядъ статей о русской литературѣ.— III. Книжность и грамотность. Статья первая.

Политическое обозрѣніе.

Смѣсь. Замѣтка по крестьянскому вопросу о выгодахъ третейскаго разбирательства споровъ между крестьянами и помѣщиками. И. Воскобойникова.—Наши домашнія дѣла. (Современныя замѣтки).—Литературная истерика.—Письмо П. А. Кускова къ «Русскому Вѣстнику».

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПИСКА НА «ВРЕМЯ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Подписавшіеся получаютъ журналъ съ 1-го №, Печатаніе слѣдующихъ главъ романа Я. П. Полонскаго начнется съ Сентября.

Съ Сентября же мы начнемъ продолженіе «**Записокъ изъ мертваго дома**», соч. Ѳ. М. Достоевскаго.

«Время» выходитъ каждый мѣсяцъ, въ первыхъ числахъ, книгами отъ 25 до 30 листовъ большаго формата.

Редакціею будутъ приняты всѣ мѣры въ правильной и скорой доставкѣ журнала подписчикамъ.

Цѣна изданію для Петербурга и Москвы 14 р. 50 к.; съ пересылкою и доставкою на домъ 16 р.

Подписка принимается для жителей Петербурга и Москвы въ конторахъ журнала «Время»:

Въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардъ.

Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

Иногородные адресуютъ свои требованія просто: въ Редакцію Журнала «Время» въ С. Петербургѣ. Почтамту извѣстно помѣщеніе Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки журнала только подписавшимся въ вышеозначенныхъ конторахъ или въ самой Редакціи.

Илл. 1. Объявление о подписке на журнал братьев Достоевских «Время» (1861)[3]

Fig. 1. Announcement of subscriptions to the Dostoevsky brothers' journal "Vremya" (1861)

не просто известить публику о выходе журнала и начале подписки, но и обозначить идейное направление издания, чтобы сразу очертить круг потенциальных читателей[4].

Рекламные материалы позволяют установить и литературно-хронологические рамки. Так, в январе 1876 г. Достоевский анонсировал выпуск «Дневника Писателя» на страницах газеты «Голос». Он писал:

> «Это будетъ дневникъ въ буквальномъ смыслѣ слова, отчетъ о дѣйствительно выжитыхъ въ каждый мѣсяцъ впечатлѣніяхъ, отчетъ о видѣнномъ,

[3] Санктпетербургскія Вѣдомости. 1861. № 167. 30 Іюля (11 Августа).

[4] Так, в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1862 г. Достоевский точно обозначил почвенническую позицию: «Движение вперед — явление нормальное, законное, и Боже нас сохрани противоречить ему! Но отказавшись от того, что было бесплодного и губительного в явлениях нашей прежней жизни, мы унеслись на воздух и отказались чуть ли не от самой почвы. Без почвы ничего не вырастет и никакого плода не будет. А для всякого плода нужна *своя* почва, *свой* климат, *свое* воспитание. Без крепкой почвы под ногами и движение вперед невозможно: еще, пожалуй, поедешь назад или свалишься с облаков» [Д30; т. 19: 147–148]. Также об объявлениях Достоевского как об особом жанре см.: [Сараскина].

слышанномъ и прочитанномъ. Сюда, конечно, могутъ войти разсказы и повѣсти, но преимущественно о событіяхъ дѣйствительныхъ»[5].

Показательный эпизод произошел 22 ноября 1876 г.: В. Ф. Пуцыкович (редактор-издатель «Гражданина» после ухода с этого поста Достоевского) опубликовал заметку о намерении В. П. Мещерского издавать в 1877 г. собственный «Дневник Писателя» — причем текст почти дословно повторял объявление Достоевского[6]. В этом «бестактном» (по определению О. В. Захаровой) шаге именно рекламное объявление стало документальным свидетельством заимствования без ссылки на первоисточник (см.: [Захарова]).

В 1880 г. в газетах появляются сведения о книжной торговле, которую Достоевский организовал вместе с супругой (*Илл. 2*).

Съ 1-го января 1880 года открыта
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО
(исключительно для иногородныхъ).
С.-Петербургъ, Кузнечный Переулокъ, д. № 5.
Иногороднымъ покупателямъ высылаются всевозможныя книги на русскомъ языкѣ, учебники, учебныя пособія. Принимается подписка на всѣ журналы и газеты. Иногородные покупатели прилагаютъ за пересылку приблизит. 10 коп. съ рубля. Учебныя заведенія пользуются безплатною пересылкою. Порученія исполняются немедленно.
Тамъ же продаются слѣдующія сочиненія
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО:
„Униженные и оскорбленные“,
пятое изданіе. 1880 г. Одинъ томъ (30 лист.). Ц. 2 р. 50 к.; ром. «БѢСЫ», 3 тома, п. 3 р. 50 коп.; романъ «ИДІОТЪ», 2 тома, п. 5 руб.; романъ «ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ», 2 тома, п. 3 р. 50 к.; романъ «ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА», 1 томъ, п. 2 р.; «ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ» за 1876 г., 1 сброш. томъ, п. 2 р. 50 к.; «ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ» за 1877 г., 1 сброш. томъ, п. 2 р. 50 к.; «ПОДРОСТОКЪ», 3 тома, п. 3 р. 50 к.
Гг. иногородные, выписывающіе отъ автора, за пересылку не платятъ. 1202. (10)—2. 32. 36.

Илл. 2. Объявление о Книжной торговле семьи Достоевских (1880)[7]

Fig. 2. Advertisement about the Dostoevsky family's bookstore (1880)

В том же году в «Новом Времени» было размещено объявление о единственном выпуске «Дневника Писателя» за этот год: в нем подробно излагалось содержание номера, а также указывались книгопродавцы в Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Воронеже, Туле, Тамбове и других городах, где читатели могли приобрести журнал; попутно напоминалось и об услугах собственной Книжной торговли Достоевского (*Илл. 3*).

---

[5] Голосъ. 1876. № 15. 15 (27) Января.

[6] См. об этом: [Захарова]. Примечательно, что рекламные объявления, на первый взгляд, представляющиеся малозначимыми элементами издательской практики, могут выступать историческими источниками. Так, В. А. Викторович на основе анализа объявления о прекращении издания «Гражданина» высказал новые предположения о финансировании журнала [Викторович].

[7] Голосъ. 1880. № 57. 26 Февраля (9 Марта).

2-го сентября вышелъ въ свѣтъ ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫПУСКЪ НА 1880 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: Глава первая: Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже рѣчи о Пушкинѣ. Глава вторая: Пушкинъ (очеркъ). Глава третья: Приписка къ случаю. Четыре лекціи на разныя темы по поводу одной лекціи, прочитанной мнѣ г. А. Градовскимъ. Съ обращеніемъ къ г. Градовскому. I. Объ одномъ самомъ оживленномъ дѣлѣ. II. Алеко и Держиморда. Страданія Алеко по крѣпостному мужику. Анекдоты. III. Двѣ половины. IV. Одному смирись, а другому гордись. Буря въ стаканчикѣ.

Цѣна 30 к., съ перес. 35 к. Будетъ продаваться у автора, въ книжной торговлѣ для иногородныхъ Ѳ. М. Достоевскаго, Кузнечный пер., д. 5 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Въ Москвѣ: у Соловьева, Живарева, Кашкина, Мамонтова, Васильева; въ Казани: у Дубровина, и въ магазинѣ «Восточная Лира»; въ Кіевѣ: у Гинтера и Меленскаго, въ южно-русскомъ книжномъ магазинѣ, у Огдоблина (Литова) и у Іогансена; въ Одессѣ: у Бѣлаго; въ Харьковѣ, у Сыры, въ Воронежѣ у Семастьянова, въ Тулѣ у Протасова; въ Тамбовѣ: у Зотова; въ Тифлисѣ: у Берешгама; въ Черниговѣ: у Дашкевскаго; въ Варшавѣ: у Истомина; въ Томскѣ: у Макушина; въ Козловѣ: у Муравьева; въ Нѣжинѣ: у Куриленко; въ Твери: у Кашкина.

Съ 1-го января 1880 года открыта книжная торговля Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО (исключительно для иногородныхъ), Спб., Кузнечный пер., д. 5.

Иногороднымъ покупателямъ высылаются всевозможныя книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, учебники, ноты, учебныя пособія. Принимается подписка на всѣ журналы и газеты. Иногородные покупатели прилагаютъ за пересылку приблизит. 10 к. съ рубля. Учебныя заведенія пользуются 10 проц. уступки или безплатн. пересылк. Порученія исполняются НЕМЕДЛЕННО. 2940г 3—2

Илл. 3. Прижизненное объявление Ф. М. Достоевского в «Новом Времени» за 1880 г. о выходе номера «Дневника Писателя»

Fig. 3. A lifetime announcement by F. M. Dostoevsky in “Novoe Vremya” in 1880 regarding the release of an issue of “A Writer’s Diary”

Уже незадолго до кончины, в январе 1881 г., Достоевский поместил в газете «Русь» объявление о возобновлении «Дневника Писателя» — из него становились ясны его далеко идущие планы. Как отмечает П. Е. Фокин, сам факт публикации свидетельствовал о том, что писатель «полагал, что физических сил хватит ему как минимум на год напряженного труда» [Фокин: 45–46]. В тексте объявления сообщалось, что «Дневник» будет выходить 12 раз в год, и подробно перечислялись достоинства издания:

> «Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ полутора до двухъ листовъ убористаго шрифта, въ форматѣ еженедѣльныхъ газетъ нашихъ и будетъ выходить въ послѣднее число каждаго мѣсяца. Форма, духъ и характеръ изданія будутъ тѣ же, какъ и въ 1876 и 1877 годахъ. Это не журналъ, а именно Дневникъ; всѣ статьи будутъ написаны Ѳ. М. Достоевскимъ»[8].

Однако судьба распорядилась иначе: в 1881 г. вышел лишь один посмертный выпуск.

Газетные объявления сыграли судьбоносную роль и в жизни Анны Григорьевны. По воспоминаниям дочери, Любови Федоровны, именно газетная заметка привела ее мать на курсы стенографии: профессор П. М. Ольхин обещал слушательницам с хорошими знаниями место стенографа в судах, научных обществах, на конгрессах, «словом — всюду, где требуется быстрая запись речей выступающих» [Андрианова, Тихомиров, 2015b: 668]. Следуя

[8] Русь. 1881. № 10. 17 (29) Января.

этому объявлению, Анна Григорьевна и поступила на курсы, которые в дальнейшем свели ее с будущим супругом.

Газеты были важным каналом связи между семьей Достоевского и почитателями его таланта в трагический период. Именно через газетные сообщения общество узнало о кончине писателя — и это привело к тому, что огромное количество людей пришло проститься с ним[9]. Вдова получала множество писем с соболезнованиями. Так, С. В. Ковалевская писала 3 февраля 1881 г.:

> *«Съ какимъ чувствомъ глубокой, невыразимой скорби прочла я въ газетахъ извѣстіе о смерти Ѳедора Михайловича я и выразить Вамъ не могу»*[10].

Газетные объявления занимали ключевое место в жизни[11] и в издательской деятельности Анны Григорьевны после смерти мужа. С началом издания Полного собрания сочинений она включила расходы на публикацию объявлений в число регулярных статей бюджета[12]. Издательница со свойственной ей практичностью ориентировалась на опыт известных книжных предпринимателей, с которыми поддерживала деловые отношения. Среди них — П. П. Шибанов (1864–1935), один из наиболее образованных книжников своего времени[13]. Исследовательница Л. Г. Ларионова отмечала, что залогом его успеха было «систематическое размещение рекламных объявлений, статей в специализированной периодической печати» [Ларионова: 123]. Другой крупный книготорговец второй половины XIX в., Ф. Ф. Павленков (1839–1900)[14], также славился умением «использовать рекламу» [Горбунов: 49]. Достоевская пошла тем же путем: она регулярно информировала публику через газеты о выходе очередных томов *ПСС*, предпочитая авторитетные периодические издания с устоявшейся репутацией[15], среди которых — «Сын

---

[9] Газета «Московские Ведомости» сообщала о похоронной процессии, в которой участвовало до 100 тыс. человек (Московскія Вѣдомости. 1881. № 34. 3 Февраля).

[10] Ковалевская С. В. Письмо к А. Г. Достоевской. От 03.02.1881 // ОР РГБ. Ф. 93.II.5.79. Л. 1.

[11] Упоминания «Нового Времени» имеются в ряде писем вдовы писателя: Достоевская А. Г. Письмо к А. А. Достоевскому. От 02.10.1889 // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.45. Л. 18; Достоевская А. Г. Письмо к А. А. Достоевскому. От 08.10.1904 // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.50. Л. 10 об. и др.

[12] О чем свидетельствуют отметки в записных книгах разных лет: «*Объявл<еніе> въ Нов<омъ> Времени 13 руб.*» (Достоевская А. Г. Записная книга. 1895–1896 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30777. Л. 54); «*1 кратн<ое> напеч<атаніе> въ "Новостяхъ" объявленія*» (Там же. Л. 128); «*Объявленіе въ Нов<омъ> Врем<ени> 9 р<.> 60 к.*» (Достоевская А. Г. Записная книга. 1905–1906 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30781. Л. 48 об.); «*Объявленіе въ Руси — 3 р.*» (Там же. Л. 57 об.); «*За Объявл<еніе> [о]/въ/ газ<етъ> Сынъ Отечества — 12 р. 75 к.*» (Там же. Л. 70 об.); «*Объявленіе въ Словѣ — 9 руб. 20 к.*» (Там же. Л. 76) и т. д.

[13] См. напр.: Достоевская А. Г. Записная книга. 1905–1906 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30781. Л. 7 об., 35 об.

[14] О взаимодействии с Ф. Ф. Павленковым у Достоевской имеется множество записей в ее деловых книгах, например: Достоевская А. Г. Записная книга. 1905–1906 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30781. Л. 34, 49 об., 73 об., 84, 87, 109 об., 113 и др.

[15] См. об этом: [Симонова], [Есин].

Отечества»[16], «Слово»[17], «Правительственный Вестник»[18], «Русь»[19], «Новости»[20], «Голос»[21], «Варшавский Дневник»[22], «Русские Ведомости»[23], «Русская Газета»[24], «Страна»[25], «Московские Ведомости»[26] и др. Чаще всего вдова обращалась к «Новому Времени»: это издание стало главным источником информирования читателей о новых томах и условиях подписки[27], и именно на публикации в нем чаще всего ссылались корреспонденты Анны Григорьевны в переписке[28].

Таким образом, газетные объявления фиксировали ключевые этапы издательской истории Достоевского: они оповещали о творческих замыслах, служили документальным подтверждением заимствований, а в отдельных случаях даже меняли личные судьбы (как, например, в истории знакомства Анны Григорьевны с будущим мужем). После смерти писателя его вдова не только сохранила, но и развила эту практику, сделав рекламу неотъемлемой частью своего издательского дела.

Имя как бренд: рекламная тактика А. Г. Достоевской в контексте книжной торговли XIX в.

Достоевская четко разграничивала понятия объявления и рекламы. Так, после 6-го и 7-го издания *ПСС* она задумалась о продаже своей литературной собственности, в связи с чем обратилась к литературному агенту Августу Карловичу Шольцу, которому должна была изложить основные принципы своей издательской деятельности, перспективы дальнейшей печати

---

[16] Достоевская А. Г. Записная тетрадь. 1904–1910 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.232. Л. 116.

[17] Там же. Л. 118.

[18] Правительственный Вѣстникъ. 1884. № 10. 12 (24) Января; Достоевская А. Г. Записная книга. 1881 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30773. Л. 42 об.

[19] Русь. 1884. № 1. 1 (13) Января; Достоевская А. Г. Записная книга. 1905–1906 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30781. Л. 86 об.

[20] Новости. 1881. № 38. 10 Февраля; Достоевская А. Г. Записная книга. 1881 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30773. Л. 118/1.

[21] Голосъ. 1880. № 57. 26 Февраля (9 Марта); Достоевская А. Г. Записная книга. 1881 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30773. Л. 42 об., 167 об., 183 об.

[22] Варшавскій Дневникъ. 1884. № 19. 25 Января.

[23] Достоевская А. Г. Записная тетрадь. 1904–1910 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.232. Л. 192 об.

[24] Достоевская А. Г. Записная книга. 1905–1906 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30781. Л. 90 об.

[25] Там же. Л. 86 об.

[26] Достоевская А. Г. Записная книга. 1881 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30773. Л. 42 об., 184.

[27] Новое Время. 1883. № 2600. 26 Мая (7 Іюня); Новое Время. 1881. № 1770. 31 Января (12 Февраля) и др.

[28] Например, в письме от 27 марта 1908 г. покупатель апеллирует к «Новому Времени»: «*Благоволите выслать съ разсрочкою платежа, согласно объявленію въ "Нов<омъ> Врем<ени>", одинъ экземпляръ сочин<енія> Ѳ. М. Достоевскаго, юбилейн<аго>, на веленевой бумагѣ изданіи въ переплетах<ъ> по адресу…*» (Достоевская А. Г. Записная тетрадь. 1904–1910 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.232. Л. 37).

сочинений Достоевского и причины продажи. Поясняя свою позицию, издательница писала Шольцу, что не делала «*рекламъ*», и подчеркивала:

> *«Еслибъ я прибѣгала къ обычнымъ въ торговомъ дѣлѣ пріемамъ*[29]*, то, безъ сомнѣнія, за 28 лѣтъ продала-бы вдвое больше книгъ и слѣд<овательно> получила-бы большія выгоды»*[30].

Вдова писателя нередко акцентировала внимание на том, что главной целью ее издательской деятельности являлось распространение идей Достоевского. В связи с этим для продвижения его сочинений она предпочитала использовать не рекламную тактику, а информационные объявления в сочетании с просветительской составляющей.

По мнению Анны Григорьевны, цель рекламы состояла в продвижении товара и внушении покупателям желания его приобрести. Как отмечает Л. Г. Березовая со ссылкой на писателя Стивена Ликока, реклама — «это наука затемнять рассудок человека до тех пор, пока ты не получишь от него деньги» [Березовая: 16]. Реклама должна была быть «эмоционально окрашена, при этом используется лексика с положительной, позитивной оценкой» [Миронова: 152]. Сообщения же Достоевской можно было отнести к жанру коммерческой информации, «которая ограничивается уведомлением потребителя о наличии товара или услуги, но не мотивирует покупку» [Березовая: 312]. Ведущим типом речи в объявлениях издательницы была не аргументация, а описание[31]. В целом на фоне всего разнообразия газетно-рекламных приемов объявления Анны Григорьевны выглядели весьма сдержанно (*Илл. 4*).

Достоевская не сопровождала текст объявлений портретами автора, не давала каких-либо обещаний, не объявляла акций, распродаж или ликвидаций, не предупреждала о подделках и не прибегала к другим уловкам, типичным для коммерческой рекламы эпохи. В текстах ее объявлений всегда крупно выделялась фамилия Ф. М. Достоевского, чего, по мнению издательницы, было достаточно для привлечения внимания читателя: «Анна Григорьевна использовала имя своего мужа для успешного развития дела» [Заваркина, 2023а: 169] (см. также: [Андрианова, 2012: 7]).

Задействовать фамилию писателя в качестве узнаваемой торговой марки Достоевские начали в 1880 г., когда открыли «Книжную торговлю Ф. М. Достоевского для иногородних». Подобная практика закрепления имени за предприятием была распространенной в России в XIX в.: каждый владелец

---

[29] Распространенные рекламные приемы включали обрамление объявлений в рамки различной конфигурации, использование иллюстраций, необычного шрифта, обещаний выгоды, выдуманные отзывы и т. д. (см. об этом: [Березовая], [Игнатенко, 2014], [Куприянова], [Миронова] и др.).

[30] Достоевская А. Г. Записная тетрадь. 1904–1910 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.232. Л. 78.

[31] Подробнее о рекламных жанрах см.: [Миронова].

Вышли въ свѣтъ новымъ изданіемъ и поступили въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ СПБ. и Москвы.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Ѳ. М. Достоевскаго.

5-е изданіе. Одинъ томъ, 727 стр. Цѣна 3 руб. 50 коп.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

состоящее изъ четырнадцати томовъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: I томъ: Біографія Ѳ. М. Достоевскаго, составленная О. Ѳ. Миллеромъ и Н. Н. Страховымъ, письма Федора Михайловича къ разнымъ лицамъ, замѣтки изъ его «Записной книжки». Съ приложеніемъ портрета Ѳ. М. Достоевскаго. II. Повѣсти и разсказы. III. Повѣсти и разсказы. IV. «Записки изъ мертваго дома». V. Ром. «Униженные и оскорбленные». VI. Ром. «Преступленіе и наказаніе». VII. Ром. «Идіотъ». VIII. Ром. «Бѣсы». IX. Ром. «Подростокъ». X. «Дневникъ писателя», помѣщ. въ журн. «Гражданинъ» за 1873—74 г. XI. «Дневникъ писателя» за 1876 г. XII. «Дневникъ писателя» за 1877 г. XIII. Ром. «Братья Карамазовы». т. I. XIV. Ром. «Братья Карамазовы», т. II. Цѣна за всѣ четырнадцать томовъ двадцать пять рублей.

Въ настоящее время вышло въ свѣтъ три тома: II. Повѣсти и разсказы. VI. Ром. «Преступленіе и наказаніе» и VII. Ром. «Идіотъ». Все изданіе будетъ окончено въ теченіе полугода. Всѣ сочиненія будутъ продаваться и отдѣльно, но въ отдѣльной продажѣ цѣна ихъ будетъ нѣсколько выше, такъ что всѣ томы полнаго собранія сочиненій будутъ стоить около 35 р.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., по Лиговкѣ, на углу Гусева переулка, д. 8, кв. 19, и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій, д. 58; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Никольская, домъ Ремесленной управы.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ 10 р., 1 мая—5 руб., 1 августа—5 руб., 1 ноября 1882 г.—5 р. Разсрочка допускается лишь при подпискѣ у издательницы.

Гг. иногородные, высылающіе за все изданіе 25 руб., пользуются безплатною пересылкою. 41179 4-2

Илл. 4. Объявление о подписке на *ПСС* Ф. М. Достоевского и его продаже (1882)[32]

Fig. 4. Announcement regarding the subscription to and sale of the Complete Works of F. M. Dostoevsky (1882)

компании «стремился превратить собственное имя в конкурентоспособный бренд. Часто в название фирмы включалось полное имя, отчество и фамилия владельца или основателя» [Березовая: 271]. Так и в рекламных сообщениях вдовы писателя фамилия Достоевского выступала в качестве опознавательного знака. О трепетном отношении к имени мужа Анна Григорьевна писала в мемуарах, когда вспоминала его слова:

> «Он объяснил, что большая часть книг издается на наличные, но что если у автора имеется значительное литературное имя и книги его раскупаются, то каждая типография с охотою даст полугодовой кредит» [Достоевская: 300].

После смерти писателя издательнице предлагали продать Книжную торговлю Ф. М. Достоевского, но она не согласилась, объясняя это тем, что вести книжное дело, соединенное с именем супруга, могла лишь она сама, «так как сознавала себя ответственною за достоинство фирмы» и опасалась, чтобы «дорогое» для нее имя Федора Михайловича не подверглось бы «порицанию или глумлению, в случае неумелого или недобросовестного ведения дел этою фирмою» [Достоевская: 401].

Помимо имени писателя, которое выступало в качестве самостоятельного рекламного компонента, сами названия его произведений могли служить для привлечения читательского внимания: простое написание заголовка произведения в объявлении без дополнительных пояснений оказывалось достаточным для обеспечения интереса публики. Так было, например, с «Дневником Писателя», название которого говорило само за себя и не требовало

[32] Новое Время. 1882. № 2167. 11 (23) Марта.

дополнительных комментариев (более того, в некоторых объявлениях «Дневника» отсутствовала фамилия автора, что предполагало всеобщую известность издания) (*Илл. 5*).

Сегодня, 31-го января, согласно послѣдней волѣ покойнаго, вышелъ въ свѣтъ январьскій выпускъ изданія
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“.

Въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ Спб., Невскій, № 60
поступилъ въ продажу
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ”
ЯНВАРЬ 1881 г.
Цѣна въ отдѣльной продажѣ 30 к.

31-го сего января выйдетъ въ свѣтъ первый, январьскій выпускъ изданія Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“.

Илл. 5. Объявления о продаже «Дневника Писателя» Ф. М. Достоевского в разных выпусках «Нового Времени» за 1881 г.[33]

Fig. 5. Advertisements for the sale of F. M. Dostoevsky's "A Writer's Diary" in various issues of "Novoe Vremya" from 1881

В 1885 г. Д. В. Аверкиев[34], опираясь на успех журнала Достоевского, предпринял издание собственного «Дневника Писателя». Он не только заимствовал название, но и воспроизвел характерные черты рекламных объявлений Федора Михайловича: заголовок так же был напечатан крупным шрифтом, была сохранена минималистичная композиция и сдержанная подача материала. Визуально объявления выглядели почти идентично; различить их можно было лишь по фамилии автора, указанной в нижней части сообщения, — «Аверкиев» вместо привычного «Достоевский» (*Илл. 6*).

[33] Новое Время. 1881. № 1769. 30 Января (11 Февраля); № 1771. 1 (13) Февраля; № 1770. 31 Января (12 Февраля).

[34] Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836–1905) — драматург, прозаик, театральный критик, публицист. Познакомился с Ф. М. Достоевским в 1861 г., а в 1864 г. стал деятельным сотрудником журнала «Эпоха» (см. о сотрудничестве Ф. М. Достоевского и Д. В. Аверкиева: [Захаров]). После закрытия «Эпохи» Аверкиев несколько лет жил переводами, а также компилятивными работами по истории английской литературы (см.: [Журавлёва, Некрасов]). В 1885–1886 гг. Аверкиев предпринял выпуск журнала «Дневник Писателя», в котором являлся автором всех материалов. Критик подчеркивал, что идея его издания повторяет концепцию «Дневника» Достоевского (см. об этом: [Егоров], [Федорова]).

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ
ежемѣсячное изданіе
Д. В. АВЕРКІЕВА.
XI (ноябрьскій) выпускъ вышелъ и роздан. подписчикамъ.
О ПОДПИСКѢ НА 1886 Г.
Въ будущемъ 1886 г. «Дневникъ» будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ
въ настоящемъ 1885, то есть состоять исключительно изъ статей издателя и выходить
первое число каждаго мѣсяца, книжками не менѣе двухъ листовъ. Цѣна за годовое изда
съ пересылкой и доставкой
ТРИ Р. С.
Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга
Москвы. Иногородніе обращаются по адресу: Дмитрію Васильевичу Аверкіеву, С.-Петербургъ
Николаевская, 65 А.
Желающіе получить «Дневникъ» за 1885, обращаются къ издателю по вышеуказанному
адресу, съ приложеніемъ

Илл. 6. Объявление о продаже «Дневника Писателя» Д. В. Аверкиева (1885), оформленное по примеру «Дневника Писателя» Ф. М. Достоевского[35]

Fig. 6. Advertisement for the sale of D. V. Averkiev's "A Writer's Diary" (1885), designed after the model of F. M. Dostoevsky's "A Writer's Diary"

Объявления Анны Григорьевны выделялись скромностью не только на фоне ярких рекламных сообщений, предлагавших кофе, шоколад, чудодейственные лекарства или модные шляпы, но и среди аналогичной книжной продукции, которой было немало: информация «от типографий и издательств о вышедших из печати книгах» являлась главной рекламно-информационной рубрикой в периодической печати [Игнатенко, 2014: 6]. Издатели книг, несмотря на первоочередную ценность содержательной стороны своего товара, ввиду увеличивающейся конкуренции[36], стали уделять значительное внимание внешнему оформлению объявлений и старались привлечь аудиторию с помощью разнообразных графических и художественных приемов. По словам Березовой, «издатели, которые помещали рекламу, стремились использовать все возможности полиграфии» [Березовая: 383], поэтому в ход шли все способы визуального выделения текста.

Так, реклама Полного собрания сочинений А. Ф. Писемского впечатляла своими масштабами, так как занимала треть газетного листа. Буквы фамилии автора достигали 2,5 см в высоту, а само объявление сопровождалось иллюстрацией — изображением ряда книг из 12 томов. В тексте объявления сообщались достоинства сборника, например, говорилось о роскошном переплете «изъ краснаго англійскаго коленкора съ богатыми тисненіями» (*Илл. 7*).

Броскими были объявления еженедельного тонкого журнала «Нива» в 1894–1895 гг., когда в качестве бесплатного приложения к периодическому изданию подписчикам вручалось *ПСС* Достоевского издания А. Ф. Маркса[37]. Рядом с фамилией писателя также крупным шрифтом была сделана надпись

[35] Новое Время. 1885. № 3477. 1 (12) Ноября.

[36] О развитии книжной торговли и увеличении продукции на книжном рынке в России и в мире см., напр.: [Баренбаум], [Баренбаум, Давыдова], [Гринченко, 2003, 2016], [Куприянова], [Куфаев], [Поршнев], [Сущий] и др.

[37] См.: [Степченкова, 2024а].

Илл. 7. Реклама Полного собрания сочинений А. Ф. Писемского, выделявшаяся крупным шрифтом и иллюстрацией[38]

Fig. 7. An advertisement for the Complete Works of A. F. Pisemsky, distinguished by large type and an illustration

«безплатное приложеніе» и подчеркивалась фраза «за невѣроятно дешевую цѣну» (имелась в виду сама подписка). В объявлении обещалось, что при оплате подписки произойдет единовременная высылка всех 12 томов с первым же номером «Нивы», и предупреждалось: «Отдѣльно отъ журнала соч<иненія> Достоевскаго не продаются» (*Илл. 8*).

Другое объявление Маркса в газете «Новое Время» было также необычным: оно занимало половину газетного листа и в тексте 13 раз упоминалась фамилия Достоевского — что должно было усилить привлекательность предложения в глазах читателей (*Илл. 9*)[39].

Оригинально подошел Маркс к оформлению объявления в газете «Русский Инвалид»: фамилия Достоевского не только была напечатана огромным шрифтом и выделялась на фоне остального текста, но и располагалась вертикально — по краю страницы. Такой прием визуально не давал буквам слиться с множеством других объявлений и мгновенно привлекал внимание читателя (*Илл. 10*).

---

[38] Новое Время. 1895. № 7086. 19 Ноября (1 Декабря).

[39] О повторяемости ключевых слов в объявлении как средстве речевого воздействия на покупателя см.: [Миронова: 137].

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДОСТОЕВСКАГО

ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1895 Г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ

и каждый подписчикъ получаетъ безплатно выходящіе съ 1-го января нумера журнала со всѣми приложеніями и преміями.

Подписчики Нивы получатъ въ 1895 г.

52 №№ художественно-литературнаго журнала «Нива», въ увеличенномъ объемѣ.

12 КНИГЪ (вновь) съ 12 картинами, прил. въ 1894 г., составятъ полное собраніе соч. ДОСТОЕВСКАГО.

12 ВЫПУСКОВЪ Еженедѣльныхъ литературныхъ книгъ приложеній.

12 №№ семейныхъ приложеній: «Парижскія моды» (съ 300 модныхъ рисунковъ).

12 №№ рукодѣльныхъ и полезныхъ работъ и выкроекъ (около 600 рисунковъ и чертежей).

Портретъ Государя Императора,

исполн. въ академ. мастерской проф. И. Е. Рѣпина, подъ его личнымъ наблюденіемъ, послѣ 37 послѣдовательныхъ сеансовъ, размѣръ 14 верш. ширина х 18 верш. высота, жел.-бордо Россійской Имперіи, большая, подобная, по исполненію красоты, съ афишу, украшеній.

Карта

картина проф. П. П. СЕМИРАДСКАГО «Горгія», печат. тип. 16 красками.

картина академика П. И. ПРЖЕВИНСКАГО «Переселенцы», въ 16 краскахъ.

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1896 г., отпечатанный красками.

Подписная цѣна за годовое изданіе

„Нива" со всѣми приложеніями:

Въ Петербургѣ безъ доплаты 5 р., съ доплатой 6 р. 50 к. Съ доставкой въ Москвѣ, чрезъ Контору Печковской 6 р. Съ перес. по всей имперіи Россіи 7 р. За границу 10 р.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. НОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ НА 1895 Г.

Лица, по состоянію подписки «Нивы» на 1895 г., не получающія журнала, могутъ получить также отдѣльно полное собраніе соч. ДОСТОЕВСКАГО въ 12-ти книгахъ, приложенныхъ въ 1894 г., за исключеніемъ первыхъ двухъ книгъ (№№ 1 и 2), цѣна которыхъ 2 р. 50 к., какова сумма уплачивается при подпискѣ при подпискѣ, и всѣ 12 книгъ высылаются или высылаются при первомъ № «Нивы».

Отдѣльно отъ журнала соч. Достоевскаго не продаются.

Для Гг. подписчиковъ, желающихъ получить, кромѣ „Нивы" со всѣми приложеніями на 1895 годъ,—

ЕЩЕ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ

сочин. ДОСТОЕВСКАГО

въ 12-ти книгахъ, приложенныхъ въ 1894 г.

Подписная цѣна: въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 р., съ доставкою 5 р. Изъ конторы журнала «Нива» въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 22.

Допускается разсрочка платежа въ два и три срока. Стоимость 12-ти книгъ соч. Достоевскаго въ 1894 г. уплачивается сразу при подписке.

Съ требованіями обращаться въ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ журнала «Нива», С.-Петербургъ, Невскій пр., № 22.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ ПРИ ЖУРНАЛѢ НИВА

Илл. 8. Реклама *ПСС* Достоевского издания А. Ф. Маркса в газете «Новое Время» (1894)[40]

Fig. 8. Advertisement for the A. K. Marx edition of Dostoevsky's Complete Works in the "Novoe Vremya" newspaper (1894)

В иных рекламных сообщениях Маркс значительную часть текста посвящал выгодам, которые получал подписчик: к *ПСС* Достоевского прилагался целый ряд бонусов, и акцент делался не на литературной ценности произведений автора, а на преимуществах, открывавшихся перед читателем[41].

На фоне ярких и многообещающих реклам иных издателей объявления Анны Григорьевны отличались лаконичностью. Однако подобная умеренность вовсе не свидетельствовала о неумении привлечь внимание публики к сочинениям мужа. Вдова руководствовалась глубоким уважением к литературному наследию супруга, избегая приемов, свойственных массовой рекламе.

Единственный визуальный прием, к которому прибегала Анна Григорьевна, — это использование различного шрифта для расстановки необходимых акцентов в тексте объявления. В частности, после издания *ПСС* Марксом вдова писателя в последующих объявлениях стала выделять свою фамилию жирным шрифтом, подчеркивая тем самым, что права на издание вновь перешли к семье Достоевского и что за приобретением сборников следует обращаться непосредственно к ней — А. Г. Достоевской (*Илл. 11*).

[40] Новое Время. 1894. № 6766. 29 Декабря (10 Января 1895 г.).

[41] Русскій Инвалидъ. 1893. № 271. 9 (21) Декабря.

XXVI г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895-й ГОДЪ НА XXVI г.

Иллюстрированный журналъ—для семейнаго чтенія—литературы, политики и современной жизни

НИВА

Разсрочка подписной платы за „Ниву" 1895 г. допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

Для Гг. городскихъ подписчиковъ

Для Гг. иногородныхъ подписчиковъ

КЪ СВѢДѢНІЮ НОВЫХЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Полное собраніе сочин. Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ БЕСПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

КАРТА РОССІЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Полное собраніе сочин. Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

Полнаго собранія сочин. Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

Илл. 9. Объявление большого формата в газете «Новое Время» о бесплатном приложении *ПСС* Ф. М. Достоевского к журналу «Нива» (1894)[42]

Fig. 9. A large-format advertisement in the newspaper "Novoe Vremya" for the free supplement to the magazine "Niva"— the Complete Works of F. M. Dostoevsky (1894)

Русскій Инвалидъ

ВОЕННО-ОФИЦЕРСКОЕ ПЛАТЬЕ

Дмитріевича ФОНЪ ДЕРВИЗЪ,

„РАЗВѢДЧИКЪ".

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБІЕ

„НЕДѢЛЯ"

Подписка на 1894 г. открыта.

Вновь усовершенствованный прибор,

ЦѢННЫЕ ПРИЗОВЫЕ

ЧАСЫ ДЛЯ РАЗВѢДЧИКОВЪ И ОХОТНИКОВЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ ЭДУАРДА БУРХАРДА,

СОЧ. ДОСТОЕВСКАГО

Возвратное приложеніе на 1894 г. при журналѣ

„НИВА"

Илл. 10. Реклама в газете «Русский Инвалид» *ПСС* Ф. М. Достоевского, изданного А. Ф. Марксом (1893)[43]

Fig. 10. Advertisement for the Complete Works of F. M. Dostoevsky, published by A. F. Marx, in the newspaper "Russkiy Invalid" (1893)

[42] Новое Время. 1894. № 6705. 28 Октября (9 Ноября).

[43] Русскій Инвалидъ. 1893. № 271. 9 (21) Декабря.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ ВОСЕМЬ ТОМОВЪ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЯ
Ѳ. М. Достоевскаго,
состоящаго въ 14-ти томахъ. Изд. на веленев. бумагѣ. Цѣна 25 р., съ перес. 30 р. Подписывающіеся у издательницы (А. Г. Достоевской, Спб., Фурштатская, д. 11) пользуются разсрочкою платежа (перв. взносъ—пять руб., ежемѣсячно 1—1 по 2 р.) и безплатною пересылк. 9687

Илл. 11. Объявление вдовы писателя, в котором она за счет жирного шрифта делает акцент на том, что издания приобретаются у нее, А. Г. Достоевской (1905)[44]

Fig. 11. A notice from the writer's widow, in which she uses bold type to emphasize that the editions are to be purchased from her — A. G. Dostoevskaya (1905)

От письма к циркуляру: издательские приемы А. Г. Достоевской

О тонком понимании задач в деле распространения сочинений Достоевского свидетельствует ее письмо литературному агенту А. К. Шольцу. В нем Анна Григорьевна проявляет себя не только как опытный издатель, но и как умелый продавец — презентует свою литературную собственность, опираясь не на внешние способы привлечения внимания, а на учет общественных потребностей и долгосрочные перспективы. Она указывает, что при введении в России обязательного обучения сочинения супруга будут печататься большими тиражами:

> «*…въ случаѣ если въ Россіи установится "обязательное обученіе" сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго будутъ расходиться десятками тысячъ ежегодно, такъ какъ каждая школьная библіотека будетъ имѣть русских<ъ> классиковъ, и между ними сочиненія Достоевскаго*»[45].

[44] Русь. 1905. № 243. 11 (23) Октября.

[45] Достоевская А. Г. Записная тетрадь. 1904–1910 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.232. Л. 77, 78 об. Действительно, в печати появлялись разговоры о внесении произведений Достоевского в гимназическую программу (равно как Толстого и Тургенева). Но вопрос этот долгое время оставался полемическим, например, в газете «Сибирская жизнь» в 1901 г. обосновывали невключение данных авторов в школьный курс тем, что «эти писали не для подростковъ и въ гимназіи изучать ихъ преждевременно» (Сибирская Жизнь. 1901. № 20. 25 Января). Однако в 1907 г. уже в объявлении «Церковных Ведомостей» можно прочитать о поступлении в продажу книги И. Глебова «Учебный курсъ исторіи новѣйшей русск<ой> литературы (Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Некрасовъ, А. Толстой, Мацковъ, Л. Толстой, Достоевскій, Фетъ и Полонскій» (Прибавленія къ Церковнымъ Вѣдомостямъ, издаваемымъ при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ. 1907. № 22. 2 Іюня). В результате чего Анна Григорьевна была убеждена, что обязательное обучение произведениям Достоевского «*при новомъ режимѣ должно осуществиться въ скоромъ времени*» (Достоевская А. Г. Записная тетрадь. 1904–1910 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.232. Л. 77), к чему и апеллировала, перечисляя литературному агенту преимущества приобретения авторских прав.

Также Анна Григорьевна дает множество практических советов в деле издания книг, которые могли бы способствовать привлечению новых покупателей. Например, указывает на перспективность иллюстрированного издания:

> «*Могло-бы имѣть большой успѣхъ среди достаточной публики иллюстрированное изданіе П<олнаго> С<обранія> Соч<иненій> Ѳ. М. Достоевскаго, такъ какъ иллюстрированнаго изданія его произведеній еще не было, а требованія на нихъ существуютъ*»[46].

Далее отмечает коммерческий успех отдельных выпусков («*Хорошо идутъ отдѣльныя брошюры*»[47]) и раскрывает особенности спроса:

> «*Отлично идутъ романы Ѳ. М. Достоевскаго въ отдѣльной продажѣ, при чемъ цѣна ихъ вдвое больше чѣмъ при покупкѣ того же романа въ П<олномъ> С<обраніи> Сочиненій*»[48].

Вдова передает агенту в качестве подарка экземпляр библиографического каталога с внушительным списком литературы о Достоевском, показывающим его значимость как писателя, что могло служить косвенным подтверждением востребованности его сочинений. Анна Григорьевна обращает внимание потенциального покупателя на долгосрочные выгоды приобретения авторских прав и пишет:

> «*…лицо, купившее авторскія права и послѣ этого срока (т. е. 1932) будетъ имѣть преимущество предъ другими издателями, т. к. будетъ владѣть уже организованнымъ дѣломъ, располагать стереотипами, рисунками и пр.*»[49].

При этом издательница деликатно объясняет причины, почему уже сама не хочет заниматься выпуском *ПСС*: «*Къ моему горю, я вижу, что здоровье мое за послѣднее время пришло въ упадокъ, силы ослабли*»[50]. Добавляет, что очень жалеет, что «*приходится передавать такое выгодное дѣло въ другія руки*»[51]. Но следом дает понять, что в случае отсутствия сделки сама приступит к новому изданию, так как «*имѣются большія требованія на дешевое изданіе*»[52].

Таким образом, содержание письма свидетельствовало о глубоком понимании издательницей особенностей книжного рынка, читательских запросов, механизма и психологии распространения литературных произведений. При этом в собственных газетных объявлениях она сознательно

---

[46] Достоевская А. Г. Записная тетрадь. 1904–1910 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.232. Л. 77.

[47] Там же.

[48] Там же. Л. 77 об.

[49] Там же. Л. 78 об.

[50] Там же. Л. 80.

[51] Там же. Л. 77 об.

[52] Там же. Л. 78 об.

избегала подобных приемов, предпочитая сдержанность и полагаясь на непреходящую ценность творчества супруга как главного аргумента в пользу распространения его сочинений.

Достоевская тщательно продумывала содержание и форму объявлений и ответственно подходила к срокам их публикации. Так, в письме племяннику от 11 марта 1904 г. она сообщает о подготовке к изданию юбилейного *ПСС* Достоевского и перечисляет первостепенные задачи, связанные с выпуском книг. Среди них Анна Григорьевна отмечает занятость составлением объявлений о выходе сборника:

> «*…была завалена работой: по четыре листа въ день читала корректуръ, составляла объявленія, списывалась съ Мережковскимъ и пр. и пр.*»[53].

Примечательно, что *ПСС* планировалось к юбилейному 1906 г., но Анна Григорьевна осознавала важность объявлений в деле издания и заблаговременно (в 1904 г.) занималась составлением информационных текстов. Она понимала, что наиболее интенсивная рекламная кампания должна проводиться в преддверии выхода товара на рынок, либо в первый месяц его реализации (см. об этом: [Игнатенко, 2013: 11]).

Объявления Анны Григорьевны можно разделить на несколько видов. Первый — это объявления о сочинениях Достоевского общего характера: читателям предлагалось подписаться на издаваемое *ПСС* и сообщались точные сведения о составе сборника, количестве страниц, стоимости издания, условиях пересылки, сроках выхода оставшихся томов, а также указывался адрес, по которому можно было приобрести книги (*Илл. 12*).

Вышли въ свѣтъ девятый, десятый и одиннадцатый томы полнаго Собранія Сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

(дешевое изданіе).

Оно состоитъ изъ двѣнадцати томовъ; содержаніе ихъ слѣдующее: I. Краткая біографія Ѳ. М. Достоевскаго. Съ приложеніемъ портрета и факсимиле. Повѣсти и разсказы. II. Повѣсти и разсказы. III. «Записки изъ Мертваго Дома». Повѣсти и разсказы. IV. Ром. Униженные и оскорбленные». Разсказъ «Вѣчный мужъ». V. Ром. «Преступленіе и наказаніе». VI. Ром. «Идіотъ». VII. Ром. «Бѣсы». VIII. Ром. «Подростокъ». IX. «Дневникъ писателя» за 1873 годъ. X. «Дневникъ писателя» за 1876 г. XI. «Дневникъ писателя» за 1877, 80 и 81 гг. XII. Ром. «Братья Карамазовы». Цѣна за двѣнадцать томовъ десять рублей, съ пересылкой двѣнадцать рублей.

По выходѣ въ свѣтъ всѣхъ томовъ цѣна на изданіе будетъ повышена.

[53] Достоевская А. Г. Письмо к А. А. Достоевскому. От 11.03.1904 // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.49. Л. 9 об.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы и у издательницы, **А. Гр. Достоевской (Спб., Николаевская, уголъ Свѣчнаго пер., д. 47, кв. 4)**, продается

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

четвертое, дешевое изданіе,

состоящее изъ двѣнадцати томовъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: I т. Повѣсти и разсказы. Краткая біографія Ѳ. М. Достоевскаго, съ приложеніемъ портрета.—II. Повѣсти и разсказы.—III. «Записки изъ мертваго дома». Повѣсти и разсказы.—IV. «Униженные и оскорбленные». Разсказъ «Вѣчный мужъ».—V. Романъ «Преступленіе и наказаніе».—VI. Романъ «Идіотъ».—VII. Романъ «Бѣсы».—VIII. Романъ «Подростокъ».—IX. «Дневникъ писателя» за 1873 г.—X. «Дневникъ писателя» за 1876 г.—XI. «Дневникъ писателя» за 1877 г.—XII. Романъ «Братья Карамазовы».

Цѣна за всѣ **двѣнадцать** томовъ **десять** руб., съ пересылкой **двѣнадцать** руб. Съ 1-го апрѣля 1883 года цѣна будетъ возвышена и «Полное собраніе сочиненій» будетъ стоить **12** руб., съ пересылкою **13** руб.

Лица, желающія пріобрѣсти «Полн. собр. соч. Ѳ. М. Достоевскаго» **съ разсрочкою платежа**, платятъ первый взносъ **два** рубля, затѣмъ ежемѣсячно **по рублю**, при чемъ за каждый рубль получаютъ одинъ томъ.

Гг. служащіе могутъ подписываться съ разсрочкою по 1 руб. въ мѣсяцъ, при ручательствѣ гг. казначеевъ, при чемъ получатъ при подпискѣ восемь томовъ, остальные же по мѣрѣ полученія взносовъ.

Пріобрѣтать съ разсрочкою платежа можно лишь у издательницы, А. Гр. Достоевской. 72 8000

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

закончено нынѣ вышедшимъ изъ свѣта первымъ томомъ, заключающимъ въ себѣ біографію Ѳ. М. Достоевскаго, составленную О. Ѳ. Миллеромъ и Н. Н. Страховымъ, письма Ѳедора Михайловича (164 письма) и замѣтки изъ записной книжки. Съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго и приложеніями. Цѣна за всѣ 14 томовъ—двадцать пять руб. Подписка продолжается до перваго марта 1884 г. Затѣмъ цѣна будетъ возвышена до тридцати рублей.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., по Литовской, на углу Гусева пер., д. 8. (первый подъѣздъ отъ Гусева пер.), и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени", Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Разсрочка по 2 руб. въ мѣсяцъ допускается: для лицъ служащихъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ издательницей.

Первый томъ продается и отдѣльно во всѣхъ книжныхъ каталогахъ, подъ названіемъ:

Біографія Ѳ. М. Достоевскаго,

43 Одинъ томъ 52½ листа (834 стр.). Цѣна пять руб. Выписывающіе отъ издательницы, А. Г. Достоевской (Спб., Гусевъ пер., д. 8, кв. 10), пользуются безплатною пересылкою. 10521 2—2

Илл. 12. Объявления разных лет о подписке и продаже *ПСС* Ф. М. Достоевского с описанием состава сборника, стоимости, условий пересылки

Fig. 12. Announcements from various years regarding the subscription to and sale of F. M. Dostoevsky's Complete Works, including descriptions of the collection's contents, pricing, and shipping terms

Некоторые объявления содержали информацию об отдельно напечатанных томах. Например, публиковались объявления о выходе романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Униженные и Оскорбленные», а также «Дневника Писателя» и др. В таких видах объявлений делался акцент на отдельных произведениях в составе *ПСС* (*Илл. 13*).

Сегодня, 8-го апрѣля, вышло въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ сочин. Ѳ. М. Достоевскаго
„ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА“.
Новое, пятое изданіе. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 30 к. Складъ изданія: СПБ. Кузнечный переул., № 5, въ книжной торговлѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Тамъ же продается январьскій выпускъ „Дневника Писателя“ 1881 г. Ц. 30 к., съ перес. 35 к. А. 32011 2—1

Вышли въ свѣтъ новыми изданіемъ и поступили въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ СПБ. и Москвы.
РОМАНЪ „УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ“ И РАЗСКАЗЪ „ВѢЧНЫЙ МУЖЪ“.
Ѳ. М. Достоевскаго.
6-е изданіе. Цѣна 3 руб.
Вышелъ и раздается подписчикамъ V-й томъ полнаго собранія сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго.
ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,
состоящее изъ четырнадцати томовъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: I. томъ: Біографія Ѳ. М. Достоевскаго, составленная О. Ѳ. Миллеромъ и Н. Н. Страховымъ, письма Федора Михайловича къ разнымъ лицамъ, замѣтки изъ его «Записной книжки». Съ приложеніемъ портрета Ѳ. М. Достоевскаго. II. Повѣсти и разсказы. III. Повѣсти и разсказы. IV. «Записки изъ мертваго дома». V. Ром. «Униженные и оскорбленные». VI. Ром. «Преступленіе и наказаніе». VII. Ром. «Идіотъ». VIII. Ром. «Бѣсы». IX. Ром. «Подростокъ». X. «Дневникъ писателя», помѣщ. въ журн. «Гражданинѣ» за 1873—74 г. XI. «Дневникъ писателя» за 1876 г. XII. «Дневникъ писателя» за 1877 г. XIII. Ром. «Братья Карамазовы». т. I. XIV. Ром. «Братья Карамазовы», т. II. Цѣна за всѣ четырнадцать томовъ двадцать пять рублей.
Въ настоящее время вышло въ свѣтъ пять томовъ: II. «Повѣсти и разсказы. III. Повѣсти и разсказы. V. Романъ «Униженные и оскорбленные». VI. Ром. «Преступленіе и наказаніе» и VII. Ром. «Идіотъ». Все изданіе будетъ окончено въ теченіе года. Всѣ сочиненія будутъ продаваться и отдѣльно, но въ отдѣльной продажѣ цѣна ихъ будетъ нѣсколько выше, такъ что всѣ томы полнаго собранія сочиненій будутъ стоить около 35 р.
Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, СПб., по Литейной, на углу Гусева переулка, д. 8, кв. 19, и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій, д. 58; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.
Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ 15 р., 1 августа—6 руб., 1 ноября 1882 г.—5 р. Разсрочка допускается лишь при подпискѣ у издательницы. Гг. служащіе могутъ подписываться съ разсрочкою по 2 руб. въ мѣсяцъ, при ручательствѣ гг. книгонош.
Гг. иногородные, высылающіе за все изданіе 95 руб. пользуются бесплатною пересылкою.
44603 3—1

Вышли въ свѣтъ новымъ изданіемъ и поступили въ продажу во всѣхъ магазинахъ СПБ. и Москвы
слѣдующіе романы Ѳ. М. Достоевскаго:
ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ
5-е изданіе. Одинъ томъ, 514 страницъ. Цѣна 3 р. 50 к.
„ИДІОТЪ“.
3-е изданіе. Одинъ томъ. 607 стран. Цѣна 3 р. 50 к.
Складъ у издательницы, А. Г. Достоевской: СПБ., по Литейной на углу Гусева переулка, д. 8, кв. 19. Гг. иногородные, выписывающіе отъ издательницы, пользуются бесплатною пересылкою
ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,
состоящее изъ четырнадцати томовъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: I томъ: Біографія Ѳ. М. Достоевскаго, составленная О. Ѳ. Миллеромъ и Н. Н. Страховымъ, письма Федора Михайловича къ разнымъ лицамъ, замѣтки изъ его «Записной книжки». Съ приложеніемъ портрета Ѳ. М. Достоевскаго. II. Повѣсти и разсказы. III. Повѣсти и разсказы. IV. «Записки изъ мертваго дома». V. Ром. «Униженные и оскорбленные». VI. Ром. «Преступленіе и наказаніе». VII. Ром. «Идіотъ». VIII. Ром. «Бѣсы». IX. Ром. «Подростокъ». X. «Дневникъ писателя», помѣщ. въ журн. «Гражданинѣ» за 1873—74 г. XI. «Дневникъ писателя» за 1876 г. XII. «Дневникъ писателя» за 1877 г. XIII. Ром. «Братья Карамазовы». т. I. XIV. Ром. «Братья Карамазовы», т. II. Цѣна за всѣ четырнадцать томовъ двадцать пять рублей.
Въ настоящее время вышло въ свѣтъ два тома: VI. Ром. «Преступленіе и наказаніе» и VII. Ром. «Идіотъ». Все изданіе будетъ окончено въ теченіе полутора года. Всѣ сочиненія, будутъ продаваться и отдѣльно, но въ отдѣльной продажѣ цѣна ихъ будетъ нѣсколько выше, такъ что всѣ томы полнаго собранія сочиненій будутъ стоить около 35 р.
Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, СПб., по Литейной, на углу Гусева переулка, д. 8, кв. 19, и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій, д. 58; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Кузнецкій мостъ, домъ Ренсенской управы.
Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ 5 р., 1 февраля 1882 г.—5 руб., 1 мая—5 руб., 1 августа—5 руб., 1 ноября 1882 г.—5 руб. Разсрочка допускается лишь при подпискѣ у издательницы. Гг. иногородные, высылающіе за все изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ 5 р., 1 февраля 1882 г.—5 руб., 1 мая—5 руб., 1 августа—5 руб., 1 ноября 1882 г.—5 руб. Разсрочка допускается лишь при подпискѣ у издательницы. Гг. иногородные, высылающіе за все изданіе 95 руб., пользуются бесплатною пересылкою.
44603 3—1

Вышелъ въ свѣтъ новымъ изданіемъ и поступилъ въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ СПБ. и Москвы—ром. Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО:
„БѢСЫ“.
8-е изданіе. Одинъ томъ. 603 стр. Цѣна 3 руб. 50 к.
Вышелъ и раздается подписчикамъ 8-й томъ полнаго собранія сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго.
ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,
состоящее изъ четырнадцати томовъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: I. томъ: Біографія Ѳ. М. Достоевскаго, составленная О. Ѳ. Миллеромъ и Н. Н. Страховымъ, письма Федора Михайловича къ разнымъ лицамъ, замѣтки изъ его «Записной книжки». Съ приложеніемъ портрета Ѳ. М. Достоевскаго. II. Повѣсти и разсказы. III. Повѣсти и разсказы. IV. «Записки изъ мертваго дома». V. Ром. «Униженные и оскорбленные». VI. Ром. «Преступленіе и наказаніе». VII. Ром. «Идіотъ». VIII. Ром. «Бѣсы». IX. Ром. «Подростокъ». X. «Дневникъ писателя», помѣщ. въ журн. «Гражданинѣ» за 1873—74 г. XI. «Дневникъ писателя» за 1876 г. XII. «Дневникъ писателя» за 1877 г. XIII. Ром. «Братья Карамазовы». т. I. XIV. Ром. «Братья Карамазовы», т. II. Цѣна за всѣ четырнадцать томовъ двадцать пять рублей.
Въ настоящее время вышло въ свѣтъ пять томовъ: II. «Повѣсти и разсказы. III. Повѣсти и разсказы. V. Ром. «Униженные». VIII. Ром. «Бѣсы» VI. Ром. «Преступленіе и наказаніе» и VII. Ром. «Идіотъ». Все изданіе будетъ окончено въ теченіе года. Всѣ сочиненія будутъ продаваться и отдѣльно, но въ отдѣльной продажѣ цѣна ихъ будетъ нѣсколько выше, такъ что всѣ томы полнаго собранія сочиненій будутъ стоить около 35 р.
Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, СПб., по Литейной, на углу Гусева переулка, д. 8, кв. 19, и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій, д. 58; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.
Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ 20 р., 1 декабря 1882 г.—5 р. Разсрочка допускается лишь при подпискѣ у издательницы. Гг. служащіе могутъ подписываться съ разсрочкою по 2 руб. въ мѣсяцъ, при ручательствѣ гг. книгонош.
Гг. иногородные, высылающіе за все изданіе 95 руб., пользуются бесплатною пересылкою.

Вышелъ въ свѣтъ новымъ изданіемъ и поступилъ въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ СПБ. и Москвы Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО:
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“
за 1876 г.
3-е изданіе. Отр. 404. Ц. 2 руб. 50 коп.
Вышелъ и раздается подписчикамъ 11-ый томъ полнаго собранія сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго.
ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,
состоящее изъ четырнадцати томовъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: I. томъ: Біографія Ѳ. М. Достоевскаго, составленная О. Ѳ. Миллеромъ и Н. Н. Страховымъ, письма Федора Михайловича къ разнымъ лицамъ, замѣтки изъ его «Записной книжки». Съ приложеніемъ портрета Ѳ. М. Достоевскаго. II. Повѣсти и разсказы. III. Повѣсти и разсказы. IV. «Записки изъ мертваго дома». V. Ром. «Униженные и оскорбленные». VI. Ром. «Преступленіе и наказаніе». VII. Ром. «Идіотъ». VIII. Ром. «Бѣсы». IX. Ром. «Подростокъ». X. «Дневникъ писателя», помѣщ. въ журн. «Гражданинѣ» за 1873—74 г. XI. «Дневникъ писателя» за 1876 г. XII. «Дневникъ писателя» за 1877 г. XIII. Ром. «Братья Карамазовы». т. I. XIV. Ром. «Братья Карамазовы», т. II. Цѣна за всѣ четырнадцать томовъ двадцать пять рублей.
Въ настоящее время вышло въ свѣтъ десять томовъ: II. «Повѣсти и разсказы. III. Повѣсти и разсказы. V. Ром. «Униженные». VIII. Ром. «Бѣсы» VI. Ром. «Преступленіе и наказаніе». VII. Ром. «Идіотъ» и IX. Ром. «Подростокъ». XI. «Дневникъ Писателя за 1876 г.», XII и XIV. Ром. «Братья Карамазовы». Все изданіе будетъ окончено въ теченіе года. Всѣ сочиненія будутъ продаваться и отдѣльно, но въ отдѣльной продажѣ цѣна ихъ будетъ нѣсколько выше, такъ что всѣ томы полнаго собранія сочиненій будутъ стоить около 35 р.
Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, СПб., по Литейной, на углу Гусева переулка, д. 8, кв. 19, и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій, д. 58; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.
Гг. иногородные подписчики сими извѣщаются, что томъ 11-й будетъ высланъ имъ вмѣстѣ съ имѣющимъ выйти 10-мъ томомъ. Гг. служащіе могутъ подписываться съ разсрочкою по 2 руб. въ мѣсяцъ, при ручательствѣ гг. книгонош.
45576 3—1

Илл. 13. Объявления о выходе отдельных произведений Достоевского в составе *ПСС*[54]

Fig. 13. Announcements regarding the release of individual works by Dostoevsky as part of the Complete Works

Другой тип объявлений представлял собой краткую заметку с последними новостями о *ПСС*, чаще всего она касалась сроков выхода томов (*Илл. 14*). Обозначение временных координат обеспечивало дополнительную эффективность продвигаемого товара[55].

[54] Новое Время. 1881. № 1836. 8 (20) Апрѣля; 1882. № 2219. 4 (16) Мая; 1882. № 2105. 7 (19) Января; 1882. № 2703. 7 (19) Сентября; 1883. № 2507. 19 Февраля (3 Марта).

[55] См. об этом: [Миронова: 119].

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Изданіе полнаго собранія сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго въ шести томахъ окончено печатаніемъ. Надняхъ изданъ первый томъ. При этомъ томѣ помѣщенъ краткій очеркъ жизни и писательства Ѳ. М. Достоевскаго, составленный Д. В. Аверкіевымъ и портретъ покойнаго писателя съ его факсимиле, исполненный фото-гіалотипнымъ способомъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Илл. 14. Краткая заметка в газете «Новое Время» 1886 г. с сообщением о сроках печати тома с биографией писателя[56]

Fig. 14. A brief notice in the newspaper "Novoe Vremya" (1886) announcing the scheduled publication date of the volume containing the writer's biography

Еще один вид объявлений — это развернутая заметка библиографического характера. Она начиналась с характеристики творчества Достоевского, где подчеркивались отличительные черты его писательского таланта: психологическая глубина произведений, их социальное значение, верное отражение действительности и т. п. (*Илл. 15*)[57]. После вступительной части следовало описание нового издания *ПСС*, в котором сообщались сведения о сборнике: состав издания, объем, особенности подготовки текстов. Таким образом, подобный развернутый комментарий выполнял двойную функцию: с одной стороны, формировал у читателя общее представление о творчестве Достоевского, с другой — информировал о практических аспектах приобретения издания. Как отмечает книговед А. П. Шпак, во второй половине XIX в. читателя стал интересовать не книжный ассортимент магазина или книгопродавца, «а возможность получения квалифицированной справки о том или ином издании» [Шпак: 82][58]. Достоевская благодаря развернутым газетным заметкам могла отвечать на обозначенные запросы потенциального покупателя, предоставляя компетентные сведения о своем издании.

[56] Новое Время. 1886. № 3605. 13 (25) Марта.

[57] О развернутых рекламных сообщениях см.: [Миронова: 106].

[58] Эффективность подобного рода рекламы отмечал успешный издатель и современник Достоевской П. П. Шибанов. После публикации небольшой заметки о своем новом каталоге в журнале «Библиография» он вспоминал: «Это сильно подвинуло вперед нашу Торговлю» (цит. по: [Ларионова: 124]).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. *Четырнадцатый томъ. С.-Петербургъ, 1883.*

Своеобразный талантъ покойнаго Ѳ. М. Достоевскаго уже давно извѣстенъ всѣмъ образованнымъ людямъ въ Россіи. Если онъ еще недостаточно выясненъ и обрѣтенъ нашею критикою, то во всякомъ случаѣ уже вполнѣ сознается за тѣмъ высокимъ положеніе, какое этотъ писатель долженъ занять въ нашей литературѣ 2-го періода, послѣдовавшаго за кончиною Гоголя. Не говоря о художественномъ достоинствѣ многихъ изъ его произведеній, въ особенности со стороны психологической, самое общественное ихъ значеніе, по отношенію къ важнымъ вопросамъ современной жизни, ставитъ Достоевскаго въ ряду наиболѣе крупныхъ писателей нашей эпохи. Въ настоящемъ изданіи собраны всѣ его сочиненія, и, перечитывая ихъ теперь въ хронологическомъ порядкѣ, легко видишь весь объемъ его творчества и всѣ фазисы, по которымъ оно видоизмѣнялось. Извѣстно, что многія сцены изъ его романовъ кажутся, особенно при первомъ чтеніи, нѣсколько странными или даже—бы неестественными, но это происходитъ только отъ ихъ оригинальной постановки. Если созданные Достоевскимъ образы и положенія представляются намъ не въ чисто объективномъ, можно сказать «бѣломъ свѣтѣ», какъ лица Гончарова или Тургенева, а въ какомъ-то особомъ освѣщеніи, точно сквозь цвѣтное стекло, тѣмъ не менѣе они запечатлѣваютъ естественны. Привыкая къ его колориту, находишь подъ нимъ живую дѣйствительность. Та же самая особенность заключается и въ міровоззрѣніи автора, и въ его идеалахъ.

Но, обращаясь къ настоящему изданію, должно замѣтить, что въ немъ, кромѣ уже извѣстныхъ публикѣ сочиненій Достоевскаго, весь первый и самый большой по объему томъ представляетъ новость. Въ немъ помѣщены біографія, письма и извлеченія изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго.

Біографія, или точнѣе матеріалы для жизнеописанія автора «Бѣдныхъ людей» собраны и изложены въ двухъ отдѣлахъ. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ О. Ѳ. Миллеръ передаетъ свѣдѣнія о жизни Достоевскаго, начиная съ дѣтства до возвращенія изъ Сибири; во второмъ отдѣлѣ Н. Н. Страховъ представляетъ исторію полосы его жизни и литературной дѣятельности до самой кончины. Оба біографа отнеслись къ дѣлу со вниманіемъ и любовью, и если изъ ихъ труда не вышло полной біографіи Достоевскаго, на что они и сами не претендовали, то въ ихъ статьяхъ собрана масса матеріаловъ не только для уясненія жизни и характера извѣстнаго имъ лица, но и цѣлаго періода нашей литературы. Что касается писемъ самого Достоевскаго, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, то они—то именно и составляютъ главный источникъ для точнаго опредѣленія его жизни и личнаго характера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особенностей его таланта. Въ нихъ читатель найдетъ ключъ къ объясненію многаго, что кажется немотивированнымъ въ сочиненіяхъ этого оригинальнаго писателя. Здѣсь разгадка странности однихъ его лицъ и болѣзненности другихъ, здѣсь открывается и источникъ его своеобразнаго міросозерцанія и отношенія къ обществу. Большая часть писемъ Ѳ. М. Достоевскаго адресована его старшему брату, бывшему редактору журнала «Время». Несмотря на нѣкоторое однообразіе этихъ писемъ, посвященныхъ преимущественно семейнымъ или матеріальнымъ интересамъ, въ нихъ немало подробностей, которыя имѣютъ литературное и общественное значеніе; въ особенности они проливаютъ свѣтъ на условія, при какихъ были написаны тѣ или другія сочиненія. Изъ нѣкоторыхъ писемъ, представляющихъ обстоятельства изъ жизни самого романиста, выносится такое же впечатлѣніе, какъ и отъ чтенія мрачныхъ страницъ лучшихъ его романовъ.

Въ приложеніяхъ къ первому тому помѣщены разсказъ «Полузлюковъ», стихотвореніе Ѳ. М. Достоевскаго, стихотвореніе З. Ѳ. Дурова, а также нѣсколько дополнительныхъ матеріаловъ для біографіи. Кромѣ того, при этомъ томѣ находится очень схожій портретъ Достоевскаго и его факсимиле.

Въ субботу, 14-го января, въ залѣ дворянскаго собранія имѣетъ быть **седьмое симфоническое собраніе**, при участіи: г. П. А. Лодія, соединенныхъ хоровъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и консерваторіи и оркестра подъ управленіемъ Л. С. Аузера. Программа: 1) первая симфонія Es dur—Бородина, 2) увертюра «Фингалова пещера» (Hebriden)—Мендельсона, 3) арія изъ 2-го акта оперы «Донъ Жуанъ» — Моцарта, исполнитъ г. Лодій. 4) менуэтъ и фуга для струнныхъ инструментовъ изъ квартета C-dur, соч. 59—Бетховена, 5) увертюра къ драмѣ Шекспира «Юлій Цезарь» —Шумана, 6) хоръ «Аллилуія» изъ оратоpія «Мессія»—Генделя, хоры и оркестръ подъ управленіемъ К. К. Экке. Начало въ 8 часовъ вечера. Гг. почетные и дѣйствительные члены, равно члены посѣтители и постоянные гости благоволятъ пріѣзжать съ ихъ сезонными билетами. Билеты для входа на каждое собраніе, для гостей, можно получать наканунѣ и въ день собранія, съ платою за мѣста нумерованныя въ залѣ по 5 и по 3 руб., ненумерованныя на галлереѣ по 2 руб. и на хорахъ по 1 руб., въ музыкальномъ магазинѣ В. Бессель, комиссіонера, с.-петербургскаго отдѣленія, на Невскомъ просп., противъ Аничкова дворца, № 58 и вечеромъ при входѣ въ залу.

Въ субботу 14-го, сего января, въ 7½ часовъ вечера, въ Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ, въ общемъ собраніи отдѣленія Санктпетербургскаго механическаго общества, состоится техническая бесѣда по сообщенію Н. М. Алексѣева: «Электрическій свѣтъ на войнѣ» (продолженіе), по слѣдующей программѣ: 1) Опыты, произведенные надъ электрическими свѣтомъ военныхъ сигналовъ. 2) Примѣненіе электрическаго свѣта при атакѣ и обороѣ крѣпостей. Общее заключеніе.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

Электрическое освѣщеніе. Зданіе ланкомъ о накаливаніемъ все болѣе и болѣе мѣстъ. Онъ совершенно замѣнилъ его въ знаменитомъ театрѣ «de la Scala», гдѣ итальянское общество газовыхъ установило, подъ руководствомъ профессора Джузеппе Коломбо, 2.000 однимъ ламп. Это самое обширное примѣненіе освѣщенія на всемъ земномъ шарѣ. Лампы разложены на сценѣ, въ залѣ, во всѣхъ ложахъ, фойе и другихъ помѣщеніяхъ, выходящихъ на эту. Всѣмъ освѣщеніе отведено съ 26-го декабря. Новое же освѣщеніе установлено тѣмъ по общимъ въ театрѣ Малиньи и обѣщаетъ тоже, бесѣдахъ, съ 22-го сентября. Милянъ, въ нарѣ- етно, самый промышленный городъ въ Ит. Въ немъ находятся центральныя электрическія станціи. Онѣ заключаютъ въ себѣ шесть большихъ электрическихъ машинъ, питающихъ 7.000 ламп., въ 16 сѣверныхъ кварт., и освѣщаютъ магазины, гостиницы, рестораны, клубы и т. д. (Без электрическаго освѣщенія для абонент) никогда не случается отъ здѣсь, одновременно свѣт порт на тамъ (»Temps«).

Культура льна въ Европѣ. Занятое собою пространство въ 1.918.000 десят. (1 гектаръ—2,197 кв. саж.) и доставляетъ 780.000

Илл. 15. Библиографическая заметка А. Г. Достоевской в газете «Правительственный Вестник» (1884)[59]

Fig. 15. Bibliographical note by A. G. Dostoevskaya in the newspaper “Pravitel’stvennyy Vestnik” (1884)

[59] Правительственный Вѣстникъ. 1884. № 10. 12 (24) Января.

Причем подобные сообщения были полезны не только для читателей, желающих ознакомиться с творчеством Достоевского, но и для книгопродавцев, которые через такие публикации получали «рычаги продажи» — «аргументы в пользу книги, которые могут быть использованы торговыми представителями фирмы для убеждения клиентов в необходимости заказа книги» [Соскин: 130].

Существовали объявления в форме развернутой статьи, включавшей более подробное библиографическое описание издания, сведения из биографии писателя и элементы литературоведческого анализа отдельных произведений[60]. Подобный формат выполнял не только рекламную, но и просветительскую функцию[61], позволяя читателю получить представление о литературном наследии автора[62].

В XIX в. широкое распространение получили рекламные вставки внутри книг, которые, как правило, размещали на первых или последних страницах издания. Анна Григорьевна также использовала этот канал коммуникации для информирования читающей публики о выходе книг *ПСС*. Например, реклама уже изданных сочинений была размещена на последних страницах издания типографии А. С. Суворина 1883 г. «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского»[63]. Подобный способ продвижения книг позволял обратиться непосредственно к целевой аудитории — читателям, уже проявлявшим интерес к личности и творчеству писателя. К концу XIX столетия «подобная самореклама применялась почти во всех крупных издательствах» [Морева: 128] (*Илл. 16*).

Впоследствии другая известная издательница и жена русского писателя, Софья Андреевна Толстая, просила Анну Григорьевну поделиться издательским опытом, и первое, с чего начала Достоевская, — это объявления; она писала Толстой 1 октября 1885 г.:

> «Николай Николаевич (Страхов. — *В. С.*) сообщил мне, что Вы, дорогая и многоуважаемая Графиня, желали бы знать подробности по поводу издания книг. <…> Итак, начну об объявлениях» (цит. по: [Никифорова: 293])[64].

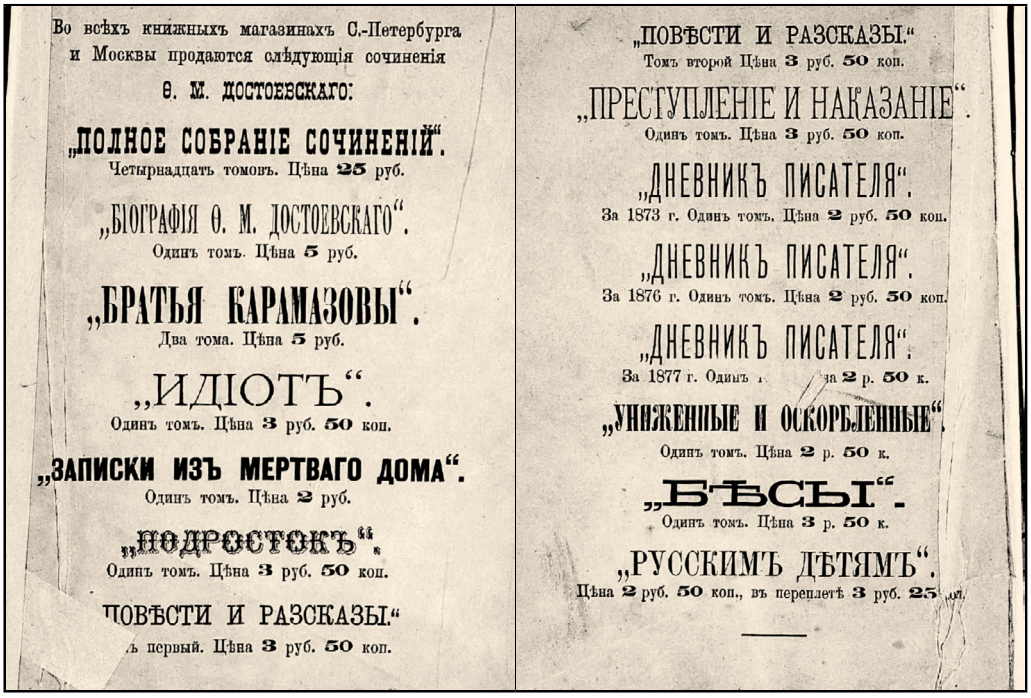
[60] О жанре аналитической рекламной статьи см.: [Миронова: 109–111].

[61] Как отмечал исследователь А. П. Шпак, в книжной торговле во второй половине XIX в. наметились две четкие тенденции: первая — «отношение к книготорговле как к наживному, купеческому занятию; вторая — обращение к ней как к роду идейно-просветительской деятельности» [Шпак: 76]. Достоевская в своем издательском деле последовательно придерживалась просветительского подхода, о чем также свидетельствовал характер публикуемых ею объявлений.

[62] Например, в 1884 г. вышла подобная статья под названием «Библиографія. Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Томъ первый. Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки, съ портретомъ и приложеніями» в газете «Варшавский Дневник» (Варшавскій Дневникъ. 1884. № 19. 25 января).

[63] Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. Съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго и приложеніями. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. 839 с.

[64] Об общении А. Г. Достоевской и С. А. Толстой по издательским вопросам см.: [Михновец М. В., Михновец Н. Г.], [Никитина Т. В.], [Никитина Н. А.], [Никифорова].

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга
и Москвы продаются слѣдующія сочиненія
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО:
„ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ".
Четырнадцать томовъ. Цѣна 25 руб.
„БІОГРАФІЯ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО".
Одинъ томъ. Цѣна 5 руб.
„БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ".
Два тома. Цѣна 5 руб.
„ИДІОТЪ".
Одинъ томъ. Цѣна 3 руб. 50 коп.
„ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА".
Одинъ томъ. Цѣна 2 руб.
„ПОДРОСТОКЪ".
Одинъ томъ. Цѣна 3 руб. 50 коп.
„ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ."
ъ первый. Цѣна 3 руб. 50 коп.
„ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ."
Томъ второй Цѣна 3 руб. 50 коп.
„ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ".
Одинъ томъ. Цѣна 3 руб. 50 коп.
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ".
За 1873 г. Одинъ томъ. Цѣна 2 руб. 50 коп.
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ".
За 1876 г. Одинъ томъ. Цѣна 2 руб. 50 коп.
„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ".
За 1877 г. Одинъ [illegible] 2 р. 50 к.
„УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ".
Одинъ томъ. Цѣна 2 р. 50 к.
„БѢСЫ".
Одинъ томъ. Цѣна 3 р. 50 к.
„РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ".
Цѣна 2 руб. 50 коп., въ переплетѣ 3 руб. 25 [illegible]

Илл. 16. Объявления о *ПСС* Ф. М. Достоевского на первой и последней странице книги[65]

Fig. 16. Advertisements for F. M. Dostoevsky's Complete Works on the first and last pages of the book

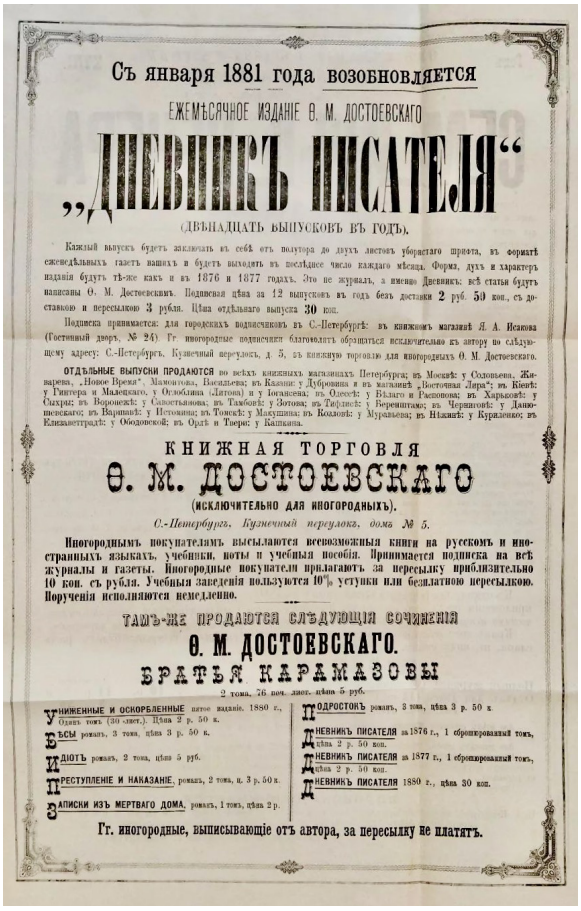
В указанном письме Достоевская рассказала Софье Андреевне об особой форме объявлений — циркулярах и отметила, что «такое объявление стоит не особенно дорого напечатать, между тем оно несравненно действительнее газетных объявлений, так как попадает именно в руки тех людей, которые читают и покупают книги. <…> При первом издании я послала 2000 объявлений и получила 2500 подписчиков» (цит. по: [Никифорова: 294]).

Надо сказать, что Достоевские обращались к циркулярам еще при жизни писателя, где предоставляли потенциальным покупателям широкий спектр информации о своей книжной торговле и вышедших произведениях: имя владельца, название, адрес, контактные данные и т. п. О подобных извещениях издательница также писала в «Воспоминаниях»:

> «Конечно, для успеха дела требовались объявления в газетах, но, на первый случай, я понадеялась на те гектографированные письма, которые я разослала к бывшим подписчикам "Дневника Писателя", а в будущем году предполагала разослать на общих издержках с издательницей "Семейных Вечеров"

[65] Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго.

большое объявление во многих тысячах экземпляров. Это объявление было разослано в начале 1881 года…» [Достоевская: 399] (*Илл. 17*).

Съ января 1881 года возобновляется

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

(ДВѢНАДЦАТЬ ВЫПУСКОВЪ ВЪ ГОДЪ).

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ полутора до двухъ листовъ убористаго шрифта, въ форматѣ еженедѣльныхъ газетъ нашихъ и будетъ выходить въ послѣднее число каждаго мѣсяца. Форма, духъ и характеръ изданія будутъ тѣ-же какъ и въ 1876 и 1877 годахъ. Это не журналъ, а именно Дневникъ: всѣ статьи будутъ написаны Ѳ. М. Достоевскимъ. Подписная цѣна за 12 выпусковъ въ годъ безъ доставки **2** руб. **50** коп., съ доставкою и пересылкою **3** рубля. Цѣна отдѣльнаго выпуска **30** коп.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (Гостинный дворъ, № 24) Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно къ автору по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Кузнечный переулокъ, д. 5, въ книжную торговлю для иногородныхъ Ѳ. М. Достоевскаго.

ОТДѢЛЬНЫЕ ВЫПУСКИ ПРОДАЮТСЯ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга; въ Москвѣ: у Соловьева, Живарева, „Новое Время“, Мамонтова, Васильева; въ Казани: у Дубровина и въ магазинѣ „Восточная Лира“; въ Кіевѣ: у Гинтера и Малецкаго, у Оглоблина (Липова) и у Гогланова; въ Одессѣ: у Бѣлаго и Распопова; въ Харьковѣ: у Сахри; въ Воронежѣ: у Сапостьянова; въ Тамбовѣ: у Зотова; въ Тифлисѣ: у Переплетко; въ Черниговѣ: у Данилевскаго; въ Варшавѣ: у Истомина; въ Томскѣ: у Макушина; въ Колывани: у Муравьева; въ Нижнемъ: у Курилкина; въ Елизаветградѣ: у Ободовской; въ Орлѣ и Твери: у Кашкина.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

(ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ).

С.-Петербургъ, Кузнечный переулокъ, домъ № 5.

Иногороднымъ покупателямъ высылаются всевозможныя книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, учебники, ноты и учебныя пособія. Принимается подписка на всѣ журналы и газеты. Иногородные покупатели прилагаютъ за пересылку приблизительно 10 коп. съ рубля. Учебныя заведенія пользуются 10% уступки или безплатною пересылкою. Порученія исполняются немедленно.

ТАМЪ-ЖЕ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ

2 тома, 76 поч. лист. цѣна 5 руб.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ пятое изданіе. 1880 г., Одинъ томъ (30 лист.). Цѣна 2 р. 50 к.

БѢСЫ романъ, 3 тома, цѣна 3 р. 50 к.

ИДІОТЪ романъ, 2 тома, цѣна 5 руб.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ, романъ, 2 тома, ц. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА, романъ, 1 томъ, цѣна 2 р.

ПОДРОСТОКЪ романъ, 3 тома, цѣна 3 р. 50 к.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ за 1876 г., 1 сброшюрованный томъ, цѣна 2 р. 50 коп.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ за 1877 г., 1 сброшюрованный томъ, цѣна 2 р. 50 коп.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ 1880 г., цѣна 30 коп.

Гг. иногородные, выписывающіе отъ автора, за пересылку не платятъ.

Илл. 17. Циркуляр с информацией о Книжной торговле Ф. М. Достоевского, а также о его произведениях, напечатанный в типографии Э. Аргольда 23 декабря 1880 г. (на обратной стороне листа информация о журнале «Семейные Вечера»)

Fig. 17. A circular containing information about F. M. Dostoevsky's book trade business and his works, printed at the E. Argold printing house on December 23, 1880 (the reverse side features information about the journal "Semeynye Vechera")

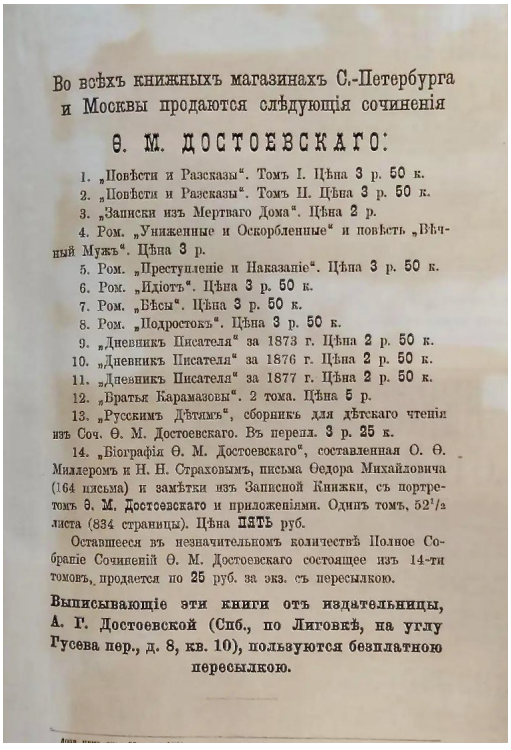
Позже Анна Григорьевна, издавая *ПСС*, также печатала циркуляры. По жанру и содержанию они представляли собой прейскурант, «основная цель которого — сообщить о наличии в магазине того или иного товара с указанием автора книги, издательства, цены, наличии скидок» [Миронова: 107]. Достоевская рассылала циркуляры книгопродавцам (*Илл. 18*) и различным

организациям[66] (*Илл. 19*) и ставила в одном ряду с объявлениями — в записной тетради 1902–1911 гг. у издательницы отмечено:

«*Желательно было-бы выждать результата объявленій и циркуляра…*»[67].

Там же она писала об их предполагаемой эффективности:

«*Съ сентября, по окончаніи всѣхъ 14 томовъ можно разсчитывать на лучшую подписку, имѣя въ виду, что будутъ разосланы циркуляры*»[68].

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга
и Москвы продаются слѣдующія сочиненія

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО:

1. „Повѣсти и Разсказы". Томъ I. Цѣна 3 р. 50 к.
2. „Повѣсти и Разсказы". Томъ II. Цѣна 3 р. 50 к.
3. „Записки изъ Мертваго Дома". Цѣна 2 р.
4. Ром. „Униженные и Оскорбленные" и повѣсть „Вѣчный Мужъ". Цѣна 3 р.
5. Ром. „Преступленіе и Наказаніе". Цѣна 3 р. 50 к.
6. Ром. „Идіотъ". Цѣна 3 р. 50 к.
7. Ром. „Бѣсы". Цѣна 3 р. 50 к.
8. Ром. „Подростокъ". Цѣна 3 р. 50 к.
9. „Дневникъ Писателя" за 1873 г. Цѣна 2 р. 50 к.
10. „Дневникъ Писателя" за 1876 г. Цѣна 2 р. 50 к.
11. „Дневникъ Писателя" за 1877 г. Цѣна 2 р. 50 к.
12. „Братья Карамазовы". 2 тома. Цѣна 5 р.
13. „Русскимъ Дѣтямъ", сборникъ для дѣтскаго чтенія изъ Соч. Ѳ. М. Достоевскаго. Въ перепл. 3 р. 25 к.
14. „Біографія Ѳ. М. Достоевскаго", составленная О. Ѳ. Миллеромъ и Н. Н. Страховымъ, письма Ѳедора Михайловича (164 письма) и замѣтки изъ Записной Книжки, съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго и приложеніями. Одинъ томъ, 52½ листа (834 страницы). Цѣна ПЯТЬ руб.

Оставшееся въ незначительномъ количествѣ Полное Собраніе Сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго состоящее изъ 14-ти томовъ, продается по 25 руб. за экз. съ пересылкою.

Выписывающіе эти книги отъ издательницы, А. Г. Достоевской (Спб., по Литовкѣ, на углу Гусева пер., д. 8, кв. 10), пользуются безплатною пересылкою.

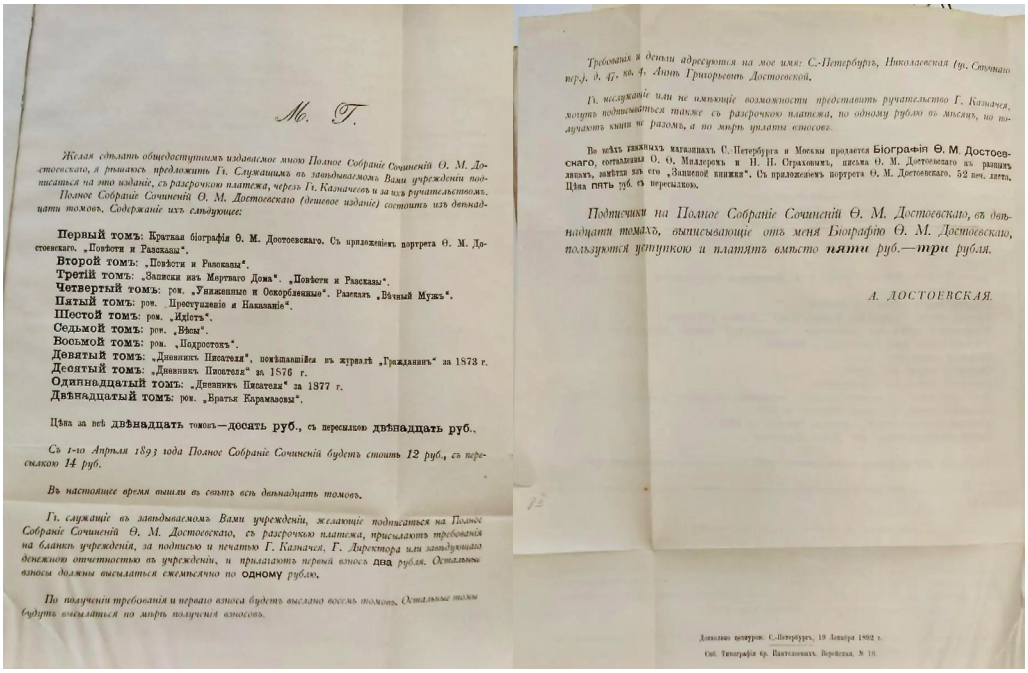
Илл. 18. Циркуляр А. Г. Достоевской, рассылаемый частным лицам, с информацией о вышедших книгах *ПСС* (напечатан в 1884 г. в типографии А. С. Суворина)

Fig. 18. Circular from A. G. Dostoevskaya distributed to private individuals, containing information on the published volumes of the Complete Works (printed in 1884 at the A. S. Suvorin printing house)

[66] Например, в одной из записных книг написано: «*Разослать циркуляры по школамъ и по земствамъ и по церковно-приход<скимъ> школамъ*» (Достоевская А. Г. Записная книга. 1895–1896 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30777. Л. 3).

[67] Достоевская А. Г. Записная тетрадь. 1902–1911 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.224. С. 122 (авторская пагинация). Л. 90 об.

[68] Там же. С. 110 (авторская пагинация). Л. 83 об.

М. Т.

Желая сдѣлать общедоступнымъ издаваемое мною Полное Собраніе Сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, я рѣшаюсь предложить Гг. Служащимъ въ завѣдываемомъ Вами учрежденіи подписаться на это изданіе, съ разсрочкою платежа, черезъ Гг. Казначеевъ и за ихъ ручательствомъ.

Полное Собраніе Сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго (дешевое изданіе) состоитъ изъ двѣнадцати томовъ. Содержаніе ихъ слѣдующее:

Первый томъ: Краткая біографія Ѳ. М. Достоевскаго. Съ приложеніемъ портрета Ѳ. М. Достоевскаго. „Повѣсти и Разсказы".
Второй томъ: „Повѣсти и Разсказы".
Третій томъ: „Записки изъ Мертваго Дома". „Повѣсти и Разсказы".
Четвертый томъ: ром. „Униженные и Оскорбленные". Разсказъ „Вѣчный Мужъ".
Пятый томъ: ром. „Преступленіе и Наказаніе".
Шестой томъ: ром. „Идіотъ".
Седьмой томъ: ром. „Бѣсы".
Восьмой томъ: ром. „Подростокъ".
Девятый томъ: „Дневникъ Писателя", помѣщавшійся въ журналѣ „Гражданинъ" за 1873 г.
Десятый томъ: „Дневникъ Писателя" за 1876 г.
Одиннадцатый томъ: „Дневникъ Писателя" за 1877 г.
Двѣнадцатый томъ: ром. „Братья Карамазовы".

Цѣна за всѣ **двѣнадцать** томовъ—**десять руб.**, съ пересылкою **двѣнадцать руб.**,

Съ 1-го Апрѣля 1893 года Полное Собраніе Сочиненій будетъ стоить 12 руб., съ пересылкою 14 руб.

Въ настоящее время вышли въ свѣтъ всѣ двѣнадцать томовъ.

Гг. служащіе въ завѣдываемомъ Вами учрежденіи, желающіе подписаться на Полное Собраніе Сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, съ разсрочкою платежа, присылаютъ требованія на бланкѣ учрежденія, за подписью и печатью Г. Казначея, Г. Директора или завѣдующаго денежной отчетностію въ учрежденіи, и прилагаютъ первый взносъ **два** рубля. Остальные взносы должны высылаться ежемѣсячно по **одному** рублю.

По полученіи требованія и перваго взноса будетъ выслано восемь томовъ. Остальные томы будутъ высылаться по мѣрѣ полученія взносовъ.

Требованія и деньги адресуются на мое имя: С.-Петербургъ, Николаевская ул. Спасская пер., д. 47, кв. 4. Аннѣ Григорьевнѣ Достоевской.

Гг. служащіе или не имѣющіе возможности представить ручательство Г. Казначея, хотятъ подписаться также съ разсрочкою платежа, по одному рублю въ мѣсяцъ, но получаютъ книги не разомъ, а по мѣрѣ уплаты взносовъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы продается **Біографія Ѳ. М. Достоевскаго**, составленная О. Ѳ. Миллеромъ и Н. Н. Страховымъ, письма Ѳ. М. Достоевскаго къ разнымъ лицамъ, замѣтки изъ его „Записной книжки". Съ приложеніемъ портрета Ѳ. М. Достоевскаго. 52 печ. листа. Цѣна **пять** руб. съ пересылкою.

Подписчики на Полное Собраніе Сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, въ двѣнадцати томахъ, выписывающіе отъ меня Біографію Ѳ. М. Достоевскаго, пользуются уступкою и платятъ вмѣсто ***пяти*** руб.—***три*** рубля.

А. ДОСТОЕВСКАЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Декабря 1892 г.

Спб. Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, № 16.

Илл. 19. Циркуляр с предложением подписки на *ПСС* Ф. М. Достоевского (с рассрочкой платежа), адресованный руководителям учреждений (1892)

Fig. 19. Circular proposing a subscription to the Complete Works of F. M. Dostoevsky (with an installment payment plan), addressed to the heads of institutions (1892)

К написанию циркуляров Анна Григорьевна подходила с такой же тщательностью, как и к объявлениям, что видно в одном из писем к дочери:

> «*Я думаю воспользоваться тѣми двумя-тремя недѣлями <…> и надписать циркуляры*»[69].

Печатала она их в больших количествах, в записной книге 1898–1899 гг. значилась пометка: «*Отъ Пантелѣева получено 9,490 циркуляровъ*»[70], в другой книге Достоевская отмечала количество рассылаемых листов:

> «*Циркуляры отправлены въ слѣд<ующемъ> количествѣ*
> *Августа 1899 г<.> — 500*
> *Иногородные 19 Октября — 1,200*
> *22 Октября (2 экз.) 1,300*
> *27 Октября тысячу 1,000*

[69] Достоевская А. Г. Письмо к Л. Ф Достоевской. От 08.07.1899 // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30412. Л. 64 об.

[70] Достоевская А. Г. Записная книга. 1898–1899 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30778. Л. 12.

30 Окт<ября> тысячу *1,000*
5 Ноября *976*
24 Ноября *542*
30 Ноября *681*
14 Декабря загород<ные> *250*
14 Декабря городск<ie> *225*»[71].

Подобный масштаб печати и рассылки циркуляров свидетельствовал о надежности, удобстве и результативности такого способа оповещения потенциальных читателей и подписчиков на *ПСС* Достоевского.

Фамилия Достоевского в рекламной коммуникации конца XIX — начала XX в.

Фамилия Достоевского фигурировала не только в объявлениях Анны Григорьевны. Как отмечала А. А. Миронова, антропонимы в объявлениях «характеризуют не конкретного индивида, а надежность товара, качественность, престижность. Имена собственные в рекламных текстах выступают аргументами» [Миронова: 126]. В конце XIX в. имя писателя, обладая высоким общественным авторитетом, встречалось в объявлениях различного содержания, например, при извещениях о предстоящих лекциях, литературных вечерах, театральных представлениях, при продаже портретов, бюстов. Характерно, что фамилия писателя в подобных текстах выделялась особым шрифтом. С одной стороны, такой прием являлся «важным фактором брендирования продукции в условиях отсутствия торговой марки» [Игнатенко, 2014: 21], но с другой — данные объявления служили прямым свидетельством узнаваемости и признания писателя.

Заключение

В условиях острой конкурентной борьбы издатели были вынуждены прибегать к разнообразным тактикам рекламной коммуникации для привлечения внимания целевой аудитории. Анна Григорьевна на протяжении всей своей издательской деятельности публиковала различные по форме и по содержанию объявления, стараясь найти подход к разным категориям читателей.

В поздний период (после 1906 г.), когда в семье Достоевских образовались немалые долги перед типографией и бумажной фабрикой ввиду слабой

[71] Достоевская А. Г. Записная книга. 1899–1901 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30724. Л. 3. Записей о разосланных циркулярах в записных книгах Анны Григорьевны встречается немало, и во всех значится довольно большое количество: «*…послать циркуляры 1200 послать циркул<яровъ> 1300 <…> отвезти 1000 цирк<уляровъ> <…> отослать 976 циркул<яровъ>*» (Там же. Л. 8 об.).

торговли, вызванной революцией и войной 1905 г.[72], Анна Григорьевна продолжала публиковать объявления. В своей записной тетради расходы на публикацию газетных сообщений она причисляла к разряду первостепенных и неизбежных:

> «*…уплатила за годъ за кладовую, за храненіе книгъ, перевозку, укупорку, объявленія* [*и пр и пр*]»[73].

Эффективность объявлений и циркуляров не вызывала у издательницы сомнений, это отчетливо прослеживается в одном из ее размышлений:

> «*Но что-же дѣлать въ томъ блестящемъ случаѣ, если благодаря циркуляру и объявлені*[*е*]*/я/мъ у насъ скоро разойдутся экз<empляры> П<олнаго> С<обранія> Соч<иненій> дешевое изданіе, а требованія будутъ поступать*»[74].

До января 1911 г. Анна Григорьевна сохраняла право на реализацию ранее отпечатанных книг и на получение прибыли от их продажи, и вплоть до 1910 г. включительно она регулярно публиковала рекламные объявления в газете «Новое Время». Некоторые вырезки с этими публикациями она хранила в записной книге под названием «Счета, отчеты и письма, относящиеся к изданию и распространению сочинений Ф. М. Достоевского 1904–1910 гг.»[75].

В рекламных объявлениях, которые по самому своему назначению предполагали настойчивость и навязчивость, Анна Григорьевна соблюдала меру и достоинство. Она не поддавалась господствовавшей тогда моде на броские иллюстрации, кричащие заголовки и преувеличенные обещания. Ее тактика была иной: выбор авторитетных изданий, сдержанность в оформлении, продуманное использование шрифтовых акцентов, включение биографических и литературоведческих элементов, а также рассылка циркуляров — все это в совокупности способствовало успешному продвижению Полного собрания сочинений Достоевского и обеспечивало устойчивый читательский интерес. В то же время подобная сдержанность свидетельствовала о том, что главной заботой издательницы было не приумножение прибыли, но распространение идей супруга и сохранение доброй памяти о Ф. М. Достоевском в потомстве.

---

[72] См. об этом: [Степченкова, 2024b].

[73] Достоевская А. Г. Записная тетрадь. 1902–1911 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.224. С. 109 (авторская пагинация). Л. 83.

[74] Там же. С. 123 (авторская пагинация). Л. 91.

[75] В поздней рабочей тетради хранятся вырезки объявлений издательницы из газеты «Новое Время» за 1910 г. (Достоевская А. Г. Записная тетрадь. 1904–1910 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.232. 136 л.).

Список литературы

1. Андрианова И. С. А. Г. Достоевская как редактор и издатель // Достоевский и современность: мат-лы XXVI Междунар. Старорусских чтений 2011 г. Великий Новгород: Новгород. гос. объединен. музей-заповедник, 2012. С. 3–16.
2. Андрианова И. С. Анна Достоевская: призвание и признания. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 124 с. EDN: TQOMXP
3. Андрианова И. С., Тихомиров Б. Н. Любить Достоевского // Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. С. 10–39. (a)
4. Андрианова И. С., Тихомиров Б. Н. Жизнь Анны Григорьевны Достоевской в мемуарах, письмах, документах // Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. С. 665–765. (b)
5. Баренбаум И. Е. Книжный Петербург. М.: Книга, 1980. 255 с.
6. Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги: в 2 ч. М.: Сов. Россия, 1960. Ч. 1: Книга в России до 1917 года. 200 с.
7. Березовая Л. Г. История мировой рекламы, или Старинные рецепты изготовления «бесплатного сыра». М.: Изд-во Ипполитова, 2008. 671 с.
8. Викторович В. А. К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. // Достоевский. Материалы и исследования. 1987. Т. 7. С. 197–200. EDN: VZBOCB
9. Горбунов Ю. А. Уроки Павленкова // Книга и культура: сб. тез. докл. Шестой Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения (18–20 апреля 1988 г.). М.: Б. и., 1988. С. 48–49.
10. Гринченко Н. А. Петербургская книжная торговля в рекламных объявлениях (1800–1850) // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сб. науч. тр. СПб.: Российская национальная б-ка, 2003. Вып. 22. С. 11–64.
11. Гринченко Н. А. Книжные магазины Санкт-Петербурга (1862–1917 гг.) // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сб. науч. тр. СПб.: Российская национальная б-ка, 2016. Вып. 18. С. 386–436. EDN: XRISJJ
12. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. 765 с.
13. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
14. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века: исследование. М.: Флинта: Наука, 2002. 285 с.
15. Есин Б. И. История русской журналистики XIX века. 4-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 2023. 290 с. EDN: ULOTVI
16. Журавлёва А. И., Некрасов В. Н. Аверкиев Дмитрий Васильевич // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая рос. энцикл.: Фианит, 1992. Т. 1: А — Г. С. 17–18. (Сер.: Русские писатели 11–20 вв.: Сер. биогр. словарей.)
17. Заваркина М. В. Издательское дело и книжная торговля Достоевских // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 1. С. 145–187 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1682489908.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6581. EDN: EUREGQ (a)
18. Заваркина М. В. «Книги не товар»: книгоиздатели и книготорговцы в записных тетрадях Достоевских 1875–1877 гг. // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 4. С. 28–54

[Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1702496400.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6981. EDN: MZMALW (b)
19. Заваркина М. В. Фабриканты, типографы и книготорговцы в записях Ф. М. и А. Г. Достоевских 1872–1918 гг. // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 1. С. 154–183 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1711960301.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7141. EDN: FYVROT
20. Захаров В. Н. Задачи атрибуции анонимных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 3. С. 5–24 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1666963031.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6221. EDN: PDRBEB
21. Захарова О. В. Бестактность редакции, или Два «Дневника» в «Гражданине» 1870-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1 (170). С. 24–28 [Электронный ресурс]. URL: https://uchzap.petrsu.ru/files/redaktor_pdf/1517575589.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/uchz.art.2018.4. EDN: YODIDQ
22. Игнатенко А. А. Очерки истории российской рекламы. СПб.: Алетейя, 2013. 86 с. (Сер.: Историческая книга.)
23. Игнатенко А. А. Очерки истории российской рекламы. СПб.: Алетейя, 2014. Кн. 2: Реклама в печатных СМИ в XIX–XX вв. Борьба большевиков за контроль над СМИ и книжным рынком. Реклама городских развлечений. 126 с. EDN: BEJGPJ
24. Куприянова Т. Г. Зарубежная история предпринимательства в книжном деле (с древних времен до начала XX века). М.: МГУП, 2005. 114 с. EDN: WOPJGD
25. Куфаев М. Н. История русской книги в XIX веке с иллюстрациями. М.: Пашков дом, 2003. 360 с. (Сер.: Память России.) EDN: QTEHFX
26. Ларионова Л. Г. Основные направления издательской деятельности антиквара П. П. Шибанова (1864–1935) // Книжное дело в России в XIX — начале XX в.: сб. науч. тр. СПб.: Российская национальная б-ка, 2014. Вып. 17. С. 122–129. EDN: YFJKFL
27. Миронова А. А. Реклама в справочных изданиях XIX — начала XX в.: историко-лингвистический аспект. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2009. 250 с. EDN: QXVDQP
28. Михновец М. В., Михновец Н. Г. Издательский практикум Достоевских и Толстых: пересечения, сближения, отличия // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12. № 3. С. 145–177 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1761557443.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2025.8161. EDN: HAMCFF
29. Морева О. В. Книга на Урале во второй половине XIX — начале XX века: распространение и чтение. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2024. 447 с. DOI: 10.20913/341-7. EDN: DTVKUM
30. Никитина Н. А. Софья Толстая. М.: Молодая гвардия, 2010. 261 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей.) EDN: QUWCVX
31. Никитина Т. В. Один эпизод из московской встречи (С. А. Толстая и А. Г. Достоевская) // Лев Толстой и Общество любителей российской словесности. М.: Академия, 2008. С. 219–226.
32. [Никифорова Т. Г.] Письма А. Г. Достоевской к С. А. Толстой / публ. и авт. вступ. ст. Т. Г. Никифоровой // Мир филологии: посвящается Лидии Дмитриевне Громовой-Опульской: [сб.] / ИМЛИ РАН; отв. ред. М. И. Щербакова. М.: Наследие, 2000. С. 290–306.
33. Панюкова Т. В. Издательская деятельность Ф. М. Достоевского: деловые книги А. Г. Достоевской как источник // Язык и текст. 2021. Т. 8. № 3. С. 19–30 [Электронный ресурс].

URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2021_n3/langt_2021_n3_Panyukova.pdf (01.06.2026). DOI: 10.17759/langt.2021080303. EDN: VZYPHM
34. Поршнев Г. И. История книжной торговли в России // Книжная торговля: пособие для работников книжного дела / под ред. М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 75–137.
35. Сараскина Л. И. Объявления о выпуске журналов как художественные высказывания. «А я понимаю, что значит первый шаг, и люблю его» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 2 (34). С. 238–268 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2026-2/06_Saraskina_238-268.pdf (22.06.2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2026-2-238-268. EDN: LWAHRF
36. Симонова Н. Б. Система периодической печати России (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009. 132 с. EDN: QXEVSH
37. Соскин Я. Г. Механизм управления книгоиздательским комплексом и пути его совершенствования: дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 188 с. EDN: NNTHRF
38. Степченкова В. Н. Достоевский в бесплатном приложении: издательский проект А. Ф. Маркса в записных книгах А. Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 2. С. 135–156 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1720248332.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7281. EDN: LPMPCK (a)
39. Степченкова В. Н. Ликвидация книжного дела Достоевских // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 4. С. 315–343 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1733565253.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7661. EDN: CIAUTR (b)
40. Степченкова В. Н. Проблемы авторского права в издательской деятельности Достоевских // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12. № 2. С. 138–168 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1756971574.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7981. EDN: DAMASH
41. Сущий С. Я. Атлас русской культуры XIX — начала XX века. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2000. 196 с. EDN: VYIXAD
42. Федорова Е. А. «Самый влиятельный и любительный мой учитель»: Д. В. Аверкиев и Ф. М. Достоевский // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12. № 1. С. 145–178 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1744349781.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7881. EDN: TNDRGQ
43. Фокин П. Е. Телеграммы разных лиц к А. Г. Достоевской с соболезнованиями в связи со смертью Ф. М. Достоевского (из рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // Неизвестный Достоевский. 2018. Т. 5. № 2. С. 45–68 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532432511.pdf (01.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3582. EDN: UYIELK
44. Шпак А. П. К вопросу о появлении в провинции прогрессивных книготорговых заведений в 60–70-е гг. XIX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: сб. науч. тр. Л.: ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1986. Вып. 2: Из истории демократической и научной книги / науч. ред. В. Е. Кельнер; ред. М. В. Безродный. С. 75–84.

References

1. Andrianova I. S. A. G. Dostoevskaya as an Editor and Publisher. In: *Dostoevskiy i sovremennost'*: *materialy XXVI Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2011 goda* [*Dostoevsky and Modern Age*: *Materials of the 26th International Old Russian Readings of 2011*]. Novgorod the Great, Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik Publ., 2012, pp. 3–16. (In Russ.)
2. Andrianova I. S. *Anna Dostoevskaya*: *prizvanie i priznaniya* [*Anna Dostoevskaya*: *Vocation and Recognition*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 124 p. EDN: TQOMXP (In Russ.)
3. Andrianova I. S., Tikhomirov B. N. To Love Dostoevsky. In: *Dostoevskaya A. G. Vospominaniya. 1846–1917* [*Dostoevskaya A. G. Memoirs. 1846–1917*]. Moscow, Boslen Publ., 2015, pp. 10–39. (In Russ.) (a)
4. Andrianova I. S., Tikhomirov B. N. The Life of Anna Grigorievna Dostoevskaya in Memoirs, Letters, and Documents. In: *Dostoevskaya A. G. Vospominaniya. 1846–1917* [*Dostoevskaya A. G. Memoirs. 1846–1917*]. Moscow, Boslen Publ., 2015, pp. 665–765. (In Russ.) (b)
5. Barenbaum I. E. *Knizhnyy Peterburg* [*Book Petersburg*]. Moscow, Kniga Publ., 1980. 255 p. (In Russ.)
6. Barenbaum I. E., Davydova T. E. *Istoriya knigi*: *v 2 chastyakh* [*History of the Book*: *in 2 Parts*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1960, part 1: Books in Russia Before 1917. 200 p. (In Russ.)
7. Berezovaya L. G. *Istoriya mirovoy reklamy, ili Starinnye retsepty izgotovleniya "besplatnogo syra"* [*History of World Advertising, or Old Recipes for Making "Free Cheese"*]. Moscow, Ippolitov Publ., 2008. 671 p. (In Russ.)
8. Viktorovich V. A. On the History of an Advertisement in "Grazhdanin" (1873). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*], 1987, vol. 7, pp. 197–200. EDN: VZBOCB (In Russ.)
9. Gorbunov Yu. A. Lessons of Pavlenkov. In: *Kniga i kul'tura*: *sbornik tezisov dokladov Shestoy Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii po problemam knigovedeniya* (*18–20 aprelya 1988 g.*) [*Book and Culture*: *Collection of Abstracts of Reports from the Sixth All-Union Scientific Conference on Problems of Bibliology* (*April 18–20, 1988*)]. Moscow, 1988, pp. 48–49. (In Russ.)
10. Grinchenko N. A. St. Petersburg Book Trade in Advertisements (1800–1850). In: *Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale XX veka*: *sbornik nauchnykh trudov* [*The Book Trade in Russia in the 19th and Early 20th Centuries*: *Collection of Scientific Papers*]. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 2003, issue 22, pp. 11–64. (In Russ.)
11. Grinchenko N. A. Bookshops of St. Petersburg (1862–1917). In: *Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale XX veka*: *sbornik nauchnykh trudov* [*The Book Trade in Russia in the 19th and Early 20th Centuries*: *Collection of Scientific Papers*]. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 2016, issue 18, pp. 386–436. EDN: XRISJJ (In Russ.)
12. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917* [*Memoirs. 1846–1917*]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 765 p. (In Russ.)
13. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 30 tomakh* [*The Complete Works*: *in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
14. Egorov O. G. *Dnevniki russkikh pisateley XIX veka*: *issledovanie* [*Diaries of 19th-Century Russian Writers*: *A Study*]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2002. 285 p. (In Russ.)
15. Esin B. I. *Istoriya russkoy zhurnalistiki XIX veka* [*History of Russian Journalism of the 19th Century*]. 4th ed. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2023. 290 p. EDN: ULOTVI (In Russ.)

16. Zhuravlyova A. I., Nekrasov V. N. Averkiev Dmitry Vasilievich. In: *Russkie pisateli, 1800–1917*: *biograficheskiy slovar'* [*Russian Writers, 1800–1917*: *A Biographical Dictionary*]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia Publ., Fianit Publ., 1992, vol. 1, pp. 17–18. (Ser.: Russian Writers of the 11th–20th Centuries: Series of Biographical Dictionaries.) (In Russ.)
17. Zavarkina M. V. Publishing and Book Trade of the Dostoevskys. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2023, vol. 10, no. 1, pp. 145–187. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1682489908.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6581. EDN: EUREGQ (In Russ.) (a)
18. Zavarkina M. V. "Books Are Not a Commodity": Book Publishers and Booksellers in the Notebooks of the Dostoevskys 1875–1877. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2023, vol. 10, no. 4, pp. 28–54. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1702496400.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6981. EDN: MZMALW (In Russ.) (b)
19. Zavarkina M. V. Manufacturers, Printers, and Booksellers in the 1872–1918 Records of F. M. and A. G. Dostoevsky's. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2024, vol. 11, no. 1, pp. 154–183. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1711960301.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7141. EDN: FYVROT (In Russ.)
20. Zakharov V. N. Problems of Attribution of Anonymous Articles in Dostoevsky's Publications. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2022, vol. 9, no. 3, pp. 5–24. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1666963031.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6221. EDN: PDRBEB (In Russ.)
21. Zakharova O. V. Incorrect Formulation or Two "Diaries" in "The Citizen" of 1870s. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Proceedings of Petrozavodsk State University*], 2018, no. 1 (170), pp. 24–28. Available at: https://uchzap.petrsu.ru/files/redaktor_pdf/1517575589.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/uchz.art.2018.4. EDN: YODIDQ (In Russ.)
22. Ignatenko A. A. *Ocherki istorii rossiyskoy reklamy* [*Essays on the History of Russian Advertising*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2013. 86 p. (Ser.: History Book.) (In Russ.)
23. Ignatenko A. A. *Ocherki istorii rossiyskoy reklamy* [*Essays on the History of Russian Advertising*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2014, book 2: Advertising in Print Media in the 19th and 20th Centuries. The Bolshevik Struggle for Control Over Media and the Book Market. Advertising of Urban Entertainment. 126 p. EDN: BEJGPJ (In Russ.)
24. Kupriyanova T. G. *Zarubezhnaya istoriya predprinimatel'stva v knizhnom dele* (*s drevnikh vremen do nachala XX veka*) [*Foreign History of Entrepreneurship in the Book Trade* (*from Ancient Times to the Early 20th Century*)]. Moscow, Moscow State University of Printing Arts Publ., 2005. 114 p. EDN: WOPJGD (In Russ.)
25. Kufaev M. N. *Istoriya russkoy knigi v XIX veke s illyustratsiyami* [*History of Russian Books in the 19th Century with Illustrations*]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2003. 360 p. (Ser.: Memory of Russia.) EDN: QTEHFX (In Russ.)
26. Larionova L. G. Main Directions of the Publishing Activities of Antiquarian P. P. Shibanov (1864–1935). In: *Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale XX veka*: *sbornik nauchnykh trudov* [*The Book Trade in Russia in the 19th and Early 20th Centuries*: *Collection of Scientific Papers*]. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 2014, issue 17, pp. 122–129. EDN: YFJKFL (In Russ.)

27. Mironova A. A. *Reklama v spravochnykh izdaniyakh XIX — nachala XX v.*: *istoriko-lingvisticheskiy aspect* [*Advertising in Reference Works of the 19th and Early 20th Centuries*: *A Historical-Linguistic Aspect*]. Chelyabinsk, Poligraf-Master Publ., 2009. 250 p. EDN: QXVDQP (In Russ.)
28. Mikhnovets M. V., Mikhnovets N. G. Publishing Practice of Dostoevskys and Tolstoys: Intersections, Similarities, and Differences. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2025, vol. 12, no. 3, pp. 145–177. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1761557443.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2025.8161. EDN: HAMCFF (In Russ.)
29. Moreva O. V. *Kniga na Urale vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka*: *rasprostranenie i chtenie* [*The Book in the Urals in the Second Half of the 19th — Early 20th Century*: *Distribution and Reading*]. Novosibirsk, State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2024. 447 p. DOI: 10.20913/341-7. EDN: DTVKUM (In Russ.)
30. Nikitina N. A. *Sofia Tolstaya*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2010. 261 p. (Ser.: The Life of Remarkable People.) EDN: QUWCVX (In Russ.)
31. Nikitina T. V. One Episode from the Moscow Meeting (S. A. Tolstaya and A. G. Dostoevskaya). In: *Lev Tolstoy i Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti* [*Leo Tolstoy and the Society of Lovers of Russian Literature*]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, pp. 219–226. (In Russ.)
32. Nikiforova T. G. Letters from A. G. Dostoevskaya to S. A. Tolstaya. In: *Mir filologii*: *posvyashchaetsya Lidii Dmitrievne Gromovoy-Opul'skoy*: *sbornik* [*The World of Philology*: *Dedicated to Lidiya Dmitrievna Gromova-Opulskaya*: *A Collection*]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, pp. 290–306. (In Russ.)
33. Panyukova T. V. Publishing Activity of F. M. Dostoevsky: Business Books of A. G. Dostoevskaya as a Source. In: *Yazyk i tekst* [*Language and Text*], 2021, vol. 8, no. 3, pp. 19–30. Available at: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2021_n3/langt_2021_n3_Panyukova.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.17759/langt.2021080303. EDN: VZYPHM (In Russ.)
34. Porshnev G. I. History of the Book Trade in Russia. In: *Knizhnaya torgovlya*: *posobie dlya rabotnikov knizhnogo dela* [*Bookselling*: *A Handbook for Bookmakers*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1925, pp. 75–137. (In Russ.)
35. Saraskina L. I. Journal Announcements as Artistic Statements: "I Understand What the First Step Means and Love It". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2026, no. 2 (34), pp. 238–268. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2026-2/06_Saraskina_238-268.pdf (accessed on June 22, 2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2026-2-238-268. EDN: LWAHRF (In Russ.)
36. Simonova N. B. *Sistema periodicheskoy pechati Rossii* (*vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.*) [*The Periodical Press System of Russia* (*Second Half of the 19th — Early 20th Century*)]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2009. 132 p. EDN: QXEVSH (In Russ.)
37. Soskin Ya. G. *Mekhanizm upravleniya knigoizdatel'skim kompleksom i puti ego sovershenstvovaniya*: *dis. … kand. filol. nauk* [*Management Mechanism of the Book Publishing Complex and Ways to Improve It. PhD. philol. sci. diss.*]. Moscow, 2006. 188 p. EDN: NNTHRF (In Russ.)
38. Stepchenkova V. N. Dostoevsky in a Free Application: the Publishing Project of Adolf Marx in the Notebooks of Anna Dostoevskaya. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2024, vol. 11, no. 2, pp. 135–156. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1720248332.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7281. EDN: LPMPCK (In Russ.) (a)

39. Stepchenkova V. N. Liquidation of the Dostoevskys' Book Business. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2024, vol. 11, no. 4, pp. 315–343. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1733565253.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/j10. art.2024.7661. EDN: CIAUTR (In Russ.) (b)
40. Stepchenkova V. N. Copyright Issues in the Publishing Activities of the Dostoevskys. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2025, vol. 12, no. 2, pp. 138–168. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1756971574.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7981. EDN: DAMASH (In Russ.)
41. Sushchiy S. Ya. *Atlas russkoy kul'tury XIX — nachala XX veka* [*Atlas of Russian Culture of the 19th and Early 20th Centuries*]. Rostov-on-Don, The North Caucasian Centre of Science of the Higher School Publ., 2000. 196 p. EDN: VYIXAD (In Russ.)
42. Fedorova E. A. "My Most Influential and Friendly Teacher": D. V. Averkiev and F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2025, vol. 12, no. 1, pp. 145–178. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1744349781.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7881. EDN: TNDRGQ (In Russ.)
43. Fokin P. E. The Telegrams of Different People to Anna Dostoevskaya Expressing Condolences on the Death of Fedor Dostoevsky (from the Manuscript Collection of Vladimir Dahl Russian State Literary Museum). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*Unknown Dostoevsky*], 2018, vol. 5, no. 2, pp. 45–68. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532432511.pdf (accessed on June 1, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3582. EDN: UYIELK (In Russ.)
44. Shpak A. P. On the Issue of the Emergence of Progressive Bookselling Establishments in the Provinces in the 1860s and 1870s. In: *Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka*: *sbornik nauchnykh trudov* [*The Book Trade in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries*: *A Collection of Scientific Papers*]. Leningrad, The Saltykov-Shchedrin State Public Library Publ., 1986, issue 2: From the History of Democratic and Scientific Books, pp. 75–84. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Степченкова Валентина Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, Государственный университет просвещения (ул. Радио, 10а/2, г. Москва, Российская Федерация, 105005); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5327-6316; e-mail: st_valentina007@mail.ru.

Valentina N. Stepchenkova, PhD (Philology), Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education (ul. Radio 10a/2, Moscow, 105005, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5327-6316; e-mail: st_valentina007@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.07.2026
Принята к публикации / Accepted 18.07.2026
Дата публикации / Date of publication 31.07.2026

Научная статья
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8601
EDN: MOTIMF

Ялтинские будни А. Г. Достоевской

С. В. Капустина

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(*г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация*)

e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Аннотация. Со второй половины XIX в. Ялта приобрела всероссийскую известность как ведущий климатический курорт для лечения туберкулеза. Корреспондентки Ф. М. Достоевского — Е. А. Драшусова и Х. Д. Алчевская — настойчиво советовали ему предпочесть Тавриду заграничным водам, однако сам романист, страдавший эмфиземой легких, так и не успел испытать благотворного действия крымского климата. Хронологические рамки исследования охватывают ялтинский период жизни вдовы писателя А. Г. Достоевской, рассматриваемый не только в контексте ее хозяйственной и благотворительной деятельности, но и как важный этап работы с эпистолярным наследием мужа. Именно в Ялте, в 1917–1918 гг., она систематизировала его письма, готовя их к публикации. С конца 1890-х гг. этот курорт прочно ассоциируется и с именем А. П. Чехова: он поселился здесь по предписанию врачей вместе с матерью и сестрой. Центральной задачей статьи становится верификация утверждения Д. А. Достоевского, правнука классика, о дружбе в Ялте его прабабушки с М. П. Чеховой, сестрой драматурга. С этой целью проанализированы точки пересечения их интересов — в землеустройстве, строительстве и благотворительности. Источниковая база работы включает как опубликованные, так и неопубликованные материалы: документы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, а также крымскую периодику конца XIX — середины XX в. В научный оборот вводятся материалы газеты «Крымский курьер» (1898), которые позволили установить, что А. Г. Достоевская регулярно публиковала объявления о долгосрочной сдаче принадлежавших ей участков под табачные и плодовые плантации, но при этом вынашивала планы создания фамильного имения в Ялте. Кроме того, в работе приводятся ссылки на печатные воспоминания собеседника М. П. Чеховой, подтверждающие, что та до последних лет ухаживала за могилой А. Г. Достоевской на Ауткинском кладбище. Этот сюжет эпизодически упоминался в литературоведческих исследованиях, однако в настоящей статье он впервые получает статус литературного факта, подлежащего учету при воссоздании посмертной ялтинской истории вдовы Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, М. П. Чехова, Ф. Ф. Достоевский, Ялта, Крым, биография, верификация фактов, посмертная память, Ауткинское кладбище, Тендериз

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00186 «Новые архивные и печатные источники научной биографии А. Г. Достоевской», https://rscf.ru/project/26-18-00186/).

Для цитирования: Капустина С. В. Ялтинские будни А. Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 181–199. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8601. EDN: MOTIMF

© С. В. Капустина, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8601
EDN: MOTIMF

Anna Dostoevskaya's Yalta Days

Svetlana V. Kapustina

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(*Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation*)
e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Abstract. From the second half of the nineteenth century, Yalta gained nation-wide prominence as a leading climatic health resort for the treatment of pulmonary tuberculosis. Although Fyodor Dostoevsky's correspondents, Elizaveta Drashusova and Khristina Alchevskaya, strongly urged him to favour Taurida over foreign spas, the writer — who suffered from pulmonary emphysema — never experienced the therapeutic benefits of the Crimean climate. The chronological framework of this study (1890s — 1960s) enables an examination of the Yalta period in the life of the writer's widow, Anna Dostoevskaya, not merely as a phase of her economic and philanthropic activities, but also as a crucial stage in her editorial work on her husband's epistolary heritage. It was in Yalta, in 1917–1918, that she systematised Dostoevsky's correspondence in preparation for publication — a fact attested to by a notice in the newspaper "Krasny Krym" (1926), which refers to a testament discovered in the Crimean Archives containing an inventory of 162 letters. Since the late 1890s, Yalta has been inextricably linked with the name of Anton Chekhov, who settled there on medical advice, accompanied by his sister and mother. The principal objective of this article is to verify the assertion made by Dmitry Dostoevsky, the writer's great-grandson, concerning the friendship in Yalta between his great-grandmother and Chekhov's sister, Maria Chekhova. To this end, the study analyses the intersecting spheres of their activity — namely, land management, construction, and charitable work. The source base comprises both published and unpublished materials, including documents held in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), the Manuscript Department of the Russian State Library (OR RSL), and Crimean periodicals dating from the late nineteenth to the mid-twentieth century. Of particular note are materials from the newspaper "Krymskii Kurier" (1898), which are introduced into scholarly circulation for the first time. These sources reveal that Anna Dostoevskaya regularly advertised the long-term lease of her land plots for tobacco and fruit plantations, while concurrently nurturing plans to establish a family estate in Yalta. In addition, the study cites published memoirs of an acquaintance of Maria Chekhova, corroborating that she tended Anna Dostoevskaya's grave at the Autka cemetery until her later years. Although this narrative has been mentioned sporadically in literary scholarship, the present article elevates it to the status of a verifiable literary fact — one that merits due consideration in any reconstruction of the posthumous Yalta chapter in the life of Dostoevsky's widow.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Anna Dostoevskaia, Maria Chekhova, Fyodor Fyodorovich Dostoevsky, Yalta, Crimea, biographical legend, fact verification, posthumous memory, Autka cemetery, Tenderiz estate

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 26-18-00186 "New Archival and Printed Sources for the Scientific Biography of Anna Dostoevskaya", https://rscf.ru/project/26-18-00186/).

For citation: Kapustina S. V. Anna Dostoevskaya's Yalta Days. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 181–199. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8601. EDN: MOTIMF (In Russ.)

Со второй половины XIX в. Ялта стала широко популярным климатическим курортом для лечения легочно-туберкулезных больных, куда «съезжались в надежде на исцеление от недуга тысячи людей» [Сысоев, 1960: 12]. Приобретение дачи на таком курорте либо в его окрестностях означало не только выгодное вложение средств[1], но и возможность оздоровления без выезда за границу.

Корреспонденты Достоевского неоднократно рекомендовали ему для посещения Крым. Так, почитательница его творчества Е. А. Драшусова убеждала писателя:

> *«Патріотъ, какимъ я васъ себѣ представляю не долженъ ѣздить за границу. Насъ такъ тамъ презираютъ, оскорбляютъ, и ненавидятъ, что мы должны бы взяться за умъ и перестать искать всякихъ наслажденій только въ чужихъ краяхъ и тамъ же исцѣленія всѣхъ нравственныхъ и физическихъ недуговъ <…>. Поѣзжайте на Кавказъ, гдѣ самыя цѣлебныя воды во всей Европѣ, на Южный Берегъ (авось его не возьмутъ), въ Самару на наши минеральныя воды, которыя мало извѣстны потому, что русскія»*[2].

Благотворное действие крымского климата почувствовала на себе и другая корреспондентка Достоевского — Х. Д. Алчевская:

> *«Почему доктора посылаютъ Васъ въ Ессентуки, а не въ Крымъ? У насъ въ Харьковѣ есть превосходный докторъ Франковскій — это человѣкъ идеально честный, правдивый, много учившійся, много читавшій, много видѣвшій, долго жившій. Онъ бывалъ вездѣ и заграницей, и на Кавказѣ и въ Крыму и находитъ, что ничто не можетъ сравниться полезностью съ приморскимъ воздухомъ, морскими купаньями и виноградным леченіемъ для каждаго организма, чѣмъ бы онъ ни страдалъ. Между тѣмъ въ "Ессентукахъ" страшная сырость, грязь, отсутствіе какихъ бы то ни было удобствъ къ жизни — всѣ бывшіе тамъ въ прошломъ году страшно роптали и никто не поправился, а Крымъ просто творитъ чудеса. Мы жили тамъ въ прошломъ году и видѣли во очію такія превращенія изъ умирающихъ въ здоровые, что трудно повѣрить,*

---

[1] Покупка земли на Южном берегу Крыма считалась выгодным капиталовложением еще и потому, что с полуостровом связывали перспективные инфраструктурные проекты, реализация которых могла способствовать росту цен на местную недвижимость. В 1880–1890-е гг. активно обсуждалась возможность строительства железнодорожной ветки, которая должна была соединить Ялту с материковой Россией. А. П. Чехов в письме к В. М. Соболевскому от 24 декабря 1898 г. характеризовал состояние и перспективы крымского курорта следующим образом: «Ялта растет с каждым днем, все шире и шире. Здесь водопровод, канализация, электрич<еское> освещение in spe, пройдет железная дорога, одним словом, чудеса культуры…» (цит. по: [Шалюгин: 164]).

[2] Драшусова Е. А. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 12 мая 1877 г. (по штемпелю) // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29705. Л. 1, 2–2 об. Первая публикация (частично): [Д30; т. 30, кн. 2: 116].

не бывши свидѣтелями. Кромѣ того роскошная, сказочная природа, всевозможныя удобства къ жизни, все это способствуетъ поправленію»[3].

Мотивы, связанные с крымским полуостровом, были эксплицированы в художественном и публицистическом наследии Достоевского (см. об этом: [Капустина, 2026b]). Однако сам писатель, мучимый эмфиземой легких, испытать оздоравливающий эффект от ялтинского климата не успел.

После смерти мужа, с 20 марта 1886 г.[4], А. Г. Достоевская начала приобретать землю близ Ялты, в Ливадийской слободке. К рубежу веков в ее собственности находилось четыре разновременно купленных участка общей площадью около 5 000 кв. саженей (примерно 2,27 га)[5]. Хозяйка сдавала десятинные наделы в долгосрочную аренду под выращивание преимущественно табачных и плодовых культур с условием, «*чтобы на участкѣ не возводилось солидныхъ каменныхъ построекъ*»[6], а часть земель продавала. Самую живописную локацию Анна Григорьевна намеревалась сохранить за собой и своими наследниками[7], создав крымское имение «*Тендеризъ*» (в первоначальном написании — «*Тендиризъ*»[8]) на углу Чайной и Достоевской улиц[9].

---

[3] Алчевская Х. Д. Письмо к Ф. М. Достоевскому. От 19 апреля 1876 г. // РГАЛИ. Ф. 212.1.56. Л. 21 об. — 22 [Электронный ресурс]. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/alchev/otAlchevskaja19041876.htm (02.05.2026).

[4] Указывается дата подписания задаточной расписки по покупке земли Анной Григорьевной Достоевской от Евгении Федоровны Рудзевич, действовавшей по доверенности мужа — местного крымского землевладельца Михаила Николаевича Рудзевича (см.: Достоевская А. Г. Записная книга. Запись расходов по культивированию участка, арендованного А. Г. Достоевской около Ялты и другие записи. 1887–1913 // ОР РГБ. Ф. 93.III.4.1. Л. 10 об.).

[5] Участки были приобретены у ялтинских землевладельцев М. Н. Рудзевича, Н. С. Лефтери, В. П. Паниоти, П. Ф. Феодори, М. Мандражи и др. (см.: Достоевская А. Г. Планы участков земли близ г. Ялты в даче при деревне Аутке, купленные А. Г. Достоевской у разных лиц // ОР РГБ. Ф. 93.III.4.5; Достоевская А. Г. Записная книга. Запись расходов по культивированию участка, арендованного А. Г. Достоевской около Ялты и другие записи. 1887–1913 // ОР РГБ. Ф. 93.III.4.1. Л. 2).

[6] Достоевская А. Г. Записи и заметки по продаже участка и дачи в г. Ялте. [1916–1917] // ОР РГБ. Ф. 93.III.5.39. Л. 9 об.

[7] Важно, что в духовном завещании 1914 г. А. Г. Достоевская фиксирует намерение продать ялтинское имение и отдать «*Любови Ѳедоровнѣ половину тѣхъ денегъ, которыя будутъ выручены*», но «*не въ полную ея собственность, и % бумаги должны были быть положены на имя <…> внуковъ, а она могла пользоваться лишь %*» (цит. по: [Андрианова: 105]). Однако в документе 1915 г. воля А. Г. Достоевской меняется: в связи с болезнью Любови Федоровны ей отдается половина средств от продажи ялтинского имения без дополнительных условий. Последняя редакция этого завещания, изначально хранившегося в Петербурге «*въ ящикѣ Сибирскаго Банка*» (цит. по: [Андрианова: 105]), была обнаружена в Крымархиве (об этом — далее в настоящей работе).

[8] Такой вариант написания зафиксирован в «Книге для записывания документов, расписок, квитанций и вообще всяких дел, относящихся к даче и земле, купленным А. Гр. Достоевскою около Ялты» (ОР РГБ. Ф. 93.III.4.1. Л. 155, 189).

[9] Достоевская А. Г. Записи и заметки по продаже участка и дачи в г. Ялте. [1916–1917] // ОР РГБ. Ф. 93.III.5.39. Л. 1.

Однако на огороженной каменной стеной территории, помимо скромного дома в пять комнат[10], иных жилых построек не было.

Анна Григорьевна планировала обратиться к ялтинским архитекторам за проектом полноценного особняка. Будущее ялтинское жилище представлялось ей следующим образом:

> *«Поставить домъ надо такъ, чтобы предъ нимъ была большая площадка для цвѣтовъ и чтобъ эта часть дома какъ можно болѣе освѣщалась солнцемъ. Такимъ образомъ по моему предположенію слѣдуетъ балконъ новаго предполаг<аемаго> дома поставить тамъ гдѣ начинается мой маленькій кабинетъ или гдѣ начинается столовая. <…> Въ этомъ случаѣ будутъ у дома два вида, одинъ (со 2го этажа) на море предъ Ливадіей и второй на хребетъ Яйлы».*

Если же реализовать этот замысел не удастся, она настаивала на том, чтобы «*изъ 2го этажа дома было видно море, и если возможно, то и освѣщенную электричествомъ дорогу въ Ливадію*»[11].

Осуществлению мечты о фамильном крымском имении с просторным особняком и уютным садом помешали военные события. Единственным жилым строением в «Тендеризе» так и осталось низкое тонкостенное здание, приобретенное у Михаила Николаевича Рудзевича; после нескольких ограблений и вандальной разборки на дрова[12] оно «сгорело в годы Гражданской войны» [Богданов, 2012: 43].

---

[10] Условная «некапитальность» постройки подтверждается и в письме Ф. Ф. Достоевского к матери от 26 апреля 1908 г. Сын писателя, стремясь поправить финансовое положение, наводил справки о возможности залога ялтинского имения и консультировался с местным банковским оценщиком. Пересказывая «самый неутешительный» ответ последнего, Федор Федорович отмечал, что их постройка «принадлежит к тому типу <…>, которые для заклада в Банк не принимаются, т. е. она тонкостенная, "смешанного типа" без фундамента и т. д.» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30364. Л. 624).

[11] ОР РГБ. Ф. 93.III.4.1. Л. 235 об. — 236.

[12] Судьбой «домика Достоевского» (так в народе называли единственную постройку на ялтинском участке А. Г. Достоевской) озаботился литературовед Георгий Борисович Нерадов (наст. фамилия — Шатуновский) на страницах газеты «Известия» (№ 162 от 1922 г.). В рубрике «Жизнь провинции (беглые очерки)» он писал, что «в Крыму, по дороге на Ливадию, на Достоевской улице находится "домик Достоевского". Это было скромное, полукаменное, полудеревянное здание, которое до прошлого года заботливо охранялось от разрушения. Но, как нам сообщает наш ялтинский корреспондент, в течение минувшей зимы "домик Достоевского" оставался без охраны, и окрестные татары, для которых имя Достоевского, конечно, звук пустой, разобрали, нуждаясь в топливе, все деревянные части — полы, потолки, двери, окна на дрова и оставили лишь каменные стены. Да и эти теперь рушатся» (Известия. 1922. № 162. С. 3).

Илл. 1. Анна Григорьевна и Любовь Федоровна Достоевские
возле дачи «Тендериз» в Ялте.
Фото Ф. Орлова, 1887 г.[13]

Fig. 1. Anna G. Dostoevskaya and Lyubov F. Dostoevskaya
at the "Tenderiz" country house in Yalta.
Photo by F. Orlov, 1887

Именно с Ялтой связаны последние труды и дни А. Г. Достоевской. Несмотря на слабое здоровье и военные потрясения 1917 г., вдова писателя продолжала самоотверженно служить здесь памяти мужа: она работала над систематизацией его эпистолярного наследия и писала воспоминания.

Об этом свидетельствует заметка «Материалы для архива Ф. М. Достоевского»[14], опубликованная в газете «Красный Крым». В ней сообщалось:

> «В крымархиве недавно найдено "дело об утверждении к исполнению нотариального духовного завещания Анны Григорьевны Достоевской", жены знаменитого писателя» (Красный Крым. 1926. № 128 (1645). 6 июня. С. 2).

Далее конспективно излагалась «история возникновения этого дела, производившегося в б<ывшем> симферопольском окружном суде в 1918–19 году»:

---

[13] Место хранения оригинала: ОРФ ГМИРЛИ (ГЛМ). Опубл.: [Богданов, 2011: 113], [Достоевская Л. Ф.: 430].

[14] Эта заметка была перепечатана газетой «Вечерняя Москва» (1926. № 133. 12 июня. С. 2).

> «При охране имущества А. Г. Достоевской, умершей в Ялте в 1918 г., судебным приставом было найдено духовное завещание, которое и было направлено в окружной суд к производству. Это духовное завещание, являющееся самым поздним, распределяет между наследниками имущество, а из оставленного писателем литературного наследства упоминает о 162 письмах Федора Михайловича к жене за 1866–1880 годы (изданы центроархивом в 1925 г.). Кроме того, в завещании сказано о наиболее ценных для А. Гр. предметах, связанных с Ф. М. Достоевским: о портрете Ф. М. (работы художника Крамского), его бронзовом бюсте (работы скульптора Бернштама) и фотопортрете» (Там же).

Указывалось также новое место хранения документа:

> «Названное дело с завещанием крымархивом отослано в центрархив РСФСР, где сосредоточен архивный фонд Ф. М. Достоевского, представляющий ценнейший материал для углубленного ознакомления с жизнью и творчеством гениального писателя» (Там же).

Затем следовала комплементарная характеристика самого фонда и перечень его основных единиц хранения. Завершалась заметка утверждением, что найденное дело пополнит этот материал и будет отмечено при публикации архивных данных.

Приводимый документ, безусловно, вторичен, однако и в нем содержится важная для научного поиска информация. Исходя из его содержания, можно резюмировать, что в ялтинский период 1917–1918 гг. А. Г. Достоевская скрупулезно работала именно над эпистолярием мужа, а рукописей «Бесов», «Подростка» и «Братьев Карамазовых» при себе не имела[15].

Перечень, близкий к приведенному в публикации «Красного Крыма», зафиксирован в «Заявлении Ф. Ф. Достоевского о состоянии архива Ф. М. Достоевского» (архивный заголовок). Ср.:

> «…в состав музея до сего времени не вошли многие предметы, как, например, дорогие по воспоминаниям для покойной матери портреты, бюст и маска работы Бернштама, вся семейная переписка, воспоминания моей матери, предметы обстановки и пр. Часть этих предметов находится у меня, но многое находилось в сэфе, в сохранной казне и в складе для хранения — ключи и квитанции находятся у меня» (цит. по: [Орнатская, 1994: 242]).

Это совпадение, думается, обусловлено тем, что в Ялте Федор Федорович вступил в права наследования по обнаруженной в 1926 г. в Крыму последней версии духовного завещания А. Г. Достоевской (впрочем, этот факт требует документального подтверждения). Что же касается датировки

---

[15] О кавказской линии поиска, связанной с рукописями последних романов Ф. М. Достоевского, см.: [Орнатская, 1992], [Тихомиров, 2007].

самого заявления, то Т. И. Орнатская относит его к 1918–1919 гг. [Орнатская, 1994: 242], однако содержание документа противоречит этой версии. Во-первых, в заявлении будто бы подводятся итоги траурной поездки Достоевского в Ялту:

> «В течение моего вынужденного пребывания в Крыму для погребения матери произошли значительные изменения — хранилища обезличены и содержание распределено по различным отделам, причем разборка, особенно рукописей и писем, производится людьми, часто несведущими» (цит. по: [Орнатская, 1994: 243]).

Во-вторых, вряд ли, находясь в Крыму в разгар Гражданской войны (1918–1919), Федор Федорович мог бы «немедленно, не теряя времени» вызваться на розыск и сбор оставшихся материалов в Москве и Петрограде (при том, что местом отправки заявления значится именно Москва). Приведенные аргументы заставляют усомниться в датировке заявления 1918–1919 гг.; скорее всего, оно было составлено Ф. Ф. Достоевским в 1920–1921 гг.

Разгадке тайны пропавших манускриптов классика может способствовать и восстановление фактов из биографии его сына, Федора Федоровича Достоевского. На сегодняшний день о его затянувшемся почти на два с половиной года траурном вояже в Ялту (1918–1921) известно немногое. Событиям указанного периода посвящены работы Г. Ф. Коган [Коган], Б. Н. Тихомирова [Тихомиров, 2001], Н. Н. Богданова [Богданов, 2011], однако подробности крымской жизни наследника Достоевских в годы Гражданской войны все еще в полной мере документально не восстановлены. Именно в этот ялтинско-симферопольский период могли упрочиться или получить новое звучание старые знакомства Федора Федоровича, восходящие еще к дореволюционному времени.

Одной из ключевых фигур в кругу его симферопольских приятелей еще задолго до траурной поездки в Крым была Мария Александровна Скадовская[16], которую он в письме матери от 24 февраля 1899 г. аттестует как «*Предводительшу Скадовскую* (*рожд. Фальцъ Фейнъ*)»[17]. Жена предводителя Таврического губернского дворянства Сергея Балтазаровича Скадовского действительно по материнской линии принадлежала к роду Фальц-Фейн, однако от рождения носила иную известную фамилию — Шлиппе. В Симферополе ее семья принимала у себя Ф. Ф. Достоевского[18], о чем последний писал так:

---

[16] Подробнее о взаимоотношениях Ф. Ф. Достоевского с семьей М. А. Скадовской см.: [Капустина, 2026а: 284–285].

[17] РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30364. Л. 433 об.

[18] О других симферопольских контактах Ф. Ф. Достоевского см.: [Капустина, 2025а].

«…на обѣдахъ и вечерахъ бывалъ въ силу необходимости поддерживать отношенія, чаще же всего и запросто у Скадовскихъ»[19].

Примечательно, что подругой юности Марии Александровны была Ольга Леонардовна Книппер. В письме вдовы А. П. Чехова к его сестре от 26 ноября 1905 г. имена Ф. Ф. Достоевского и М. А. Скадовской упоминаются поочередно, что может служить косвенным указанием на их приятельство, которое к этому времени трансформировалось в дальнее родство[20]:

> «Дорогая Маша, дойдет ли это письмо — не знаю. Везет его сын Достоевского до Симферополя, а там как будет — не знаю. Приложу записочку к Маше Скадовской, может со случаем переправит тебе (в Ялту. — *С. К.*)»[21].

У двух великих писательских фамилий было множество общих знакомств[22], которые способствовали их заочному сближению. Одной из владелиц гостиницы «Франция», в скромном номере которой скончалась вдова Достоевского, была Елена Ивановна Латри (во втором браке — Рыбицкая) — дочь Ивана Константиновича Айвазовского. По маринистическим полотнам художника Ф. М. Достоевский слагал визуальный образ Крыма[23]; фотокарточку с дарственной надписью Айвазовского бережно хранила А. Г. Достоевская[24], а встречу с ним в Феодосии в 1888 г. навсегда запомнил А. П. Чехов[25]. Однако приятельских отношений между Анной Григорьевной и Чеховыми в Крыму не сложилось: живя в одном курортном городе, они едва ли не каждый день имели возможность встретиться, но их линии сошлись в посмертной памяти.

Ялтинская история Чеховых началась через 12 лет после того, как с этим городом связала судьбу А. Г. Достоевская. В октябре 1898 г. А. П. Чехов приобрел участок в пригороде Ялты, в деревне Верхняя Аутка. Выбор этой

---

[19] РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30364. Л. 452 об.

[20] У Екатерины Петровны Цугаловской, ставшей в 1903 г. второй супругой Федора Федоровича Достоевского, была родная сестра Анна (Нина) Петровна, которая в 1891 г. вышла замуж за Александра Эдуардовича Фальц-Фейна — двоюродного брата Марии Александровны Скадовской (см.: [Капустина: 2025a]).

[21] О. Л. Книппер — М. П. Чехова. Переписка: в 2 т. / под ред. З. П. Удальцова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. Т. 1: 1899–1927. С. 172 [Электронный ресурс]. URL: https://readli.net/chitat-online/?b=912116&pg=41 (02.05.2026).

[22] Перечислить все совпадения не представляется возможным, однако стоит обратить внимание на общность таких линий, как литературная и издательская (Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, А. Ф. Маркс и др.); театральная (К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко и мн. др.); общественно-политическая (К. П. Победоносцев, А. Ф. Кони, В. А. Гиляровский и мн. др.).

[23] Подробнее см.: [Капустина, 2025b: 148–150].

[24] Хранится: ОР РГБ. Ф. 93.II.1.13а.

[25] См.: [Шалюгин: 12–15].

удаленной локации исследователи объясняют прежде всего экономическими соображениями: «…в центре города цены на землю стояли очень высокие. Этот же участок, размером в 800 кв. саженей, Чехов купил по дешевой цене, по 5 рублей за кв. сажень и, кроме того, на льготных условиях, в долг» [Сысоев, 1954: 20]. К концу 1899 г. по проекту архитектора Л. Н. Шаповалова на участке было возведено строение, получившее название «Белая дача».

Как отмечает Н. В. Пашко, «Мария Павловна приняла самое деятельное и горячее участие в устройстве и возведении будущего дома, и именно ей суждено было сохранить его для будущих поколений» [Пашко: 110]. Этот тезис созвучен наблюдению А. В. Ханило: «Марии Павловне почти никогда не доводилось просто отдыхать летом в Ялте, так как всегда надо было что-то ремонтировать, укреплять, красить и ликвидировать все недоделки, возникшие при строительстве дома» [Ханило: 42].

Еще одним активным помощником А. П. Чехова по ялтинским делам стал Исаак Абрамович Синани — владелец знаменитой книжной лавки «Русская избушка», располагавшейся на первом этаже гостиницы «Франция». Его предприятие было не столько местом продажи книг, газет, табака и театральных билетов, сколько своего рода литературным клубом, который посещали как известные деятели литературы (М. Горький, И. Бунин, А. Куприн, Л. Андреев, Н. Телешов и мн. др.), так и ее ценители. Вполне закономерно, что ялтинский библиофил и общественный деятель был знаком с А. Г. Достоевской. Согласно записи последней, именно «*г<осподи>нъ Синани говорилъ, что Чеховъ поручилъ сдѣлать планъ какому то Шаповалову* (*брату Архитектора Краснова*[26]), *который будетъ наблюдать за постройкой изъ 3 %* (*трехъ %*). *Домъ будетъ строиться въ Верхней Аутки*[27]»[28]. Сосредоточенность А. Г. Достоевской на стоимости услуг архитекторов обусловлена ее собственным проектом по возведению капитальной дачи в «Тендеризе». Позже имена Краснова и Шаповалова (уже без уточнения) будут фигурировать в ее записях о возможных расходах на строительство ялтинского дома.

Факт превращения Ялты в «чеховский город»[29] в годы жизни там А. Г. Достоевской, а также обилие общих знакомых в местной и столичной среде

---

[26] Неточные сведения: Н. П. Краснов и Л. Н. Шаповалов приходились друг другу не братьями, а свояками, поскольку были женаты на родных сестрах Фарбштейн.

[27] Информация о чеховском переезде на полуостров была короткой строкой обозначена и в газете «Крымский курьер» (1898. № 61. 20 октября): «Ант. Павл. Чехов приобретает в Ялте недвижимое имущество и поселяется здесь на постоянное жительство».

[28] ОР РГБ. Ф. 93.III.4.1. Л. 222 об.

[29] Данное выражение приобрело характер идиомы. Ее возникновение В. Ф. Пермякова объясняет так: «Даже случайно оказавшись в Ялте на короткое время, приезжий неоднократно встретится с именем великого писателя. На Набережной находится театр имени А. П. Чехова. В ялтинском Приморском парке в 1953 году открыт памятник Чехову

словно бы подталкивают к выводу об их личных контактах. Именно этой логикой, по-видимому, руководствовался правнук писателя Дмитрий Андреевич Достоевский, утверждавший, что тело умершей в Ялте прабабушки «лежало в цинковом гробу, за ним присматривала сестра Чехова, с которой она была знакома и даже к концу жизни подружилась»[30].

Однако информация о приятельстве М. П. Чеховой и А. Г. Достоевской как биографический факт требует соответствующей верификации. Особого внимания заслуживает указание Д. А. Достоевского на дружбу верных хранительниц памяти Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова именно «к концу жизни» Анны Григорьевны (притом, что с Ялтой у нее связана треть земного пути).

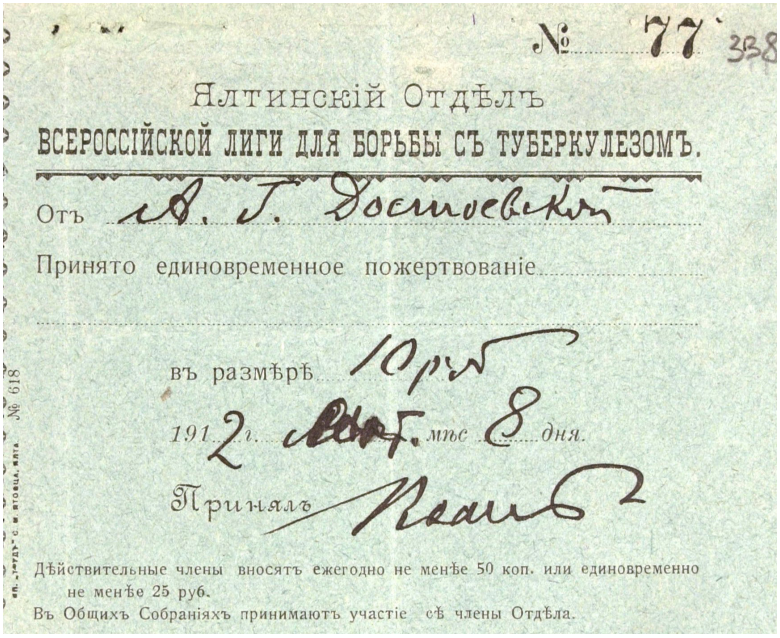
Сразу по приезде в Ялту А. П. Чехов активно включился в социально значимые для крымского курорта проекты. Проявляя деятельное сочувствие к страдающим от туберкулеза беднякам, врач-литератор инициировал создание сначала пансиона, а затем общедоступного санатория «Яузлар». Неизменной советчицей и помощницей (а позже — последовательницей) брата была Мария Павловна. Анна Григорьевна также внесла «к концу жизни» посильную лепту в борьбу с «чахоткой XIX века». В сентябре 1912 г. она заключила договор с Ялтинским отделом Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом об аренде «Тендериза» для «Бесплатной детской летней колонии». О милосердии хозяйки ялтинской дачи свидетельствовала не столько демократичная цена сдачи (370 руб. в год, т. е. приблизительно 1 руб. в сутки[31]), сколько готовность предоставить жилье страждущим детям, которых из-за страшного недуга «избегали пускать к себе содержатели гостиниц, пансионов и меблированных комнат» [Сысоев, 1954: 29]).

Сотрудничество вдовы Достоевского с Ялтинским отделом Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом теоретически могло сблизить ее только с хранительницей «Белой дачи» — Марией Павловной, поскольку происходило уже после смерти А. П. Чехова. Однако были и более ранние ялтинские прецеденты, связанные с благотворительностью, которые гипотетически могли стать началом их личного знакомства.

(работа скульптора Г. И. Мотовилова). За пределами Ялты, в Гурзуфе, сохранился маленький домик, где А. П. Чехов работал над пьесой "Три сестры"» [Пермякова: 31].

[30] Цитируется выдержка из интервью «Как Федор Достоевский проявлялся в своих потомках», которое в 2021 г. Д. А. Достоевский дал Елене Сафроновой [Электронный ресурс]. URL: https://rewizor.ru/literature/interviews/kak-fedor-dostoevskiy-proyavlyalsya-v-svoih-potomkah/ (02.05.2026).

[31] ОР РГБ. Ф. 93.III.4.1. Л. 340. Для сравнения: номер в ялтинской гостинице в этот же период обходился А. Г. Достоевской в 2–2,5 руб. в сутки без питания (см.: Достоевская А. Г. Счета гостиниц, лечебниц и др. [1916–1918] // ОР РГБ. Ф. 93.II.5.29).

№ 77 338

Ялтинскій Отдѣлъ
ВСЕРОССІЙСКОЙ ЛИГИ ДЛЯ БОРЬБЫ СЪ ТУБЕРКУЛЕЗОМЪ.

Отъ А. Г. Достоевской

Принято единовременное пожертвованіе

въ размѣрѣ 10 руб

191 2 г. [illegible] мѣс 8 дня.

Принялъ [illegible]

Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно не менѣе 50 коп. или единовременно не менѣе 25 руб.
Въ Общихъ Собраніяхъ принимаютъ участіе сѣ члены Отдѣла.

Илл. 2. Квитанция о внесении пожертвования А. Г. Достоевской в Ялтинский отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом[32]

Fig. 2. Receipt for a donation made by Anna Dostoevskaya to the Yalta branch of the All-Russian League for the Fight against Tuberculosis

Один из таких эпизодов описывает А. В. Блинова: «В "Пожертвованиях в пользу детей крестьян Самарской губернии" обнаруживаем фамилию жены Достоевского — Анны Григорьевны. Пожертвования совершались в Ялте. Чехов снимал квартиру на даче К. Иловайской "Омюр" с 23 октября 1898 года. 4 декабря писатель присутствовал на именинах начальницы женской гимназии В. К. Харкеевич. Вероятно, там и происходил сбор пожертвований. Анна Григорьевна Достоевская проживала в Ялте на даче Ратенек[33]. Возможно, была на тех же именинах, где пожертвовала 10 руб., а может быть, передала деньги другим способом. Сведений о личном знакомстве Чехова и Достоевской не обнаружено» [Блинова: 31]. Верификация приведенных сведений показала, что они восходят к материалам, опубликованным в Полном собрании сочинений А. П. Чехова. В 16-м томе помещено приложение «Пожертвования в пользу детей крестьян Самарской губернии» с перечнем

[32] ОР РГБ. Ф. 93.III.4.1. Л. 338.

[33] Эти сведения подтверждают строки А. Г. Достоевской из «Книги для записывания документов, расписок, квитанций и вообще всяких дел, относящихся к даче и земле, купленным А. Гр. Достоевской около Ялты»: «*Ратенекъ, Ѳедоръ Ивановичь, хозяинъ того дома гдѣ я жила. Жена его Пелагея Гавриловна. Дѣвушка служившая мнѣ Саша, другая Ѳеня, а человѣкъ-сторожъ Петръ*» (ОР РГБ. Ф. 93.III.4.1. Л. 245).

лиц, от которых поступили вспоможения. Среди внушительного списка благотворителей действительно значится имя А. Г. Достоевской с указанием суммы в 10 рублей. Однако в преамбуле обозначены три способа передачи средств: «Пожертвования принимаются в редакции "Крымского курьера" и у Ант. Павл. Чехова (Аутская, д. г-жи Иловайской), а иногородние читатели благоволят направить их по адресу: Самара, А. С. Пругавину» [Чехов: 364]. Таким образом, вероятность того, что Анна Григорьевна Достоевская передала пожертвование лично А. П. Чехову либо его сестре, составляет лишь 30%. Не в пользу этой версии говорит и то, что А. Г. Достоевская нередко обращалась в редакцию «Крымского курьера» с целью размещения объявлений о сдаче в аренду принадлежащих ей ялтинских участков. Например, в нескольких октябрьско-ноябрьских номерах 1898 г.[34] была опубликована следующая информация:

> «Отдается в аренду земля под табачную плантацию в количестве одной десятины. Справляться у г-жи Достоевской, на даче Ратенек»[35].

Следовательно, для Анны Григорьевны осенью 1898 г. было гораздо удобнее внести благотворительное пожертвование при оплате публикационных услуг «Крымского курьера», нежели прибегать к личной передаче средств.

Важным аргументом, противоречащим утверждению Д. А. Достоевского, служит и свидетельство Н. А. Гурьевой-Смирновой: «Вот, например, друг сестры писателя Марии Павловны Чеховой, Елена Филипповна Янова. Она жила в Ялте в те же месяцы, что и Анна Григорьевна, но ничего о ней не знает» [Гурьева-Смирнова: 328]. Следует подчеркнуть, что Е. Ф. Янова была ближайшим конфидентом и бессменным сотрудником М. П. Чеховой, оставшимся с ней в Ялте во время немецкой оккупации. Именно поэтому она должна была знать о приятельстве Чеховой и Достоевской, если бы таковое существовало.

Указание потомка Ф. М. Достоевского на то, что Мария Павловна заботилась о ялтинском месте упокоения Анны Григорьевны, требует уточнения. Дело в том, что Ауткинское кладбище, где была похоронена вдова Ф. М. Достоевского, находилось в пешей доступности от «Белой дачи» Чеховых и считалось среди ялтинцев привилегированным некрополем. По свидетельству С. Редькина, опубликованному на страницах «Курортной газеты» от 28 июня 1963 г., здесь «покоятся останки героя Севастопольской обороны генерал-майора Костецкого, героя-авиатора Х. Харитопуло,

---

[34] Объявление А. Г. Достоевской дублировалось на последней странице газеты «Крымский курьер»: № 67 от 28 октября 1898 г.; № 69 от 30 октября 1898 г.; № 71 от 1 ноября 1898 г.

[35] Крымский курьер. 1898. № 71. 1 ноября. С. 4.

жены писателя Ф. Достоевского, основоположника русской черной металлургии Чернова, декабристов Трубецких и многих других»[36].

С 1919 г. на Ауткинском некрополе находилась и могила матери Чеховых — Евгении Яковлевны. Для того, чтобы почтить ее память, Мария Павловна регулярно посещала кладбище; стараниями сестры писателя в 1936 г. прах Е. Я. Чеховой был перенесен на городское кладбище (ул. Южнобережная). Причиной перезахоронения послужило извещение о том, что на территории погоста планируется обустроить место отдыха для жителей и гостей Ялты — впоследствии сквер имени Н. Н. Батурина.

Эти сведения находят подтверждение в научных работах. Так, В. В. Кожин пишет: «По воспоминаниям старожилов района, где находится руинированное кладбище, автору известно, что Мария Павловна до конца своей жизни навещала старое кладбище, где когда-то была похоронена Е. Я. Чехова. Сестра великого русского писателя ухаживала за могилой вдовы Ф. М. Достоевского Анны Григорьевны» [Кожин: 129].

Более информативное свидетельство об этой ситуации предлагает С. В. Белов:

> «До Великой Отечественной войны наблюдать за могилой Анны Григорьевны помогала сестра А. П. Чехова Мария Павловна Чехова <…>. Сразу же после Великой Отечественной войны Музей-квартира Достоевского в Москве и Андрей Федорович запрашивали Ялтинский горисполком и Музей-квартиру Чехова в Ялте о сохранности могилы Анны Григорьевны. Но ответ пришел неутешительный: могила утрачена, так как во время бомбежки Ялты на кладбище стояла зенитная батарея» [Белов: 206].

Зафиксированные сведения конкретизируются материалами крымской прессы, восходящими к непосредственным собеседникам М. П. Чеховой. Так, в статье литератора и журналиста Григория Игнатьевича Пяткова (1924–2011) «Единственная женщина, которая поняла его», опубликованной в «Крымской газете» от 17 ноября 2000 г., приводятся следующие воспоминания:

> «О том, что жена Достоевского похоронена в Ялте и какая незавидная судьба этой могилы, я узнал в 1954 году от Марии Павловны Чеховой. Этот год был знаменательным — исполнилось 50 лет со дня смерти Антона Павловича, и в Ялте, в Приморском парке, был открыт памятник писателю <…>. Где-то через неделю после этих событий я пришел к Марии Павловне, и она поведала мне о печальной судьбе могилы жены Достоевского, за которой она приглядывала все довоенные годы. Мы договорились, что в удобное для

[36] Редькин С. Соблюдать хорошие традиции // Курортная газета. 1963. № 128 (5537). 28 июня. С. 3.

нее время она покажет мне могилу Анны Григорьевны, или, вернее, то, что от нее осталось…»[37].

В 1950–1960-х гг. (т. е. еще до перезахоронения праха Анны Григорьевны в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга) «значительная часть парка <была> уничтожена, кипарисы вырублены, памятники, ограды разрушены. На освободившемся месте разбиты огороды, сады частников <…>, выращивающих ягоды и фрукты для продажи на рынке. Они возвели террасы, использовав камень оград и памятников для выкладки подпорных стен. Оставшиеся мраморные скульптуры, плиты увозились строительными организациями, дробились на крошку для мозаичных плит, ступеней, скамеек. Даже ребята-школьники тащили отсюда "металлолом"»[38]. Наблюдая разрушительные последствия войны, а после — кощунственное «освоение» земель мемориала, Мария Павловна Чехова до последних дней продолжала начатое ею в 1919 г. негласное шефство над могилой Анны Григорьевны Достоевской.

Известно, что создательница и бессменный хранитель ялтинского Дома-музея А. П. Чехова неоднозначно относилась к творчеству Достоевского[39]. Тем не менее она лучше других понимала суть дела, которому посвятила жизнь Анна Григорьевна: из личного опыта ей было знакомо, как непросто заботиться о памяти ушедшего гения, сколько усилий требуется прилагать для сохранения его образа через публикацию переписки и воспоминаний. Поэтому ее уход за могилой Достоевской — не просто жест единомышленницы, а поступок глубоко человеческий, который необходимо учитывать при реконструкции посмертной ялтинской истории вдовы писателя.

Список литературы

1. [Андрианова И. С.] Из писем А. Г. Достоевской к А. А. Достоевскому (1914–1915) // Неизвестный Достоевский. 2015. Т. 2. № 3. С. 96–113 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449061645.pdf (02.05.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2486. EDN: VLJUOT
2. Белов С. В. Жена писателя: последняя любовь Ф. М. Достоевского. М.: Сов. Россия, 1986. 208 с.
3. Блинова А. В. Ф. М. Достоевский в восприятии А. П. Чехова-читателя // Вопросы русской литературы. 2018. № 1. С. 24–36 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-v-vospriyatii-a-p-chehova-chitatelya (02.05.2026). EDN: MHBZUG
4. Богданов Н. Н. «Лица необщим выражением…». Родственное окружение Ф. М. Достоевского. М.: Старая Басманная, 2011. 354 с.

---

[37] Пятков Г. Единственная женщина, которая поняла его // Крымская газета. 2000. 17 ноября. С. 3.

[38] Редькин С. Соблюдать хорошие традиции.

[39] 12 ноября 1927 г. она признавалась в письме к О. Л. Книппер-Чеховой: «…прочла "Идиота" и только расстроилась, не могу читать Достоевского» (цит. по: [Ханило: 79]).

5. Богданов Н. Н. Судьба рода Достоевских: новые материалы к биографии // Вопросы русской литературы. 2012. № 21 (78). С. 40–49 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-roda-dostoevskih-novye-materialy-k-biografii/viewer (02.05.2026).
6. Гурьева-Смирнова Н. А. Послесловие автора // Анна Достоевская. М.: Современ. писатель, 1993. С. 326–331.
7. Достоевская Л. Ф. Мой отец Федор Достоевский / пер. с фр. Н. Д. Шаховской; вступ. ст., общ. ред. и примеч. Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2017. 511 с.: ил.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
9. Капустина С. В. Венчание в Симферополе (Ф. Ф. Достоевский и Е. П. Цугаловская) // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12. № 1. С. 195–209 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1744627937.pdf (02.05.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7821. EDN: VKNAEX (a)
10. Капустина С. В. Крымские мотивы в творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 139–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1740397923.pdf (02.05.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.14782. EDN: XFZDAQ (b)
11. Капустина С. В. «Мое подлое, хотя и милое скаковое дело…»: Ф. Ф. Достоевский-коннозаводчик в Симферополе (1895–1908) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 2 (34). С. 269–290 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2026-2/07_Kapustina_269-290.pdf (02.05.2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2026-2-269-290. EDN: STGEGS (a)
12. Капустина С. В. Ялта в судьбе Достоевских // Русский язык в поликультурном мире: X Междунар. симпозиум (8–12 июня 2026 г., Ялта): сб. науч. ст.: в 2 т. Симферополь: АРИАЛ, 2026. Т. 2 / отв. ред. Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова. С. 65–70. (b)
13. Коган Г. Ф. Заграничный паспорт Ф. Ф. Достоевского 1918–1921 гг. // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2001. № 16. С. 152–158.
14. Кожин В. В. Из хроники семейной родословной: Людмила Александровна Чехова // Гуманитарная парадигма. 2021. № 2 (17). С. 126–142 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-hroniki-semeynoy-rodoslovnoy-lyudmila-aleksandrovna-chehova (02.05.2026). EDN: TFAIZT
15. Орнатская Т. И. К истории утраты рукописей романа «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 181–193. EDN: XYUKPJ
16. Орнатская Т. И. А. Г. Достоевская. Материалы для биографии Ф. М. Достоевского (1880–1881) // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб.: Наука, 1994. С. 229–247.
17. Пашко Н. В. История Дома-музея А. П. Чехова в Ялте (1898–1904). Быт и строительство Белой дачи // Чеховские чтения в Ялте: XLI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня основания Дома-музея А. П. Чехова в Ялте: сб. науч. тр. Ялта: Крымский литер.-худож. мемориальный музей-заповедник, 2022. С. 108–116 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49234514_41762521.pdf (02.05.2026). EDN: OOCROF
18. Пермякова В. Ф. Чехов в Крыму. Симферополь: Таврия, 1980. 31 с.
19. Сысоев Н. А. Чехов в Крыму / с предисл. М. П. Чеховой и ст. О. Л. Книппер-Чеховой. 3-е изд., испр. и доп. Симферополь: Крымиздат, 1954. 152 с.

20. Сысоев Н. А. Чехов в Крыму. 4-е изд., испр. и доп. Симферополь: Крымиздат, 1960. 126 с.
21. Тихомиров Б. Н. Последние годы Федора Федоровича Достоевского (в связи с находкой его заграничного паспорта 1918–1921 гг.) // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2001. № 16. С. 159–173.
22. Тихомиров Б. Н. Загадка исчезнувших рукописей «Братьев Карамазовых» (факты и гипотезы) // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 765–796.
23. Ханило А. В. Чехов в Ялте: сб. ст. 3-е изд. Симферополь: Н. Оріанда, 2022. 192 с.
24. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. М.: Наука, 1987. Т. 16: Статьи, рецензии, заметки, 1881–1902 / текст подгот. и примеч. сост. Л. М. Долотова и др. 623 с.
25. Шалюгин Г. А. Чехов в Крыму. 2-е изд. М.: Гелиос АРВ, 2026. 256 с.

References

1. Andrianova I. S. From the Letters of A. G. Dostoevskaya to A. A. Dostoevsky (1914–1915). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, vol. 2, no. 3, pp. 96–113. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449061645.pdf (accessed on May 2, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2486. EDN: VLJUOT (In Russ.)
2. Belov S. V. *Zhena pisatelya*: *poslednyaya lyubov' F. M. Dostoevskogo* [*The Writer's Wife*: *Fyodor Dostoevsky's Last Love*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1986. 208 p. (In Russ.)
3. Blinova A. V. F. M. Dostoevsky in the Perception of A. P. Chekhov-Reader. In: *Voprosy russkoy literatury* [*Issues of the Russian Literature*], 2018, no. 1, pp. 24–36. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-v-vospriyatii-a-p-chehova-chitatelya (accessed on May 2, 2026). EDN: MHBZUG (In Russ.)
4. Bogdanov N. N. "*Litsa neobshchim vyrazheniem…*". *Rodstvennoe okruzhenie F. M. Dostoevskogo* ["*With an Uncommon Expression of Face…*". *The Kin of F. M. Dostoevsky*]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2011. 354 p. (In Russ.)
5. Bogdanov N. N. The Fate of the Dostoevsky Family: New Materials for the Biography. In: *Voprosy russkoy literatury* [*Issues of the Russian Literature*], 2012, no. 21 (78), pp. 40–49. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-roda-dostoevskih-novye-materialy-k-biografii/viewer (accessed on May 2, 2026). (In Russ.)
6. Gur'eva-Smirnova N. A. Author's Afterword. In: *Anna Dostoevskaya.* Moscow, Sovremennyy pisatel' Publ., 1993, pp. 326–331. (In Russ.)
7. Dostoevskaya L. F. *Moy otets Fyodor Dostoevskiy* [*My Father Fyodor Dostoevsky*]. Moscow, Boslen Publ., 2017. 511 p. (In Russ.)
8. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 30 tomakh* [*The Complete Works*: *in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
9. Kapustina S. V. The Wedding in Simferopol (F. F. Dostoevsky and E. P. Tsugalovskaya). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2025, vol. 12, no. 1, pp. 195–209. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1744627937.pdf (accessed on May 2, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7821. EDN: VKNAEX (In Russ.) (a)
10. Kapustina S. V. Crimean Motifs in the Works of F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2025, vol. 23, no. 1, pp. 139–164. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1740397923.pdf (accessed on May 2, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.14782. EDN: XFZDAQ (In Russ.) (b)

11. Kapustina S. V. "My Vile, Albeit Sweet, Racing Business…": Fyodor F. Dostoevsky as Horse Breeder in Simferopol (1895–1908). In: *Dostoevskiy i mirovaya kultura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2026, no. 2 (34), pp. 269–290. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2026-2/07_Kapustina_269-290.pdf (accessed on May 2, 2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2026-2-269-290. EDN: STGEGS (In Russ.) (a)
12. Kapustina S. V. Yalta in the Fate of the Dostoevskys. In: *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire*: *X Mezhdunarodnyy simpozium* (*8–12 iyunya 2026 g., Yalta*): *sbornik nauchnykh statey*: *v 2 tomakh* [*Russian Language in a Multicultural World*: *10th International Symposium* (*June 8–12, 2026, Yalta*): *A Collection of Scientific Articles*: *in 2 Vols*]. Simferopol, ARIAL Publ., 2026, vol. 2, pp. 65–70. (In Russ.) (b)
13. Kogan G. F. The Foreign Passport of Fyodor F. Dostoevsky 1918–1921. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*: *al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture*: *Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2001, no. 16, pp. 152–158. (In Russ.)
14. Kozhin V. V. Glances from the Chronicle of a Family: Lyudmila Chekhova. In: *Gumanitarnaya paradigma* [*Humanitarian Paradigm*], 2021, no. 2 (17), pp. 126–142. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-hroniki-semeynoy-rodoslovnoy-lyudmila-aleksandrovna-chehova (accessed on May 2, 2026). EDN: TFAIZT (In Russ.)
15. Ornatskaya T. I. To the History of the Loss of the Manuscripts of the Novel The Brothers Karamazov. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, vol. 10, pp. 181–193. EDN: XYUKPJ (In Russ.)
16. Ornatskaya T. I. A. G. Dostoevskaya. Materials for the Biography of F. M. Dostoevsky (1880–1881). In: *Literaturnyy arkhiv. Materialy po istorii russkoy literatury i obshchestvennoy mysli* [*Literary Archive. Materials on the History of Russian Literature and Social Thought*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 229–247. (In Russ.)
17. Pashko N. V. History of the House-Museum of A. P. Chekhov in Yalta (1898–1904). Construction and Life of a White Dacha. In: *Chekhovskie chteniya v Yalte*: *XLI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya osnovaniya Doma-muzeya A. P. Chekhova v Yalte*: *sbornik nauchnykh trudov [Chekhov Readings in Yalta*: *41st International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Founding of the A. P. Chekhov House-Museum in Yalta*: *A Collection of Scientific Papers*]. Yalta, Crimean Literary and Art Memorial Museum-Reserve Publ., 2022, pp. 108–116. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49234514_41762521.pdf (accessed on May 2, 2026). EDN: OOCROF (In Russ.)
18. Permyakova V. F. *Chekhov v Krymu* [*Chekhov in Crimea*]. Simferopol, Tavriya Publ., 1980. 31 p. (In Russ.)
19. Sysoev N. A. *Chekhov v Krymu* [*Chekhov in Crimea*]. 3rd ed., corrected and supplemented. Simferopol, Krymizdat Publ., 1954. 152 p. (In Russ.)
20. Sysoev N. A. *Chekhov v Krymu* [*Chekhov in Crimea*]. 4th ed., corrected and supplemented. Simferopol, Krymizdat Publ., 1960. 126 p. (In Russ.)
21. Tikhomirov B. N. The Last Years of Fyodor Dostoevsky (in Connection with the Discovery of His Foreign Passport in 1918–1921). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*: *al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture*: *Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2001, no. 16, pp. 159–173. (In Russ.)
22. Tikhomirov B. N. The Mystery of the Missing Manuscripts of the Brothers Karamazov (Facts and Hypotheses). In: *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"*: *sovremennoe sostoyanie izucheniya* [*F. M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"*: *The Current State of Study*].Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 765–796. (In Russ.)

23. Khanilo A. V. *Chekhov v Yalte*: *sbornik statey* [*Chekhov in Yalta*: *A Collection of Articles*]. 3rd ed. Simferopol, N. Orianda Publ., 2022. 192 p. (In Russ.)
24. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: *v 30 tomakh* [*The Complete Works and Letters*: *in 30 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 1987, vol. 16. 623 p. (In Russ.)
25. Shalyugin G. A. *Chekhov v Krymu* [*Chekhov in Crimea*]. 2nd ed. Moscow, Gelios ARV Publ., 2026. 256 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Капустина Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи факультета русского языка и литературы, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (пр. Вернадского, 4, г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, 295007); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0608-5258; e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru.

Svetlana V. Kapustina, PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Russian Language and Speech Culture of the Faculty of Russian Language and Literature, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (pr. Vernadskogo 4, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0608-5258; e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.07.2026
Принята к публикации / Accepted 03.07.2026
Дата публикации / Date of publication 31.07.2026

Научная статья
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8641
EDN: NGBOAI

Инсценировка без постановки: пьеса М. Э. Козакова и А. Б. Мариенгофа «Настасья Филипповна»

Д. Н. Жаткин[1]✉, В. В. Сердечная[2]

[1] *Пензенский государственный технологический университет*
(*г. Пенза, Российская Федерация*)
e-mail: ivb40@yandex.ru✉

[2] *Кубанский государственный университет*
(*г. Краснодар, Российская Федерация*)
e-mail: rintra@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной пьесе М. Э. Козакова и А. Б. Мариенгофа «Настасья Филипповна» — инсценировке романа Ф. М. Достоевского «Идиот», которая представляет собой неисследованную страницу творческой рецепции наследия великого русского писателя в советской культуре 1930–1950-х гг. Материалом для анализа послужили три машинописных экземпляра пьесы, сохранившихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фондах Главного управления по контролю за репертуаром (Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 3741) и М. Э. Козакова (Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 65, 83), а также единственный выявленный нами экземпляр машинописного издания 1945 г., выпущенного Отделом распространения Всесоюзного управления по охране авторских прав (из фондов Российской государственной библиотеки искусств). Дополнительным источником послужила переписка А. Б. Мариенгофа, его жены А. Б. Никритиной, М. Э Козакова и его жены З. А. Никитиной, сохранившаяся в фондах РГАЛИ. Несмотря на опыт и мастерство соавторов, инсценировка, одобренная Главреперткомом в 1944 г., так и не заинтересовала театры. В 1940-е гг., в связи с переоценкой творчества Достоевского в советской идеологии, его произведения не приветствовались на отечественной сцене. Оттепель середины 1950-х гг. принесла новое прочтение проблематики «Идиота», наиболее ярко воплощенное в знаковой постановке Г. А. Товстоногова (1957): образ роковой женщины с непростым прошлым — Настасьи Филипповны — отошел на второй план, уступив место переосмысленному «оттепельной» интеллигенцией образу князя Мышкина, блестяще сыгранному И. М. Смоктуновским. Вместе с тем трактовка главных героев романа Ф. М. Достоевского в инсценировке Козакова и Мариенгофа во многом созвучна представлениям И. А. Пырьева, который в 1957–1958 гг. подготовил литературный сценарий и снял фильм «Идиот» («Настасья Филипповна»).

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. Э. Козаков, А. Б. Мариенгоф, «Идиот», «Настасья Филипповна», Достоевский в СССР, инсценировка

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00040 «Эволюция русского поэтического перевода в контексте идейных концепций литературных журналов второй половины XIX века», https://rscf.ru/project/24-18-00040/).

Для цитирования: Жаткин Д. Н., Сердечная В. В. Инсценировка без постановки: пьеса М. Э. Козакова и А. Б. Мариенгофа «Настасья Филипповна» // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 200–226. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8641. EDN: NGBOAI

© Д. Н. Жаткин, В. В. Сердечная, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8641
EDN: NGBOAI

An Unstaged Dramatization: The Play "Nastasya Filippovna" by Mikhail Kozakov and Anatoly Marienhof

Dmitry N. Zhatkin[1]✉, **Vera V. Serdechnaia**[2]

[1] *Penza State Technological University*
(*Penza, Russian Federation*)
e-mail: ivb40@yandex.ru✉

[2] *Kuban State University*
(*Krasnodar, Russian Federation*)
e-mail: rintra@yandex.ru

Abstract. The article examines the little-known play "Nastasya Filippovna" by M. E. Kozakov and A. B. Marienhof — a dramatization of F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot" — which represents an unexplored page in the creative reception of the great Russian writer's legacy in Soviet culture of the 1930s–1950s. The analysis draws on three typewritten copies of the play preserved at the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) in the collections of the Main Repertoire Committee (F. 656. Op. 5. Item 3741) and of M. E. Kozakov (F. 1517. Op. 1. Items 65, 83), as well as the only copy we have identified of the play's typed edition, issued in 1945 by the Distribution Department of the All-Union Copyright Administration (from the holdings of the Russian State Library of Arts). An additional source is the correspondence of A. B. Marienhof, his wife A. B. Nikritina, M. E. Kozakov, and his wife Z. A. Nikitina; all these materials are preserved in the RGALI archives. Despite the co-authors' experience and skill, the dramatization — approved by the Glavrepertkom in 1944 — never attracted the interest of theatres. In the 1940s, due to the reevaluation of Dostoevsky's works within Soviet ideology, his writings were discouraged on the domestic stage. The Thaw of the mid-1950s brought a new interpretation of "The Idiot"'s thematic concerns, most vividly realized in G. A. Tovstonogov's landmark production (1957): the image of the fatal woman with a troubled past — Nastasya Filippovna — was relegated to the background, making way for the image of Prince Myshkin, reinterpreted by the "Thaw-era" intelligentsia and brilliantly portrayed on stage by I. M. Smoktunovsky. At the same time, the interpretation of Dostoevsky's central characters in Kozakov and Marienhof's dramatization is largely consonant with I. A. Pyryev's vision, who in 1957–1958 prepared the literary screenplay and directed the film "The Idiot" ("Nastasya Filippovna").

Keywords: F. M. Dostoevsky, M. E. Kozakov, A. B. Mariengof, "The Idiot", "Nastasya Filippovna", Dostoevsky in the USSR, dramatizations

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00040 "The Evolution of Russian Poetry Translation in the Context of the Ideological Concepts of Literary Magazines of the Second Half of the 19th Century", https://rscf.ru/project/24-18-00040/).

For citation: Zhatkin D. N., Serdechnaia V. V. An Unstaged Dramatization: The Play "Nastasya Filippovna" by Mikhail Kozakov and Anatoly Marienhof. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 200–226. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8641. EDN: NGBOAI (In Russ.)

Последние десятилетия ознаменованы возвращением в актуальное российское литературоведение творчества ряда писателей начала XX в., в частности — прозаика и поэта-имажиниста Анатолия Борисовича Мариенгофа (1897–1962). В XXI в. сочинения Мариенгофа активно переиздаются[1], а его творчеству посвящены работы, затрагивающие различные аспекты его наследия [Белаш], [Демидов, 2019], [Прилепин, 2018], [Сухов, 2007], [Хуттунен, 2007, 2013], [Чипенко].

Несмотря на распространенное восприятие Мариенгофа преимущественно как поэта или романиста, исследователи справедливо отмечают, что немалый интерес представляют его пьесы [Сухов, 2020: 182]; «…начиная с 30-х годов его профессия — драматургия» [Прилепин, 2013: 24]. Изучение драматургии показательно, в частности, для анализа трансформации его творческого метода: так, В. А. Сухов пишет, что среди пьес Мариенгофа «трагедию "Заговор дураков" (1921), комедию "Шут Балакирев" (1940) и драму "Рождение поэта" (1950) можно рассматривать как ступени творческой эволюции, определившие переход автора от модернистских приемов в искусстве к реалистическим принципам» [Сухов, 2020: 182].

Отдельную страницу наследия Мариенгофа составляют произведения, написанные им в соавторстве с прозаиком и драматургом Михаилом Эммануиловичем Козаковым (1897–1954). Говоря о пьесах Мариенгофа и Козакова, сын последнего, знаменитый актер Михаил Михайлович Козаков (1934–2011), оценивал их в основном как конформистские и конъюнктурные — «пьесы-времянки»[2]; по его мнению, соавторы решили взяться за них от творческой безысходности: «Положение их в литературе и в жизни было отчаянное. Не печатали, не переиздавали, не платили…»[3]. О тех же причинах обращения к драматургии пишет и О. В. Демидов: после того как жена М. Э. Козакова З. А. Никитина пережила арест, Мариенгоф «вместе с Козаковым решает объединиться и писать строго советские тексты. Или хотя бы попытаться» [Демидов, 2019: 289].

---

[1] Мариенгоф А. Б. Стихотворения и поэмы. СПб.: Акад. проект, 2002. 350 с.; Мариенгоф А. Б. «Бессмертная трилогия». М.: Вагриус, 2006. 508 с.; Анатолий Мариенгоф о Сергее Есенине. М.: Октопус, 2006. 206 с.; Мариенгоф А. Б. Циники. Бритый человек: Романы. СПб.: Азбука-классика, 2007. 251 с.; Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. СПб.: Азбука-классика, 2008. 218 с.; Мариенгоф А. Б. Роман без вранья: Роман, мемуары. М.: Эксмо, 2009. 637 с.; Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. Мой век, мои друзья и подруги. М.: Астрель, 2012. 445 с.; Мариенгоф А. Б. Собр. соч.: в 3 т. / сост., коммент. О. Демидов. М.: Терра; Книжный клуб Книговек, 2013. Т. 1–3; Мариенгоф А. Б. В то время лиры пели, как гроза. М.: Молодая гвардия, 2015. 140 с.; Мариенгоф А. Б. Циники. М.: Терра; Книжный клуб Книговек, 2016. 366 с.; Мариенгоф А. Б. Бессмертная трилогия. М.: ПРОЗиК, 2017. 588 с.; Мариенгоф А. Б. Малое собр. соч. М.: Азбука-Аттикус, 2019. 603 с.; Мариенгоф А. Б. Циники. Роман без вранья. СПб.: Азбука, 2020. 1147 с.; Мариенгоф А. Б. Циники. СПб.: Аркадия, 2020. 156 с., и др.

[2] Козаков М. О дяде Толе Мариенгофе // Мариенгоф А. Б. «Бессмертная трилогия». М.: Вагриус, 2006. С. 8.

[3] Там же.

Семьи были связаны многолетней дружбой, что отразилось в их переписке, где кроме творческих вопросов обсуждались и бытовые. Так, 18 февраля 1953 г. жена Мариенгофа А. Б. Никритина писала Козакову:

> «Милый ты мой! Ну как ты там? Крутишься без Мариенгофа, не хватает тебе его? Тебя ему очень не хватает… Всё бы отдал, только бы с тобой покалякать»[4].

В соавторстве Мариенгоф и Козаков создали целый ряд произведений:

— сценарий мультфильма «Пес Веселый», посвященный эпопее папанинской полярной станции (конец 1930-х гг.); не был снят [Демидов, 2019: 286–287];

— пьесу «Не пищать!» (по мотивам сочинений А. С. Макаренко); под названием «Не пищать, черт возьми!» принята к постановке в Ленинградском Новом театре в 1941 г.[5], но, очевидно, так и не поставлена; представлена под названием «Здравствуйте, Андрей Степанович!» в Казани в 1955 г.[6]; опубликована в 1959 г.[7];

— пьесу «Настасья Филипповна» (инсценировку романа Ф. М. Достоевского «Идиот»); так и не нашла пути на сцену;

— пьесу «Золотой обруч»[8]; поставлена в Московском драматическом театре в 1946 г.;

— пьесу «Преступление на улице Марата»[9]; шла в Магаданском музыкально-драматическом театре им. М. Горького (1945), в Большом драматическом театре [Демидов, 2019: 352–353] и в Ленинградском драматическом театре (впоследствии — имени В. Ф. Комиссаржевской) в 1946 г.[10];

— пьесу «Остров великих надежд»; была принята к постановке Г. А. Товстоноговым в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола в 1950 г.[11],

---

[4] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 3.

[5] Хроника // Театральный справочник. 1941. 21–30 июня. С. 8.

[6] РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1.

[7] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. Не пищать!: пьеса в 3-х отд-ниях: для юношества: (по мотивам произведений А. С. Макаренко). Л.; М.: Искусство, 1959. 75 с.

[8] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. Золотой обруч: пьеса в 4 д. М.: Отд. распространения Всес. упр. по охране автор. прав, [1945]. 51 с.

[9] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. Преступление на улице Марата: драма в 4-х действиях с прологом. М.: Отд. распространения Всес. упр. по охране автор. прав, 1946. 59 с.

[10] Козаков М. О дяде Толе Мариенгофе. С. 8.

[11] Хроника искусства. «Остров великих надежд». Новая постановка театра имени Ленинского комсомола // Ленинградские театры. 1950. № 32 (9–15 окт.). С. 9.

премьера прошла в ноябре того же года[12]; опубликована в 1951 г. в журнале «Звезда»[13].

Судьба большинства произведений этого творческого дуэта оказалась непростой. «Золотой обруч» — пьеса, действие которой происходит в Крыму; в ней цитируются стихи М. А. Волошина, О. Э. Мандельштама и А. А. Суркова. Однако «советские театральные критики не видели в "Золотом обруче" ни намека на Волошина или Мандельштама» [Демидов, 2018: 51]. Спектакль по «Золотому обручу» шел успешно и, по свидетельству М. М. Козакова, «подкормил после войны семьи Мариенгофов — Козаковых»[14]. Несмотря на довольно суровую критику в советской прессе — «нудное многословное "выяснение отношений"», «элементарно-пошлая апология мещанства» (цит. по: [Демидов, 2019: 351]) — спектакль прошел двести раз [Мариенгоф; т. 2, кн. 2: 31] (по другим свидетельствам, — триста раз[15]) и только после этого был закрыт. Постановку по «Преступлению на улице Марата», шедшую в Ленинградском драматическом театре, «с треском и Постановлением закрыли в 1946 году»[16]. Спектакль по «Острову великих надежд», поставленный в 1950 г. Г. А. Товстоноговым в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола, также «был разгромлен в "Правде" и попал в Постановление о драматургии»[17]; пьеса была раскритикована в ряде газет [Демидов, 2019: 393]. В целом на драматургию соавторов распространилась не слишком счастливая судьба, постигшая пьесы Мариенгофа, который писал:

> «Сегодня, то есть 9 февраля 1957 года, ВСЕ мои пьесы запрещены» [Мариенгоф; т. 2, кн. 2: 31].

Драматургия Мариенгофа и Козакова очень мало исследована: нам удалось найти лишь работы О. В. Демидова [Демидов, 2018, 2019]. В трехтомном собрании сочинений Мариенгофа, вышедшем в 2013 г., тексты, написанные в соавторстве с Козаковым, не опубликованы; более того, в комментариях к изданию из перечисленных выше шести произведений упомянуты только три пьесы [Демидов, 2013: 551].

---

[12] Г. А. Товстоногов: жизнь и творчество (1913–1989). Часть II: 1992–2002 / сост.: Е. Г. Федяхина, В. А. Харламова; под ред. Н. П. Будановой // Записки Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки. Вып. 4/5 / [отв. ред. П. В. Дмитриев]. СПб.: Гиперион, 2003. С. 380.

[13] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. Остров великих надежд // Звезда. 1951. № 5. С. 3–38. См. также: Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. Остров великих надежд: пьеса в 4-х д. М.: Отд. распространения Всес. упр. по охране автор. прав, 1951. 95 с.

[14] Козаков М. О дяде Толе Мариенгофе. С. 8.

[15] Там же.

[16] Там же. Имеется в виду Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г.

[17] Там же.

Особенное место в наследии Мариенгофа и Козакова занимает пьеса «Настасья Филипповна». О. В. Демидов называет ее в числе опубликованных [Демидов, 2019: 437], однако единственный сохранившийся экземпляр указанного исследователем издания[18], находящийся в Российской государственной библиотеке искусств (РГБИ), представляет собой машинопись, выполненную через копировальную бумагу без указания каких-либо выходных данных. Можно утверждать, что в данном случае Отдел распространения Всесоюзного управления по охране авторских прав не счел возможным выпуск даже малотиражного стеклографического издания, ограничившись созданием 4–5 копий для профильной библиотеки и нескольких театров (см. *Илл. 1*). Вместе с тем инсценировка романа «Идиот» является свидетельством творческого диалога Мариенгофа и Козакова с Ф. М. Достоевским.

В обширной литературе о Достоевском отсутствуют исследования, посвященные творческой рецепции его наследия в произведениях М. Э. Козакова и А. Б. Мариенгофа, хотя последний неоднократно упоминает Достоевского и его романы. Приведем наиболее яркие цитаты из сочинений Мариенгофа:

> «Лев Николаевич Толстой написал первый русский бульварный роман ("Анна Каренина"), Достоевский — образцовый уголовный роман ("Преступление и наказание")» [Мариенгоф; т. 1: 47];
>
> «Они уже теперь учатся у нас писать романы таким же дурным литературным стилем, как Толстой, и так же скучно, как Достоевский» [Мариенгоф; т. 2, кн. 1: 70];
>
> «Ковыряюсь, канителюсь, потею над словом… Да, к сожалению, я не Достоевский, я не имею права писать плохо» [Мариенгоф; т. 2, кн. 2: 39];
>
> «Мысль Толстого, Чехова, Достоевского всегда хочется "закусить" собственной мыслью. В этом, пожалуй, самое большое достоинство хорошей литературы» [Мариенгоф; т. 2, кн. 2: 115];
>
> «…литература, по существу, сплетня. Толстой про Анну Каренину, Достоевский про Настасью Филипповну, мы с вами про Веронику Витольдовну и Маяковского» [Мариенгоф; т. 2, кн. 2: 390].

Достоевский упоминается также персонажами пьес Мариенгофа «Мамонтовы» [Мариенгоф; т. 3: 247, 281] и «Наследный принц» [Мариенгоф; т. 3: 449, 459, 471]. Таким образом, великий русский писатель был интересен Мариенгофу, и создание инсценировки его романа, на наш взгляд, служит дополнительным подтверждением этого тезиса.

---

[18] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. Настасья Филипповна: драматическая композиция в 4-х актах: по роману Ф. М. Достоевского «Идиот». М.: Отд. распростр. ВУОАП, 1945. 51 с.

Илл. 1. Титульный лист единственного сохранившегося машинописного экземпляра инсценировки М. Э. Козакова и А. Б. Мариенгофа «Настасья Филипповна» (1945, Отдел распространения ВУОАП). Российская государственная библиотека искусств (РГБИ)

Fig. 1. Title page of the sole surviving typescript copy of the stage adaptation “Nastasya Filippovna” by Mikhail Kozakov and Anatoly Marienhof (1945, Distribution Department of VUOAP). Russian State Art Library

В истории русского театра сложилась определенная традиция инсценировок «Идиота». Она берет начало с 1899 г., когда спектакли под таким названием, в одной и той же версии В. А. Крылова и С. Сутугина (О. Г. Этингера), были поставлены в Малом театре в Москве и в петербургском Александринском театре [Бурмистрова: 106]. Тогда же была заложена надолго сохранившаяся инсценировочная традиция: «…извлечь из романа Достоевского одну линию — историю Настасьи Филипповны, например, — и одной этой линией удовольствоваться» [Берковский: 84]. В обоих театрах

роль Настасьи Филипповны исполняли выдающиеся актрисы: в Малом театре — М. Н. Ермолова, в Александринском — М. Г. Савина, которым несколько уступали актеры-мужчины [Бурмистрова: 106–109]. Несмотря на то что Козаков и Мариенгоф в предисловии к инсценировке[19] противопоставляли свою версию более ранним драматическим трактовкам романа, они также выбрали Настасью Филипповну главной героиней пьесы, что следует уже из названия.

История пьесы Козакова и Мариенгофа «Настасья Филипповна» кратко описана в книге О. В. Демидова [Демидов, 2019: 395–396], однако может быть воссоздана более подробно — в контексте судьбы наследия Достоевского в СССР — на материалах сохранившихся экземпляров произведения и переписки М. Э. Козакова, его жены З. А. Никитиной, А. Б. Мариенгофа и его жены А. Б. Никритиной.

В фондах РГАЛИ отложились три экземпляра «Настасьи Филипповны»: один, относящийся к 1944 г., в архиве Главрепертком[20] и два с позднейшими изменениями, осуществленными в 1953–1954 гг., в архиве М. Э. Козакова[21]. Очевидно, инсценировка была создана в конце 1930-х гг. Об этом косвенно свидетельствует предисловие авторов, приложенное к одной из машинописей. В нем указано:

> «В феврале 1941 г. исполняется 60 лет со дня смерти русского и мирового классика — Ф. М. Достоевского. <…> Наша работа и посвящена этой дате»[22].

В письме на почтовой карточке без даты и без почтового штемпеля (но с карандашной пометкой на обороте — «41 г.») Мариенгоф сообщает Козакову (см. *Илл. 2*):

> «…я был у Таирова, он твердо порешил ставить "Идиота" и получил на это разрешение Александрова <…>. Ты понимаешь только, чем это пахнет? Сегодня пойдет у Таирова, завтра по всей России. А мы с тобой богачи-рантье до конца (вероятно, не больно отдаленного) дней своих суровых»[23].

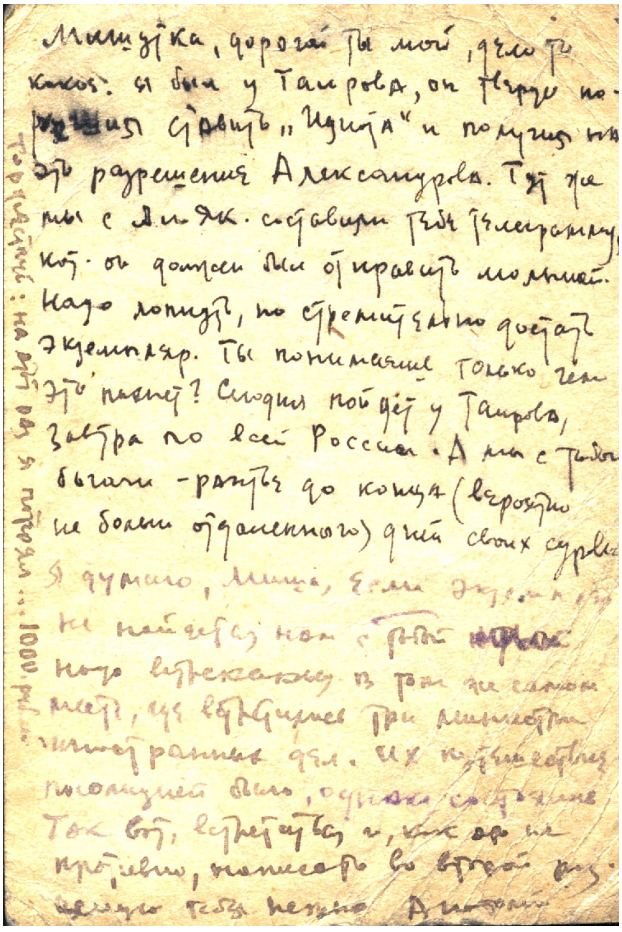
[19] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. От авторов композиции // РГАЛИ. Ф. 1517 (Козаков М. Э.). Оп. 1. Ед. хр. 65. М. Э. Козаков и А. Б. Мариенгоф. «Настасья Филипповна». Драматическая композиция в 4-х действиях по роману Ф. М. Достоевского «Идиот» с предисловием авторов и вариант действия 1-го. Л. 3.

[20] РГАЛИ. Ф. 656 (Главрепертком). Оп. 5. Ед. хр. 3741. М. Козаков, А. Мариенгоф. «Настасья Филипповна». Композиция в 4-х актах по роману Ф. Достоевского «Идиот». 100 л.

[21] РГАЛИ. Ф. 1517 (Козаков М. Э.). Оп. 1. Ед. хр. 65. 51 л.; РГАЛИ. Ф. 1517 (Козаков М. Э.). Оп. 1. Ед. хр. 83. М. Э. Козаков и А. Б. Мариенгоф. «Настасья Филипповна» Драматическая композиция в 4-х действиях по роману Ф. М. Достоевского «Идиот». 92 л.

[22] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. От авторов композиции // РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 3 об.

[23] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 7.

Илл. 2. Письмо А. Б. Мариенгофа М. Э. Казакову. 1941 г.[24]

Fig. 2. Letter from Anatoly Marienhof to Mikhail Kozakov. 1941

Таким образом, пьеса предназначалась для постановки в Камерном театре; упоминаемый здесь Александров — начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) в 1940–1947 гг. Г. Ф. Александров. Для А. Я. Таирова Мариенгоф написал одну из своих первых пьес — «Вавилонский адвокат» (1924), которая с успехом шла на сцене Камерного театра. Таиров еще некоторое время будет планировать постановку романа Достоевского. В 1946 г. он заявляет:

[24] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 7.

«…я, вероятно, так и не смогу успокоиться, пока "Идиот" не будет [показан] на сцене Камерного театра»[25].

О том, что пьеса была завершена задолго до 1941 г., свидетельствуют другие фрагменты из того же письма: «Надо лопнуть, но стремительно достать экземпляр», а если экземпляр не найдется — «как это ни противно, написать во второй раз»[26]. Очевидно, написанный текст «Настасьи Филипповны» был обнаружен, но постановка пьесы в Камерном театре не состоялась. Среди причин, по которым пьеса не могла найти путь на сцену, можно назвать общую неопределенность в отношении Достоевского, связанную с негативной идеологической оценкой наследия писателя со стороны А. В. Луначарского, М. Горького и других [Захаров], [Шаулов 2012, 2017]. «Идиот», как и другие произведения Достоевского, не приветствовался на раннесоветской сцене. Так, в статьях 1920-х гг. можно прочесть:

«"Дядя Ваня" Чехова и инсценированный "Идиот" Достоевского сейчас не ко времени, сейчас они ненужны, — от них идет запах тления»[27];

«Классики нужны, только не "Идиоты" и "Чайки"»[28].

И в 1941 г. время для постановки Достоевского могло быть не самым подходящим: не исчезая из литературного канона, его произведения в этот период практически ушли из школьного преподавания [Шаулов 2019: 194].

Задача преобразования романа «Идиот» в пьесу далеко не проста. Так, работая позднее над инсценировкой романа, Ю. К. Олеша сформулировал несколько принципов переработки материала: «написать именно пьесу…»; «…позволять себе досочинять необходимые переходы — разумеется, только в тех возможностях, которые так или иначе даны в самом романе…»; «в некоторых местах попытаться внести акценты, которые объяснили бы зрителю сущность романа…»; «…идти на сочинение реплик, которые были бы безукоризненно выдержаны в стиле и поэтике Достоевского» [Олеша, Шкловский: 232]. Подобные задачи на десятилетие ранее решали при написании инсценировки Козаков и Мариенгоф.

В одном из предисловий к пьесе соавторы, ссылаясь на известную цитируемую Горьким фразу Л. Н. Толстого о Мышкине: «Будь он здоров — его сердечная наивность, его чистота очень трогали бы нас» [Горький: 457], — писали, что намеренно редуцируют тему его душевной болезни: «Отнюдь не клиническое состояние Мышкина (падучая, припадки, а затем и сумасшествие князя), отнюдь не таинственные шорохи его больной души важны

[25] Таиров А. Я. О театре. Записки режиссера. Статьи. Беседы. Речи. Письма. М.: ВТО, 1970. С. 380.

[26] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 7.

[27] Соболев Ю. Письма из провинции. Впечатления режиссера // Вестник театра. 1921. № 80–81. С. 14.

[28] Что мы ждем от будущего сезона? // Современный театр. 1929. № 14. С. 215.

в данном случае для нас»[29]. Более важным в структуре романа становится социальный конфликт: «Мышкинская правдивость (пусть для нас, современников, и наивная), непосредственность и бескорыстность его личного поведения, душевная чистота и честность, — все это так противоречило волчьим законам и навыкам изображенной Достоевским среды, что нечего и удивляться резкому и обидному прозвищу, полученному князем»[30].

В пьесе четыре действия и одиннадцать картин. Редуцируя романную систему образов, соавторы оставили 15 действующих лиц: это Настасья Филипповна, Мышкин, Рогожин, семьи Епанчиных и Иволгиных, а также второстепенные герои (Тоцкий, Фердыщенко и Лебедев) и несколько эпизодических персонажей. Из-за этого некоторые важные для развития действия реплики переданы от одних героев другим. Действие пьесы начинается сценой знакомства Рогожина и Мышкина в поезде, а оканчивается в разных версиях либо диалогом Тоцкого и Епанчина после убийства Настасьи Филипповны, либо диалогом Мышкина и Рогожина у ее тела.

Первая сцена, знакомство в поезде, следует главе I романа, вводит трех действующих лиц и играет роль экспозиции. Здесь уже очевидны творческие принципы Козакова и Мариенгофа: они довольно близко передают диалогические части нужных им сюжетных линий оригинала. Ср. у Достоевского:

> «— Зябко?
>
> И повел плечами.
>
> — Очень, — ответил сосед с чрезвычайною готовностью, — и, заметьте, это еще оттепель. Что ж, если бы мороз? Я даже не думал, что у нас так холодно. Отвык.
>
> — Из-за границы, что ль?
>
> — Да, из Швейцарии.
>
> — Фью! Эк ведь вас!..
>
> Черноволосый присвистнул и захохотал» [Д30; т. 8: 6].

У Козакова и Мариенгофа:

> «РОГОЖИН. Минут двадцать до Петербурга… Зябко?
>
> МЫШКИН. Очень.
>
> РОГОЖИН. Вижу, что зябко.
>
> МЫШКИН. И заметьте, это еще оттепель. Что ж, если бы мороз? Я даже не думал, что у нас так холодно. Отвык.
>
> РОГОЖИН. Из-за границы что ль?

---

[29] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. От авторов композиции // РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 3.

[30] Там же.

МЫШКИН. Да, из Швейцарии.
РОГОЖИН. Фью! Эк ведь вас!.. (*Присвистнул и захохотал*)»[31].

Монологические части часто сокращаются. Однако монолог Рогожина о Настасье Филипповне, играющий роль экспозиции, сохранен почти в полном объеме. Из финала сцены уходит фраза о том, что князь «по прирожденной болезни» не имеет опыта общения с женщинами [Д30; т. 8: 14], отражая общую установку соавторов на редукцию темы болезни Мышкина.

Вторая картина первого акта в несколько сокращенном виде воссоздает события III и V–VII глав из первой части романа. В диалогах последовательно убраны подробности о болезни князя, профессоре Шнейдере; удалено упоминание о возрасте Мышкина. На месте реплики «Я не могу жениться ни на ком, я нездоров» [Д30; т. 8: 32] появляется фраза «Я об этом не думаю»[32]; исчезает и пророчество о том, что Рогожин может зарезать жену. Вместе с тем, поскольку тема болезни завуалирована и нет упоминаний о припадках, не вполне понятен контекст сохраненного в инсценировке вопроса Епанчиной о салфетке:

«Вам, князь, подвязывали салфетку за кушаньем?» [Д30; т. 8: 47].

Редукция темы болезни меняет взгляд на князя, и во фразе Александры: «Этот князь, может быть, большой плут, а вовсе не идиот» [Д30; т. 8: 48] остается только первая часть[33]. Из всех европейских воспоминаний Мышкина сохранен, по сути, только эпизод с ослом. Драматургически заострена сцена с альбомом и запиской Гани: Аглая отсылает Гаврилу Ардалионовича за альбомом, князь по ее просьбе читает ей записку, а потом она, словно в продолжение этого разговора, просит князя сделать в альбоме запись «Я в торги не вступаю»[34].

Во втором действии отражены события VIII–XI и XIII–XVI глав первой части романа, происходящие в доме Иволгиных и в квартире Настасьи Филипповны. Интересно отметить, что некоторые ремарки представляют собой прямую отсылку к тексту Достоевского, например: «Описание молчаливой сцены знакомства см. на 93 стр. романа»[35]. Реплики, звучащие в романе из уст Коли и Птицына, отданы другим персонажам: Варе, Гане, Фердыщенко, генералу Иволгину. Слова Птицына о Салазкине и наследстве переданы Лебедеву, некоторые реплики Птицына и Дарьи Алексеевны — Фердыщенко; одна из реплик Фердыщенко (о том, что он зубами выхватит деньги из огня) — Лебедеву.

---

[31] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. Настасья Филипповна: драматическая композиция в 4-х актах: по роману Ф. М. Достоевского «Идиот». М.: Отд. распростр. ВУОАП, 1945. С. 2.

[32] Там же. С. 9.

[33] Там же. С. 11.

[34] Там же. С. 14.

[35] Там же. С. 19.

Третье действие продолжает линии князя, Епанчиных, Рогожина и Настасьи Филипповны и включает события, происходящие в III–IV и VI–VII, XII главах второй части, а также II, VIII–X главах третьей части романа. Здесь, как и ранее в инсценировке, убраны упоминания о болезни и припадках князя; также из диалога Рогожина и Мышкина исчезают слова о религиозных пристрастиях семьи Рогожиных и сцена с обменом крестами; сокращен рассказ Рогожина об истории его отношений с Настасьей Филипповной. Как и ранее, значимые для сюжета реплики персонажей, которых нет в инсценировке, переданы другим героям: от Коли — Аделаиде Ивановне (о «рыцаре бедном»).

Действие четвертое посвящено событиям, изложенным в VIII–X главах четвертой части романа. Значимая реплика князя к Аглае о Настасье Филипповне: «Ведь она… такая несчастная!» [Д30; т. 8: 475] — в инсценировке изменена: «Ведь она… сумасшедшая!»[36]. Начало второй картины четвертого действия, посвященного свадьбе, соавторами досочинено. Из глав IX–X авторского текста Достоевского был создан полилог:

«*Павловск в летнее время. Церковь и перед нею небольшая толпа.*

ПЕРВАЯ ГОРОЖАНКА. Этакую да под венец вести!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Их сиятельством еще прозываться будет. Лотерея судьбы-с!

ДЕВУШКА С МАНТИЛЬЕЙ. Все дни последние, слыхать, в большом одушевлении была она. Парикмахеры из Петербурга прибыли, модистки, модистки… самые первые ювелиры, господи!

ПЕРВАЯ ГОРОЖАНКА. Одушевление, что и говорить!

ВТОРАЯ ГОРОЖАНКА. Ан нет?

ПЕРВАЯ ГОРОЖАНКА. Ан нет! Из своего сада слышала я, своими ушами слышала: бьется да бьется иной раз в истерике!

Входят Ганя и Варя.

ГАНЯ. Нет, нет, не говори так, Варя!.. Все две недели князь целые дни и вечера проводил с ней. Она брала его с собой на прогулки, на музыку. Он разъезжал с нею каждый день в коляске. Да не только же это, Варя! Мне совершенно известно, что он начинал беспокоиться о ней, если только час не видал ее. Стало быть, по всем признакам, любит ее искренно?

ВАРЯ. Так? А я и другие знаю. Знаю, знаю, знаю! Сидит, сидит с нею да вдруг и отправляется к Епанчиным! И от Настасьи Филипповны того не скрывает, а та от того приходит чуть не в отчаяние.

ГАНЯ (*не без удовольствия*). Там его не принимали. И до свидания с Аглаей Ивановной не допускали.

[36] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. Настасья Филипповна. С. 47.

ВАРЯ. А тебе легче от этого? Легче? Помышляешь еще? Вздумал ты еще говорить ей о любви своей! "Сожжете ли, — спросила, — в доказательство палец свой на свечке?". Спросила, насмеялась, а ты что?

ГАНЯ. Привычка у тебя… соль на рану сыпать!..

ВАРЯ. Я правду, Ганя, всюду вижу. И другого не хочу. Ты не сердись на то.

ГАНЯ (*задумчиво*). Устал сердиться… Свадьбу они сегодня сыграют, уедут отсюда, и беспокойство у всех пропадет от появления этого странного человека-князя. А там и…

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Жених! Глядите!

В ТОЛПЕ. Жених!.. Жених!

ВАРЯ. Идем в церковь, Ганя! (*Уходит вместе с ним*).

Мышкин в сопровождении двух шаферов проходит в церковь.

ДЕВУШКА С МАНТИЛЬЕЙ. Грустный.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Они тихие всегда-с. Одинокие, родни не имеют.

ПЕРВАЯ ГОРОЖАНКА. Родня имеется, не говорите! Генеральша Лизавета Прокофьевна и есть родня, да только отказала ему в признании.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. А что так?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИН. Приехали-с! Карета приехала!

В ТОЛПЕ. Она, она!.. Хороша!

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИН. Экая красавица! <…>»[37].

Подобным образом преобразована в полилог сцена у церкви, когда свадьба не состоялась и Рогожин увозит Настасью Филипповну. Реплика Радомского об Аглае из IX главы перенесена на момент после свадьбы и передана Варе; ее слова: «Верней всего, что вы ни ту, ни другую никогда не любили! Эх, ваше… глупое сострадание!»[38] — звучат как своего рода вывод обо всей любовной истории Мышкина.

После четвертого действия следует эпилог, закольцовывающий пьесу. Вновь действие происходит в поезде:

«Конец лета, вечер. Купе первого класса в поезде Петербург — Москва. Здесь Тоцкий и Епанчин»[39].

Материал последней главы романа и его заключения послужили для написания соавторами диалога персонажей сторонних и показанных иронически — Епанчина и Тоцкого. Закусывая и куря в вагоне первого класса, они перемежают подробности совершенного убийства и расследования то лицемерными возгласами, то бытовыми репликами, демонстрируя всепобеждающую силу пошлости:

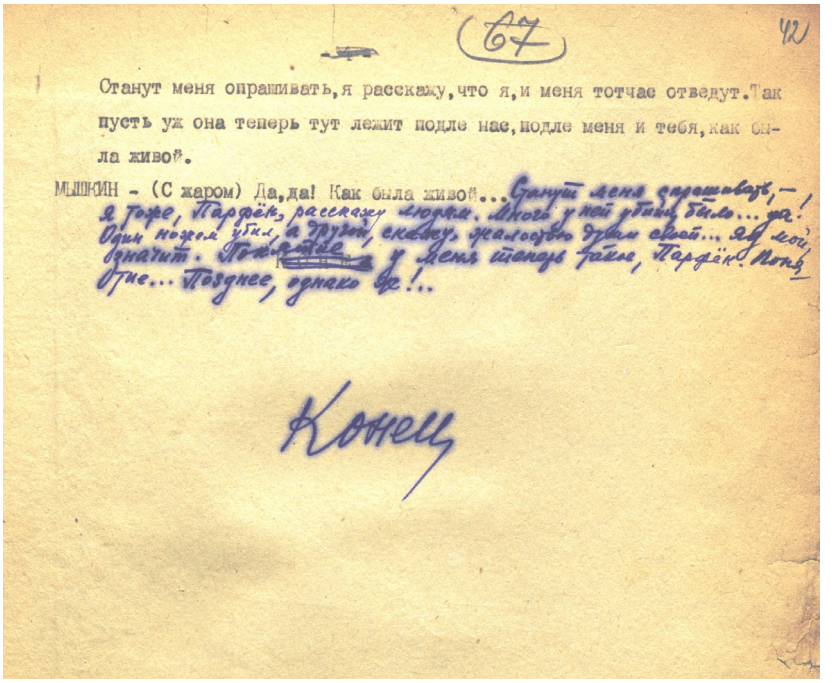
[37] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. Настасья Филипповна. С. 48–49.

[38] Там же. С. 50.

[39] Там же.

«Что ж вы, Иван Федорович, не отведаете? К этому винцу самый что ни на есть преаппетитнейший сандвич. Прошу»[40].

Любопытно отметить, что при повторных попытках постановки инсценировки, предпринятых в 1954 г., Козаков и Мариенгоф заменили «Эпилог» на «Последнюю картину», которая сохранилась в архиве Козакова[41]. Данный финал пьесы можно считать последней авторской волей соавторов. В этой версии инсценировка завершается не диалогом Тоцкого и Епанчина в поезде, олицетворяющим разлагающую власть, а диалогом Рогожина и Мышкина после убийства Настасьи Филипповны (*Илл. 3*).

Станут меня опрашивать, я расскажу, что я, и меня тотчас отведут. Так пусть уж она теперь тут лежит подле нас, подле меня и тебя, как она была живой.

МЫШКИН – (С жаром) Да, да! Как она живой... Станут меня спрашивать, – я тоже, Парфён, расскажу всю. Много у ней убить было... да! Один ножом убил, а другой, сквозь, жалобою этим своей... я мог, значит. Поделом [illegible] у меня теперь такие, Парфён! Ноль мне... Позднее, однако же!..

Конец

Илл. 3. Концовка «Последней сцены» инсценировки (в позднейшей редакции), дописанная рукой М. Э. Козакова[42]

Fig. 3. The closing part of the “Final Scene” of the stage adaptation (in the later revision), written in by hand by Mikhail Kozakov

Таким образом, заголовок пьесы точно отражает ее содержание. Она сосредоточена в большей степени вокруг фигуры и судьбы роковой и загадочной женщины Настасьи Филипповны, и с ее смертью сюжет окончен.

[40] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. Настасья Филипповна. С. 51.

[41] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 49–51.

[42] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 42.

Так, в отличие от Достоевского, соавторы инсценировки практически ничего не говорят нам о дальнейшей судьбе князя Мышкина.

Задокументированная в архиве история пьесы «Настасья Филипповна» начинается с машинописи 1944 г. На титульном листе дела размещен штамп Главреперткома: «Разрешить отдельным театрам по списку ГУТ <…>. 5.VI.1944 г.»[43], а далее приложен протокол № 223/44-то от 31 мая 1944 г. Приведем эту мини-рецензию цензора полностью:

> «Композиция представляет вполне удовлетворительно осуществленную в профессиональном отношении инсценировку романа Достоевского "Идиот".
>
> Естественно, что, подобно инсценировщикам иных прозаических произведений классиков, авторы данной композиции берут за основу лишь одну из главных сюжетных линий романа, связанную с образом Настасьи Филипповны, закономерно вынося это имя в заглавие своей пьесы.
>
> Некоторые образы, занимающие важное место в романе, вовсе выпали из композиции (например, полностью купирована вся линия Ипполита). Однако это, в частности, и обеспечивает удовлетворительность решения поставленной задачи перенесения на сцену одного из интереснейших произведений Достоевского.
>
> Авторы сознательно ограничили себя, но в поставленных пределах достигли цели.
>
> Драматическая история Настасьи Филипповны — столь своеобразный вариант трагической судьбы русской женщины, знакомой зрителю по "Грозе" Островского, по инсценировке "Анны Карениной" Л. Толстого, развернута в соответствии с текстом романа и одновременно с требованиями сценичности.
>
> Это определяет возможность разрешения композиции к исполнению отдельными театрами, располагающими достаточными к тому актерскими и режиссерскими возможностями.
>
> *Заключение политредактора*: разрешить отдельным театрам по усмотрению ГУТ.
>
> Ст. политредактор Ростоцкий
>
> *Заключение ГУРК*: разрешить отдельным театрам по списку ГУТ.
>
> Нач. отдела театров Сурков»[44].

Как видим, в рецензии отмечены важнейшие особенности инсценировки: лаконичность и сосредоточенность на фигуре Настасьи Филипповны.

В одной из машинописных копий, отложившихся в архиве, сохранилось предисловие «От авторов композиции», в котором Козаков и Мариенгоф приводят несколько аргументов в пользу своей инсценировки. В частности, авторы постулируют верность оригиналу: пьеса целиком построена

---

[43] РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 3741. Л. III.

[44] Там же. Л. I.

«на тексте Достоевского (роман "Идиот" и записные книжки к нему)»[45]. Возражая упрекам Достоевского в «клинической» трактовке образов и споря с авторами предыдущей инсценировки (вероятно, имея в виду известную версию В. А. Крылова и С. Сутугина), авторы защищают трактовку «советского» Мышкина:

> «Своеобразный русский Дон Кихот середины XIX века, продолженный в литературе пушкинский "рыцарь бедный" — таковым должен быть Мышкин на нашей сцене <…> для нашего советского театра»[46].

Авторы идеологически уточняют трактовку образа Настасьи Филипповны: она —

> «сестра по судьбе Ларисы из "Бесприданницы" и многих других русских женщин, душевно разоренных и умерщвленных бытовым и морально-этическим крепостничеством русского капитализма»[47].

Кроме того, Козаков и Мариенгоф обосновывают использование в спектакле юмора:

> «Мы считали для себя абсолютно оправданным, а для театра — столь же необходимым дать в пьесе улыбку и мягкий смех романиста, когда он, творя некоторые свои образы (генеральша Епанчина, Фердыщенко, Иволгин и даже Мышкин в иных ситуациях), ставит их в открыто комедийные положения, совершенно несправедливо отвергнутые некогда существовавшей инсценировкой, что незаслуженно обедняло творческие приемы самого Достоевского»[48].

Здесь же сказано о том, что пьеса создана к 60-летию со дня смерти Достоевского. «Оправдывая» написание инсценировки «Идиота», авторы, таким образом, используют самые актуальные аргументы: привязку к юбилейной дате; исправление недостатков, свойственных более ранним сценическим трактовкам романа; уподобление Мышкина Дон Кихоту и социальную, антикапиталистическую трактовку образа Настасьи Филипповны.

Примерно к этому же периоду принадлежит еще один сохранившийся в архиве документ, который прилагался к инсценировке, — в нем свои соображения о Достоевском высказывает литературовед, профессор Ленинградского университета О. В. Цехновицер (1899–1941), в частности, постулирующий:

---

[45] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. От авторов композиции // РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 3.

[46] Там же.

[47] Там же. Л. 3–3 об.

[48] Там же. Л. 3 об.

> «К сожалению, и по сей день мы не поставили памятника Достоевскому — ни в буквальном, ни в переносном смысле этого слова. Достоевский почти забыт нашими литературоведами, произведения его издаются сравнительно редко, в школьном преподавании ему совсем не уделяется внимания»[49].

Пьеса Козакова и Мариенгофа долго ходила по кабинетам. В еще одном предисловии, приложенном к той же рукописи, «О драматургической композиции "Настасья Филипповна"», указаны уже другие даты:

> «Девятого февраля 1946 г. исполняется 65 лет со дня смерти Федора Михайловича Достоевского. 11 ноября того же года — другая юбилейная дата: 125 лет со дня рождения великого русского писателя»[50].

В этом новом «оправдательном письме» в качестве оснований в пользу постановки инсценировки по «Идиоту» приведен список знаменитых людей прошлого из статьи В. И. Ленина в «Известиях» 1918 г., которым должны быть воздвигнуты памятники в советских городах, и мировая известность писателя[51]. Однако и в 1946 г. пьеса вновь никуда не прошла.

В письме Мариенгофа Козакову от 25 декабря 1953 г. (*Илл. 4*) сообщается, что «Настасья Филипповна» близка к постановке: пьесу возьмут либо М. М. Яншин, либо Н. С. Плотников, причем «Плотников хочет играть Мышкина»[52]. В этот период М. М. Яншин был главным режиссером Московского драматического театра им. К. С. Станиславского, а актер и театральный педагог Н. С. Плотников ставил спектакли в Театре-студии киноактера[53]. Мариенгоф убежден, что «Настасья Филипповна» будет в театрах нарасхват, а потому считает возможным формулирование дополнительных требований:

> «…у меня имеется одно *непременное условие*: "Настя" может идти только после моей пьесы. А то ведь эта баба, эта "Настя", такая особа, с которой не потягаешься. Отпихнет, как Аглаю, и всё тут. Значит, Мишуха, имей это твердо в виду при заключении договора, т. е. *премьера* "Насти" *сентябрь-октябрь*. Так я и сказал Плотникову»[54].

---

[49] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. <Беседа с О. В. Цехновицером о творчестве Ф. М. Достоевского> // РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 5.

[50] Козаков М. Э., Мариенгоф А. Б. О драматической композиции «Настасья Филипповна» // РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 4.

[51] Там же.

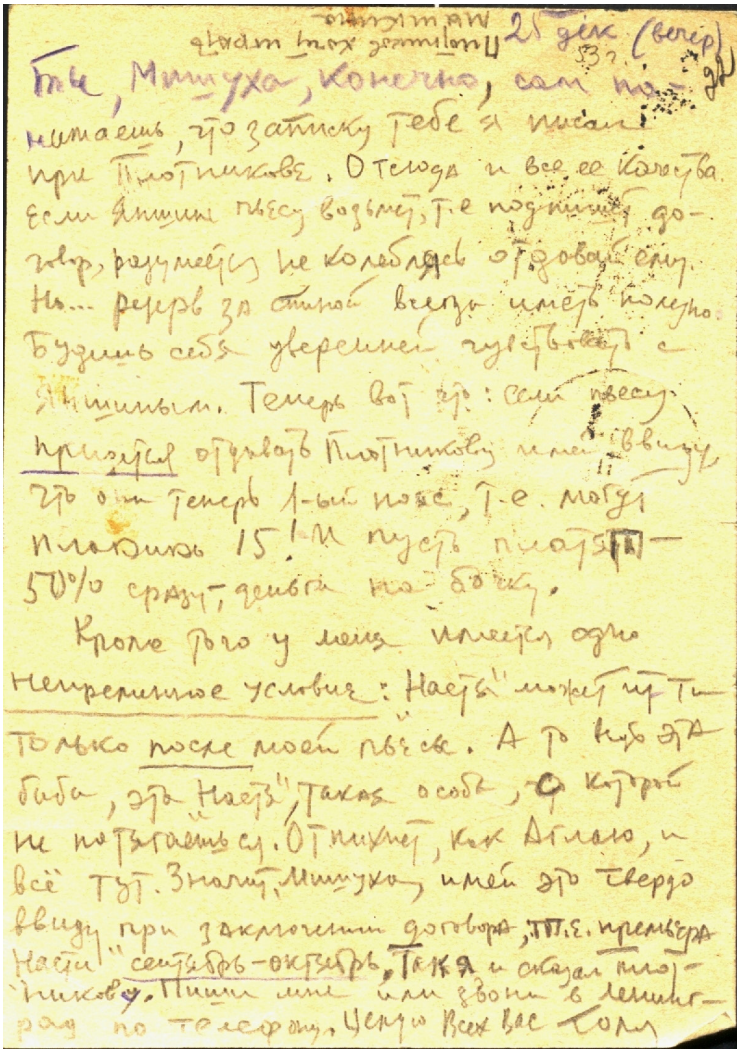
[52] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 22.

[53] Плотников Н. С. Актер и его работа. М.: ВТО, 1982. 232 с.

[54] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 22.

Впрочем, время проходит, точных постановочных планов нет, и встревоженный Мариенгоф пишет соавтору 9 января 1954 г.:

> «Так что слышно с "Настенькой"?.. Мне сказала Валентина (это плотниковская девица), что ты им <…> не дал. "Предпочел Яншина". А с Яншиным-то вышло?»[55]

Илл. 4. Письмо А. Б. Мариенгофа М. Э. Казакову. 25 декабря 1953 г.[56]

Fig. 4. Letter from Anatoly Marienhof to Mikhail Kozakov. December 25, 1953

[55] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 4.

[56] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 22.

В следующем сохранившемся письме от 5 марта 1954 г. Мариенгоф сетует, что «Настасью Филипповну» так нигде и не ставят, причем винит в этом лишенного деловой хватки соавтора, который, отказав Н. С. Плотникову и сделав ставку на М. М. Яншина, в конечном итоге упустил и последнего:

> «А что наша дорогая <…> "Настенька"?.. Это просто ужас — быть соавтором миллионера, для которого три тысячи всё равно, что один плевок!.. Так плюнь, сделай милость, разочек на Бородинскую 13, кв. 9…[57] своим чеком. Тебе же это привычно! Каждый день ими плюешься. А мне вот <в> Харьков выехать[58] не на что»[59].

Яншин в итоге выбрал для постановки «Идиота» инсценировку Г. Яковлева и Р. Афанасьева[60], однако спектакль так и не состоялся.

16 декабря 1954 г. М. Э. Козаков скоропостижно умирает. Как вспоминал его сын, причина смерти оказалась связана с литературной ситуацией:

> «Шел II съезд писателей, а отца, чей союзный билет был подписан самим основателем — Горьким, на съезд не делегировали и даже гостевого билета не прислали. Он это очень переживал. Инфаркт и диабетическая кома, все вместе, в два дня свели его в могилу»[61].

Однако Мариенгоф не оставляет надежд поставить «Настасью Филипповну» и ведет переписку со вдовой соавтора Зоей Александровной Никитиной. 2 мая 1955 г. он пишет ей из Ленинграда в Москву, намекая на то, что пьеса, снова постулируемая как юбилейная, так и не принята никаким театром:

> «А Федор-то Михайлович, видно, подводит нас со своим юбилеем!»[62]

В ответном письме от 15 мая 1955 г. она сообщает о ситуации с московскими театрами:

> «Насчет Достоевского пока все молчат»[63].

К середине 1955 г. зияющее отсутствие имени Достоевского на столичных сценах уже выглядит странным, и в октябрьском номере журнала «Театр» анонсированы премьеры по ряду его произведений, в том числе по «Идиоту» в Театре им. Е. Б. Вахтангова[64]. Из письма Никитиной Мариенгофу от

---

[57] Домашний адрес А. Б. Мариенгофа в Ленинграде.

[58] А. Б. Мариенгоф планировал поучаствовать в репетициях спектакля «Наследный принц» по его пьесе в Харьковском русском драматическом театре.

[59] РГАЛИ. Ф. 1517. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 23 об.

[60] В Театре имени К. С. Станиславского // Советская культура. 1956. № 100 (25 авг.). С. 3.

[61] Козаков М. М. Актерская книга. М.: Вагриус, 2003. С. 12.

[62] РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 18 об.

[63] РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1 об.

[64] Театры Москвы в новом сезоне // Театр. 1955. № 10. С. 169.

26 сентября 1955 г. видно, что в театрах Москвы появился большой запрос на инсценировки «Идиота», но работа соавторов может проиграть в конкуренции, и нужно проявить инициативу:

> «Решила тебе написать письмо по поводу "Настасьи Филипповны", т. к. это дело серьезное и по телефону договориться очень трудно. <…> Здесь очень оживился вопрос о Достоевском. Все понимают, что "Идиот" — дело очень хлебное и поэтому на него все кидаются. Театр Вахтангова предлагал, по моим сведениям, делать инсценировку Олеше. Охлопков делает сам. Вот ты и рассуди. Если ты считаешь, что есть смысл приехать в Москву (конечно, безо всякой гарантии, что получится нечто реальное) и у тебя есть охота и, главное, силы, чтобы действовать "пробойным" методом, то приезжай (прямо ко мне, конечно). Есть второй вариант, в котором я не очень уверена. Я могу попробовать договориться с кем-нибудь из опытных в "пробойном" деле людей, предложить им определенную долю (причем заранее говорю и настаиваю, чтоб это было из Мишиной половины) и попытаться что-либо сделать. Решай этот вопрос и сообщай мне»[65].

В ответном письме от 29 сентября 1955 г. Мариенгоф сообщает, что разговаривал о пьесе со Скоробогатовым, который сказал:

> «Инсценировка мне нравится. Но с весны не было ни одного заседания Больш[ого] Худ. совета. На первом же я ставлю вопрос о "Настасье Фил.". Дай мне еще десять дней»[66].

Речь, очевидно, идет об актере театра и кино, директоре Ленинградского театра драмы им. А. С. Пушкина К. В. Скоробогатове (1887–1969). В этом же письме Мариенгоф горячо поддерживает идею о «пробойном товарище» и настаивает на том, что тоже будет оплачивать его работу: этот посредник «свои 20-25% должен получить от всех авторских. И разговор кончен!»[67]. Далее он отмечает: «Самое важное, Зояха, немедленно получить визу Главлита и отправить "Настеньку" в распространение. Пока еще у нас там нет конкурентов. А периферия даст больше, чем любой московский или ленингр[адский] театр»[68]; это дело он и поручает Никитиной.

Письмо Мариенгофа от 16 октября 1955 г. показывает, что инсценировка все еще никем не принята в работу:

> «Я энергично наседаю с "Настенькой" на Скоробогатова и Вивьена. Хотя надежд мало. Плохо, что уже приходится наседать!..»[69].

---

[65] РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 2.

[66] РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 19.

[67] Там же. Л. 22.

[68] Там же. Л. 22–23.

[69] Там же. Л. 27.

Л. С. Вивьен — худрук того же Ленинградского театра драмы. Мариенгоф напоминает Никитиной, «*не откладывая на день*, сделать следующий пустяк: отнести в министерство для Главлита "Настасью"»[70] и попросить знакомого, А. М. Пудалова[71], прочитать рукопись к 1 ноября:

«Будь, Зоенька, в одном этом пустяке сама "пробойным товарищем"»[72].

Однако все усилия Мариенгофа и Никитиной оказались тщетными.

В более поздних сохранившихся письмах тема инсценировки «Идиота» больше не поднимается, хотя переписка между Мариенгофом и вдовой его соавтора поддерживается еще долго: например, в январе 1957 г. они обсуждают театральные успехи Козакова-младшего в роли Гамлета[73].

Таким образом, «Настасья Филипповна» Козакова и Мариенгофа, написанная, вероятно, в конце 1930-х гг., так и не нашла пути на советскую сцену; попытки ее пристроить — либо напрямую в театр, либо «залитовать» в Главлите для издания и рекомендации по театрам страны — Мариенгоф предпринимал до середины 1950-х гг., однако безуспешно.

Уже в середине 1950-х гг. в театрах СССР появились значимые спектакли по роману «Идиот». В 1956 г. разные инсценировки романа были поставлены в театрах Пскова[74], Архангельска[75], Ашхабада[76]. В столичных театрах премьеры «Идиота» пришлись на следующие годы.

Так, в Театре им. Е. Б. Вахтангова спектакль был поставлен А. И. Ремизовой в 1958 г. в инсценировке Ю. К. Олеши; Олеша писал: «Фигура князя Мышкина стоит в центре моей инсценировки» [Олеша, Шкловский: 246].

В БДТ Г. А. Товстоногов поставил «Идиота» в 1957 г. в собственной инсценировке (в соавторстве с Д. М. Шварц) [Агаджанян], выбрав на главную роль начинающего артиста И. М. Смоктуновского. Это воплотило чаяния оттепельной интеллигенции и определило новую тенденцию в понимании образа князя Мышкина: «Образ Мышкина, созданный Товстоноговым и Смоктуновским, был лозунгом и штандартом, эгидой, поднятой интеллигенцией, решившейся, наконец, открыто заявить, что вежливость и чуткость не есть свойства исключительно больных и ущербных (или социально

---

[70] РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 27.

[71] Александр Михайлович Пудалов (1906–1978), актер театра Мейерхольда, в послевоенные годы — сотрудник Комитета по делам искусств, впоследствии — завлит Малого театра, редактор одного из творческих объединений киностудии «Мосфильм».

[72] РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 27.

[73] Там же. Л. 34.

[74] Клюевская Ю. «Идиот»: Спектакль Псковского драматического театра имени А. С. Пушкина // Ленинградская правда. 1956. № 196 (22 авг.). С. 2.

[75] Лиханова В. К. Достоевский на сцене Архангельского театра: инсценировка романа «Идиот» // Правда Севера. 1956. № 99 (28 апр.). С. 3.

[76] Аннадурдыева Л. С. На пути поисков: «Идиот» на сцене Русского драматического театра им. А. С. Пушкина // Туркменская искра. 1956. № 304 (30 дек.). С. 3.

опасных) людей» [Касаткина: 174]. Актуальность воплощенного И. М. Смоктуновским героя для эпохи отразил один из рецензентов, священник Николай Епишев: «"Радость возвращения", возвращения после катастроф — режиссер это очень хорошо подавал зрителю. Целое поколение людей тогда возвращалось: кто с фронта, кто из тюрем и лагерей; они ничего не имели и ни на что не претендовали. С таким-то персонажем оставляли нас с глазу на глаз режиссер и актер» [Свящ. Николай (Епишев): 341].

В тот же период происходит еще одно знаковое событие в интермедиальной рецепции романа. В 1958 г. на экраны выходит художественный фильм И. А. Пырьева «Идиот» («Настасья Филипповна»), ставший одним из лидеров проката [Кириллова: 43] и лучшим фильмом года по опросу журнала «Советский театр» [Перельштейн: 158]. В сценарии, написанном самим Пырьевым еще в конце 1940-х годов[77], можно обнаружить немало соответствий трактовке Мариенгофа и Козакова. Так, сюжетным центром является Настасья Филипповна, в образе князя в изображении Юрия Яковлева «нет ничего болезненного» [Кириллова: 42], нивелированы христианские мотивы. При этом свою цель Пырьев сформулировал в духе эпохи, противоречиво относившейся в Достоевскому: «…стремление к социальной справедливости, <…> удивительное умение писателя раскрывать глубины психологии человека <…> было для меня главным, а то, что мы называем теперь "достоевщиной", <…> я решительно отбрасывал»[78].

Можно сказать, что искания Мариенгофа и Козакова были созвучны намерениям И. А. Пырьева, создававшего фильм о положительно прекрасном человеке в мире жестокой социальной несправедливости, и судьба Настасьи Филипповны становилась показательным символом такой несправедливости. Нивелирование темы болезни князя в обоих случаях вело к определенной идеализации образа Мышкина, и, несмотря на сокрытие христианского подтекста, главный герой романа становился своего рода светским святым в этом мире.

Список литературы

1. Агаджанян Л. Л. Интерпретация классики на российской сцене (на примере постановки «Идиота» по Ф. М. Достоевскому в Большом драматическом театре имени М. Горького) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1 (69). С. 147–153 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25962211_18225686.pdf (29.05.2026). EDN: VWDKJT
2. Белаш Е. Ю. Жанровая поэтика романов А. Мариенгофа: дис. … канд. филол. наук. М., 2021. 217 с. EDN: VORIOM

[77] Пырьев И. А. Размышления о поставленном фильме // Искусство кино. 1959. № 5. С. 98.

[78] Там же. С. 91–92.

3. Берковский Н. «Идиот», поставленный Г. Товстоноговым // Премьеры Товстоногова / сост. и автор пояснит. текста Е. И. Горфункель. М.: Артист. Режиссер. Театр; Русский театр, 1994. С. 84–99.
4. Бурмистрова А. В. Инсценировки романов Достоевского (первые опыты) // Неизвестный Достоевский. 2019. Т. 6. № 3. С. 96–115 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1570188481.pdf (29.05.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4021. EDN: LDQKSQ
5. Горький М. Лев Толстой: заметки // Л. Н. Толстой в русской критике: сб. ст. / вступ. ст. и примеч. С. П. Бычкова. 2-е изд., доп. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 446–470 [Электронный ресурс]. URL: https://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/trk/trk-4462.htm?cmd=p (29.05.2026).
6. Демидов О. В. Комментарии // Мариенгоф А. Б. Собр. соч.: в 3 т. / сост., коммент. О. Демидов. М.: Терра; Книжный клуб Книговек, 2013. Т. 3. С. 551–569.
7. Демидов О. В. Крымский текст пьесы «Золотой обруч» М. Э. Козакова и А. Б. Мариенгофа // Genius loci в литературе, искусстве, культуре: сб. науч. ст. / сост. и ред. Э. Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 43–51 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36302077_43510720.pdf (29.05.2026). EDN: YMECWD
8. Демидов О. В. Анатолий Мариенгоф: первый денди Страны Советов: биография. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. 749 с. (Сер.: Литературные биографии.)
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
10. Захаров В. Н. Синдром Достоевского // Север. 1991. № 11. С. 145–151.
11. Касаткина Т. А. Постановка романа «Идиот»: от Товстоногова к Женовачу. Эволюция образа главного героя // Достоевский и мировая культура: альманах. М.: Классика плюс, 1997. № 9. С. 173–177. EDN: XRELRH
12. Кириллова Н. Б. Кинометаморфозы Ивана Пырьева // Вестник ВГИК. 2018. Т. 10. № 2 (36). С. 38–48 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vestnik-vgik.com/jour/article/view/817/814 (29.05.2026). EDN: XRLXCH
13. Мариенгоф А. Б. Собр. соч.: в 3 т. / сост., коммент. О. Демидов. М.: Терра; Книжный клуб Книговек, 2013. Т. 1–3.
14. Олеша Ю., Шкловский В. Работа Ю. Олеши над инсценировкой «Идиота» // Вопросы литературы. 1973. № 5. С. 229–246.
15. Перельштейн Р. М. Метафизика киноискусства. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 320 с.
16. Прилепин З. Предисловие // Мариенгоф А. Б. Собр. соч.: в 3 т. / сост., коммент. О. Демидов. М.: Терра; Книжный клуб Книговек, 2013. Т. 1. С. 5–42.
17. Прилепин З. Жизнь и строфы Анатолия Мариенгофа. М.: Молодая гвардия, 2018. 293 с.
18. Свящ. Николай (Епишев). Как поставили Достоевского в БДТ. (Портрет поколения в свете постановки «Идиота». Мышкин — И. Смоктуновский) // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избр. доклады и тезисы / под общ. ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2008. С. 340–346.
19. Сухов В. А. Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа. Пенза: ПГПУ, 2007. 191 с. EDN: QTROOJ
20. Сухов В. А. Творчество А. Б. Мариенгофа в современном мариенгофоведении // Сергей Есенин в контексте русской и мировой литературы: сборник научных трудов. М.; Константиново; Рязань: Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, 2020. С. 178–184 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46659352_35415170.pdf (29.05.2026). (Сер.: Есенин в XXI веке; т. 7.) EDN: QQBOLF

21. Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 272 с. (Сер.: Новое литературное обозрение. Научное приложение; вып. 67.)
22. Хуттунен Т. «Автофикшн» Анатолия Мариенгофа // Мариенгоф А. Б. Собр. соч.: в 3 т. / сост., коммент. О. Демидов. М.: Терра; Книжный клуб Книговек, 2013. Т. 2. Кн. 1. С. 5–14.
23. Шаулов С. С. Религиозность Достоевского как методологическая проблема советского литературоведения // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 216–223 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457960669.pdf (29.05.2026). EDN: PIXFTJ
24. Шаулов С. С. Истоки и эволюция мифа о Достоевском // Mundo Eslavo. 2017. № 16. С. 223–234 [Электронный ресурс]. URL: https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17599/15424 (29.05.2026).
25. Шаулов С. С. Мифологизация биографического нарратива в дореволюционных энциклопедических статьях о Достоевском // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 192–213 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562073365.pdf (29.05.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6562. EDN: SEETIO
26. Чипенко Г. Г. Художественная проза А. Мариенгофа 1920-х годов: дис. … канд. филол. наук. Южно-Сахалинск, 2003. 158 с. EDN: NMNLDH

References

1. Agadzhanyan L. L. The Interpretation of the Classics on the Russian Stage (for Example Staging “The Idiot” by Dostoevsky in Bolshoi Drama Theater of M. Gorky). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv* [*The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*], 2016, no. 1 (69), pp. 147–153. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25962211_18225686.pdf (accessed on May 29, 2026). EDN: VWDKJT (In Russ.)
2. Belash E. Yu. *Zhanrovaya poetika romanov A. Mariengofa*: *dis. … kand. filol. nauk* [*Genre Poetics of A. Mariengof’s Novels. PhD. philol. sci. diss.*]. Moscow, 2021. 217 p. EDN: VORIOM (In Russ.)
3. Berkovskiy N. “The Idiot”, Staged by G. Tovstonogov. In: *Prem’ery Tovstonogova* [*Premieres of Tovstonogov*]. Moscow, Artist. Rezhisser. Teatr Publ., Russkiy teatr Publ., 1994, pp. 84–99. (In Russ.)
4. Burmistrova A. V. Dostoevsky’s Novels on the Stage (Experience of the 1st Presentations). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 96–115. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1570188481.pdf (accessed on May 29, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4021. EDN: LDQKSQ (In Russ.)
5. Gor’kiy M. Leo Tolstoy: Notes. In: *L. N. Tolstoy v russkoy kritike*: *sbornik statey* [*L. N. Tolstoy in Russian Criticism*: *A Collection of Articles*]. 2nd edition, supplemented. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1952, pp. 446–470. Available at: https://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/trk/trk-4462.htm?cmd=p (accessed on May 29, 2026). (In Russ.)
6. Demidov O. V. Comments. In: *Mariengof A. B. Sobranie sochineniy*: *v 3 tomakh* [*Mariengof A. B. The Collected Works*: *in 3 Vols*]. Moscow, Terra Publ., Knizhnyy klub Knigovek Publ., 2013, vol. 3, pp. 551–569. (In Russ.)

7. Demidov O. V. Crimean Text of the Play "The Golden Hoop" by M. E. Kozakov and A. B. Mariengof. In: *Genius loci v literature, iskusstve, kul'ture*: *sbornik nauchnykh statey* [*Genius Loci in Literature, Art, Culture*: *A Collection of Scientific Articles*]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2018, pp. 43–51. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36302077_43510720.pdf (accessed on May 29, 2026). EDN: YMECWD (In Russ.)
8. Demidov O. V. *Anatoliy Mariengof*: *pervyy dendi Strany Sovetov*: *biografiya* [*Anatoly Mariengof*: *The First Dandy of the Land of the Soviets*: *Biography*]. Moscow, AST Publ., Redaktsiya Eleny Shubinoy Publ., 2019. 749 p. (Ser.: Literary Biographies.) (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 30 tomakh* [*The Complete Works*: *in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.) [D30]
10. Zakharov V. N. The Dostoevsky Syndrome. In: *Sever* [*The North*], 1991, no. 11, pp. 145–151. (In Russ.)
11. Kasatkina T. A. Productions of the "The Idiot": from Tovstonogov to Zhenovach. Evolution of the Image of the Main Character. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*: *al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture*: *Almanac*]. Moscow, Klassika plyus Publ., 1997, no. 9, pp. 173–177. EDN: XRELRH (In Russ.)
12. Kirillova N. B. Screen Metamorphoses of Ivan Pyryev. In: *Vestnik VGIK*, 2018, vol. 10, no. 2 (36), pp. 38–48. Available at: https://www.vestnik-vgik.com/jour/article/view/817/814 (accessed on May 29, 2026). EDN: XRLXCH (In Russ.)
13. Mariengof A. B. *Sobranie sochineniy*: *v 3 tomakh* [*The Collected Works*: *in 3 Vols*]. Moscow, Terra Publ., Knizhnyy klub Knigovek Publ., 2013, vol. 1–3. (In Russ.)
14. Olesha Yu., Shklovskiy V. Olesha's Work on the Staging of "The Idiot". In: *Voprosy literatury,* 1973, no. 5, pp. 229–246. (In Russ.)
15. Perel'shteyn R. M. *Metafizika kinoiskusstva* [*Metaphysics of Cinema*]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. 320 p. (In Russ.)
16. Prilepin Z. Preface. In: *Mariengof A. B. Sobranie sochineniy*: *v 3 tomakh* [*Mariengof A. B. The Collected Works*: *in 3 Vols*]. Moscow, Terra Publ., Knizhnyy klub Knigovek Publ., 2013, vol. 1, pp. 5–42. (In Russ.)
17. Prilepin Z. *Zhizn' i strofy Anatoliya Mariengofa* [*Life and Stanzas of Anatoly Mariengof*]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2018. 293 p. (In Russ.)
18. Priest Nikolay (Epishev). How Dostoevsky Was Staged at the Bolshoi Drama Theater. (A Portrait of a Generation in Light of the Production of "The Idiot". Myshkin — I. Smoktunovsky). In: *II Mezhdunarodnyy simpozium "Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste"*: *izbrannye doklady i tezisy* [*The 2nd International Symposium "Russian Literature in the World Cultural Context"*: *Selected Papers and Abstracts*]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2008, pp. 340–346. (In Russ.)
19. Sukhov V. A. *Ocherki o zhizni i tvorchestve Anatoliya Mariengofa* [*Essays on the Life and Works of Anatoly Mariengof*]. Penza, The Penza Pedagogical University Named After V. Belinsky Publ., 2007. 191 p. EDN: QTROOJ (In Russ.)
20. Sukhov V. A. Works by A. B. Mariengof in Modern Mariengof Studies. In: *Sergey Esenin v kontekste russkoy i mirovoy literatury*: *sbornik nauchnykh trudov* [*Sergei Yesenin in the Context of Russian and World Literature*: *A Collection of Scientific Works*]. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, State Museum-Reserve of S. A. Yesenin Publ., 2020, pp. 178–184. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_46659352_35415170.pdf (accessed on May 29, 2026). (Ser.: Yesenin in the 21st Century; vol. 7.) EDN: QQBOLF (In Russ.)
21. Huttunen T. *Imazhinist Mariengof*: *Dendi. Montazh. Tsiniki* [*Imagist Mariengof*: *Dandy. Montage. Cynics*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 272 p. (Ser.: New Literary Review. Scientific Supplement; issue 67.) (In Russ.)

22. Huttunen T. “Autofiction” by Anatoly Mariengof. In: *Mariengof A. B. Sobranie sochineniy*: *v 3 tomakh* [*Mariengof A. B. The Collected Works*: *in 3 Vols*]. Moscow, Terra Publ., Knizhnyy klub Knigovek Publ., 2013, vol. 2, book 1, pp. 5–14. (In Russ.)
23. Shaulov S. S. Dostoevsky’s Religiosity as a Methodological Probem of Soviet Literary Criticism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 216–223. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457960669.pdf (accessed on May 29, 2026). EDN: PIXFTJ (In Russ.)
24. Shaulov S. S. The Origins and Evolution of the Myth of Dostoevsky. In: *Mundo Eslavo,* 2017, no. 16, pp. 223–234. Available at: https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17599/15424 (accessed on May 29, 2026). (In Russ.)
25. Shaulov S. S. Dostoevsky in Pre-Revolutionary Encyclopedias: Methodological Problems of Biographical Image Analysis. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2019, vol. 17, no. 2, pp. 192–213. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562073365.pdf (accessed on May 29, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6562. EDN: SEETIO (In Russ.)
26. Chipenko G. G. *Khudozhestvennaya proza A. Mariengofa 1920-kh godov*: *dis. … kand. filol. nauk* [*Fictional Prose of A. Mariengof of the 1920s. PhD. philol. sci. diss.*]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2003. 158 p. EDN: NMNLDH (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет (проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11, г. Пенза, Российская Федерация, 440039); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4768-3518; e-mail: ivb40@yandex.ru.

Сердечная Вера Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет (ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Российская Федерация, 350040); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8718-3556; e-mail: rintra@yandex.ru.

Dmitry N. Zhatkin, PhD (Philology), Professor**,** Head of the Department of Translation and Translation Studies, Penza State Technological University (proezd Baydukova 1a / ul. Gagarina 11, Penza, 440039, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4768-3518; e-mail: ivb40@yandex.ru.

Vera V. Serdechnaia, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Literature and Comparative Cultural Studies, Kuban State University (ul. Stavropol’skaya 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8718-3556; e-mail: rintra@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 01.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.07.2026
Принята к публикации / Accepted 03.07.2026
Дата публикации / Date of publication 31.07.2026

Научная статья
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8581
EDN: KGEVBA

«Пир Песар»: интерсемиотический перевод «Братьев Карамазовых» в иранском кинематографе

З. Садеги Сахлабад[1]✉, А. Салех[2]

[1, 2] *Университет Альзахра*

(*г. Тегеран, Исламская Республика Иран*)

[1] e-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir✉

[2] e-mail: A.Saleh@alzahra.ac.ir

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу фильма «Пир Песар» («Старый холостяк», международное название — "The Old Bachelor") иранского режиссера Октая Барахени (2021) как примера интерсемиотического перевода романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Теоретической основой исследования послужила концепция интерсемиотического перевода Р. Якобсона, а также понятия доместикации (Л. Венути), редукции, расширения и реинтерпретации (О. А. Леонтович). В статье рассмотрено, каким образом режиссер фильма, перенося фабулу русского романа XIX в. в современный Тегеран, адаптирует систему персонажей, временной и пространственный контексты, а также религиозную символику к культурным кодам иранского зрителя. При сохранении ключевых тем Достоевского (конфликт отца и сыновей, вина и ответственность, трагедия любви) фильм подвергает исходный текст редукции (сокращение числа персонажей), расширению (добавление новых сцен) и реинтерпретации (замена христианской символики светской этикой). «Пир Песар» представляется не буквальной экранизацией, а самостоятельным произведением, демонстрирующим универсальность идей Достоевского и возможности их адаптации в иной культурной среде.

Ключевые слова: интерсемиотический перевод, доместикация, экранизация, Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», «Пир Песар», иранский кинематограф

Для цитирования: Садеги Сахлабад З., Салех А. «Пир Песар»: интерсемиотический перевод «Братьев Карамазовых» в иранском кинематографе // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 227–244. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8581. EDN: KGEVBA

© З. Садеги Сахлабад, А. Салех, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8581
EDN: KGEVBA

"Pir Pesar" ("The Old Bachelor"): Intersemiotic Translation of "The Brothers Karamazov" in Iranian Cinema

Zeinab Sadeghi Sahlabad[1]✉, Atefeh Saleh[2]

[1, 2] *Alzahra University*
(*Tehran, Islamic Republic of Iran*)

[1] e-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir✉

[2] e-mail: A.Saleh@alzahra.ac.ir

Abstract. This article analyzes the film "Pir Pesar" (international title: "The Old Bachelor") by Iranian director Octay Baraheni (2021) as an example of intersemiotic translation of F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov." The theoretical framework of the study includes R. Jakobson's concept of intersemiotic translation, as well as the notions of domestication (L. Venuti), reduction, expansion, and reinterpretation (O. A. Leontovich). The article examines how the film transfers the plot of the 19th-century Russian novel to contemporary Tehran, adapting the system of characters, temporal and spatial context, as well as religious symbolism to the cultural codes of the Iranian viewer. It is shown that while preserving Dostoevsky's key themes (father-son conflict, guilt and responsibility, tragedy of love), the film subjects the original text to reduction (a decrease in the number of characters), expansion (addition of new scenes), and reinterpretation (replacement of Christian symbolism with secular ethics). "The Old Bachelor" emerges not as a literal adaptation, but as an independent work demonstrating the universality of Dostoevsky's ideas and the possibilities of adaptation them in a different cultural environment.

Keywords: intersemiotic translation, domestication, film adaptation, Fyodor Dostoevsky, "The Brothers Karamazov", "The Old Bachelor", Iranian cinema

For citation: Sadeghi Sahlabad Z., Saleh A. "Pir Pesar" ("The Old Bachelor"): Intersemiotic Translation of "The Brothers Karamazov" in Iranian Cinema. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 227–244. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8581. EDN: KGEVBA (In Russ.)

Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» принадлежит к числу самых читаемых и переводимых произведений русской литературы в Иране. М. Яхьяпур отмечает, что переводы Достоевского в Иране не только расширили представления иранцев о русской литературе, но и обогатили духовную жизнь иранского общества [Яхьяпур: 71]. Однако присутствие Достоевского в иранской культуре не ограничивается литературным переводом — произведения русского классика неоднократно служили источником для театральных и кинематографических адаптаций. Одним из наиболее ярких примеров последних лет стал фильм «Пир Песар» («Старый холостяк»; международное название — «The Old Bachelor»), снятый иранским режиссером Октаем Барахени в 2021 г.

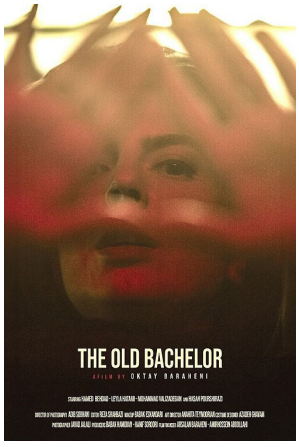

Илл. 1-2-3. Рекламный постер фильма «Пир Песар» для иранского проката (реж. Октай Барахени, 2021)

Fig. 1-2-3. Promotional poster for the film “The Old Bachelor” for Iranian release (dir. Octay Baraheni, 2021)

Премьера фильма состоялась в 2024 г. на 53-м Международном кинофестивале в Роттердаме, где картина получила главный приз секции “Big Screen”. Будучи самым длинным фильмом в истории иранского кинематографа (190 минут), «Пир Песар» привлек внимание не только международных фестивалей, но и иранской публики.

Илл. 4. Международный постер фильма «Пир Песар» для кинофестиваля в Роттердаме (2024)

Fig. 4. International poster for the film “The Old Bachelor” for the Rotterdam International Film Festival (2024)

После выхода в прокат в июне 2025 г. фильм стал вторым самым кассовым фильмом года в Иране. Сам режиссер определил свою картину как свободную адаптацию, вдохновленную несколькими литературными источниками, среди которых центральное место занимают «Братья Карамазовы» Достоевского. В интервью Барахени подчеркнул, что его целью было не буквальное воспроизведение сюжета, а следование творческому методу русского писателя: «Если бы Достоевский сегодня жил в Тегеране и хотел написать историю об отце и сыновьях — как бы выглядел этот рассказ?»[1]

Фильм повествует о трех персонажах: отце Голаме Бастани и его двух сыновьях — Али и Реза. Голам — деспотичный отец, наркоман и развратник, не заботящийся о будущем сыновей. Конфликт обостряется с появлением Рана, женщины, которая становится предметом соперничества между отцом и сыном. Финал фильма трагичен: после убийства Рана сыновья запирают отца в доме, и в ходе жестокой ссоры все трое погибают.

Настоящая статья рассматривает фильм «Пир Песар» как пример интерсемиотического перевода — понятия, введенного Романом Якобсоном для обозначения интерпретации вербального текста посредством невербальной знаковой системы [Jakobson: 114]. Вслед за нашим предыдущим исследованием, посвященным иранской адаптации «Преступления и Наказания» [Садеги Сахлабад], мы исходим из того, что экранизация классического произведения сопровождается редукцией, расширением и реинтерпретацией исходного материала, а также стратегией доместикации по Л. Венути [Venuti] — переносом действия в иную культурную и временную среду.

Цель исследования — выявить механизмы интерсемиотического перевода романа «Братья Карамазовы» в фильме «Пир Песар». Особое внимание уделяется трем аспектам: трансформации системы персонажей, культурной и темпоральной адаптации, а также новым смыслам, возникающим в результате этого перевода.

Кинематографические адаптации литературных произведений не только осуществляют интерсемиотический перевод текста в другой медиум, но и способны активизировать читательский интерес к классике. Иранский опыт обращения к творчеству Достоевского показывает, что такие адаптации нередко оживляют книжный рынок. По словам издателей, после выхода фильма «Белые ночи» (2002)[2], снятого по одноименному произведению Достоевского, продажи этой книги в Иране значительно выросли. Кинематографическая адаптация может служить культурным посредником между классическим текстом и современной аудиторией, возвращая литературные шедевры в активное читательское обращение [Conversations with Publishers…].

---

[1] Барахени О. Режиссер «Пир Песар»: «Я хочу, чтобы люди увидели этот фильм как можно скорее» // Информационное агентство ИСНА (ISNA). 2025. 27 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://www.isna.ir/news/1403112720248 (06.06.2026). (На перс. яз.).

[2] См. о фильме: [Сиями Эйдлак, Расули].

С другой стороны, обращение к классическим произведениям мировой литературы повышает символическое наполнение фильма, способствует расширению зрительской аудитории и увеличению кассовых сборов.

Как отмечает Н. Кузьмина, «сильные» тексты обладают высоким эстетико-энергетическим потенциалом, что обеспечивает постоянный энергетический обмен между текстом и его читателями [Кузьмина: 68–71]. Кинематографические адаптации, в свою очередь, привлекают к тексту новую аудиторию, создавая взаимный синергетический обмен между литературой и кино. Следуя логике О. А. Леонтович, подобные формы можно рассматривать как разновидность интерсемиотического перевода — попытку возвысить киноверсию над обыденностью, придать ей более глубокий смысл, которым она не обладала бы без этой аллюзии [Леонтович: 491].

Роман «Братья Карамазовы» занимает исключительное место в современной культуре Ирана. Как справедливо отмечает В. Н. Захаров, «у Достоевского много друзей во всем мире. Он объединяет людей разных политических убеждений, культур, цивилизаций, конфессий» [Захаров, 2021: 7]. На протяжении семи десятилетий «Братья Карамазовы» остаются одним из самых читаемых и влиятельных произведений русской литературы в иранской интеллектуальной и художественной среде. Согласно данным Национальной библиотеки и архива Исламской Республики Иран[3], этот роман переведен на персидский язык 26 раз (два новых перевода появились в 2025 г.). Первый перевод был выполнен Мошфегом Хамедани в 1956 г. Во введении к своему переводу Хамедани называет «Братьев Карамазовых» «самым содержательным произведением Достоевского» и своего рода «завещанием Достоевского советскому народу» [Хамедани: 3]. Далее он пишет: «…пока существует мир, эта сияющая звезда мировой литературы будет озарять его, и время не только не умалило ее ценности, но с каждым днем все яснее обнаруживает ее глубину» [Хамедани: 4].

Известный перевод Салеха Хосейни выдержал 22 переиздания, что свидетельствует о постоянном спросе на эту книгу. Большинство переводов были выполнены с английского языка, лишь один — с французского. Однако в 2025 г. вышли два новых перевода, один из которых сделан непосредственно с русского — важный шаг в истории передачи этого текста в иранское культурное пространство. В 2000 г. была также выпущена полная аудиокнига для слепых, что говорит о доступности романа для самых разных категорий читателей. Следуя логике О. А. Леонтович, подобные формы можно рассматривать как разновидность интерсемиотического перевода — перекодирование письменного текста в «звуковой язык» для людей, лишенных зрения [Леонтович: 488].

---

[3] См.: National Library and Archives of Iran [Электронный ресурс]. URL: https://portals.nlai.ir/en/ (06.06.2026).

Популярность «Братьев Карамазовых» в Иране не ограничивается переводами. Роман неоднократно становился предметом литературных, театральных и кинематографических адаптаций, предлагая каждый раз новую форму прочтения и локализации нравственного мира Достоевского. Вершиной этих усилий стала семичасовая постановка спектакля «Братья Карамазовы» (2024–2025) — беспрецедентное событие на иранской театральной сцене, работа над которым заняла у актеров шесть лет. Спектакль пользовался огромным успехом у зрителей.

Илл. 4. Рекламный постер спектакля «Братья Карамазовы» (реж. Ашкан Хейльнежад, Тегеран)

Fig. 4. Promotional poster for the play “The Brothers Karamazov” (dir. Ashkan Kheilnejad, Tehran)

В кинематографе снято по меньшей мере шесть фильмов по произведениям Достоевского, один из них — «Искушение дьявола» (1967), также основанный на романе «Братья Карамазовы». Таким образом, встреча иранского искусства с творчеством Достоевского имеет долгую и живую историю.

Как отмечает В. А. Разумовская, оригиналы и многочисленные вторичные тексты произведений Достоевского формируют обширные центры переводной аттракции — сложные системно-структурные образования, в которых художественный оригинал выступает ядром-аттрактором, а все его межъязыковые и межсемиотические переводы (в том числе театральные постановки, киноадаптации, музыкальные и живописные версии) образуют поле переводимости [Разумовская: 191–192]. Фильм «Пир Песар» Октая Барахени, являясь одной из новейших киноинтерпретаций «Братьев Карамазовых», органично вписывается в этот центр переводной аттракции, формирующийся вокруг романа Достоевского. Как справедливо замечает В. Н. Захаров, «переводы увеличивают корпус текстов Достоевского, и чем

дальше, тем их объем будет больше» [Захаров, 2024: 8]. Фильм «Пир Песар» — очередное подтверждение этого тезиса.

В этом контексте фильм «Пир Песар» занимает особое место. Он не только представляет собой новейшую экранизацию Достоевского в Иране, но и демонстрирует оригинальный подход к интерсемиотическому переводу, сочетая в себе сразу несколько литературных источников. По словам режиссера, исходный замысел фильма укладывался в пятистраничный рассказ, навеянный «Братьями Карамазовыми»[4].

Исследование киноадаптаций литературных произведений неизбежно сталкивается с проблемой перехода текста из одной знаковой системы в другую. Одной из наиболее влиятельных концепций, объясняющих этот процесс, является теория перевода Р. Якобсона. В своей знаменитой статье «О лингвистических аспектах перевода» (1959) Якобсон выделяет три типа перевода:

Внутриязыковой перевод (перефразирование) — интерпретация вербальных знаков средствами того же языка;

Межъязыковой перевод (собственно перевод) — трансформация текста с одного естественного языка на другой;

Интерсемиотический перевод (трансмутация) — интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем [Jakobson: 114].

Именно третий тип перевода представляет наибольший интерес для анализа экранизаций. В данном случае речь идет не о буквальном воспроизведении исходного текста, а о его творческом преобразовании в иной медиум — кино. Литературный текст, основанный на словесной структуре и внутренних монологах персонажей, в кино превращается в систему аудиовизуальных знаков: визуальный образ, монтаж, звук, актерскую игру, пространственную организацию кадра. Таким образом, процесс экранизации — это не перенос словесной формы, а воссоздание смысловой и функциональной структуры произведения средствами другой знаковой системы.

В данной статье экранизация рассматривается не как вторичное воспроизведение литературного текста, а как самостоятельный культурный продукт, возникающий на пересечении различных семиотических и культурных систем. Фильм — это не просто интерпретация литературного источника, а новая форма его бытования в другом культурном пространстве.

Применительно к экранизациям классических произведений ключевое значение приобретает стратегия доместикации. Этот термин был введен Лоуренсом Венути для описания переводческих стратегий, при которых иностранный текст адаптируется к нормам и ожиданиям принимающей культуры [Venuti: 19–20]. В кинематографическом контексте доместикация

[4] См.: «Пир Песар»: современная эпопея в сердце тьмы — почему этот фильм стоит посмотреть? [Электронный ресурс]. URL: https://www.irantic.com/blog/detail/pir-pesar (06.06.2026). (На перс. яз.)

означает перенос места действия в страну целевой аудитории, приближение эпохи к современности, изменение имен персонажей, их языка и поведения в соответствии с культурными кодами зрителя [Леонтович: 489–490].

Процесс интерсемиотического перевода в киноадаптациях сопровождается тремя типами трансформаций, которые выделяет О. А. Леонтович на материале экранизаций Достоевского: редукция, расширение и реинтерпретация [Leontovich: 400]. Важно подчеркнуть, что реинтерпретация — это не «измена» оригиналу, а неизбежный и продуктивный механизм адаптации. Как пишет В. Н. Захаров, «каждый перевод — интерпретация. Интерпретацией являются и критические публикации, театральные постановки и экранизации» [Захаров, 2024: 8]. Иными словами, экранизация классического произведения — это не попытка буквального копирования, а одна из законных форм его прочтения и осмысления в иной знаковой системе и культурной среде.

Развивая эту мысль, М. Н. Девальер подчеркивает: «Режиссер (интерпретатор), являясь медиатором между автором и читательской (кино-) аудиторией, <…> актуализирует собственное отношение к тому или иному художественному явлению, а также к ценностям своей и инокультуры…» [Девальер: 4]. Таким образом, киноинтерпретация — это не пассивное воспроизведение оригинала, а активный диалог культур, в котором режиссер выступает посредником.

Н. Г. Федосеенко справедливо замечает: «Экранизация классического произведения всегда предполагает коррективы на национальное самосознание и на культурный опыт режиссера» [Федосеенко: 162]. Именно это мы и наблюдаем в фильме «Пир Песар»: Барахени не просто переносит фабулу русского романа на иранскую почву, но и переосмысливает ее в соответствии с национально-культурными кодами своей аудитории.

«Способность к высокой степени реинтерпретативности» особенно присуща так называемым «сильным» литературным текстам, что делает их, по словам В. А. Разумовской, «регулярными объектами межъязыкового перевода и других известных видов интерпретации, трансформации и адаптации информации вербального оригинала» [Разумовская: 190]. Такие тексты формируют ядро национальной культуры, известны большинству носителей языка и культуры и определяют канон образования. Роман «Братья Карамазовы» Достоевского, без сомнения, относится к числу таких «сильных» текстов, что и обусловливает появление его многочисленных интерпретаций, в том числе в иранском кинематографе. Особую роль в теоретическом осмыслении данного процесса играет концепция семиосферы Ю. М. Лотмана. Согласно Лотману, культура представляет собой семиотическое пространство, в котором функционируют различные знаковые системы (языки, литература, кино, искусство). Переход текста из одной семиосферы в другую (например, из русской культуры XIX в. в иранскую культуру XXI в.) неизбежно

сопровождается трансформацией его смыслов. Язык искусства, а следовательно, и кино, Лотман называл «вторичной моделирующей системой» (“secondary modelling systems”) — системой, которая создает собственные коды и механизмы порождения смысла [Lotman: x].

Развивая эту мысль, С. Басснет и А. Лефевр (1998) ввели понятие «культурных сеток» (“cultural grids”). Согласно их концепции, «сильные» литературные тексты располагаются в узлах культурных и текстовых сеток (“textual grids”), что обеспечивает стабильность культур, придавая их структурам определенную «жесткость» [Bassnett, Lefevere] (см. также: [Разумовская: 189]). Иными словами, именно «сильные» тексты удерживают культурную сетку от распада. Однако когда такой текст переходит из одной семиосферы в другую (например, из русской культуры в иранскую), он неизбежно подвергается переосмыслению и «перемонтируется» в узлы принимающей культурной сетки.

Фильм «Пир Песар» представляет собой показательный пример такого комплексного перехода. Русский роман XIX в. переносится в Тегеран XXI в., система персонажей подвергается редукции и реинтерпретации, христианская символика трансформируется в светскую этику, а философские монологи Достоевского перекодируются в визуальные образы и жесты. Далее будут рассмотрены механизмы осуществления этих трансформаций.

Одним из наиболее значительных изменений, происходящих в процессе интерсемиотического перевода, является трансформация системы персонажей. В фильме «Пир Песар» по сравнению с романом «Братья Карамазовы» количество действующих лиц значительно сокращено. Режиссер сознательно отказывается от многих второстепенных персонажей, сосредоточиваясь на трех центральных фигурах — отце и двух его сыновьях, а также на женском персонаже Ране.

Ниже представлена таблица соответствия между персонажами романа и фильма.

Таблица 1. Соответствие между персонажами романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и фильма Октая Барахени «Пир Песар»

Table 1. Correspondence between the characters of F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" and Octay Baraheni's film "The Old Bachelor"

Персонаж романа	**Персонаж фильма**	**Характер трансформации**
Федор Павлович Карамазов	Голам Бастани	Прямое соответствие: деспотичный отец, распутник, эгоист
Дмитрий Карамазов	Реза + Али	Частичное соответствие: Реза наследует агрессию и конфликт с отцом, Али — конфликт из-за материнского наследства
Иван Карамазов	Али	Частичное соответствие: интеллектуализм, рефлексия, склонность к чтению
Алеша Карамазов	Али	Частичное соответствие: доброта, человечность, стремление к гармонии
Смердяков	Реза + Али	Распределенное соответствие: Реза — ненависть к отцу; Али — фактический убийца
Грушенька	Рана	Прямое соответствие: объект соперничества между отцом и сыном
Григорий	Гамхар	Частичное соответствие: верный слуга/друг, адаптированный к иранскому культурному контексту

Как видно из таблицы, фильм не просто переносит персонажей из романа, но и перераспределяет их функции. Наиболее показательным примером служит персонаж Али, который вбирает в себя черты сразу всех четырех братьев Карамазовых. От Ивана он наследует интеллектуализм и склонность к рефлексии, от Алеши — доброту и человечность, от Смердякова — убийство отца, а от Дмитрия — соперничество с отцом из-за женщины и конфликт из-за присвоенного материнского наследства. По справедливому замечанию В. Н. Захарова, Достоевский создал образ Алеши как «раннего человеколюбца», в котором «главная идея» писателя — «утверждение моральных ценностей» — нашла свое воплощение [Захаров, 1985: 155]. В фильме «Пир Песар» Али наследует эту функцию, однако в отличие от романа, где источником этих качеств является христианская вера, в фильме Барахени они представлены как светская этика, понятная иранскому зрителю.

Персонаж Голама представляет собой наиболее прямое соответствие Федору Павловичу. Как и его русский «прототип», Голам — отец-тиран, который не заботится о будущем сыновей, живет в распутстве и разврате, употребляет алкоголь и наркотики в аномальной форме, вступает в соперничество с сыном из-за женщины. Более того, подобно Федору Павловичу, который присвоил наследство Дмитрия от матери, Голам также завладел материнским наследством — в первую очередь наследством Али, — что становится одной из причин конфликта между отцом и детьми. Однако в исполнении Хасана Пуршираз этот образ приобретает более мрачные, даже демонические черты по сравнению с Федором Павловичем у Достоевского.

Персонаж Резы соответствует Дмитрию Карамазову. Как и его литературный «прототип», Реза открыто ненавидит отца, угрожает ему и желает его смерти. Эта параллель имеет прямую речевую перекличку. В романе Дмитрий, указывая на отца, восклицает:

> «Зачем живет такой человек! <…> можно ли еще позволить ему бесчестить собою землю…» [Д30: 69].

В фильме Реза с той же безысходной злобой повторяет: «Почему он не умирает?» Оба персонажа задаются одним и тем же вопросом — о праве отца-тирана на существование. Однако в романе Дмитрий так и не решается на убийство, в то время как в фильме ненависть Резы остается нереализованной, уступая место действиям Али.

Персонаж Раны соответствует Грушеньке, но с существенным отличием. По сравнению со своей литературной предшественницей, искушенной и расчетливой женщиной, Рана предстает более современной и независимой героиней. Она художница, живет самостоятельно, сама принимает решения. Однако и ее постигает та же участь — она становится жертвой соперничества между отцом и сыном. Убийство Раны в фильме (в романе Грушенька остается жива) демонстрирует более мрачный результат адаптации текста.

Первый уровень доместикации в кинематографической адаптации проявляется уже в названии фильма. Персидское название «Пир Песар» (*Pir Pesar*, букв. — «пожилой холостяк») в международном прокате передается как “The Old Bachelor”. В персидском языке это выражение обозначает мужчину средних лет, который по тем или иным причинам так и не вступил в брак.

На сюжетном уровне данное название прежде всего отсылает к персонажу Али: в фильме неоднократно подчеркивается, что ему уже за сорок, и Голам прямо называет его «пир песар». Вместе с тем название допускает и ироническое прочтение, адресованное самому Голаму. В одной из сцен Голам произносит: «Мужчина, у которого нет закона, всегда остается мальчиком». В этом ракурсе Голам, несмотря на возраст, вследствие безответственности и инфантильного поведения оказывается «мальчиком» — то есть «старым холостяком» в переносном, морально-психологическом смысле.

Таким образом, заглавие одновременно активирует два смысловых плана: социальный статус Али и моральное состояние Голама. Подобная многозначность была бы вряд ли достижима при буквальном сохранении названия первоисточника («Братья Карамазовы»). Напротив, режиссер сознательно выбирает новую номинацию, резонирующую с культурными кодами и ожиданиями иранского зрителя.

В экранизациях классических литературных произведений перенос времени и места действия — один из важнейших процессов доместикации. В фильме «Пир Песар» события романа Достоевского перенесены из России XIX в. в Тегеран XXI в. Этот перенос проявляется в нескольких аспектах:

Пространство: Постоялый двор, где собираются персонажи в романе, в фильме заменен на кафе-галерею; дом Федора Павловича трансформируется в двухэтажный старый дом в Тегеране, где отец и сыновья живут под одной крышей. Подвал дома превращается в заброшенную женскую парикмахерскую — символическое пространство, связанное с убитой матерью Резы.

Коммуникация: Письма, которые играют важную роль в романе (например, письмо Дмитрия), заменены на SMS-сообщения и телефонные звонки.

Досуг: Традиционные развлечения XIX в. (карты, танцы) уступают место просмотру фильмов и обсуждению кино. Али, вместо того чтобы писать философское эссе (как Иван, автор «Великого инквизитора»), снимает документальный фильм о своей семье. Это изменение особенно показательно: оно отражает переход от вербальной культуры к визуальной в современном мире.

Социальные роли: Персонажи романа принадлежат к определенным сословиям (дворяне, мещане, слуги). В фильме эти различия сглажены: Али работает продавцом в книжном магазине, Реза — риелтором, Голам проводит время в комиссионном магазине своего друга Гамхара. Такое изменение делает историю более доступной для современного иранского зрителя.

Одно из наиболее существенных отличий фильма от романа — практически полное отсутствие религиозной проблематики. В романе «Братья Карамазовы» важнейшее место занимают богословские споры, образ старца Зосимы, христианская идея искупления через страдание, поэма о Великом инквизиторе. В фильме «Пир Песар» все эти элементы либо полностью отсутствуют, либо подвергнуты радикальной редукции.

Перенос фабулы романа из православно-христианского культурного контекста России XIX в. в исламский культурный контекст современного Ирана делает невозможным прямое воспроизведение религиозной символики Достоевского. Как отмечает К. Доак, зарубежные режиссеры, особенно представители нехристианских культур, зачастую стремятся нивелировать тему христианства в произведениях Достоевского, поскольку не могут найти адекватный культурный эквивалент для глубоких христианских концепций, лежащих в основе его мировоззрения [Doak].

Однако в исламской традиции христианство воспринимается как религия, основанная на нравственности и милосердии. Пророк Иса (Иисус Христос) занимает в исламе особое место как символ страдания, любви и жертвенности. Это иранское восприятие христианства позволяет режиссеру установить смысловую связь между двумя религиозными традициями: христианские добродетели, которые у Достоевского выражены через образы старца Зосимы и Алеши, могут быть переосмыслены в категориях универсальной человеческой этики, понятной и близкой иранскому зрителю.

Буквальное воспроизведение христианской символики в экранизации потребовало бы развернутого культурного комментирования, которое отвлекло бы зрителя от основной драматической коллизии — противостояния отца и сыновей. Вместо христианской символики в фильме акцент сделан на светской этике. Носителем моральных ценностей становится персонаж Али, который, не будучи религиозным человеком, проявляет человечность, заботу о других, стремление к справедливости. Таким образом, режиссер находит функциональный эквивалент христианских идей Достоевского в категориях универсальной гуманистической этики.

Этот выбор объясняется двумя причинами. Во-первых, как уже сказано, христианская символика чужда иранскому зрителю, воспитанному в исламской традиции. Во-вторых, режиссер сознательно стремится к универсализации проблематики: конфликт отцов и детей, проблема вины и ответственности, трагедия неразделенной любви — эти темы понятны без религиозного контекста в любой культуре.

Тем не менее отказ от религиозного измерения имеет и свои издержки. У Достоевского именно вера (или ее отсутствие) служит тем стержнем, который придает экзистенциальную глубину внутренним конфликтам персонажей. В фильме Барахени эта глубина отчасти замещается психологической проработкой образов, но философская многозначность оригинала оказывается утраченной.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о механизмах интерсемиотического перевода в фильме «Пир Песар».

Таблица 2. Типы трансформаций в интерсемиотическом переводе романа «Братья Карамазовы» в фильме «Пир Песар»
Table 2. Types of transformations in the intersemiotic translation of the novel "The Brothers Karamazov" in the film "Pir Pesar"

Тип трансформации	**Проявление в фильме**
Редукция	Сокращение числа персонажей (отсутствуют многие второстепенные герои), сюжетных линий (нет истории Дмитрия с Катериной), религиозной символики
Расширение	Добавлены сцены, отсутствующие в романе: убийство Раны, подробное изображение психологических манипуляций Голама
Реинтерпретация	Али соединяет черты четырех братьев; Голам становится более мрачной фигурой, чем Федор Павлович; название полностью заменено; место действия перенесено в Тегеран

Фильм О. Барахени показывает, что интерсемиотический перевод не предполагает буквального соответствия оригиналу. Напротив, определенная дистанция по отношению к исходному тексту позволяет сохранить и переосмыслить ключевые смыслы романа, адаптируя их к новой культурной среде. В иранском контексте эта стратегия делает возможным критическое осмысление таких проблем, как домашнее насилие, разрушительные модели семейных отношений и репродукция патриархальных травм в современном обществе.

Проведенный анализ позволяет рассматривать фильм «Пир Песар» не как прямую экранизацию романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», а как форму интерсемиотического перевода. Перенос действия в современный Тегеран, редукция и перераспределение функций персонажей, а также отказ от христианской символики в пользу универсальной гуманистической этики свидетельствуют о том, что киноадаптация ориентирована не на буквальное воспроизведение исходного текста, а на интерпретацию и актуализацию его смыслового потенциала в новом культурном контексте.

Список литературы

1. Девальер М. Н. Диалог культур в литературно-кинематографическом пространстве (на примере киноинтерпретаций романа Ф. М. Достоевского «Идиот»): автореф. дис. … канд. культурологии. СПб., 2015. 26 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005559203?page=1&rotate=0&theme=white (06.06.2026). EDN: ZPOPDH
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.: Наука, 1976. Т. 14: Братья Карамазовы. Кн. 1–10 / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. 514 с. [Д30]
3. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1985. 209 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23826098_61812569.pdf (06.06.2026). EDN: UBKBBV
4. Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (06.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321. EDN: HWOFQO
5. Захаров В. Н. Великое пятикнижие Достоевского: концепт, перевод, толкование // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 2. С. 5–15 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1720186886.pdf (06.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7321. EDN: LUIKWD
6. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского, 2009. 228 с. (Сер.: Труды ученых Омского университета.) EDN: UWNKIB
7. Леонтович О. А. «Сделать правду правдоподобнее»: к проблеме интерсемиотического перевода произведений Ф. М. Достоевского // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 485–499 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49552345_18258645.pdf (06.06.2026). DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).485-499. EDN: MWLDKC
8. Разумовская В. А. «Судьба» «сильных» текстов русской культуры: Ф. М. Достоевский в мировом культурном контексте // Tabula. 2024. № 21. С. 187–220 [Электронный ресурс]. URL: https://hrcak.srce.hr/en/file/464156 (06.06.2026). DOI: 10.32728/tab.21.2024.2. EDN: KFWPJZ
9. Садеги Сахлабад З. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: литературный текст в кинематографическом дискурсе Ирана // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12. № 2. С. 169–183 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1751884011.pdf (06.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7962. EDN: CAAQRL
10. Сиями Эйдлак Х., Расули З. Ф. М. Достоевский в Иране: «тройной» перевод // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 2. С. 137–148 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1657604303.pdf (06.06.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6081. EDN: LAZKXL
11. Федосеенко Н. Г. Белые и не белые ночи: экранизация повести Ф. М. Достоевского и проблемы национального менталитета // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 9. С. 162–167 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26684603_34994943.pdf (06.06.2026). EDN: UFOEJY
12. Хамедани М. Предисловие к переводу романа «Братья Карамазовы». Тегеран: Kharazmi, 1965. 948 с.
13. Яхьяпур М. Достоевский и Иран // Русский язык за рубежом. 2008. № 1 (206). С. 69–72. EDN: ILHQMP

14. Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1998. 143 p.
15. Doak C. Painting the Town Black: A Japanese Take on Brothers Karamazov. NYU Jordan Center for the Advanced Study of Russia. 2016. 10 March [Электронный ресурс]. URL: https://bloggerskaramazov.com/2016/03/10/bk-japan/ (06.06.2026).
16. Conversations with Publishers and the Director About the Adaptation of "White Nights" // Iran Book News Agency (IBNA). 2025. 26 (April) [Электронный ресурс]. URL: https://www.ibna.ir/news/532176 (06.06.2026).
17. Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // The Translation Studies Reader / ed. by L. Venuti. London; New York: Routledge, 2000. P. 113–118 [Электронный ресурс]. URL: https://translationjournal.net/images/e-Books/PDF_Files/The%20Translation%20Studies%20Reader.pdf (06.06.2026).
18. Leontovich O. "A Sensible Image of the Infinite": Intersemiotic Translation of Russian Classics for Foreign Audiences // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23. No. 2. P. 399–414 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37713143_19156777.pdf (06.06.2026). DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-399-414. EDN: UATPNM
19. Lotman Yu. M. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture / transl. by A. Shukman; introd. by U. Eco. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 288 p.
20. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York: Routledge, 1995. 353 p.

References

1. Devalier M. N. *Dialog kul'tur v literaturno-kinematograficheskom prostranstve* (*na primere kinointerpretatsiy romana F. M. Dostoevskogo "Idiot"*): *avtoref. dis. … kand. kul'turologii* [*Dialogue of Cultures in the Literary-Cinematic Space* (*Based on Film Interpretations of F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot"*). *PhD. cultural studies sci. diss. abstract*]. St. Petersburg, 2015. 26 p. Available at: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005559203?page=1&rotate=0&theme=white (accessed on June 6, 2026). EDN: ZPOPDH (In Russ.)
2. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 30 tomakh* [*The Complete Works*: *in 30 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 1976, vol. 14: The Brothers Karamazov, book 1–10. 514 p. (In Russ.)
3. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo*: *tipologiya i poetika* [*The System of Genres of Dostoevsky*: *Typology and Poetics*]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 209 p. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23826098_61812569.pdf (accessed on June 6, 2026). EDN: UBKBBV (In Russ.)
4. Zakharov V. N. The Relevance of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 5–20. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (accessed on June 6, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321. EDN: HWOFQO (In Russ.)
5. Zakharov V. N. Dostoevsky's Great Pentateuch: Concept, Translation, Interpretation. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2024, vol. 11, no. 2, pp. 5–15. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1720186886.pdf (accessed on June 6, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7321. EDN: LUIKWD (In Russ.)
6. Kuz'mina N. A. *Intertekst*: *tema s variatsiyami. Fenomeny yazyka i kul'tury v intertekstual'noy interpretatsii* [*Intertext*: *Theme with Variations. Phenomena of Language and Culture in Intertextual Interpretation*]. Omsk, Dostoevsky Omsk State University Publ., 2009. 228 p. (Ser.: Works of Scientists from Omsk State University.) EDN: UWNKIB (In Russ.)

7. Leontovich O. A. “To Make the Truth More Truthlike”: The Problem of Intersemiotic Translation of Dostoevsky’s Works. In: *Kommunikativnye issledovaniya* [*Communication Studies*], 2022, vol. 9, no. 3, pp. 485–499. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_49552345_18258645.pdf (accessed on June 6, 2026). DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).485-499. EDN: MWLDKC (In Russ.)
8. Razumovskaya V. A. The “Strong” Texts of Russian Culture “Destiny”: F. M. Dostoevsky in the World Cultural Context. In: *Tabula*, 2024, no. 21, pp. 187–220. Available at: https://hrcak.srce.hr/en/file/464156 (accessed on June 6, 2026). DOI: 10.32728/tab.21.2024.2. EDN: KFWPJZ (In Russ.)
9. Sadeghi Sahlabad Z. F. M. Dostoevsky’s “Crime and Punishment”: a Literary Text in the Iranian Cinematic Discourse. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2025, vol. 12, no. 2, pp. 169–183. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1751884011.pdf (accessed on June 6, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7962. EDN: CAAQRL (In Russ.)
10. Siyami Eidlak Kh., Rasouli Z. F. M. Dostoevsky in Iran: “Triple” Translation. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2022, vol. 9, no. 2, pp. 137–148. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1657604303.pdf (accessed on June 6, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6081. EDN: LAZKXL (In Russ.)
11. Fedoseenko N. G. White and Not White Nights: Screen Version of the F. M. Dostoevsky’s Novel and Problem of National Mentality. In: *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Kontsept”* [*Scientific and Methodological Electronic Journal “Koncept”*], 2016, no. 9, pp. 162–167. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26684603_34994943.pdf (accessed on June 6, 2026). EDN: UFOEJY (In Russ.)
12. Hamedani M. *Predislovie k perevodu romana “Brat’ya Karamazovy”* [*Preface to the Translation of the Novel “The Brothers Karamazov”*]. Tehran, Kharazmi Publ., 1965. 948 p. (In Persian)
13. Yakh’yapur M. Dostoevsky and Iran. In: *Russkiy yazyk za rubezhom* [*Russian Language Abroad*], 2008, no. 1 (206), pp. 69–72. EDN: ILHQMP (In Russ.)
14. Bassnett S., Lefevere A. *Constructing Cultures*: *Essays on Literary Translation*. Clevedon, Multilingual Matters Publ., 1998. 143 p. (In English)
15. Doak C. *Painting the Town Black*: *A Japanese Take on Brothers Karamazov. NYU Jordan Center for the Advanced Study of Russia*, 2016, 10 March. Available at: https://bloggerskaramazov.com/2016/03/10/bk-japan/ (accessed on June 6, 2026). (In English)
16. Conversations with Publishers and the Director About the Adaptation of “White Nights”. In: *Iran Book News Agency* (*IBNA*), 2025, April 15. Available at: https://www.ibna.ir/news/532176 (accessed on June 6, 2026). (In Persian)
17. Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation. In: *The Translation Studies Reader*. London, New York, Routledge Publ., 2000, pp. 113–118. Available at: https://translationjournal.net/images/e-Books/PDF_Files/The%20Translation%20Studies%20Reader.pdf (accessed on June 6, 2026). (In English)
18. Leontovich O. “A Sensible Image of the Infinite”: Intersemiotic Translation of Russian Classics for Foreign Audiences. In: *Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 2, pp. 399–414. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_37713143_19156777.pdf (accessed on June 6, 2026). DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-399-414. EDN: UATPNM (In English)
19. Lotman Yu. M. *Universe of the Mind*: *A Semiotic Theory of Culture*. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1990. 288 p. (In English)
20. Venuti L. *The Translator’s Invisibility*: *A History of Translation*. London, New York, Routledge Publ., 1995. 353 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Садеги Сахлабад Зейнаб, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, декан факультета литературы, Университет Альзахра (Ванак, 1993893973, г. Тегеран, Исламская Республика Иран); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7031-0763; e-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir.

Салех Атефе, постдокторант, кафедра русского языка, факультет литературы, Университет Альзахра (Ванак, 1993893973, г. Тегеран, Исламская Республика Иран); ORCID: https://orcid.org/0009-0001-2483-2923; e-mail: A.Saleh@alzahra.ac.ir.

Zeinab Sadeghi Sahlabad, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language, Dean of the Faculty of Literature, Alzahra University (Vanak, 1993893973, Tehran, Islamic Republic of Iran); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7031-0763; e-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir.

Atefeh Saleh, Postdoctoral Researcher, Department of Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University (Vanak, 1993893973, Tehran, Islamic Republic of Iran); ORCID: https://orcid.org/0009-0001-2483-2923; e-mail: A.Saleh@alzahra.ac.ir.

Поступила в редакцию / Received 07.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 08.07.2026
Принята к публикации / Accepted 08.07.2026
Дата публикации / Date of publication 31.07.2026

Научная статья
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8661
EDN: NQNHMC

Достоевский в Аргентине: хроника XIX Симпозиума IDS

И. С. Андрианова

Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(*г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*)
Петрозаводский государственный университет
(*г. Петрозаводск, Российская Федерация*)

e-mail: yarysheva@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен обзор XIX Симпозиума Международного общества Достоевского (IDS), который впервые в истории прошел в Латинской Америке — в Буэнос-Айресе в июне 2026 г. Это событие стало кульминацией многолетней работы Аргентинского общества Достоевского (SAD) и наглядным свидетельством глубокого интереса к творчеству русского писателя в регионе, где он давно воспринимается не как «чужой», а как «свой» автор. В статье прослеживается история рецепции Достоевского в Аргентине, начиная с первой публикации в год его смерти (1881), и анализируются причины особой близости его идей аргентинскому мировосприятию (огромное пространство, многонациональность, экзистенциальная проблематика). Особое внимание уделяется влиянию писателя на ключевые фигуры латиноамериканской литературы: Р. Арльта, Э. Сабато, Х. Л. Борхеса и Х. Кортасара. Подробно освещена программа симпозиума, построенная по региональному принципу. В статье проанализированы основные направления современных исследований: проблемы перевода (бразильская и аргентинская школы), сравнительный анализ и история рецепции в странах Латинской Америки, Колумбии и Европе; применение цифровых гуманитарных наук (китайские и американские проекты); философские и религиозные аспекты творчества. Впервые в истории симпозиумов IDS прозвучало несколько докладов из разных стран, посвященных Анне Григорьевне Достоевской, где она предстает не просто как жена и биограф, но как самостоятельный издатель, библиограф и активная участница культурного процесса. Рассмотрены выступления российской делегации, включая исследования текстологии «Гражданина», поэтики «Подростка», а также вопросы рецепции творчества Достоевского на Западе. Автор приходит к выводу, что проведение форума в Буэнос-Айресе подтверждает глобальный статус Достоевского как писателя, идеи которого сохраняют актуальность для самых разных культур, а Аргентина становится одним из ведущих мировых центров достоеведения.

Ключевые слова: Международное общество Достоевского, симпозиум, Аргентинское общество Достоевского, рецепция, перевод, Буэнос-Айрес, Алехандро Гонсалес, «Подросток», Анна Григорьевна Достоевская, цифровые гуманитарные науки

Для цитирования: Андрианова И. С. Достоевский в Аргентине: хроника XIX Симпозиума IDS // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 2. С. 245–271. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8661. EDN: NQNHMC

© И. С. Андрианова, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j10.art.2026.8661
EDN: NQNHMC

Dostoevsky in Argentina: A Chronicle of the 19th IDS Symposium

Irina S. Andrianova

The F. M. Dostoevsky Literary Memorial Museum
(*St. Petersburg, Russian Federation*)
Petrozavodsk State University
(*Petrozavodsk, Russian Federation*)

e-mail: yarysheva@yandex.ru

Abstract. The article presents an overview of the 19th Symposium of the International Dostoevsky Society (IDS), which was held for the first time in Latin America — in Buenos Aires, in June 2026. This event became the culmination of many years of work by the Argentine Dostoevsky Society (SAD) and a clear testament to the profound interest in the works of the Russian writer in a region where he has long been perceived not as a "foreign" but as a "native" author. The article traces the history of Dostoevsky's reception in Argentina, beginning with the first publication in the year of his death (1881), and analyzes the reasons for the particular affinity of his ideas with the Argentine worldview — vast spaces, multinationality, existential concerns. Special attention is paid to the writer's influence on key figures of Latin American literature: R. Arlt, E. Sabato, J. L. Borges, and J. Cortázar. The symposium program, structured along regional lines, is described in detail. The article examines the main areas of contemporary research: translation issues (Brazilian and Argentine schools), comparative analysis and the history of reception in Latin American countries, Colombia, and Europe; the application of digital humanities (Chinese and American projects); philosophical and religious aspects of Dostoevsky's work. For the first time in the history of IDS symposia, several papers from different countries were devoted to Anna Grigorievna Dostoevskaya, presenting her not merely as a wife and biographer, but as an independent publisher, bibliographer, and active participant in the cultural process. The presentations of the Russian delegation are reviewed, including studies of the textual criticism of "The Citizen," the poetics of "The Adolescent," as well as questions of Dostoevsky's reception in the West. The author concludes that holding the forum in Buenos Aires confirms Dostoevsky's global status as a writer whose ideas remain relevant to a wide variety of cultures, and that Argentina is becoming one of the world's leading centers of Dostoevsky studies.

Keywords: International Dostoevsky Society, symposium, Argentine Dostoevsky Society, reception, translation, Buenos Aires, Alejandro González, "The Adolescent", Anna Grigorievna Dostoevskaya, digital humanities

For citation: Andrianova I. S. Dostoevsky in Argentina: A Chronicle of the 19th IDS Symposium. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2026, vol. 13, no. 2, pp. 245–271. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8661. EDN: NQNHMC (In Russ.)

В Аргентине творчество Достоевского пользуется глубочайшим уважением и неподдельным интересом. Как отмечает Алехандро Гонсалес, русского писателя по праву можно считать одним из самых любимых и влиятельных зарубежных авторов в стране: «…его произведения постоянно переиздаются, его имя часто упоминается в литературных журналах, эссе, монографиях, его идеи (как и идеи его героев) вызывают острую полемику» [Гонсалес: 121].

Первое упоминание о русском романисте в аргентинской печати появилось в год его смерти — в апреле 1881 г. Эрнесто Кесада, автор европейской секции журнала "Nueva Revista de Buenos Aires", где освещались культурные и политические события континента, в обзорной статье о положении литературы в России практически сразу сообщил о кончине писателя:

> «Последние известия из России возвещают печальнейшую новость. Достоевского больше нет! Огромная империя царей глубоко потрясена, и весь Санкт-Петербург провожал останки великого русского романиста до последнего пристанища. Сам царь немедленно назначил вдове пожизненную пенсию в 2000 рублей и взял на себя образование детей. Гроб на руках несли студенты; более ста тысяч человек, растянувшись на четыре километра, образовали процессию! Университеты и школы прислали делегатов; словом, со времени смерти Пушкина ни одна утрата не вызывала такого единодушия в скорби, подобного взрыва всенародной печали. Вся литературная и научная элита России пришла отдать последний долг тому, чья слава будет бессмертна»[1].

Уже в этой первой публикации Достоевский предстал перед аргентинцами не просто как великий русский писатель, но и как тончайший знаток человеческой души:

> «Его любимыми героями были те кающиеся грешники, что искупают вину добровольным покаянием, те преступники, которые посреди своего падения все еще сохраняют любовь к добру; — никто, как он, не анализировал

[1] Здесь и далее перевод мой. — *И. А.* В оригинале: "Las últimas noticias de Rusia anuncian una dolorosísima nueva. Dostoievsky no existe ya! El inmenso imperio de los czares se ha conmovido profundamente, y San Petersburgo toda entera ha acompañado hasta su última morada los restos del gran novelista ruso. El czar mismo acordó incontinenti una pensión vitalicia de 2000 rublos a la viuda, y tomó a su cargo la educación de los hijos. El féretro ha sido llevado a pulso por los estudiantes, y cien mil personas, ocupando cuatro kilómetros, han formado el cortejo! Las universidades y las escuelas han enviado delegados: en una palabra, desde la muerte de Pouschkine, ningún duelo había reunido tal unanimidad de pesar, semejante explosión de dolor nacional. Todo lo que la Rusia tiene de glorias literarias y científicas había venido a saludar el cadáver de aquel cuya fama será inmortal" (Quesada Ernesto. Revista Europea. Parte literaria. Estado de la literatura en Rusia (20 de abril de 1881) // Nueva Revista de Buenos Aires 1 (mayo de 1881). P. 308–309).

человеческую душу глубже и не записывал с большей точностью ее самые сокровенные тайны»[2].

Размышляя о причинах особой близости Достоевского аргентинской душе, исследователи обычно называют два фактора. Как пишет Алехандро Гонсалес, с одной стороны, это «огромное монотонное пространство. С другой — разнородность, разнообразие наций, народностей, племен, населяющих это пространство, и их культур. Контраст названных характеристик одинаково присущ России и Аргентине. Все сказанное обеспечивает содержательность русско-аргентинского культурного диалога…» [Гонсалес: 123].

Интерес Достоевского к психологической глубине и экзистенциальным вопросам оказался настолько созвучен аргентинскому мировосприятию, что повлиял на целую плеяду выдающихся писателей XX в. *Роберто Арльт* (1900–1942), которого даже называли «маленьким Достоевским» [D'Angelo: 10], перенял у русского классика принцип полифонии. Герои его романов «Злая игрушка» ("El juguete rabioso", 1926), «Семь безумцев» ("Los siete locos", 1929) и др. — это одинокие бунтари, изобретатели и мошенники, одержимые навязчивыми идеями и муками совести. Роберто Боланьо утверждал, что «Арльт является русским, персонажем Достоевского» [Bolaño: 26]. Мария Адсуар Фернандес и Мария Долорес провели параллель между самим Арльтом — обреченным писать журналистскую поденщину, чтобы расплачиваться с долгами, — и Достоевским, чья жизнь также была отмечена нуждой и необходимостью зарабатывать пером [Adsuar, Dolores] (см. также: [Морильяс: 207]).

Влияние Достоевского особенно заметно в новелле «Туннель» ("El túnel", 1948) и романе «О героях и могилах» ("Sobre héroes y tumbas", 1961) *Эрнесто Сабато* (1911–2011). Сам писатель признавался: «После "Братьев Карамазовых" мы уже не останемся такими же, как раньше, как не остался тем же, конечно, и Достоевский после того, как написал этот роман» (цит. по: [Морильяс: 208–209]).

Хорхе Луис Борхес (1899–1986) ставил знакомство с Достоевским в один ряд с важнейшими жизненными потрясениями и обретениями — любовью и морем: «Как открытие любви, как открытие моря, открытие Достоевского — это памятная дата в нашей жизни. Обычно оно приходится на юность, зрелость ищет и находит спокойных писателей»[3]. А герои «Бесов» напомнили ему старых аргентинцев — в том же эссе он признавался: «Я начал читать "Бесов" и случилось нечто очень странное. Я почувствовал, что

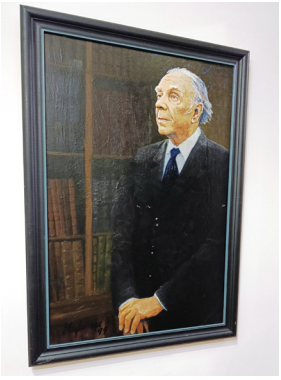
---

[2] В оригинале: "Sus héroes favoritos eran esos pecadores arrepentidos por la voluntaria penitencia, esos criminales que en medio de su degradación conservan todavía el amor del bien: — nadie como él ha analizado más profundamente el alma humana, ni escrito con mayor exactitud sus más recónditos secretos" (Quesada Ernesto. Revista Europea. Parte literaria. Estado de la literatura en Rusia (20 de abril de 1881) // Nueva Revista de Buenos Aires 1 (mayo de 1881). P. 310).

[3] Borges J. L. Prólogo a "Los demonios" de Fiódor Dostoyevski. In: *Biblioteca personal*. Madrid, Alianza Editorial, 1997 [Электронный ресурс]. URL: https://arcadiamaricronica.blogspot.com/2024/12/borges-sobre-dostoyevski.html?m=0 (28.06.2026).

вернулся на родину. Степь в этом произведении была гигантской Пампой. Варвара Петровна и Степан Трофимович Верховенский были, несмотря на свои неудобные имена, старыми безответственными аргентинцами»[4]. Однако, несмотря на его слова о том, что «русский мастер <…> проникал больше, чем кто-либо другой, в лабиринты души», Достоевский не настолько привлекал Борхеса, чтобы запоем читать его произведения. Сначала он прочитал «Преступление и Наказание» (на английском языке), затем перешел к «Бесам» и «Двойнику», но «Братьев Карамазовых» уже не одолел и оставил попытки прочитать всего Достоевского [Морильяс: 211].

Илл. 1–3. Экспонаты Музея Борхеса в Буэнос-Айресе.[5]
В центре — фотография работы Амадо Ортеги.
Фотографии И. С. Андриановой

Fig. 1–3. Exhibits at the Borges Museum in Buenos Aires.
At the center is a photograph taken by Amada Ortega.
Photos by Irina Andrianova

Хулио Кортасар (1914–1984), напротив, отдал дань уважения Достоевскому, предпослав своему роману «Выигрыши» (“Los premios”, 1960) эпиграф из «Идиота». О сильном влиянии русского классика на Кортасара свидетельствует и тот восторг, который вызвали у него «Идиот», «Бесы», «Двойник» и в особенности «Братья Карамазовы»: это произведение заставило его задаться вопросом о «красоте и истине» [Морильяс: 209].

Для систематического изучения и популяризации наследия писателя в 2015 г. было основано Аргентинское общество Достоевского (Sociedad Argentina Dostoievski, SAD). Эта организация объединяет специалистов и энтузиастов, интересующихся творчеством русского классика, русской

[4] Borges J. L. Prólogo a “Los demonios” de Fiódor Dostoyevski.

[5] Это основной музей, посвященный жизни и творчеству Х. Л. Борхеса. Он был открыт в 2007 г. в историческом районе Сан-Тельмо и насчитывает около 20 тысяч экспонатов, включая раритетные издания.

культурой и языком. Общество входит в Международное общество Достоевского (International Dostoevsky Society, IDS), активно сотрудничает с другими национальными обществами в Европе, Азии и Америке.

Создателем и президентом Аргентинского общества Достоевского стал Алехандро Ариэль Гонсалес — выпускник Петрозаводского государственного университета. Именно там профессор В. Н. Захаров, известный исследователь творчества писателя и почетный президент IDS, увлек его личностью и произведениями Достоевского, идеей создания в Аргентине общества исследователей русского классика.

Эта идея воплотилась в жизнь во многом благодаря тому, что в Аргентине, несмотря на острую экономическую нестабильность, культура остается в приоритете. Вход в большинство музеев здесь бесплатный, для зрителей открыты двери более 300 театров, а книжные магазины есть в каждом квартале — и они никогда не пустуют. Такая насыщенная культурная среда сложилась исторически: на рубеже XIX–XX вв. Аргентина была одной из самых богатых стран мира, и волна европейских иммигрантов хлынула в Буэнос-Айрес, создав мультикультурную атмосферу. Интерес к литературе был усилен в XX в., когда в город во время Гражданской войны в Испании бежали выдающиеся писатели и издатели, укрепив репутацию Буэнос-Айреса как литературной столицы. Традиция чтения оказалась очень устойчивой: аргентинцы сохранили привычку читать даже в периоды экономической нестабильности. Книга здесь — не просто товар, а неотъемлемая часть повседневной жизни (см. *Илл. 4*).

Сегодня Аргентинское общество Достоевского ведет активную издательскую деятельность. С 2026 г. оно начало выпуск книг; первым изданием стал фундаментальный справочник “Dostoievski: una bibliografía en español” Лауры Перес Диатто — исчерпывающий каталог книг, статей и эссе о писателе, изданных на испанском языке. Кроме того, общество выпускает два рецензируемых онлайн-журнала: “Estudios Dostoievski”, полностью посвященный творчеству писателя, и более широкий по тематике “Eslavia”, ставший площадкой для славистов и всех, кто интересуется славянской культурой.

Кульминацией многолетней работы Аргентинского общества стало проведение XIX Симпозиума Международного общества Достоевского, который проходил в Буэнос-Айресе с 15 по 20 июня 2026 г. Этот первый в Латинской Америке симпозиум IDS стал важнейшей вехой, подтвердившей высокий статус аргентинского достоеведения в мире. Форум, организованный SAD, собрал около 130 ученых из России, стран Европы и Азии, США и Латинской Америки. Центральными темами симпозиума стали 150-летие романа «Подросток» (работа над которым велась с февраля 1874 по ноябрь 1875 г.) и вопросы переводов Достоевского на разные языки.

Илл. 4. Книжный магазин El Ateneo Grand Splendid в бывшем театре (Буэнос-Айрес). Фото И. С. Андриановой

Fig. 4. El Ateneo Grand Splendid bookshop in the former theatre (Buenos Aires). Photo by Irina Andrianova

В Аргентине сложилась сильная переводческая школа: в последние два десятилетия испаноязычные переводчики и критики активно работают над тем, чтобы представить Достоевского не только как философа или психолога, но и как мастера слова, с тонким чувством юмора, виртуозно владевшего русским языком. Ключевым представителем этой школы является Омар Лобос — профессор Университета Буэнос-Айреса и сооснователь Аргентинского общества Достоевского, выполнивший первые прямые переводы «Преступления и Наказания», «Братьев Карамазовых» и «Идиота». Другая ведущая фигура — Алехандро Гонсалес, известный испаноязычный переводчик классической русской прозы. Благодаря его переводам произведения Достоевского, Толстого, Чехова, Булгакова и других русских писателей стали доступны миллионам читателей в Латинской Америке и Испании; за годы работы им переведено более 70 книг русских авторов.

Торжественное открытие первого в южном полушарии симпозиума IDS началось с приветственного слова Алехандро Гонсалеса, который затем предоставил слово действующему президенту Общества Стефано Алоэ

(Италия). В своей речи Стефано Алоэ подчеркнул всемирное значение писателя: «Достоевский — один из самых мировых авторов, и при этом он очень аргентинский писатель. Призвание нашего Общества — соединять мысли и культуры через изучение его жизни и творчества. Именно он дарит нам тысячи идей, чтобы исследовать то, что важно для каждого человека. Убежден, что XIX Симпозиум оставит глубокий след в нашей общей истории».

Илл. 5. Алехандро Гонсалес (Аргентина) и Стефано Алоэ (Италия). Фото Стефано Алоэ

Fig. 5. Alejandro González (Argentina) and Stefano Aloe (Italy). Photo by Stefano Aloe

Почетный президент IDS В. Н. Захаров (Россия) в своем выступлении обратился к истории самого Общества: «Наши предшественники создали замечательное содружество исследователей. Сегодня мы едины в порыве чувств: мы любим Общество Достоевского, мы любим самого Достоевского. Важно помнить, что Общество рождалось в трудные годы — на фоне "Пражской весны", студенческих волнений в Париже и войны во Вьетнаме. В разгар "холодной войны" в 1981 г. Академия наук впервые направила на симпозиум советских ученых. В 1983 г. почетными президентами IDS стали Г. М. Фридлендер и Д. С. Лихачев. С 1989 г. российское участие стало уже постоянным».

С теплотой отозвалась о предстоящем событии и почетный президент IDS Кэрол Аполлонио (США), заметив: «Воздух Буэнос-Айреса буквально пропитан Достоевским. Он — в книжных магазинах, на театральных сценах, и теперь — в пространстве научного симпозиума».

Илл. 6–8. Открытие XIX Симпозиума Международного общества Достоевского. Фото И. С. Андриановой

Fig. 6–8. The opening of the 19th Symposium of the International Dostoevsky Society. Photo by Irina Andrianova

Программа форума была организована по принципу сочетания параллельных пленарных и секционных заседаний, работавших в трех аудиториях на испанском, английском и русском языках. Такая структура позволила охватить максимальное число участников и обеспечить тематическое разнообразие, однако создала определенные сложности как для докладчиков, ограничив время для обсуждения, так и для слушателей, вынужденных выбирать между несколькими одновременно проходившими интересными секциями.

Представленные на симпозиуме доклады отразили все многообразие современного достоеведения: от текстологии и источниковедения до философской антропологии и мировой гуманитаристики. В пленарных докладах В. Н. Захарова, Алехандро Гонсалеса, Кейт Холланд и Кэтрин Бауэрс были рассмотрены актуальное состояние и перспективы изучения наследия Достоевского.

В докладе ***В. Н. Захарова*** (РЦНИ РАН, ПетрГУ) «Достоевский после юбилея — что впереди?» был дан анализ сложившейся семиотической модели юбилеев писателя: поминок и дней рождений, среди которых значимы даты 1896, 1906, 1921, 1931, 1956, 1971, 1981, 2021 гг. Двухсотлетний юбилей 2021 г. имеет свою предысторию. Показателен в этом отношении 1921 г., когда было подчеркнуто мировое значение наследия Достоевского. По мнению докладчика, непредсказуемо не только будущее, но и прошлое. Так, главным событием первого столетнего юбилея стали не многочисленные речи и эссе критиков и философов, а беседы А. Эйнштейна с А. Мошковским о теории относительности и Достоевском (1921), книги о философии и религии писателя, о России и Европе преподобного Иустина (Поповича) (1921, 1940), труды М. Бахтина о Достоевском (1929, 1963). Среди очевидных перспектив — новые источники и методы исследований, оригинальные интерпретации, новая текстология, информационные технологии.

Алехандро Гонсалес (Аргентинское общество Достоевского) в своем докладе остановился на современной рецепции Достоевского в испаноязычном мире, прежде всего в Аргентине. Если ранее переводы выполнялись по французским и американским посредническим изданиям, то сегодня аргентинские переводчики работают исключительно с русским оригиналом, стремясь максимально точно воссоздать авторский текст. Особое внимание, по словам докладчика, теперь уделяется тем аспектам, которые прежде ускользали от переводчиков, — в частности, юмористической составляющей прозы Достоевского. Кроме того, современные издания сопровождаются предисловиями или послесловиями русских критиков, что позволяет испаноязычному читателю глубже понять контекст и смысл произведений.

Кейт Холланд (Университет Торонто) и ***Кэтрин Бауэрс*** (Университет Британской Колумбии) представили доклад «Картографирование скандала и интриги: речевые сети и взаимодействие персонажей в романах Достоевского во времени», основанный на проекте «Цифровой Достоевский».

С помощью программного обеспечения Gephi исследовательницы создали визуализации речевых сетей персонажей для «Идиота», «Бесов», «Подростка» и «Братьев Карамазовых». Такой анализ, к примеру, показал уменьшение роли Разумихина в «Преступлении и Наказании», самостоятельность Сони и силу нарративного голоса для движения сюжета.

Рассмотрим основные исследовательские направления секций, сгруппированных по региональному принципу.

Латиноамериканские исследования: переводы и интерпретации

Латиноамериканская школа достоеведения была представлена на симпозиуме особенно широко, что отражает глубокий интерес к русскому писателю в этом регионе. Исследователи из Аргентины, Бразилии и Колумбии сосредоточились на проблемах перевода, истории рецепции и сравнительном анализе Достоевского с литературой этого же региона. В центре их внимания оказалась переводческая проблематика.

Бруно Гомиде (Университет Сан-Паулу, Бразилия) представил доклад «"Моя любимая Неточка": встречи Достоевского и Бориса Шнайдермана», посвященный ключевым моментам осмысления выдающимся переводчиком и профессором Борисом Шнайдерманом (1917–2016) творчеста Достоевского. В 1925 г. Шнайдерман в детском возрасте эмигрировал с семьей из Одессы в Бразилию и впоследствии стал главным посредником русской литературы в этой стране. Он перевел десятки произведений русскоязычных авторов, основал курс русского языка в Университете Сан-Паулу и познакомил бразильского читателя с такими исследователями, как М. М. Бахтин, Вяч. Вс. Иванов и Е. М. Мелетинский. Гомиде выделил четыре значимых встречи Шнайдермана с Достоевским: первый перевод «Братьев Карамазовых» (1944), выполненный под псевдонимом перед отбытием на войну в Италию; переводы ряда произведений в начале 1960-х гг. («Игрок», «Записки из подполья», «Вечный муж»); подготовку перевода книги Леонида Гроссмана «Достоевский-художник» (1967) и работу над докторской диссертацией (1974), включавшую комментированный перевод рассказа «Господин Прохарчин». В совокупности эти работы знаменуют собой становление переводческой школы, определившей лицо бразильской рецепции русского писателя на многие десятилетия.

Фернанда Медейрос Фернандес (Университет Сан-Паулу, Бразилия) проанализировала перевод повести «Двойник» на бразильский португальский, выполненный профессором Пауло Безеррой и опубликованный в 2011 г. Исследовательница провела сопоставительный анализ исходного текста и перевода Безерры, чтобы осмыслить переводческие решения, связанные с переносом плотного и извилистого языка Голядкина — языка, в котором смешиваются канцелярские обороты, романтическая риторика и патологическая рефлексия.

Кэролайн Родовалью (Университет Сан-Паулу, Бразилия) исследовала непрямой перевод «Записок из подполья» через французский язык, показав, как французская адаптация 1886 г. действовала в качестве идеологического и эстетического фильтра при восприятии произведения в Бразилии.

Омар Лобос (Университет Буэнос-Айреса, Аргентина) в докладе о переводе «Идиота» обратился к проблеме передачи голоса рассказчика, показав, как к наложению голосов нарратора и персонажа добавляется третий план — голос самого Достоевского, который наделяет князя Мышкина не столько собственными взглядами, сколько своим восприятием и своей сокровенной эмоциональностью.

Рецепция Достоевского в Латинской Америке стала темой нескольких докладов. ***Анастасия Белоусова*** (Национальный университет Колумбии) представила панораму восприятия русского писателя в колумбийской культуре — от первых упоминаний в журнале “Los Nuevos” в 1920-е гг. до недавних постановок в «Театро Либре де Богота». Среди выделенных вех: адаптация «Преступления и Наказания» в воскресном радиотеатре (регулярной театральной постановке для радио) Бернардо Ромеро Лосано (1953); адаптированный перевод этого романа для школьной аудитории, выполненный колумбийским писателем и переводчиком Сельничем Вивасом Уртадо (1993); первые прямые переводы, предпринятые в Колумбии Франсиско Монтаньей Ибаньесом в 1990–2000-е гг.; популярная книга колумбийского переводчика и эссеиста Генри Луке Муньоса «Федор Достоевский: ставка на душу» (“Fiódor Dostoievski: apuesta por el alma”, 2005); и, наконец, постановки в «Театро Либре де Богота» под руководством Рикардо Камачо («Преступление и Наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот»). А. Белоусова показала, как творчество Достоевского неожиданно вступает в диалог с колумбийской культурой, что приводит к нестандартным прочтениям его текстов и неожиданным смысловым сдвигам.

Присцила Насименту Маркес (Университет Рио-де-Жанейро, Бразилия) обратилась к малой прозе Достоевского, которая часто остается в тени его монументальных романов — так называемых «пяти слонов» (как в Бразилии традиционно именуют «Великое пятикнижие» писателя). Она отметила, что в бразильской рецепции особое внимание уделяется рассказам и повестям, в том числе в работах Бориса Шнайдермана («Господин Прохарчин»), Пауло Безерры («Двойник») и Фатимы Бьянки («Кроткая» и «Хозяйка»). В центре доклада — анализ сна и реальности в ранних произведениях («Петербургские хроники», «Белые ночи», «Слабое сердце», «Петербургские сновидения в стихах и прозе»). На лексическом уровне и через систему персонажей в этих текстах показан переход между состояниями сознания и грез. Это позволяет проследить эволюцию типа «мечтателя» у Достоевского, а само исследование, по мнению Маркес, дает ключ к пониманию его «реализма в высшем смысле».

Херонимо Перейра (Университет Буэнос-Айреса, Аргентина) посвятил свой доклад первому сравнительному исследованию «Подростка» Достоевского и «Злой игрушки» Роберто Арльта как романов воспитания, проанализировав параллели в судьбах главных героев, сквозные темы денег, предательства и самоубийства.

Группа исследователей под руководством ***Анастасии Белоусовой*** (Национальный университета Колумбии) вынесла на обсуждение коллективный доклад о чтении «Подростка» студентами этой страны — они соотносили этот текст как с современной реальностью, так и с другими литературными и художественными текстами.

Латиноамериканские исследования выявили не только устойчивый интерес к переводам и рецепции Достоевского, но и насущную потребность переосмыслить его присутствие в местном культурном контексте.

Азиатские исследования: методологические эксперименты и межкультурные параллели

Азиатские исследователи — из Китая, Японии, Кореи и Турции — представили доклады, демонстрирующие впечатляющее разнообразие методологических подходов: от цифровых гуманитарных наук до сравнительного изучения рецепции в разных культурах.

Инновационный доклад сделала ***Лю На*** (Тяньцзиньский педагогический университет, Китай) «Исследование жизни и творчества Ф. М. Достоевского в контексте цифровых гуманитарных наук». Исследовательница предложила трехуровневую модель анализа: «инфраструктура данных, алгоритмическая обработка и гуманитарная интерпретация», которая открывает новые перспективы для преодоления методологических ограничений традиционного литературоведения.

Дживон Джун (Северо-Западный университет, США/Корея) в докладе «"Ты говоришь как по-писаному": язык, субъектность и самосозидание в "Записках из подполья"» поставила вопрос о том, что делает человеческий язык подлинно человеческим в эпоху ChatGPT, показав эволюцию подпольного человека от заимствования чужих мыслей к выражению себя через собственный голос.

Кодай Мачида (Университет Васэда, Япония) исследовал рецепцию писателя через карманные (106×173 мм) популярные издания «синсё», показав, как японские ученые использовали этот формат для доступного представления писателя, акцентируя темы греха, болезни, сексуальности или связывая его слова с современными проблемами.

Сатоси Бамба (Университет Ниигата, Япония) обратился к роли фотографии в иконографии Достоевского, показав, что фотография через обобщающий взгляд выступает как посредник между западным искусством и православной иконой.

Тэцуо Мотидзуки (Университет Хоккайдо, Япония) в докладе «Тема сибирской ссылки в "Записках из Мертвого Дома" и "Воскресении"» провел систематическое сравнение двух произведений, представляющих начало и завершение XIX в. в литературе о сибирской ссылке. Исследователь подчеркнул, что оба произведения сближает «евангельская» перспектива в подходе к вопросам преступления и наказания.

Турецкая исследовательница ***Хюлья Арслан*** провела параллели между романом Достоевского и турецкой литературой эпохи модернизации (Якуб Кадри, Пеями Сафа), где образ отца служит барометром всего общества. Ее коллега ***Сабри Гюрсеш*** (Университет Ускюдар, Турция) показал, что каждый перевод создает своего Достоевского, и именно множественность этих образов в разных культурах формирует ту мировую литературу, которую мы знаем.

Китайский исследователь ***Чжоу Цичао*** (Чжэцзянский университет) в докладе «Образ симбиоза сознаний: открытие художника Ф. Достоевского на примере Ивана в "Братьях Карамазовых"» выделил три этапа развития литературных образов: статичный двухмерный (одна доминирующая черта), динамичный трехмерный (эволюция характера) и симбиотический многомерный, который он считает главным открытием Достоевского. На примере Ивана Карамазова показано, как в одном сознании сосуществуют несовместимые состояния: гуманистический бунт против страданий детей, богоборческая идея «человекобога», сострадание, подлое сознание, подстрекающее к убийству отца, гордое принятие страданий и циничное отрицание границ добра и зла. Это мучительное смешение — проявление «карамазовской широты», способности вместить одновременно бездну идеалов и бездну падения. По мысли автора, Достоевский через симбиотический образ показывает современную личность перед лицом экзистенциального выбора (Бог или «человекобог») и этического конфликта, что и составляет суть его «открытия человека в человеке».

Ю Хан (Гуансийский педагогический университет, Китай) проанализировала, как философия воспитания немецких романтиков отразилась в «Подростке»: Аркадий Долгорукий под влиянием эмоционального опыта движется от одиночества к коллективной соборности, от изолированного существования к единству с другими.

Гун Цинцин (Чжэцзянский университет иностранных языков, Китай) исследовала диалог Достоевского с русским прозаиком В. С. Маканиным, продемонстрировав, как Маканин развивает темы из романов Достоевского (убийство, нищета, смерть), но создает собственный образ подпольного человека — изменившегося в новых исторических условиях.

Азиатские исследования показали, что творчество Достоевского становится полем для методологических экспериментов и межкультурного диалога.

Североамериканские исследования: от цифровых методов до педагогических стратегий

Североамериканские исследователи — из США и Канады — охватили широкий спектр подходов: от философского анализа и психоаналитических интерпретаций до цифровых методов и педагогических стратегий. Их доклады отличались методологической рефлексией и вниманием к современным интерпретационным стратегиям.

Ирина Мейер (Университет Нью-Мексико) в докладе «Массовые убийцы как подпольные люди XXI в.» предложила смелое сопоставление современных виновников массовых убийств в учебных учреждениях с героем Достоевского — «подпольным человеком». Она сравнила дневники и записки убийц в Колумбайне, Вирджинском политехническом институте и Колорадо с произведениями «Записки из подполья», «Преступление и Наказание» и «Бесы» и показала, что преступники выстраивают в своих головах замкнутые, самодостаточные системы добра и зла, в которых нет места чужому голосу или сомнению. В отличие от этого, герои Достоевского, даже совершая ужасные поступки, все равно остаются открытыми для диалога, спора и внутреннего конфликта, что не дает их личности окончательно «закрыться» и превратиться в монстра.

Эдита Бояновска (Йельский университет) предложила радикально пересмотреть контекст «Записок из Мертвого Дома», поместив его в журнальную среду «Времени» (1861–1862). Исследовательница показала, как журналистское окружение проясняет скрытые аллюзии и расширяет наше понимание национальных и имперских тем произведения.

Октавиан Габор (Методистская школа) подчеркнул различие между юридической и нравственной истиной в исповеди Раскольникова: то, что происходит в ходе следствия, и то, что происходит в исповеди, раскрывает две разные «истины» о преступнике — юридическую и нравственную.

Алина Уайман (Новый колледж Флориды) проследила эволюцию метафизического бунтаря — от Кириллова к Карамазову.

Виктория Джуарян (Университет Джонса Хопкинса) обратилась к музыкальным, театральным и кинематографическим адаптациям. Исследовательница проанализировала оперные версии («Игрок» С. С. Прокофьева, «Идиот» М. Вайнберга, «Из Мертвого Дома» Л. Яначека), фильм Акиры Куросавы «Идиот» (1951) и современную экранизацию «Братьев Карамазовых». Исследовательница показала, что музыка, театр и кино — это не просто средства переноса текстов Достоевского на другой язык, а интерпретативные практики, раскрывающие перформативные и звуковые измерения, уже имманентно присущие в его прозе.

Внимания заслуживает Круглый стол «Педагогика любопытства: преподавание больших романов Достоевского» под руководством ***Робина Фойера Миллера*** (Брандейский университет) с участием ***Кэрол Аполлонио*** (Университет Дьюка), ***Кэтрин Бауэрс, Любови Гольбурт*** (Калифорнийский

университет в Беркли), ***Кейт Холланд*** и ***Энн Лоунсбери*** (Нью-Йоркский университет). Участники обсуждали, как преподавать Достоевского в эпоху кризиса гуманитарных наук и активного внедрения ИИ, сохраняя для студентов живость и актуальность его романов.

В североамериканских исследованиях Достоевский остается актуальным в осмыслении самых острых проблем современности — от психологии массовых убийств до педагогических стратегий в цифровую эпоху.

Европейские исследования: философия, переводы, межкультурный диалог

Европейское достоеведение было представлено на симпозиуме исследователями из Италии, Испании, Великобритании, Франции, Германии, Польши, Хорватии, Болгарии, Венгрии, Сербии и других стран. Их доклады охватили широкий спектр проблем — от поэтики и философии до истории рецепции и сравнительного анализа. Европейские исследователи традиционно сосредоточены на философских и религиозных аспектах творчества Достоевского, его месте в европейском культурном контексте и проблемах перевода.

Вопросы веры и философской антропологии заняли одно из центральных мест в программе выступлений европейских исследователей. ***Каталин Кроо*** (Университет Этвёша Лоранда, Венгрия) раскрыла поэтику музыкализации и визуализации-театрализации в «Преступлении и Наказании». ***Стефано Алоэ*** (Università di Verona, Италия) рассмотрел мифотворческий потенциал швейцарского топонима «Ури» в произведениях Достоевского. ***Джулия Гиганте*** (Свободный университет Брюсселя, Бельгия) проанализировала функцию улыбки в системе персонажей Достоевского. ***Корнелия Ичин*** (Белградский университет, Сербия) исследовала диалог скульптора Эрнста Неизвестного с Достоевским. ***Тамара Джерманович*** (Universidad Pompeu Fabra, Испания) провела параллели между Достоевским и Дон Кихотом.

Рецепция Достоевского в Европе и проблемы перевода были представлены в ряде докладов. ***Вазилиса Шливар*** (Белградский университет, Сербия) сопоставила Достоевского и современного писателя Анатолия Рясова, сосредоточившись на образе юродивого и его внутреннем раздвоении в творчестве обоих авторов. ***Зорка Шливанин*** (Белградский университет, Сербия) в докладе о рецепции Достоевского в Греции межвоенного периода обратилась к переводам «Игрока»: в центре ее внимания оказались переводческие трудности и полемика вокруг этого романа в греческой критике. ***Джузеппе Гини*** (Университет Урбино, Италия) в своем докладе обратился к переводчикам «Братьев Карамазовых» и их библейскому «пред-суждению» — исследователь показал, как конфессиональная принадлежность и религиозные установки переводчиков влияют на их переводческие решения. ***Александр Распопов*** (Университет Адама Мицкевича, Польша) и ***Ирена Микулацо*** (Университет Пулы, Хорватия) представили совместный доклад о переводах

«Подростка» на польский и хорватский языки, выявив универсалии этих переводов. ***Наталия Няголова*** (Великотырновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия, Болгария) в докладе о спектакле «Подросток» Виктора Тихоновича исследовала интермедиальный аспект болгарской сценической интерпретации романа. ***Людмил Димитров*** (Софийский университет, Болгария) провел тройственное сопоставление Достоевского, Пушкина и Толстого.

Историко-культурные исследования были представлены докладами исследователей из Миланского университета. ***Дамиано Ребекини*** и ***Раффаэлла Вассена*** рассказали о присутствии Достоевского в итальянской культуре и русских иллюстрированных журналах. ***Сергей Подсосонный*** (Варшавский университет, Польша) показал рецепцию «Подростка» в Польше. ***Хуан-Себастьян Моранта*** (Университет Касселя, Университет Людвига-Максимилиана в Мюнхене, Германия) исследовал резонансы Достоевского у Кафки. ***Жорди Морильяс*** (Университет Любека, Германия) предложил методологическую рефлексию о прочтении Достоевского и Ницше. В докладе ***Ясмины Войводич*** (Загребский университет, Хорватия) «А тут человек ходит во фраке. Об одеянии в "Подростке" Ф. М. Достоевского» была проанализирована семантическая роль одежды: исследовательница показала, что костюм в романе — не просто деталь быта, а важный смысловой код, через который раскрываются характеры и социальные связи героев.

Достоевский по-прежнему остается живым участником европейского культурного диалога и в XXI в., а каждая национальная культура находит в его творчестве нечто свое, актуальное в ее историческом и интеллектуальном опыте.

Российские исследования: текстология, поэтика, рецепция и цифровые методы

Российская школа достоеведения на симпозиуме в Аргентине была представлена масштабно: прозвучало двадцать докладов, объединенных в несколько тематических блоков и выполненных (по бóльшей части) в рамках крупных проектов, поддержанных Российским научным фондом. Исследования охватили текстологию, источниковедение, биографию, поэтику, герменевтику, религиозную философию, цифровые методы — столь широкий спектр направлений подтвердил, что российская школа продолжает задавать высокую планку в изучении Достоевского, оставаясь открытой к междисциплинарным диалогам и новым прочтениям.

Ольга Захарова (ПетрГУ) представила фундаментальное исследование редакторской деятельности Достоевского в еженедельнике «Гражданин». Исследовательница показала, что это издание до сих пор остается в тени не только романов, но и публицистики писателя. Общий объем отредактированных Достоевским текстов составляет 297,9 печатных листов — эквивалент десяти полноценных томов собрания сочинений. В своем выступлении

О. Захарова проанализировала, как Достоевскому удалось за год превратить одиозное издание в авторитетный интеллектуальный журнал и рассказала о его редакторских приемах. В завершение она анонсировала подготовку трехтомного издания «Гражданина» периода, когда его редактором был Достоевский.

Даниил Июдин (ПетрГУ) проследил, как на страницах «Гражданина» развернулась важная дискуссия о славянофилах и славянофильстве, показав, что переоценка этого течения, произошедшая во многом благодаря Достоевскому, впоследствии проявилась в его Пушкинской речи, где поэт был назван «всечеловеком» и поставлен в один ряд с Хомяковым, Самариным и Аксаковыми.

Дарья Бучнева (ПетрГУ) представила результаты применения цифровых методов к атрибуции анонимных и псевдонимных публикаций в «Гражданине» — факторного анализа, методов машинного обучения, «Леса решений».

Цикл докладов был посвящен локальным текстам Достоевского. ***Валентина Борисова*** (ГМИРЛИ им. Даля, МГЛУ) предприняла масштабную реконструкцию «московского текста» как единства топографических, ландшафтных, исторических, культурных и языковых составляющих. ***Сергей Шаулов*** (ГМИРЛИ им. Даля) проследил, как реалии московского детства и юности Достоевского отразились в романе «Подросток», и провел параллели с романом Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин». ***Мария Шаулова*** (МГЛУ) рассмотрела полемику Достоевского в романе «Игрок» с французской газетой “Opinion nationale”.

Людмила Сараскина (ГИИ МК РФ) посвятила выступление ключевой для Достоевского теме нелюбви Европы к России, пронизывающей его публицистику и романные диалоги. Исследовательница показала, как Достоевский развивает пушкинскую мысль: Европа никогда не любила Россию и всегда готова была на нее ополчиться, признавая за ней лишь голую силу. Однако парадокс в том, что, несмотря на это отторжение, Европа остается для русского человека «страной святых чудес» — источником науки, культуры и гражданственности, без которого немыслима сама русская жизнь. Русскому не стыдно любить Европу: «У нас — русских, две родины: наша Русь и Европа», — процитировала Достоевского автор доклада. Именно в этом противоречии, по ее словам, рождается «центральное интеллектуальное переживание» эпохи: мучительный поиск таинственного смысла истории и особой всечеловеческой миссии России, призванной синтезировать западные идеи с национальной почвой.

Татьяна Ковалевская (РГГУ) рассмотрела мистическое Тело Христово и принцип мимикрической поэтики в творчестве Достоевского. В докладе рассматривалась идея «всечеловека» у Достоевского — единства всех людей во Христе, когда каждый связан со всеми любовью и ответственностью. Эта мысль восходит к апостолу Павлу и блаженному Августину, а в романе «Братья Карамазовы» она выражена в словах старца Зосимы («всё как океан»)

и в состоянии Алеши, который хочет простить всех и просить прощения за всех. Но у Достоевского, по мнению автора исследования, любое светлое утверждение имеет своего темного двойника: наряду с «всечеловеком» существует «общечеловек» — попытка создать единство людей без Бога (это различие прояснилось у писателя после знакомства с книгой Данилевского «Россия и Европа»). Так Достоевский заставляет читателя не путать подлинное духовное единство с его ложной подделкой и учит различать, где истина, а где только ее подобие.

В связи со 150-летием романа «Подросток» российские ученые представили серию докладов, посвященных его поэтике, философии и рецепции. ***Владимир Захаров*** продолжил давнюю дискуссию о художественной природе и философском смысле идей в романах Достоевского. Он показал, что идею Аркадия Долгорукого часто ошибочно сводят к формулам «скопить миллион», «стать Ротшильдом». На самом деле идея героя допускает любые уклонения: можно скопить «миллионы», раздать их людям и, став нищим, оказаться «вдвое богаче Ротшильда». Можно ничего не копить — и при этом оставаться верным своей идее. В романе Аркадий проживает целый «цикл идей», которые принимают разные имена: «миллион», «угол», «скорлупа», «игра», «женщины», «университет», но в них есть общий смысл — самостоянье человека.

Иван Есаулов (Литинститут, МГИМО, РХГА) обратился к корневой морфеме «рост» в названии романа, отсылающей к незавершенности героя. Есаулов показал, что Аркадий не мыслит себя Подростком, но читатель видит его именно таковым. Конфликт разворачивается между потенциальным эстетическим завершением образа и реальной этической незавершимостью личности и самой жизни.

Павел Фокин (ГМИРЛИ им. Даля) представил социальный эксперимент как ключевой художественный инструмент в романах Достоевского, причем «Подросток» занимает здесь особое место: сам роман построен как эксперимент — зрелый писатель пишет от лица юноши, впервые взявшегося за перо, а герой проверяет свою «идею» на практике. Однако социальный эксперимент у Достоевского всегда опасен: экспериментатор не контролирует все обстоятельства, может сам попасть под их давление, а его действия оборачиваются насилием над теми, кто живет «живой жизнью». В основе романного конфликта — противостояние двух экспериментаторов, Аркадия и Версилова. Достоевский через этот конфликт демонстрирует, что всякий жизненный эксперимент несет этическую нагрузку и невозможен без личной ответственности, а его итогом неизбежно становятся трагические последствия для всех участников.

Гузель Черюкина поставила вопрос о главном герое «Братьев Карамазовых». В отличие от других романов пятикнижия, где главный герой очевиден (Раскольников, Мышкин, Ставрогин, Долгорукий), в «Братьях Карамазовых» такого героя нет — их несколько. Г. Черюкина показала, что Дмитрий

проигрывает братьям в идейном плане, но именно он является двигателем сюжета: конфликт с отцом, суд, ложное обвинение. Однако главное — параллельно с внешним сюжетом разворачивается духовное перерождение Дмитрия, его эволюция от «насекомого» к мытарю, принимающему страдание. Именно Дмитрию автор вкладывает в уста ключевые формулы о широте человеческой натуры и борьбе в сердце людей Бога с дьяволом.

Елена Гальцова (ИМЛИ РАН) проанализировала три французских перевода «Подростка» (1902, 1934, 1998) и их рецепцию во Франции и России. ***Татьяна Коротченко*** (ТГУ, ТПУ) рассмотрела три англоязычных перевода «Дневника Писателя» (Б. Л. Бразоль, К. Ланц, Г. Морсон).

Вадим Полонский (ИМЛИ РАН) выделил этапы западной рецепции Достоевского: первый (первая пол. — сер. 1880-х гг.) — время дефектных адаптаций; второй (сер. 1880-х — конец XIX в.) — формирование устойчивых стереотипов о России и «русской душе»; третий (рубеж XIX–XX вв. и далее) — восприятие Достоевского как «модерного классика», предложившего антропологическую модель, адекватную тотальному цивилизационному кризису.

Игорь Волгин (МГУ) реконструировал картину взаимоотношений писателя с государством. Волгин рассмотрел особенности писательского дебюта, стратегию и тактику Достоевского в процессе петрашевцев, поведение на следствии, отношения с властью в период каторги и ссылки, обстоятельства его «политической реабилитации» в 1860–1870-е гг.

Екатерина Волгина (Фонд Достоевского) обратилась к влиянию физического состояния писателя на его литературное творчество. Особое внимание было уделено тому, как отдельные признаки душевной и физической природы писателя отразились на характерах героев — от Макара Девушкина до братьев Карамазовых и Смердякова.

Елена Степанян обратилась к особенностям литературного портретирования у двух классиков — Пушкина и Достоевского. Традиционный литературный портрет в русской словесности XIX в. строился на пластических характеристиках и назывался «живописным». Пушкин, однако, создает «суггестивный» портрет, основанный на динамическом контуре личности. Достоевский не является прямым наследником Пушкина, однако он также следует динамическому принципу: его герой показан с разных сторон, а противоречивые портретные детали создают у читателя неоднозначное ощущение.

Анна Григорьевна Достоевская: к 180-летию со дня рождения

Особенностью XIX Симпозиума Международного общества Достоевского стало беспрецедентное внимание к личности и наследию Анны Григорьевны Достоевской (1846–1918) — жены, секретаря, стенографистки, издателя, библиографа и первого биографа писателя. 2026 г. ознаменован

180-летием со дня ее рождения, и это событие нашло отражение в целом ряде докладов, представленных исследователями из России, Бразилии, США. Анна Григорьевна, долгое время остававшаяся в тени своего гениального мужа, на этом симпозиуме предстала как самостоятельная фигура, чья роль в сохранении и популяризации наследия Достоевского, а также ее собственный литературный и профессиональный вклад заслуживают пристального изучения. Доклады, посвященные ей, охватили широкий спектр тем: от текстологического анализа переписки до истории мемуаров, профессиональной деятельности и психоаналитической рецепции.

Ирина Андрианова (Музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге, ПетрГУ, Россия) в докладе «Переписка Федора и Анны Достоевских (1866–1880): перспектива нового издания и проблемы перевода» поставила актуальную задачу подготовки нового издания переписки. Оно должно включить все сохранившиеся письма, исправить ошибки предыдущих публикаций, дополнить комментарии и привлечь материалы из записных тетрадей Анны Григорьевны, где сохранились список и краткое содержание ее писем к мужу за 1871–1874 гг. (сами письма были ею уничтожены). Второй важной задачей И. Андрианова назвала перевод переписки на иностранные языки. Исследовательница подчеркнула, что каждое письмо — это лексически и стилистически насыщенный текст, акт самопознания и познания личности супруга, тесно связанный с ответным письмом. Это требует от переводчика не только безупречной языковой интуиции, но и пристального внимания к тексту, деликатности в обращении с деталями и глубокого понимания специфики эпистолярного текста.

Хулия Патео (Университет Сан-Паулу, Бразилия) посвятила свой доклад мемуарам Анны Григорьевны Достоевской, рассмотрев их в контексте женской мемуарной традиции дореволюционной России. Исследовательница показала, что Анна Григорьевна — не исключение, а часть целого поколения русских писательниц, обратившихся к этому жанру (среди них как ее современницы, так и более ранние авторы — Екатерина Дашкова, Надежда Дурова и другие). Х. Патео обратила внимание на любопытный парадокс: сама А. Г. Достоевская во введении подчеркивала отсутствие у себя литературного таланта и не хотела считаться писательницей, однако ее мемуары — это полноценное литературное произведение, которое требует серьезного изучения.

Ирина Рейфман (Колумбийский университет, США) в сравнительном докладе о Софье Толстой и Анне Достоевской показала, что обе жены помогали мужьям в творческой работе (переписка черновиков, стенографирование, корректура, издание собраний сочинений, работа с архивами), однако масштаб и характер их деятельности существенно различались. Софья Толстая, имевшая педагогическое образование, применяла свои навыки преимущественно в семье. Анна Достоевская, напротив, вышла за

пределы семейного круга: она занималась книготорговлей, общалась с подписчиками «Дневника Писателя», издавала сочинения, собирала архив, составляла каталоги и библиографию, став профессиональным издателем, библиографом и архивистом.

Елена Федорова (ЯрГУ, ПетрГУ, Россия) в докладе «Федор Михайлович и Анна Григорьевна Достоевские в журнале "Исторический Вестник" (1881–1917)» исследовала, как образ писателя и его семьи формировался на страницах одного из ведущих исторических журналов дореволюционной России. Исследовательница выделила основные направления сотрудничества Анны Григорьевны с редакцией и основателем журнала С. Н. Шубинским: подготовка материалов о Достоевском, публикация его произведений, поддержка Школы имени Достоевского в Старой Руссе и создание детских сборников.

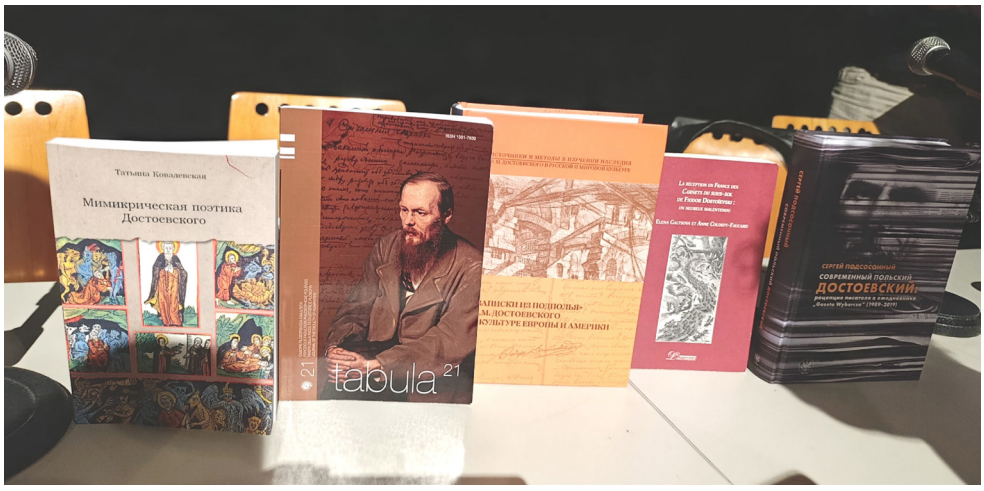
Элизабет Блейк (Университет Сент-Луиса, США) в докладе «Диалог Андре Жида и Зигмунда Фрейда о творческом процессе Достоевского» показала, как мемуары Анны Достоевской стали важнейшим источником для формирования западной рецепции писателя. Э. Блейк продемонстрировала, что именно мемуары Анны Григорьевны, опубликованные в 1926 г. во французском переводе, стали источником для ошибочного наблюдения З. Фрейда, которое легло в основу его текста «Достоевский и отцеубийство» (1928): будто бы начало эпилепсии Достоевского совпало с убийством его отца.

Сергей Кибальник (ИРЛИ РАН, СПбГУ, Россия) в докладе «Тайна Андрея Версилова и Софьи Андреевны: Достоевский и Толстой» обратился к интертекстуальному диалогу Достоевского с Толстым в «Подростке» и предположил, что Софья Андреевна Долгорукая наделена чертами, отсылающими к личности А. Г. Достоевской.

На XIX Симпозиуме Международного общества Достоевского А. Г. Достоевская предстала не как «тень великого мужа», а как самостоятельная историческая и литературная фигура, чей вклад в русскую культуру многообразен и значителен. Доклады из разных стран охватили многие ключевые аспекты ее деятельности: текстологию и издательское наследие, женскую мемуаристику, профессиональную самореализацию, конструирование культурной памяти и психоаналитическую рецепцию Достоевского, а также проблему художественного преломления ее личности в образах романов писателя. 180-летний юбилей Анны Григорьевны стал поводом для переосмысления ее места не только в биографии Достоевского, но и в истории русской литературы и культуры в целом.

В рамках научной программы симпозиума состоялись презентации новых книг и исследовательских проектов, подведение итогов конкурса короткометражных фильмов «5-минутный Достоевский». Организационные вопросы были вынесены на Генеральную ассамблею: участники заслушали отчет президента IDS Стефано Алоэ (Италия) и почтили память ушедших

из жизни членов Общества: Хорста-Юргена Герigка (Германия), Д. А. Достоевского (Россия), Н. Ф. Буданову (Россия), Б. Н. Тихомирова (Россия), Т. П. Баталову (Россия) и Арпада Ковача (Венгрия). Было решено, что следующий, XX Симпозиум состоится в 2029 г. в Стамбуле — городе, который Достоевский всегда мечтал посетить, но так и не увидел.

Илл. 9. Некоторые издания членов IDS, представленные на презентации

Fig. 9. Some editions by IDS members presented at the event

XIX Симпозиум стал важной вехой международного достоеведения: он подтвердил, что творчество Достоевского продолжает оставаться источником новых смыслов и научных открытий в XXI в., а особенно актуальными сегодня становятся вопросы перевода, межкультурной рецепции и цифровых методов. Форум показал, что Достоевский — не только русский, но и всемирный писатель, чьи идеи находят глубокий отклик в культурах разных стран и континентов. Закономерно, что местом его проведения стала именно Аргентина, где Достоевского давно считают «своим». Симпозиум стал итогом вековой традиции изучения писателя и укрепил статус Аргентины как одного из ключевых центров мирового достоеведения.

TEXT, TRADITION, TRANSLATION
XIX Symposium of the
International Dostoevsky Society
June 15-20, 2026
Buenos Aires
Argentina

ТЕКСТ, ТРАДИЦИЯ, ПЕРЕВОД
XIX Симпозиум
Международного общества Достоевского
15-20 июня 2026
Буэнос-Айрес

Илл. (*10–23*). На XIX Симпозиуме Международного общества Достоевского в Буэнос-Айресе.
Фото И. С. Андриановой, С. Алоэ и Е. А. Федоровой

Fig. (*10–23*). At the XIX Symposium of the International Dostoevsky Society in Buenos Aires.
Photo by I. S. Andrianova, S. Aloe, and E. A. Fedorova

Список литературы

1. Гонсалес А. Достоевский в Аргентине, или О диалоге, недоразумениях и перспективах // Балтийский филологический курьер. 2007. № 6. С. 121–126 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20419215_63818948.pdf (28.06.2026). EDN: REVRKF
2. Морильяс Ж. Русский герой на аргентинской земле: восприятие, влияние и переводы Ф. М. Достоевского в Аргентине // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 198–224 [Электронный ресурс]. URL: http://litda.ru/images/2021-11/LDA-2021-11_198-224_Morillas.pdf (28.06.2026). DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-198-224. EDN: WJEEGG
3. Adsuar F., Dolores M. Roberto Arlt y el arte de ocupar la vidriera del café // Tonos. Revista electrónica de estudios filológicos. 2007. No. 13 (julio) [Электронный ресурс]. URL: https://www.um.es/tonosdigital/znam13/secciones/estudios_A_arlt.htm (28.06.2026).
4. Bolaño R. Entre paréntesis: ensayos, artículos y discursos (1998–2003) / ed. Ignacio Echevarría. Barcelona: Anagrama, 2004. 366 p.
5. D'Angelo B. La tentación de la utopía. La lectura arltiana de Dostoievski // Escritura y pensamiento. 2003. No. 12. P. 9–24 [Электронный ресурс]. URL: https://revistasinvestigacion.unmsm.edu.pe/index.php/letras/article/view/7603/6617 (28.06.2026).

References

1. González A. Dostoevsky in Argentina, or On Dialogue, Misunderstandings, and Perspectives. In: *Baltiyskiy filologicheskiy kur'er* [*Baltic Philological Courier*], 2027, no. 6, pp. 121–126. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20419215_63818948.pdf (accessed on June 28, 2026). EDN: REVRKF (In Russ.)
2. Morillas J. Russian Hero in Argentina: Reception, Influence and Translations of F. M. Dostoevsky's Work. In: *Literatura dvukh Amerik* [*Literature of the Americas*], 2021, no. 11, pp. 198–224. Available at: http://litda.ru/images/2021-11/LDA-2021-11_198-224_Morillas.pdf (accessed on June 28, 2026). DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-198-224. EDN: WJEEGG (In Russ.)
3. Adsuar F., Dolores M. Roberto Arlt y el arte de ocupar la vidriera del café [Roberto Arlt and the Art of Occupying the Café Window]. In: *Tonos. Revista electrónica de estudios filológicos,* 2007, no. 13 (July). Available at: https://www.um.es/tonosdigital/znam13/secciones/estudios_A_arlt.htm (accessed on June 28, 2026). (In Spain)
4. Bolaño R. *Entre paréntesis: ensayos, artículos y discursos* (*1998–2003*) [*In Parentheses: Essays, Articles, and Speeches* (*1998–2003*)]. Barcelona, Anagrama Publ., 2004. 366 p. (In Spain)
5. D'Angelo B. La tentación de la utopía. La lectura arltiana de Dostoievski [The Temptation of Utopia. The Arltian Reading of Dostoevsky]. In: *Escritura y pensamiento*, 2003, no. 12, pp. 9–24. Available at: https://revistasinvestigacion.unmsm.edu.pe/index.php/letras/article/view/7603/6617 (accessed on June 28, 2026). (In Spain)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрианова Ирина Святославовна, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (пер. Кузнечный, 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002); директор Международного центра изучения Достоевского Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5663-9140; e-mail: yarysheva@yandex.ru.

Irina S. Andrianova, PhD (Philology), Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary and Memorial Museum in St. Petersburg (per. Kuznechnyy 5/2, St. Petersburg, 191002, Russian Federation); Director of the International Center for the Study of Dostoevsky of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5663-9140; e-mail: yarysheva@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 30.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.07.2026
Принята к публикации / Accepted 16.07.2026
Дата публикации / Date of publication 31.07.2026

В оформлении обложки использован рисунок Даши Серебряковой, ставший эмблемой XIX Симпозиума IDS (Буэнос-Айрес, 2026).

The cover design features a drawing by Dasha Serebryakova that became the emblem of the 19th IDS Symposium (Buenos Aires, 2026).

Редакторы: И. С. Андрианова, Т. В. Панюкова, М. В. Заваркина, Л. В. Алексеева, Е. Н. Вяль, Ю. Д. Зирка
Компьютерная верстка: В. С. Зинкова, М. В. Заваркина, Е. Н. Вяль
Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:
185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. ПетрГУ

Address of the Editorial Staff:
185910, Russian Federation, Petrozavodsk,
33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University

Tel. +7(8142)719603
E-mail: poetica@post.com
http://unknown-dostoevsky.ru